

ISSN 3005-849X

ВАЗОРАТИ МАОРИФ ВА ИЛМИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН
Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон

МАҚАЛЛАИ ИЛМӢ-НАЗАРИЯВИИ
«АХБОРИ ДДҲБСТ»

Силсилаи илмҳои гуманитарӣ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ВЕСТНИК ТГУПБП»

Серия гуманитарных наук

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN
Tajik State University of Law, Business and Politics

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL
“BULLETIN OF TSULBP”

Series of Humanitarian Sciences

№2 (107), 2026

Хуҷанд – Khujand

Маҷаллаи «Ахбори ДДҲБСТ» аз соли 2000 на кам аз 4 маротиба дар як сол бо забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ нашр мешавад.

*Маҷалла дар Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон ба қайд гирифта шудааст
(Шаҳодатномаи №390 /МҚ-97 аз 17.12.2024)*

Маҷалла ба Рӯйхати маҷаллаҳо ва нашрияҳои илмӣ пешбари КОА-и ВМ ва ИФР (аз июни соли 2011; бознависӣ дар моҳи июни соли 2016, ҳамчунин солҳои 2018, 2022) ва КОА-и назди Президенти ҶТ (аз ноябри соли 2018), ки чопи муҳимтарин дастовардҳои илмӣ рисолаҳо барои дарёфти унвонҳои номзад ва докторони илм дар онҳо ҳатмӣ мебошад, дохил шудааст. Аз соли 2024 дар шакли электронӣ нашр мешавад.

Маҷалла ба Индекси иқтибоси илмӣ Русия (РИНЦ) ворид аст.

ҲАЙЪАТИ ТАҲРИР

Сармуҳаррир: Ҳомидзода Ф.М., доктори илмҳои таърих, профессор

Ҷонишини сармуҳаррир: Раҳимов Н.Т., доктори илмҳои таърих, профессор

Абдурашитов Ф.М., доктори илмҳои таърих, профессор; Азимова М.Н., доктори илмҳои филология, профессор; Бобоҷонова Р., доктори илмҳои филология, профессор; Гаффорӣ Н.У., доктори илмҳои таърих, профессор; Ғиёсов Н.И., номзоди илмҳои филология, дотсент; Искандаров К., доктори илмҳои таърих, профессор; Исомитдинов Ҷ.Б., номзоди илмҳои таърих, дотсент; Каримзода (Каримов) О.К., доктори илмҳои таърих, профессор; Катсев А.С., доктори илмҳои филология, профессор; Мирзоев Н.М., доктори илмҳои таърих, профессор; Мирзоюнус М. (Ҳоҷаева М.М.), доктори илмҳои филология, профессор; Муқимов М.А., доктори илмҳои филология, профессор; Нағзибекова М.Б., доктори илмҳои филология, профессор; Насриддинов Ф.А., доктори илмҳои филология, профессор; Олимҷонов М.О., доктори илмҳои филология, дотсент; Пирумишов Х.П., доктори илмҳои таърих, профессор; Салимов Р.Д., доктори илмҳои филология, профессор; Таймагамбетов Ж.К., доктори илмҳои таърих, профессор; Убайдулло (Убайдуллоев) Н.К., доктори илмҳои таърих, профессор; Ҳакимова Б.Н., номзоди илмҳои филология, дотсент (котиби масъул); Ҳасанов А.А., доктори илмҳои филология, профессор; Ҷӯразода (Ҷӯрабаев) Д.Х., доктори илмҳои таърих, профессор; Яъқубов Ю.Ё., доктори илмҳои таърих, профессор.

Журнал «Вестник ТГУПБП» основан в 2000 году, выходит не менее четырёх раз в год на таджикском, русском и английском языках

*Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан
(Свидетельство № 390/МДж-97 от 17.12.2024)*

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК МОН РФ (с июня 2011 года; перерегистрирован в 2016, 2018 и 2022 гг.) и в Перечень изданий ВАК при Президенте Республики Таджикистан (с ноября 2018 г.), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. С 2024 года журнал издаётся в электронном варианте.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Хомидзода Ф.М., доктор исторических наук, профессор
Зам. главного редактора: Рахимов Н.Т., доктор исторических наук, профессор
Абдурашитов Ф.М., доктор исторических наук, профессор; Азимова М.Н., доктор филологических наук, профессор; Бабаджанова Р., доктор филологических наук, профессор; Гаффори Н.У., доктор исторических наук, профессор; Гиясов Н.И., кандидат филологических наук, доцент; Джуразода (Джурабаев) Дж.Х., доктор исторических наук, профессор; Искандаров К., доктор исторических наук, профессор; Исомитдинов Ж. Б., кандидат исторических наук, доцент; Каримзода (Каримов) О.К., доктор исторических наук, профессор; Кацев А.С., доктор филологических наук, профессор; Мирзоев Н.М., доктор исторических наук, профессор; Мирзоюнус (Ходжаева) М., доктор филологических наук, профессор; Мукимов М.А., доктор филологических наук, профессор; Нагзибекова М.Б., доктор филологических наук, профессор; Насриддинов Ф.А., доктор филологических наук, профессор; Олимджонов М.О., доктор филологических наук, доцент; Пирумиоев Х.П., доктор исторических наук, профессор; Салимов Р.Д., доктор филологических наук, профессор; Таймагамбетов Ж.К., доктор исторических наук, профессор; Убайдулло (Убайдуллоев) Н.К., доктор исторических наук, профессор; Хакимова Б.Н., кандидат филологических наук, доцент (ответственный секретарь); Хасанов А.А., доктор филологических наук, профессор; Якубов Ю.Ё., доктор исторических наук, профессор.

The journal "Bulletin of TSULBP" has been issued no less than 4 times in a year in Tajik, Russian and English languages since 2000

The journal is registered in the Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan (Licence №390/ MJ-97 from 17.12.2024).

The journal has been in the List of leading scientific journals and periodicals of Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (since June 2011, re-registered in June 2016 and also in 2018, 2022), and in the List of Higher Attestation Commission publications under the President of the Republic of Tajikistan (since November 2018) which publishes the primary research outcomes of dissertations for receiving scientific degrees of Candidate or Doctor of science. Since 2024, the journal has been published in electronic form.

The journal is included into the Russian index of scientific citing (RISC)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: Homidzoda F.M., Dr. of History, Professor

Deputy editor-in-chief: Rakhimov N. T., Dr. of History, Professor

Abdurashitov F. M., Dr. of History, Professor; Azimova M. N., Dr. of Philology, Professor; Bobojonova R., Dr. of Philology, Professor; Djurazoda (Djurabaev) D.H., Dr. of History, Professor; Gaffori N.U., Dr. of History, Professor; Ghiyasov N.I., candidate of philological sciences, Associate Professor; Hakimova B. N., candidate of philological sciences, Associate Professor; Hasanov A. A., Dr. of Philology, Professor; Iskandarov K., Dr. of History, Professor; Isomiddinov Dj. B., candidate of historical sciences, Associate Professor; Karimzoda O.K. (Karimov), Dr. of History, Professor; Katsev A. S., Dr. of Philology, Professor; Mirzoyev N. M., Dr. of History, Professor; Mirzoyunus M., Dr. of Philology, Professor; Mukimov M. A., Dr. of Philology, Professor; Nagzibekova M. B., Dr. of Philology, Professor; Nasriddinov F. A., Dr. of Philology, Professor; Olimjonov M.O., Dr. of Philology, Associate Professor; Pirumshoyev Kh. P., Dr. of History, Professor; Salimov R. D., Dr. of Philology, Professor; Taimagambetov Zh.K., Dr. of History, Professor; Ubaydullo N. K., Dr. of History, Professor; Yokubov Yu. Yo., Dr. of History, Professor.

6.1 / 5.6 ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
6.1 / 5.6 ИЛМҲОИ ТАЪРИХ
6.1 / 5.6. HISTORICAL SCIENCES

6.1.1 / 5.6.1 ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ
6.1.1 / 5.6.1 ТАЪРИХИ ВАТАНӢ
6.1.1 / 5.6.1 HOME HISTORY

УДК 930.2

DOI 10.24412/3005-849X-2026-2-5-14

**ОТ СУЛТАНА ДО
ПРОСТОЛЮДИНА: КРУГ
ИНФОРМАТОРОВ
«МИНЕРАЛОГИИ»
АБУРАЙХОНА БИРУНИ
АЗ СУЛТОН ТО АВОМ:
ДОИРАИ АХБОРДЕҲОНИ
«МИНЕРАЛОГИЯ»-И
АБУРАЙҲОН БЕРУНӢ
FROM THE SULTAN TO THE
COMMONER: THE CIRCLE OF
INFORMANTS ABURAYKHON
BERUNI'S "MINERALOGY"**

Бобоев Юсуф Абдулхатович, канд. истор. наук, старший преподаватель кафедры истории и обществоведения ГОУ «Педагогический колледж ХГУ им. академика Б. Гафурова» (Худжанд, Таджикистан)

Бобоев Юсуф Абдулхатович, н.и.т, сармуаллими кафедраи таърих ва ҷомеашиносии МДТ «Коллеҷи омузгории ДДХ ба номи академик Б. Гафуров» (Хучанд, Тоҷикистон)

Boboev Yusuf Abdulkhatovich, candidate in History, senior teacher of the department of history and social studies under the SEI «Pedagogical College of KhSU named after academician B. Gafurov» (Khujand, Tajikistan) **e-mail:** yusuf_boboev@mail.ru

Собраны сведения информаторов, причастных к «Минералогии» Абурайхона Бируни. Подчеркивается, что, кроме единичных упоминаний, эта тема до сих пор оставалась вне поля зрения исследователей. Целью настоящей работы являются анализ и выявление значения сведений информаторов о драгоценных камнях и минералах, металлах и их сплавах при написании «Минералогии». Отмечается, что круг информаторов «Минералогии» чрезвычайно широк и включает султана, вельмож, послов, ученых, людей, связанных с обработкой драгоценных камней, ювелиров, гранильщикиков, рудокопов, торговцев, путешественников и мореплавателей. Приведены и рассмотрены сообщения всех без исключения названных категорий информаторов, выявлены основные вопросы, связанные с их сведениями. Особо указывается на обширность и разносторонность сведений главных информаторов Бируни, братьев Хасана и Хусейна, ювелиров из города Рея. Отмечается особое отношение Бируни к сомнительным рассказам и описаны способы их проверки на достоверность.

Ключевые слова: Абурайхон Бируни; «Минералогия»; минералы; драгоценные камни; металлы и сплавы; информаторы; братья Хасан и Хусейн из Рея; султан; ювелиры; гранильщики

Маълумоти ахбордеҳони «Минералогия»-и Абурайҳон Берунӣ гирд оварда шудааст. Зикр гардидааст, ки ба истиснои қайдҳои ҷудогона ин маъсала аз мадди назари муҳаққиқон берун мондааст. Мақсади кор таҳлил ва муайян кардани маълумоти ахбордеҳон роҷеъ ба санғҳои қимматбаҳо ва маъданҳо, филиззот ва хӯлаҳои онҳо ҳангоми навиштани «Минералогия» ба шумор меравад. Таъкид карда шудааст, ки доираи ахбордеҳони «Минералогия» хеле фарох

буда, султон, аширофзодагон, сафирон, олимон, ашхоси марбут ба коркарди санғҳои қиматбаҳо – заргарон, санғбуррон ва суфтагарон, кўҳканҳо, тоҷирон, сайёҳон ва баҳрनावардонро фаро мегирад. Бе истисно маълумоти ҳамаи ахбордеҳони номбурда чамъварӣ ва баррасӣ гардида, масъалаҳои асосие, ки онҳо фаро гирифтаанд, муайян карда шудаанд. Ҳаматарафа ва гунногунмазмун будани маълумоти ахбордеҳони асосии Берунӣ-бародарони заргар - Ҳасан ва Ҳусайн аз шаҳри Рай махсус таъкид карда шудааст. Муносибати хоссаи Берунӣ ба ҳикояҳои шубҳангез зикр шуда, усулҳои санҷиши дурустии онҳо тавсиф гардидаанд.

Калидвожаҳо: Абурайхон Берунӣ; «Минералогия»; минералҳо; санғҳои қиматбаҳо; филиззот ва хўлаҳо; ахбордеҳ; бародарон Ҳасан ва Ҳусайн аз Рай; султон; заргар; суфтагар

The article collects information from informants involved in Aburaykhon Beruni's "Mineralogy." It emphasizes that, aside from isolated mentions, this topic has remained largely unnoticed by researchers. The purpose of this work is to analyze and identify the significance of informants' information on precious stones and minerals, metals, and their alloys in the writing of "Mineralogy." It is noted that the range of informants in "Mineralogy" is extremely broad and includes the sultan, nobles, ambassadors, scholars, people associated with gem processing, jewelers, lapidaries, miners, merchants, travelers, and sailors. The reports of all these categories of informants are presented and examined, and the main issues related to their information are identified. Particular attention is paid to the extensive and diverse information provided by Biruni's main informants, the brothers Hasan and Husayn, jewelers from the city of Ray. Biruni's particular attitude toward dubious accounts is noted, and methods for verifying their veracity are described.

Key-words: Aburaykhon Beruni; "Mineralogy"; minerals; precious stones; metals and alloy materials; informants; brothers Hasan and Hussein from Rey; sultan; jewelers; graver

Тематика трудов Абурайхона Бируни чрезвычайно широка и посвящена большинству отраслей наук, известных в его эпоху. Характерной чертой многих его произведений является энциклопедичность. Почти во всех них, даже посвященных определенной науке, встречаются многочисленные экскурсы на разные темы, часто историко-культурологического характера. Об избрании такого метода преподнесения материала читателю, которому он следовал всю жизнь, Бируни сообщает в книге «Осор-ул-бокия», которая была закончена примерно в 1000 году: «Наша цель – избавить читателя от докучи. Ведь долгое изучение одного и того же вопроса вызывает скуку и нетерпение, если же [читатель] переходит от вопроса к вопросу, он как будто гуляет по различным садам – не успеет пройти одного сада, как уже начинается другой. И человек жаждет [увидеть] их [все] и желает посмотреть на них» [3, с. 98].

Одним из таких произведений является книга «Китоб-ул-джамохир фи маърифат-ил-джавахир» («Собрание сведений для познания драгоценностей»), известная под коротким названием «Минералогия». В ней собраны сведения об известных Бируни драгоценных камнях, минералах, металлах, сплавах минералов и сплавах металлов.

Как и подавляющая часть трудов Бируни, «Минералогия» написана на основе сведений из широкого круга источников, куда входят письменные труды разного характера, а также эмпирические и устные источники. Источникам, относящимся к «Минералогии», посвящена диссертация египетского ученого Мохаммеда Яхьи Хашими «Источники «Книги о камнях» Бируни» [12], которая, к сожалению, оказалась для нас недоступной. Подробнейший анализ источников для «Минералогии» содержится в работах А.М. Беленицкого [1, с. 404-412] и П.Г. Булгакова [7, с. 315-319].

Подчеркивая разнообразие источников для написания «Минералогии», А. Беленицкий писал: «...Бируни, прежде чем составить свою книгу, проделал исключительно большую работу по сбору материалов из всех доступных ему источников. В этом отношении сочинение Бируни оставляет впечатление современной научной работы. Это впечатление еще более усиливается благодаря тому, что Бируни дает одновременно и критическую оценку приводимого им источника в целом или отдельного конкретного сообщения» [7, с. 404-412].

В названных работах всестороннему анализу подвергнуты письменные источники для «Минералогии», в то время как эмпирическим и устным источникам уделено мало внимания. Во многих работах, затрагивающих тематику «Минералогии», имеются указания на эмпирические и устные источники для этого произведения. Однако названные источники для написания трактата Бируни до сих пор не являлись объектом отдельного исследования.

Эмпирические источники для «Минералогии» разносторонни и требуют отдельного целенаправленного исследования. Мы же поставили перед собой целью изучить устные источники для «Минералогии», точнее, сведения информаторов, которыми воспользовался Бируни при её написании. В одной из своих работ мы уже говорили, правда, коротко, об использовании Абурайхоном Бируни в «Минералогии» сведений информаторов в качестве этнологических источников [6].

В эпоху Бируни сведения информаторов играли не последнюю роль при создании исторических трудов и естественнонаучных произведений, как мы видим это на примере «Минералогии».

В современной исторической науке существуют различные категории классификации информаторов, обобщение которых указывает на следующие группы – эксперты, очевидцы, рядовые носители и интерпретаторы.

Для создания «Минералогии» Абурайхон Бируни воспользовался сведениями, полученными от всех перечисленных нами групп информаторов. Анализ сведений Бируни показал, что **преобладающее** большинство его информаторов относятся ко второй группе, то есть к экспертам. Экспертами, или специалистами, в нашем случае выступают представители разных специальностей, связанных с обработкой драгоценных камней и металлов, – ювелиры, гранильщики, кузнецы, мастера по обработке хрусталя и т.д.

Львиная доля сообщений информаторов из этой группы принадлежит братьям-ювелирам Хасану и Хусейну. Они не только информировали Бируни, но и снабжали его образцами минералов и сплавов. Как подчеркнул Г.Г. Леммлейн: «В Хорезме, в Рее и Газне, где Бируни жил подолгу, у него всегда завязывались знакомства с мастерами-ювелирами и торговцами драгоценными камнями. Особенно часто он ссылается на беседы с братьями ал-Хасаном и ал-Хусейном из Рея. Они, очевидно, давали ему образцы минералов для изучения. От них он получил множество ценнейших сведений о камнях» [10, с. 396].

Судя по сведениям Бируни, братья были уроженцами города Рея и ко времени написания «Минералогии» жили в Газне. Об этом свидетельствуют их четыре сообщения Абурайхону Бируни.

В первом они осведомили Бируни, что «...эмир Йамин ад-Даула Махмуд показывал им яхонт, похожий на виноградину, весом в двенадцать мискалей¹, и что они оценили его в двадцать тысяч динаров». - «[Эмир] подтвердил их [оценку], - продолжает их рассказ Бируни, - и сказал: «Этот яхонт принадлежал царю Таручанпалу, он отдал его в залог

¹ Мискаль (مِسْقَال) – традиционная мера веса (массы), который в зависимости от региона и времени варьировался от 3,5 гр. до 4,65 г. В приложении к «Минералогии» приведена цифра в 4,464 г. [4, с. 490].

одному купцу за четыреста тысяч дирхемов². И если бы он не стоил, по мнению царя, двадцати тысяч динаров³, то он не стал бы его выкупать» [4, с. 53].

В двух других сообщениях братьев-ювелиров, которые свидетельствуют об их проживании в Газне, говорится, что они видели в казнохранилище Махмуда Газневида узловатую жемчужину сорта «фуфилй», жемчужину, покрытую черными пятнами, косточку финика и косточку маслины. Часть косточки финика и косточки маслины превратилась в жемчуг, а другая часть осталась без изменения [4, с. 142,146].

Судя по их же словам, братья сотрудничали и с царевичем Масъудом: «И рассказывали братья [из Рея], что они купили для эмира-мученика Масъуда – да возвысит Аллах его степени за его мученическую смерть – в дни, когда он находился в Рее и в области Джабал, красный продолговатый яхонт в виде льва за семь тысяч нишапурских динаров. Утверждают, что это был камень «Джабал» и что это будто бы был тот [камень], которым владел Сийах — визирь брата Кабуса, а он взял его взамен своей доли [наследства] из имущества отца» [4, с. 142,146].

Вероятнее всего, здесь речь идет о нахождении Масъуда в Западном Иране в 1029-1030 гг., когда он в составе войск отца участвовал в захвате города Рея, а потом осуществил успешный захват города Исфохана и в начале 1030 года вернулся в Газну.

Помимо упомянутых камней из казнохранилища Махмуда Газневи и его сына Масъуда, Хасан и Хусейн сообщили Абурайхону Бируни ценную информацию об их стоимости, сортах и свойствах, проверке и обработке драгоценных камней и сплавов, их месторождениях и способах добычи.

Относительно размеров и веса крупных экземпляров драгоценных камней они сообщили Бируни, что не видели алмаза весом более трех дирхемов⁴, высшего по чистоте и цвету изумруда весом в пять дирхемов, о существовании «камня козла» весом до тридцати дирхемов [4, с. 86, 153, 191].

Что касается цен на драгоценные камни и металлы, то братья из Рея поведали Бируни, что цена алмаза мелкими зернами весом в один дирхам – сто динаров, а цельного алмаза такого же веса – 1000 динаров, «камень козла» (безоар) весом от одного до тридцати дирхемов стоит от ста до двухсот динаров, а цена отдельных китайских фарфоровых сосудов доходит до десяти динаров [4, с. 86, 191, 197].

Исчерпывающими можно считать данные братьев о цене на жемчуг сорта «наджм»: «... цена жемчуга наджм, если зерно весит мискаль, равна тысяче динаров; цена жемчужины, которая весит $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ ($\frac{5}{6}$) мискаля, – восемьсот динаров; зерно весом в $\frac{2}{3}$ мискаля стоит пятьсот динаров, в $\frac{1}{2}$ мискаля – двести динаров, в $\frac{1}{3}$ – пятьдесят динаров, в $\frac{1}{4}$ – двадцать динаров, в $\frac{1}{6}$ – пять динаров, в $\frac{1}{8}$ — три динара и в $\frac{1}{12}$ мискаля — один динар; цена сорта «гулами» равна половине цены «наджм» [4, с. 115].

Другой областью сообщений братьев является информация о сортах драгоценных камней. Так, они называют тремя лучшими сортами наждака нубийский, затем цейлонский, называемый «зинджи», после него – индийский. Здесь же они упоминают о твердых, мягких и клейких сортах наждака. Они утверждали, что нубийский наждак твердый и годится

² Дирхем (درهم) – основная серебряная монета эпохи Бируни, вес которой составлял от 2,7 до 3,2 г. В приложении к «Минералогии» указана цифра в 2,97 гр.[4, с. 490].

³ Динар (دينار) – золотая монета Средневекового Востока (VII–XIII века). Стандартный вес составлял около 4,25 грамма чистого золота.

⁴ Дирхем (درهم) – традиционная мера веса, которая составляла примерно 3,125 гр.

исключительно для обработки драгоценных камней. В свою очередь цейлонский наждак мягкий и применяется для обработки мечей [4, с. 91].

Помимо сортов «наджм» и «гулями», ими упомянут жемчуг сортов «кульзуми», «китайский» и «фуфилй». К первому относился жемчуг сорта «хушоб» [4, с. 114, 152].

Рассказали братья и о сортах изумруда – «зулмани» (тёмно-зеленый), «райхани» (цвета базилика) и «силки» (цвета листьев свёклы). Эти сорта они считали самыми лучшими по чистоте и цвету [4, с. 151].

Хасан и Хусейн сообщили Бируни, что сорт «хуту» (рог носорога) определяется по его цвету. Так, лучшим его видом является переходящий от желтого к красному цвету «акраб» (скорпионовый), затем «кофурй» (камфарный), затем белый, затем абрикосовый, затем синеватый, затем «харданд» (цвета ослиных зубов) и последний – «фулфулй» (цвета перца) [4, с. 197].

По мнению братьев, к лучшим сортам китайского фарфора относились блюда цвета «мишмиш» (абрикосовый), после него цвета «ринд» (лавровый) и затем – поливного цвета [4, с. 197].

Информация о месторождениях и способах добычи драгоценных камней, металлов и сплавов также послужила материалом, которым братья снабдили Бируни. Они сообщили ему, что наждак сорта «зинджй» находят на дне рек Нубии, а мягкие и клейкие сорта во влажном и рыхлом виде находят в рудниках [4, с. 91-92].

И наконец, братья Хасан и Хусейн рассказали Бируни о методе определения наличия в камне изумруда, при котором искатели, усомнившись в камне, обмазывают его оливковым маслом, и если в нём имеется изумруд, то на нем проступают зеленые прожилки [4, с. 153].

Бируни опирался и на рассказы других ювелиров. Один раз он упоминает о ювелирах султана Махмуда, которые поведали ему, что видели бадахшанский лаъл весом более ста дирхемов [4, с. 76].

Еще несколько раз он ведёт повествование от имени неизвестных ювелиров. Учитывая характер информации, предоставленной Бируни ювелирами, мы склонны думать, что и здесь речь идет о ювелирах султана Махмуда или о ювелирах, имеющих доступ ко двору. В первом случае ювелиры утверждали, что не видели яхонта весом более полутора мискалей [4, с. 47]. Далее они познакомили Бируни с ценами на яхонты разных сортов. Вот что пишет по этому поводу Бируни с их слов: «Они говорят: цена мискаля яхонта цвета «бахраманй», который они считают на одну ступень ниже гранатового, равна восьмистам динарам, пурпурного — пятистам динарам, цвета мяса и цветков граната — по сто динаров. Близка к ним цена чисто розового. Иногда встречаются куски яхонтов разных сортов, исключая гранатовый, которые весят от двадцати до тридцати мискалей» [4, с. 49].

Во втором случае ювелиры поведали Бируни, что высшим сортом бирюзы считается «...твердый, плотный, с густой окраской, гладкий, с блестящей поверхностью, затем — молочный, называемый «ширфам». Однако, по мнению других информаторов Бируни, лучшим сортом бирюзы считался «ширфам», после него следовал сорт, имеющий превосходный небесный цвет. Эти оба сорта считались основными видами бирюзы, а остальные – их ветвями [4, с. 158].

Немало информации предоставили Бируни и отдельные ювелиры. Говоря о существовании лаъллов, частично окрашенных в красный цвет и частично – в желтый, Бируни пишет следующее: «Один ювелир рассказал, что попадаетея такой кусок лаъла, в котором соединяются цвета красный, желтый и зеленый, причем не в виде соединения различных [по цвету] кусков [в один], а путем слияния самой материи и смешивания красок, так что они [превращаются] по сути в один цвет» [4, с. 77].

Еще раз некий ювелир уведомил Бируни, что видел илякскую бирюзу весом в двести дирхемов и оценил её в пятьдесят динаров. Её цена ко времени общения ювелира с Бируни выросла до двухсот динаров. Причиной стало истощение Илякского рудника [4, с. 159].

Помимо ювелиров, в сообщениях Бируни фигурируют также гранильщики драгоценных камней. Он трижды апеллирует к сведениям, полученным от одного из них. Он несколько раз ссылается на слова некоего гранильщика. Так, говоря о выдержке яхонта разного цвета при согревании, Бируни приводит слова гранильщика-полировщика, что камень лаъл устойчив к огню и от постепенного разогревания и такого же постепенного остывания в тигеле, оставленном в печи, становится краше и чище. В данном случае ценность слов гранильщика заключается в описании процесса разогревания и охлаждения камня, который, как признается Бируни, он не испытывал и потому не смог проверить [4, с. 74].

Этот же гранильщик рассказывал Бируни об опыте одного знатного человека, который заключался во множественном прокалывании и согревании зеленого лаъла, в результате чего его цвет не изменился, а сам камень не испортился [4, с. 74]. На слова этого гранильщика Бируни ссылается еще раз, когда выражает удивление естественными формами хрустала: «Так, гранильщик, о котором я уже упоминал, рассказывал, что во время поисков копей лаъла в окрестностях Варзфанаджа, он нашел среди камней [куски хрустала], похожие на пешки нард и шахмат, восьмигранные и шестигранные, точно выточенные искусственно» [4, с. 74].

Скорее всего, от этого гранильщика Бируни записал информацию, что месторождение граната предшествует яхонту, наподобие того, как шириста является признаком присутствия лаъла [4, с. 174].

Выступает информатором Бируни и некий рудокоп. Он сообщил о многократном нахождении крупными кусками какого-то зеленого прозрачного камня вблизи рудника бирюзы в Нишапуре и о продаже его одному и тому же купцу, который приезжал туда раз в год. Еще этот рудокоп поведал Бируни о своем эксперименте с этим камнем, в ходе которого он натирал этим камнем железо. В результате натирания железо обрело красный цвет, который держался на нем неделю. Таким образом гранильщик понял, что имеет дело с купоросом [4, с. 58].

Наряду с информаторами, профессия которых указана, Бируни упоминает также сборщика податей. Он рассказал Бируни о своем соседе – заклинателе змей, с которым проживал по соседству в Мастабе Буста. Его змея погибла по беспечности его жены от воздействия лучей солнца [4, с. 195].

Не обделили Абурайхона Бируни информацией по интересующей его теме также торговцы, путешественники и мореплаватели. Торговцы знакомили его прежде всего с ценами на драгоценные камни. Как выражается Бируни, со слов «современных торговцев» он по порядку перечисляет следующие виды вставок в перстни из яхонта: «... гранатового цвета с густой окраской, чистая, свободная от таких пороков, как трещины, пятна, наросты, муть, и с гладкой ровной поверхностью, имеющая форму параллелепипеда, является лучшей из возможных форм, а затем следует [камень], имеющий форму лучка, нижней частью похожий на наковальню; такой камень считается обладающим самыми высокими качествами, и называется он «звездой» (наджм), хотя название «звезда» в качестве сравнения более подходит жемчугу» [4, с. 48].

Далее Бируни приводит их слова о стоимости камня «звезда», исходя из его веса. Из слов торговцев следует, что по мере возрастания веса камня его цена растёт непропорционально

и возникает ступенчатое ценообразование: «...Камень весом в один даник⁵, то есть в 1/6 мискаля, стоит тридцать динаров. При удвоении веса камня стоимость его увеличивается в четыре раза. [Камень] весом в полмискаля стоит четыреста динаров, в мискаль — тысячу динаров, в полтора мискаля — две тысячи динаров» [4, с. 48].

В другом сведении, приведенном торговцем драгоценностями, повествуется о наличии у царя Сарандиба (Цейлон) продолговатого куса яхонта в виде рукоятки ножа, весом в пятьдесят мискалей, который считался самым известным в ту пору крупным яхонтом [4, с. 51].

Общался Бируни и с заморскими купцами, рассказ одного из которых приведен в главе о свинце [4, с. 243-244]. Бируни также привел несколько рассказов со слов путешественников и мореплавателей. В одном из них говорится, что житель некоего острова на просьбу обменять на динар нужный рассказчику товар, рассмотрев его, понюхав и попробовав на вкус, вернул динар обратно и сказал, что не стоит оплачивать полезное тем, в чём нет никакой пользы [4, с. 3].

В другом рассказе некий мореплаватель повествует о вынужденном сходе на Джабал аль-Ахар, встрече с одним стариком-туземцем, который в обмен на всякие пряности отдал ему красный яхонт весом более одного мискаля, а во второй раз заплатил яхонтом весом в шесть мискалей. Затем он взял его за руку, привел к высохшему песчаному руслу и поведал, что эти камни (яхонты) приносят дождевые потоки [4, с. 44-45].

В главе о сере Бируни отмечает, что видел в руках некоего мореплавателя кусок вещества красного цвета с оттенком черного, размер которого был сродни человеческому кулаку, и, судя по словам последнего, это вещество привозили из Китая в Басру. Мореплаватель показал Бируни эксперимент, в ходе которого разогрел серебряный дирхем, расколол вещество на кусочки и положил кусок на монету, и вещество просверлило дирхем. Согласно мореплавателю, это вещество называлось красная сера и её покупателями были мастера, работающие с золотом [4, с. 92].

Рассказ другого путешественника описывает технологию изготовления кузнецами Синда меча из железа «нармохан» с использованием порошка даус (чугун) красноватого цвета и методом пайки в горне [4, с. 40].

В главе о янтаре Бируни со слов некоего путешественника, побывавшего на островах Софала аз-Зиндж, описал процесс добычи сока из дерева сандарус, в результате чего в застывшем соке обнаруживают все то, что в него попало, а именно – животных и прочее [4, с. 199].

Выступали информаторами Бируни и люди, которых он упоминает по их религиозной принадлежности. Как пишет Бируни, один «Алид» рассказал ему, что нашел среди мелких крупинок граната кусочки яхонта гранатового цвета, но очень мелкие, весом каждый меньше даника [4, с. 79]. Еврей-рабанит поведал ему, что видел у другого еврея камень, притягивающий золото, но тот не продал ему камень и за 50 динаров. Со слов некоторых магов (зороастрийцев) Бируни еще раз упоминает об их вере в то, что в горе Хамаванд был заключен Заххак и что дым, поднимавшийся из горы, – это его дыхание, а серная кислота, вытекающая из-под неё, – его моча [4, с. 79, 202, 92].

Иногда Бируни называет информаторов по месту их происхождения или жительства. Так, информацию об изобретении водолазами приспособления для устранения трудностей во время погружения в воду и его детальное описание ему предоставил некий житель Багдада. А один табаристанец привел ему рассказ о змее «базиликон». Говоря о находках золотой нити, Бируни приводит информацию, добытую им у индийцев из Кашмира. Согласно ей: «...в

⁵ Даник (دانق) – мера веса на Средневековом Востоке, равная, как указывает сам Бируни, 1/6 части мискаля и составлявшая примерно 0,75 гр.

стране Дардар, жители которой называются бахтаваран, иногда появляются на полях точно следы коровьих копыт, в которых находят тонкие куски золота низкой стоимости; они приписывают его быку Махадевы, главы ангелов, который приносит это в дар быку владельца поля. Животное во время пастбы или при пахоте поскользнется об него, и тогда оно обнаруживается. И так из частицы строится целое, хотя она и ничтожна» [4, с. 142, 89].

Насчет нахождения золотых нитей у Бируни есть рассказ со слов одного очевидца, который рассказывает о жителях горного села в Хуттале, которые, будучи лишены почти всех жизненных благ, живут там лишь благодаря нахождению золотых пластинок в виде яичной скорлупы или золотых нитей [4, с. 142, 89].

Кроме братьев Хасана и Хусейна, в «Минералогии» встречаются имена еще нескольких информаторов – реальных исторических личностей. Самым знаменитым из них является султан Масъуд Газневид. Эмир-мученик, как выражается о нем Бируни, подарил ему редкостные вещи, среди которых находился необычный камень, подробно им описанный. Султан Масъуд рассказал Бируни, что этот камень встречается где-то в окрестностях Наина вблизи Газны и находят его в те ночи, начало которых темное, то есть во второй половине месяца. Расспросы об этом камне Бируни, обратившегося к одному из жителей Индии, не только подтвердили слова султана Масъуда, но и выявили, что восточные индийцы отправляют эти камни в свои храмы [4, с. 170].

Другой известной личностью, выступившей в роли информатора для Бируни, является Наср ибн Фирузан. Со ссылкой на словарь Якута А.М. Беленицкий называет его местным правителем в Дейламе и строителем крепости Шахдиз в горах Шахрияра [«Минералогия», 2011, 509]. Алиакбар Деххудо, опираясь на сведения автора «Муъждам уль-бульдан», тоже считает его строителем крепости Шахдиз на горе Шахрияр в 971/72 году [9]. Более подробно о его личности и деятельности сообщается в исследовании Н. Гиясова [8].

Судя по словам Бируни, Наср ибн Хасан ибн Фирузан очень увлекался сбором диковинок, и в особенности [необработанных] кусков гальки и камней. Он рассказал, что у него был красный яхонт шириной в ладонь, с зернистой, как у лимона или плотной кисти винограда, поверхностью и ровной нижней поверхностью, красного цвета, со слабым винным оттенком неполной чистоты. Хорезмшах попросил у Фирузана [этот камень], чтобы посмотреть на него, и тот подарил [камень] ему. Он был толщиной почти с палец и такой ширины, что покрывал ладонь, когда его клали на руку. Наср сообщил, что камень был найден в Индии сросшимся с простым камнем и что он приказал обточить его точильным камнем, чтобы отделить его. На основе слов ибн Фирузана, что этот камень поддавался обработке напильником, Бируни заключает, что это не яхонт, а камень, подобный ему [4, с. 77].

Некоторые сведения информаторов, встречающиеся в «Минералогии», встречаются также в «Фармакогнозии» Бируни. Так, в «Минералогии» со слов нескольких информаторов приведена обширная информация о роге носорога – хуту [5, с. 241-243]. Среди прочих информаторов о хуту назван представитель в «посольстве Катайхана», которого он расспросил о хуту. Вероятнее всего, здесь речь идет о посольстве киданей и уйгуров к султану Махмуду, которое состоялось в 1027 году [11]. В «Фармакогнозии» эти сведения приведены в несколько сокращенном варианте, но с упоминанием о тех же информаторах [2, с. 417].

Помимо приведённых примеров, в «Минералогии» есть еще масса примеров использования сведений информаторов. В них, как и в рассмотренных нами примерах, содержится интересный материал о сортах, цветовой гамме, месторождениях, способе добычи, технологии обработки и об использовании, способах выявления подлинности, области применения, ценах и суевериях относительно драгоценных камней и минералов, драгоценных металлов, а также сплавов драгоценных камней и металлов, и, конечно, об

исторической метрологии мусульманского Востока. Эти сообщения вместе с уже рассмотренными, наряду с перечисленными проблемами, содержат ценную информацию о социально-экономической и культурной жизни эпохи Бируни.

Бируни не просто сухо пересказывает слова своих информаторов, а часто проверяет их путем сравнения с аналогичными данными, полученными от других информаторов, или со сведениями, полученными из письменных источников, и со своими наблюдениями. По мере надобности рассказы подвергаются критике и сопровождаются оговорками Бируни, подвергающему сомнению правдивость и точность этих сведений. Очень часто при наличии материала Бируни проводит опыты и определяет достоверность сведений информаторов.

Самое главное, что сведения информаторов помогли Бируни достичь удивительных результатов непосредственно в области минералогии – классифицировать, определять удельный вес и шкалу твердости драгоценных камней, металлов и их сплавов.

Необходимо подчеркнуть, что круг информаторов Бируни чрезвычайно широк и в него входят правители, вельможи, послы, ученые, знатоки и передатчики преданий, ремесленники разной направленности, связанные с драгоценными камнями и металлами, рудокопы, торговцы, мореплаватели, путешественники, простолюдины, представители разных народов и вероисповеданий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Беленицкий, А.М. Место минералогического трактата Бируни в истории восточной минералогии / А.М. Беленицкий // Леммлейн, Г.Г. Минералогические сведения в трактате Бируни // Ал-Бируни, Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. – Москва: Изд. АН СССР, 1963. – С. 402-418.
2. Беруни, Абу Райхан. Фармакогнозия в медицине (Китаб ас-Сайдана фи-т-тиб(б) / Абу Райхан Беруни // Избр. произведения. – Ташкент: Фан, 1974. – Т. IV. – 1120 с.
3. Берунӣ, Абурайҳон. Осор–ул–боқия / Абурайҳон Берунӣ. – Душанбе: Ирфон, 1990. – 432 с.
4. Ал-Бируни, Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед. Собрание сведений для познания драгоценностей («Минералогия») / Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. – Москва: Изд. АН СССР, 1963. – 518 с.
5. Ал-Бируни, Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед. Собрание сведений для познания драгоценностей («Минералогия») / Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. – 2-е изд., доп. и испр. – Санкт-Петербург: Петербургское лингвистическое общество, 2011. – 600 с.
6. Бобоев, Ю. Этнологические этюды в «Минералогии» Беруни / Ю. Бобоев // Семья в истории Центральной Азии: новые перспективы изучения. – Берлин: Klaus Schwarz Verlag, 2017. – С.331-337.
7. Булгаков, П.Г. Жизнь и труды Беруни / П.Г. Булгаков. – Ташкент: Фан, 1973. – 428 с.
8. Фиёсов, Н. Наср ибни Ҳасани Фирӯзон / Н.Фиёсов // Донишномаи Сомониён. – Ҷ.2. – Хуҷанд: Нури маърифат, 2011. – С. 65.
9. Деҳхудо, А. Шохдиз / А. Деҳхудо [Электронный ресурс]// Лузатнома Режим доступа: <https://vajehyab.com/dehkhoda/?q=شاهدش> (дата обращения: 29.05.2026).
10. Леммлейн, Г.Г. Минералогические сведения в трактате Бируни / Г.Г. Леммлейн // Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей («Минералогия»). – Москва: Изд. АН СССР, 1963. – С.292-418.
11. Тимохин, Д.М. Сведения о султани Махмуде Газневив в сочинении ал-Марвази «Табаи ал-хаййаван» / Д.М. Тимохин // Вестник БНЦ СО РАН. Исторические исследования и археология. – 2022. - №1. – С.95-102.

12. Hashimi, M. Y. *Die Quellen des Steinbuches des Beruni / M.Y. Hashimi. - Dissertation. - University of Bonn, 1935. - 47s.*

REFERENCES:

1. Belenitsky, A.M. *The Place of Beruni's Mineralogical Treatise in the History of Eastern Mineralogy / A.M. Belenitsky // Lemmlein, G.G. Mineralogical information in the treatise of Beruni // Al-Beruni, Abu-r-Raykhan Muhammad ibn Ahmed. Collection of information for the knowledge of jewelry (Mineralogy) / Abu-r-Raykhan Muhammad ibn Ahmed al-Biruni. - M.: Publishing house. Academy of Sciences of the USSR, 1963. - PP. 402-418.*
2. Beruni, Abu Raykhan. *Pharmacognosy in Medicine (Kitab as-Saydana fi-t-tib(b) / Abu Raikhan Beruni // Selected works. - Volume IV. - Tashkent: Fan, 1974. - 1120 pp.*
3. Beruni, Aburaykhon. *Osor-ul-Bokiya / Aburaykhon Beruni. - Dushanbe: Irfon, 1990. - 432 pp.*
4. Al-Beruni, Abu-r-Raykhan Muhammad ibn Ahmad. *Collection of information for the knowledge of jewels (Mineralogy) / Abu-r-Raykhan Muhammad ibn Ahmed al-Biruni. - M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963. - 518 pp.*
5. Al-Beruni, Abu-r-Raykhan Muhammad ibn Ahmad. *Collection of information for the knowledge of jewels (Mineralogy) / Abu-r-Raykhan Muhammad ibn Ahmed al-Beruni. - Second edition, revised and supplemented. - St. P.: St. Petersburg Linguistic Society, 2011. - 600 pp.*
6. Boboev, Y. *Ethnographic Sketches in "The Mineralogy" of Abu-Raykhon Beruni / Y. Boboev // The Family in Central Asia. New Perspectives. - Berlin, 2017. - PP.331-337.*
7. Bulgakov, P.G. *The Life and Works of Beruni / P.G. Bulgakov. Tashkent: Fan, 1973. - 428 pp.*
8. Ghiyosov, N. *Nasr ibni Hasan Firuzan / N. Ghiyosov // Encyclopedia of the Samanids. - Vol. 2. - Khujand: Nuri ma'rifat, 2011. - PP. 65.*
9. Dehkhudo, A. *Shokhdiz / A. Dekhkhudo [Electronic resource] // Dictionary Access mode: <https://vajehyab.com/dehkhoda/> شاهدتر=q?شاه-دتر (date of appeal - 05/29/2026).*
10. Lemmlein, G.G. *Mineralogical Information in the Treatise of Beruni / G.G. Lemmlein // Abu-r-Raykhan Muhammad ibn Ahmed al-Beruni. Collection of information for the knowledge of jewels (Mineralogy). Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963, PP. 292-418.*
11. Timokhin, D.M. *Information about Sultan Mahmud of Ghazni in the work of al-Marwazi "Tabai al-hayyavan" / D.M. Timokhin // Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Historical research and archeology. - 2022. - No. 1. - PP.95-102.*
12. Hashimi, M.Y. *The Sources of Beruni's Book of Stones / M.Y. Hashimi. - Dissertation. - University of Bonn, 1935. - 47 pp.*

УДК: 94 (575.3)

DOI 10.24412/3005-849X-2026-2-15-20

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРЛОВСКОГО
ПЕХОТНОГО УЧИЛИЩА В
СТАЛИНАБАДЕ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ**

**ФАЪОЛИЯТИ ОМУЪЗИШГОҲИ
ПИЁДАНИЗОМИ ОРЁЛ ДАР
СТАЛИНОБОД ДАР СОЛҲОИ
ЧАНГИ БУЗУРГИ ВАТАНИ**

**ACTIVITIES OF THE ORYOL
INFANTRY SCHOOL IN
STALINABAD DURING THE GREAT
PATRIOTIC WAR**

Гафуров Абдулло Мутиллоевич,

канд. истор.наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ (Душанбе, Таджикистан)

Гафуров Абдулло Мутиллоевич, н.и.т.,

дотсент, ходими пешбари илмии Институту таърих, бостонишиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ (Душанбе, Тоҷикистон)

Gafurov Abdullo Mutilloevich, candidate in

History, associate professor, leading researcher at the Institute of History, Archaeology and Ethnography named after Ahmad Donish, NAST (Dushanbe, Tajikistan) **e-mail:** falgar@mail.ru

Актуальность статьи обоснована тем, что по настоящее время не исследована история эвакуации предприятий, организаций, учреждений и населения, которые в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов были размещены на территории Таджикистана. Как и многие другие учебные заведения, в Сталинабад (Душанбе) было эвакуировано и Орловское пехотное училище. За годы пребывания в Сталинабаде училище подготовило для фронта множество курсантов – будущих офицеров среднего состава Красной Армии. Освещается процесс подготовки кадров, прежде всего работа по подготовке патриотически настроенных курсантов. Отражена деятельность партийной и комсомольской организаций училища по работе с курсантами. Также отмечены недостатки, имевшиеся в училище: недостаточное обеспечение курсантов фруктами и овощами и неудовлетворительные жилищные условия командиров и курсантов. В основном использован архивный материал. Деятельность данного училища освещается впервые.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Таджикистан; Сталинабад; Орловское пехотное училище; эвакуация; подготовка курсантов; партийная и комсомольская организации

Мубрамияти мавзуи пешниҳодишуда дар он аст, ки таърихи ба Тоҷикистон кӯчонидани корхонаҳо, ташикilotҳо, муассисаҳо ва аҳоли аз минтақаи чанг ба шарқи мамлакат дар солҳои Чанги Бузурги Ватанӣ (солҳои 1941—1945) то ба имрӯз ба қадри кофӣ омӯхта нашудааст. Ба мисли бисёр дигар муассисаҳои таълимӣ, Омӯзишигоҳи қувваҳои пиёдаанизоми шаҳри Орёл низ ба Сталинобод (Душанбе) кӯчонда шуда буд. Омӯзишигоҳ дар солҳои дар Сталинобод будани курсантҳои сершумор - афсарони ояндаи ҳайъати миёнаи Артиши Сурхро барои ҷабҳа тарбия мекард. Раванди тарбияи кадрҳо, махсусан кори тарбия намудани курсантҳои ватандӯст инъикос карда шудааст. Дар он, инчунин фаъолияти ташикilotҳои ҳизбӣ ва комсомолӣ омӯзишигоҳ дар бобати кор бо курсантҳо баррасӣ шудааст. Ҳамчунин камбудиҳои мавҷуда, аз ҷумла нарасидани меваву сабзавот барои курсантон ва шароити бади истиқомати фармондеҳон ва курсантон нишон дода шудаанд. Мақола асосан дар заминаи маводи нави бойгонӣ омода карда шудааст. Фаъолияти ин омӯзишигоҳ бори аввал ба риштаи таҳлил кашида мешавад.

Калидвожаҳо: Чанги Бузурги ватанӣ; Тоҷикистон; Сталинобод; Омӯзишигоҳи пиёданизоми Орёл; эвакуатсия; оmodасозии курсантҳо; ташилотҳои ҳизбӣ ва комсомолӣ

The relevance of this article stems from the fact that the history of the evacuation of enterprises, organizations, institutions, and populations that were located in Tajikistan during the Great Patriotic War of 1941-1945 has not yet been studied. Like many other educational institutions, the Oryol Infantry School was evacuated to Stalinabad (Dushanbe). During its years in Stalinabad, the school trained numerous cadets for the front—future mid-level officers of the Red Army. This book covers the process of personnel training, particularly the work of developing patriotic cadets. It also describes the activities of the school's Party and Komsomol organizations in working with cadets. It also highlights the school's shortcomings, including an insufficient supply of fruits and vegetables for cadets and the poor living conditions of commanders and cadets. The book draws primarily on archival material. This is the first time this school's activities have been covered.

Key-words: Great Patriotic War Tajikistan; Stalinabad; Oryol Infantry School; evacuation; trained many cadets; Party and Komsomol organizations

Введение. Изучение историографии истории эвакуации в Таджикистан показывает, что в архивах республики остаются невостребованными многие материалы, посвященные данной проблеме. В их число входит и история пребывания в Таджикистане Орловского пехотного училища. Среди эвакуированных в Таджикистан организаций и учебных заведений было много военных учебных заведений – училищ и курсов. Одним из них было Орловское пехотное училище [1].

Эвакуированное в Таджикистан Орловское пехотное училище (точная дата передислокации пока не установлена) пополнило свои ряды за счет молодежи, призванной в республике. Впоследствии выпускники этого и других училищ и военных школ показали на фронтах Великой Отечественной войны отличную боевую выучку, проявили высокое мужество и героизм при выполнении полученных заданий. За годы Великой Отечественной войны 12 выпускников училища стали Героями Советского Союза.

Основной текст. Архивный материал по деятельности Орловского пехотного училища в период пребывания в Сталинабаде весьма скудный. Единственным документом по данному училищу пока является доклад начальника военного отдела ЦК Компартии Таджикистана от 20 августа 1943 года [2, лл. 1-7].

Известно, что Орловское пехотное училище было образовано накануне Великой Отечественной войны, в январе 1940 года, для подготовки младшего командного состава для Красной Армии. Данное образовательное заведение начало учебную деятельность в условиях преобразования Советской армии, обеспечивая подготовку офицерского состава. В связи с началом Великой Отечественной войны и с наступлением фашистских формирований, училище принимало участие в боевых действиях, а затем было эвакуировано в г. Сталинабад (Душанбе).

Некоторые данные при подготовке данной статьи взяты из социальных сетей. На сайте «Орел знакомый и незнакомый» [11] приводится биография Неустроева Парфения Григорьевича, который, судя по биографии, с 1924 по 1931 год проходил службу в Средней Азии, участвовал в подавлении басмачества и хорошо знал регион. В начале войны был начальником штаба 42-й отдельной кавалерийской дивизии 51-й Отдельной армии войск Крыма. «7 июня 1942 г. получил тяжелое ранение и был признан ограниченно годным к военной службе 2-й степени. 30 сентября 1943 г. был назначен начальником Орловского пехотного училища с дислокацией в г. Сталинабад, которым руководил до 3 января 1944 года» [11].

Орловское пехотное училище в период пребывания в Сталинабаде готовило средний командный состав (командиров взводов) со сроком обучения один год. Всю воспитательную работу с личным составом училища проводил и руководил ею политотдел и партийно-политический аппарат училища.

В составе политотдела партийно-политического аппарата училища имелись следующие работники: начальник политотдела (он же заместитель начальника училища по политической части), заместитель начальника по политчасти, помощник начальника политотдела по работе с комсомольцами, секретарь партийной комиссии, начальник клуба и др. В училище служили также начальник библиотеки, два библиотекаря, три преподавателя военной истории, шесть преподавателей по политической подготовке, из них три старших. Кроме того, в каждом батальоне (всего в училище их было три) имелись: заместитель командира батальона по политчасти, парторг батальонной парторганизации и комсорг комсомольской организации батальона [4, л. 4].

В каждом батальоне имелись первичные партийная и комсомольская организации. В составе каждой батальонной партийной и комсомольской организации имелись также по четыре ротных партийных и комсомольских организации. В каждой из этих партийных ячеек состояло от 300 до 350 человек, а в комсомольских ячейках – от 800 до 900 членов.

Работа политотдела, заместителей командиров батальонов по политической части, партийных и комсомольских организаций проводилась по заранее намеченному плану. В планах работы определялись конкретные мероприятия для личного состава.

Во всей системе партийно-политической и агитационно-пропагандистской работы среди личного состава широко внедрялись политические знания (с курсантами – 2-3 часа в неделю, с командирами – 2 часа в неделю), два раза в неделю проводилась политическая информация для курсантов, которой в масштабе роты отводилось по 1 часу, также были организованы лекции, доклады, индивидуальные и коллективные беседы, которые проводились командирами и политработниками; 3-4 коллективных беседы в роте, во взводе и несколько индивидуальных бесед с небольшими группами курсантов и индивидуально), осуществлялась читка газет, журналов и художественной литературы, устраивались митинги личного состава, курсантские и партийно-комсомольские собрания, проводимые побатальонно и поротно, совещания партийного и комсомольского актива, просмотр кинофильмов на революционную тему, исполнялись народные патриотические песни, существовала курсантская художественная самодеятельность и т. д.

Содержание партийно-политической, агитационно-пропагандистской работы «включало в себя глубокое разъяснение приказов и выступлений Народного комиссара обороны товарища Сталина, решений партии и правительства, директив глав ПУ РККА, великих целей Отечественной войны, разъяснений вопросов дисциплины, единоначалия, воспитание курсантов и командиров в ненависти к врагу и в любви к Родине» [5, л. 5]. Согласно данному докладу, «в период с января по август 1943 года для курсантов и командиров были прочтены следующие доклады и лекции: «Две основные черты воинского воспитания», «Военная присяга и уставы Красной Армии – основа воинского воспитания и закон жизни», «Личный пример командира в суворовской системе воспитания», «Боевой устав пехоты Красной Армии – о моральном облике волевых качества и стиле работы командира», «Ленин и Сталин о значении морального фактора в войне», «Основные качества и моральный облик командира Красной Армии» [6, с. 5] и др.

В целях повышения идейного уровня всей партийно-политической и агитационно-пропагандистской работы и личного теоретического уровня политработников и агитаторов-пропагандистов при политотделе регулярно, два раза в месяц, работал семинар агитаторов-

пропагандистов, один раз в месяц проводилось совещание агитаторов подразделений и два раза – в масштабе батальонов, регулярно, один раз в месяц, проводился семинар заместителей командиров батальонов по политчасти, партторгов и комсorgh батальонных партийных и комсомольских организаций. На семинарах разбирались конкретные вопросы практической работы партийных и комсомольских организаций. В итоге проводимых мероприятий в училище было значительно улучшено содержание партийно-политической и агитационно-пропагандистской работы, повысилась ее действенность. Партийно-политическая и агитационно-пропагандистская работа в училище стала более живой, острой, доходчивой, действенной, отвечающей злободневным вопросам, волнующим курсантов и командиров. Она помогла командованию училища успешно решать задачи по повышению качества учебы курсантов, их правильному обучению и воспитанию, повышению политико-морального состояния, которое у всего личного состава было вполне здоровым. Курсанты и командиры всячески старались лучше учиться и работать, укреплять дисциплину, порядок и организованность, чтобы попасть на фронт и участвовать в разгроме врага.

Во всех мероприятиях, проводимых командированием и политотделом, личный состав – курсанты, офицеры – принимали самое активное и деятельное участие, быстро реагировали на указания, исправляли недостатки. Курсанты в абсолютном большинстве хорошо учились, они каждый раз выпускались из училища вполне подготовленными в военном отношении, идейно закаленными и дисциплинированными, что подтверждается историческими фактами. Так, «из числа 198 курсантов, окончивших училище по 6-месячной программе, в мае 1943 г. окончило с оценкой «отлично» и «хорошо» 72 человека. Отправленные на фронт 1 250 курсантов, в своем большинстве, усвоили программу бойца и командира отделения на «хорошо» [7, л. 6].

Высокое политико-моральное состояние личного состава, «беспредельная преданность Коммунистической партии, советской власти и Родине подтверждается также огромным желанием курсантов и командиров вступить в ряды компартии – 64 человека, в члены ВКП (б) – 53 чел., и в члены ВЛКСМ – 97 чел., принятые в партию и комсомол – это лучшие люди училища, передовики боевой и политической подготовки» [8, л. 8].

Значительно лучше стали работать партийные и комсомольские организации, повысились их авторитет и роль у личного состава училища. В батальонах и ротах регулярно проводились партийные и комсомольские собрания, улучшилось содержание собраний и повысилась активность коммунистов и комсомольцев в решении вопросов на собраниях: «В повестку дня партийных и комсомольских собраний стали включаться такие вопросы как: практические мероприятия по организации (так в тексте. – Г.А.) решений партии и правительства, вопросы внутрипартийной жизни, международной и внутренней политики СССР, вопросы партийной работы по обеспечению высокого политико-морального состояния, боевой и политической подготовки роты, батальона, училища, задачи коммунистов и комсомольские собрания в августе месяце были посвящены подведению итогов изучения работы товарища Сталина о «Великой Отечественной войне Советского Союза» [9, л. 6]. Решения партийных и комсомольских собраний бывают короткими и конкретными, с обязательным указанием исполнителей и сроков исполнения. Большое внимание во всей организационной работе партийно-комсомольские организации уделяют проверке исполнения принятых решений. Практикуется информация партторга на каждом собрании о решении предыдущего собрания и о принятых решениях бюро. Политотдел и партийные организации много внимания уделяли работе с молодыми коммунистами, проводили с ними беседы, занятия по изучению программы и устава партии, истории ВКП (б).

Состояние партийно-политической работы было проверено комиссией политуправления Среднеазиатского военного округа (САВО) в июле 1943 года и признано хорошим. Тем не менее, комиссия в своем отчете отмечала, что «в партийно-политической работе имеется ряд недостатков. Основными из них являются: прежде всего, беседы, лекции, доклады отдельных командиров и политработников иногда не доходят до сознания части курсантов и командиров, не затрагивают их насущных интересов, порой проводятся без связи с учебой, бытом и задачами, которые решает та или другая группа курсантов и командиров. Все еще мало проводятся индивидуальные беседы с каждым курсантом в отдельности. Не все командиры рот и взводов по-деловому занимаются политическим просвещением курсантов. В методах работы отдельных из них в большей части превалирует административная сторона и менее всего – воспитательная. Не все командиры умело сочетают массово-политическую работу с индивидуальной, не проявляют командирскую чуткость к подчиненным, неумело подходят к людям. Беседы, доклады и лекции, проводимые отдельными командирами и политработниками, зачастую проходили мимо насущных проблем военнослужащих... Курсанты не имеют возможности на месте, в училище купить фруктов. Военторг и местные партийные и советские организации в этом деле не оказывают помощи. Курсанты, командиры и их семьи до сего времени живут в неудовлетворительных жилищных условиях (большинство семей начсостава живут под открытым небом» [10]. Но, несмотря на указанные недостатки, комиссия была удовлетворена работой Орловского пехотного училища.

Заключение. В целом, подытоживая содержание статьи, можно сказать, что, находясь далеко от фронта, Орловское военно-пехотное училище внесло значимый вклад в дело разгрома фашизма и освобождение страны. После окончания войны Орловское военно-пехотное училище, как и другие эвакуированные учебные заведения, совершило реэвакуацию и выбыло к месту постоянной дислокации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гафуров А.М. Об эвакуации научных и образовательных учреждений в Таджикистан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / А.М. Гафуров // Вестник КРСУ. 2025. Т. 25. № 10. С. 14-20.
2. Государственный архив новейшей истории Таджикистана (далее – ГАНИТ). Ф.3, оп. 125, д. 131, лл. 1-7.
3. ГАНИТ. Ф.3, оп. 125, д. 131, л. 2.
4. ГАНИТ. Ф.3, оп. 125, д. 131, л. 4.
5. ГАНИТ. Ф.3, оп. 125, д. 131, л. 5.
6. ГАНИТ. Ф.3, оп. 125, д. 131, л. 5.
7. ГАНИТ. Ф.3, оп. 125, д. 131, л. 6.
8. ГАНИТ. Ф.3, оп. 125, д. 131, л. 8.
9. ГАНИТ. Ф. 3, оп. 125, д. 131, л. 6.
10. ГАНИТ. Ф. 3, оп. 125, д. 131, л. 7.
11. Орел знакомый и незнакомый. Орловское пехотное училище. <https://orel-story.ru/forum/index.php?action=vthread&forum=16&topic=999&page=> (Дата обращения: 22.02.2026).

REFERENCES:

1. Gafurov, A.M. On the Evacuation of Scientific and Educational Institutions in Tajikistan during the Great Patriotic War, 1941–1945 / A.M. Gafurov // Bulletin of the KRSU. 2025. Vol. 25. No. 10. PP. 14–20

2. *State Archive of Modern History of Tajikistan (hereinafter referred to as SAMHT). F. 3, L. 125, F. 131, P. 1–7.*
3. *SAMHT. F. 3, L. 125, F. 131, P. 2*
4. *SAMHT. F. 3, L. 125, F. 131, P. 4*
5. *SAMHT. F. 3, L. 125, F. 131, P. 5*
6. *SAMHT. F. 3, L. 125, F. 131, P. 5*
7. *SAMHT. F. 3, L. 125, F. 131, P. 6*
8. *SAMHT. F. 3, L. 125, F. 131, P. 8*
9. *SAMHT. F. 3, L. 125, F. 131, P. 6*
10. *SAMHT. F. 3, L. 125, F. 131, P. 7*
11. *Orel: familiar and unfamiliar. Orel Infantry School. <https://orel-story.ru/forum/index.php?action=vthread&forum=16&topic=999&page=> (date of appeal: 22 February 2026).*

УДК 94 (575.3)

DOI 10.24412/3005-849X-2026-2-21-28

**ИЗ ИСТОРИИ
БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА В
СРЕДНЕЙ АЗИИ ВО
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX –
НАЧАЛЕ XX вв.**

**АЗ ТАЪРИХИ КИТОБДОРӢ
ДАР ОСИӢИ МИӢНА ДАР
НИМАИ ДУЮМИ АСРИ XIX
– ИБТИДОИ АСРИ XX**

**FROM THE HISTORY OF
LIBRARIANSHIP IN
CENTRAL ASIA IN THE
SECOND HALF OF THE XIX-
th – EARLY XX-th CENTURIES**

Гаффори Нуъмондҷон Усмонзода, д-р истор. наук, профессор, зав. кафедрой международных отношений ТГУПБП; **Расулзода Райхона Расул**, ст. преподаватель каф. международных отношений ТГУПБП (Худжанд, Таджикистан)

Gafforī Nuъmonҷon Usmonzoda, д.и.т., профессор, мудири кафедраи муносибатҳои байналхалқии ДДХБСТ; **Расулзода Райхона Расул**, муаллими калони кафедраи муносибатҳои байналхалқии ДДХБСТ (Хучанд, Тоҷикистон)

Gaffori Numonjon Usmonzoda, doctor in History, full professor, head of the department of international relations under the TSULBP; **Rasulzoda Rayhona Rasul**, senior lecturer of the department of international relations under the TSULBP (Khujand, Tajikistan)
e-mail: numonjon_gaffori@mail.ru

Исследована история формирования библиотечной сети в Средней Азии во второй половине XIX – начале XX вв. Статья базирується на комплексном подходе, включающем историко-генетический, историко-сравнительный и историко-книговедческий методы. Целью работы является изучение особенностей становления библиотечного дела после завоевания данного региона Российской империей. Рассматриваются первые публичные, гарнизонные и учебные библиотеки, их роль в распространении просвещения в Средней Азии, а также влияние российской администрации на культурную жизнь региона, книжные фонды и читательские интересы в этот период. Акцент сделан на просветительской миссии библиотек и удовлетворении культурных потребностей на примере «Библиотеки Бехбудия» в Самарканде и библиотеки «Маърифат» в Бухаре. Сделан вывод, что создание первых публичных библиотек в Туркестанском крае и Бухарском эмирате способствовало распространению грамотности и просвещения среди местного населения и переселенцев.

Ключевые слова: Средняя Азия; царская Россия; вторая половина XIX – начало XX вв.; библиотека; библиотечное дело; книжный фонд; читальный зал; «Библиотека Бехбудия»; библиотека «Маърифат» («Просвещение»)

Таърихи ташаккули шабакаи китобхонаҳо дар Осиеи Миёна дар нимаи дуюми асри XIX ва аввали асри XX баррасӣ шудааст. Равиши маҷмуи таҳқиқот, аз ҷумла усулҳои таърихӣ-генетикӣ, таърихӣ-муқоисавӣ ва таърихӣ-библиографӣ мавриди истифода қарор гирифтаанд. Ҳадафи кор омӯзиши хусусиятҳои руиши китобдорӣ пас аз истилои ин минтақа аз тарафи империяи Русия мебошад. Аввалин китобхонаҳои оммавӣ, гарнизонӣ ва таълимӣ, нақши онҳо дар паҳн кардани маориф дар Осиеи Миёна ва таъсири маъмурияти Русияи подшоҳӣ ба ҳаёти фарҳангии минтақа, фондҳои китоб ва самтгирии шавқу мароқи хонандагон дар ин давра баррасӣ мешаванд. Дар мисоли «Кутубхонаи Бехбудия»-и Самарқанд ва китобхонаи «Маърифат»-и Бухоро ба рисолати маърифатии китобхонаҳо ва нақши онҳо дар қонеъ кардани ниёзҳои фарҳангӣ таъкид шудааст. Хулоса мешавад, ки таъсиси аввалин китобхонаҳои оммавӣ дар кишвари Туркистон ва аморати Бухоро ба паҳншавии саводнокӣ ва маориф дар байни аҳолии маҳаллӣ ва муҳоҷирон мусоидат кардааст.

Калидвожаҳо: *Осиёи Миёна; Русияи подшоҳӣ; нимаи дуюми асри XIX – ибтидои асри XX; китобхона; китобдорӣ; фонди китоб; толори хониш; «Кутубхонаи Бехбудия»; китобхонаи «Маърифат»*

This article examines the history of the library network in Central Asia in the second half of the XIX-th and early XX-th centuries. It is based on a comprehensive approach, incorporating historical genetic, historical comparative, and historical bibliological methods. The aim of the work is to study the development of librarianship after the conquest of the region by the Russian Empire. This article examines the first public, garrison, and academic libraries, their role in spreading education in Central Asia, and the influence of the Russian administration on the region's cultural life, book collections, and readership during this period. Emphasis is placed on the educational mission of libraries and their role in meeting cultural needs, using the examples of the Behbudiya Library in Samarkand and the Ma'rifat Library in Bukhara. It is concluded that the establishment of the first public libraries in the Turkestan region and the Bukhara Emirate contributed to the spread of literacy and education among the local population and settlers.

Key-words: *Central Asia; Russian Empire; the second half of the XIX-th – early XX-th centuries; library; librarianship; book collection; reading room; “Behbudiya Library”; “Ma’rifat” (“Enlightenment”) library*

Во второй половине XIX века в Средней Азии стали появляться первые публичные библиотеки для переселенцев и колониальной администрации, которые сыграли роль культурно-просветительских центров, способствуя распространению знаний, развитию светского образования и изучению региона. Они обеспечили доступ к европейской научной литературе, поддержали краеведческие исследования и стали первыми общедоступными книгохранилищами. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена необходимостью анализа трансформации культурного пространства региона в условиях присоединения к Российской империи, что способствовало переходу от традиционных библиотек к просветительским. Эта эпоха – ключевая для понимания влияния джадидизма на развитие книжного дела, формирование первых публичных библиотек, библиотечных сетей, а также диалога культур.

Изучение библиотечного дела в Средней Азии во второй половине XIX – начале XX вв. осуществлялось дореволюционными исследователями-востоковедами (Н.В. Дмитровский, В.В. Бартольд) и советскими (З.М. Шевченко, А.Г. Касымова) и современными историками (С.Р. Мухиддинов, С.С. Раджабова, Ф.С. Ёров, М. Умарова и др.). Анализ этого периода, включая книгоиздательскую деятельность просветителей и создание библиотечных фондов, позволяет переосмыслить историю библиотечного дела в контексте независимости современных государств Центральной Азии.

Создание библиотек в Средней Азии наметилось сразу же после образования Туркестанского генерал-губернаторства. В 1868 году по приказу генерал-губернатора К.П. Кауфмана были открыты библиотеки во всех отделениях и батальонах Ташкентского и Самаркандского гарнизонов. Книжные фонды этих библиотек были невелики и по составу в основном имели литературу по военному делу.

Большим событием в культурной жизни Средней Азии явилось создание в 1870 году в Ташкенте первой и самой крупной в регионе публичной библиотеки. Открытие библиотеки было с одобрением встречено научной общественностью Москвы и Петербурга, к тому же научно-образовательные учреждения царской России поделились с ней книжными фондами. Книгохранилище, помимо общих задач большой городской библиотеки, должно было сосредоточить в себе литературу по изучению Туркестана. «В первое время эта задача,

– отмечает академик В.В. Бартольд, – понималась очень широко: тщательно собиралось все, что выходило в свет в самом Туркестане, и выписывалось из центра России и из Западной Европы все, что имело отношение к изучению края, в том числе издававшиеся европейскими учеными труды восточных историков и географов. В состав библиотеки вошло небольшое, но довольно ценное собрание рукописей, преимущественно произведений местной литературы» [3, с. 556].

Ташкентская публичная библиотеки собирала материалы по истории, географии, этнографии Средней Азии, поддерживая деятельность Туркестанского кружка любителей археологии. Библиотеки стали базой для русских востоковедов, историков, этнографов и натуралистов, собирая уникальные коллекции рукописей и труды по истории, географии и культуре Средней Азии.

По сведениям К.Е. Бендрикова, в 1878 году Ташкентская публичная библиотека насчитывала 183 читателя. Ее книжный фонд к 1880 г. достиг более 10 тыс. томов [4, с. 160]. Учет сведений из русских и иностранных книг, журналов, газет о Туркестанском крае позволил создать 416 томов уникального «Туркестанского сборника», одного из ценнейших источников по исследованию Средней Азии. Заслуга в его создании принадлежит известному библиографу В. И. Межову. Царские власти с недоверием отнеслись к деятельности публичной библиотеки, опасаясь, что она может стать очагом распространения передовых идей. В 1883 году по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора М.Г. Черняева библиотека была закрыта. Однако через год, т.е. в 1884 г., под влиянием прогрессивной общественности публичная библиотека возобновила работу. Для пользования публичной библиотекой были утверждены специальные правила, а за ее деятельностью строго следил Наблюдательный комитет [16, с. 5-6].

Небольшие библиотеки открывались в учебных заведениях края. За период с 1875 по 1878 г. только в Сырдарьинской области было открыто 29 небольших библиотек при народных училищах [11, с. 30]. Подбор книг в них большей частью производился случайно. Особенно ощущался недостаток пособий по истории и литературе. Позднее, в 1905-1907 гг., учащиеся мужских гимназий, выступая против ненавистных школьных порядков, потребовали пополнения библиотек.

Наряду с публичной был открыт ряд других библиотек, в основном по инициативе частных лиц. В 1870 году в Ташкенте открылась платная библиотека Половцевой. Книжный фонд ее составлял около 1,5 тыс. томов. Позднее, в 1903 году, в Ташкенте была открыта вторая частная библиотека с фондом в 3 тыс. томов. К 1912 г. фонд библиотеки увеличился до 5,5 тыс. томов. Несмотря на платность, ею пользовалось 850 читателей [10, с. 67].

Вопреки желанию царских властей и местных господствующих классов, народы Средней Азии приобщались к передовой культуре. Об этом в частности свидетельствовал растущий интерес местного населения к литературе, особенно к русской, которая в переводах на языки народов Средней Азии, появившихся во второй половине XIX в. в оригинальных изданиях, приобретала все большую популярность. По свидетельству подполковника Крестовского, обследовавшего в ноябре 1882 г. Ташкентскую публичную библиотеку, наибольшим спросом пользовались сочинения Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева, Н.А. Некрасова. Популярными были также произведения А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, И.А. Гончарова, Л. Н. Толстого, А. Н. Островского [16, с. 6].

Передовые представители русского народа интересовались состоянием просвещения и культуры в Средней Азии. В Туркестане был создан целый ряд обществ и кружков по изучению различных сторон жизни и быта народов Средней Азии. Одним из них было Ташкентское отделение Общества востоковедения, организованное в 1901 г. Фактическим

руководителем общества и его секретарем был подполковник Н.Д. Ягелло. Общество ставило задачей содействовать созданию новых типографий, открытию магазинов восточных книг, изданию работ на русском языке по всем отраслям востоковедения и т.д. Программой его деятельности предусматривалось также выяснить, «что читают туземцы, откуда они берут книги, что и где издают» [4, с. 165].

На общем собрании членов Ташкентского отделения Общества востоковедения 3 января 1902 г. было принято решение: собрать подробные сведения о местной литературе на восточных языках. Характерно, что к этой работе были привлечены книголюбы из местного населения, которым было поручено составить перечень книг из богатых частных собраний восточных книг [4, с. 370].

В конце XIX в. во всех областных городах были открыты музеи, где обычно собиралась научная литература, а также общественные библиотеки с читальнями. Они имелись в Фергане, Коканде, Намангане. В Самарканде, одном из крупнейших городов Туркестанского края, насчитывалось шесть частных библиотек [16, с. 7].

Правда, библиотеки для коренного населения почти отсутствовали, если не принимать во внимание библиотеки при медресе, в которых преобладали рукописные книги религиозного и богословского содержания, и мусульманскую библиотеку-читальню, которая была открыта в 1908 г. в Самарканде. Газеты, журналы и книги на местных языках издавались в незначительном количестве.

Часто нелегальная и прогрессивная литература распространялась и пропагандировалась библиотеками, которые открывались по инициативе социал-демократов. Так, в 1905 г. ими в Самарканде была организована библиотека, которой заведовал ссыльный М.В. Морозов, член РСДРП. Библиотека имела все прогрессивные газеты и журналы и пользовалась большой популярностью. Часто читателям в книги вкладывались прокламации, нелегальные брошюры. В помещении библиотеки проходили партийные собрания [12, с. 11-12]. Тогда же была создана бесплатная библиотека на станции Черняево Среднеазиатской железной дороги, которая функционировала почти до 1917 г. [9; 10, с. 69]. Годом позже возникла большевистская библиотека при ташкентских железнодорожных мастерских. Ею руководил социал-демократ Р.С. Баталов. В этих библиотеках сосредоточилось много марксистской литературы. Посещали ее революционная интеллигенция, рабочие, солдаты. Рабочие читали здесь большевистские газеты «Звезда», «Правда», «Ташкентский рабочий» [16, с. 8].

Царская администрация всеми силами боролась с проникновением в Туркестан революционной литературы. Библиотеки закрывались; не только марксистская литература, но и произведения передовых общественных деятелей конфисковывались; читатели подвергались репрессиям. Однако все эти меры не могли приостановить роста революционного сознания народа.

Попытки создания библиотек-читален для русского населения на территории современного Таджикистана относятся к 1868 г., когда канцелярия Туркестанского генерал-губернатора приобрела книги для библиотек в Кураминском, Ходжентском и Джизакском уездах на сумму 1500 руб.; и, хотя книги были приобретены, библиотеки были открыты позднее [10, с. 69].

В Ходженте библиотека при приходском училище для обучения детей обоего пола была основана в 1879 г. В ней насчитывалось 763 экз. книг. На приобретение литературы отпускалось из государственного казначейства 250 руб., из городских сумм – 120 руб.; сбор с местного населения составил 1050 руб. Всего 1420 руб. [8, с. 87].

Позднее были открыты библиотеки при русско-туземных училищах: в Худжанде – в 1895 г., в Ура-Тюбе – в 1888 г. Для приобретения литературы были определены средства в сумме:

по 995 руб. – из государственного казначейства и по 300 руб. – из городских сумм. В 1909 году на средства общественности была организована библиотека в Ура-Тюбе [5, с. 27]. В 1910 году создаются библиотеки в Худжанде, Джизаке и Катта-Кургане [16, с. 9].

В 1908 году в мечети Улугбека в Самарканде усилиями известного русского археолога Василия Вяткина, которого тогда поддерживали некоторые местные баи и чиновники, была открыта первая в Средней Азии мусульманская библиотека. Исследователь библиотечного дела в Таджикистане М. Умарова отмечает, что эта библиотека «располагала двумя сотнями книг на языках местного населения. Были тут книги не только религиозного содержания, но и по научным вопросам, а также разные газеты и журналы на арабском, персидском, тюркском и русском языках» [13, с. 19].

Большой вклад в развитие книгопечатания и библиотечного дела в Средней Азии в начале XX века внес лидер местных джадидов Махмудходжа Бехбуди. Его деятельность, направленная на модернизацию традиционного уклада жизни общества и просвещение народа, стала олицетворением уникального опыта в сфере книгоиздательства и библиотечного дела. Он учредил специальное издательство «Нашриёти Бехбудия» («Издательство «Бехбудия») и при нем открыл библиотеку «Кутубхонаи Бехбудия» («Библиотека «Бехбудия»), названные в честь его отца. Исследователь истории джадидизма Н. Гафаров отмечает, что «Нашриёти Бехбудия» выпускало в основном учебные книги и брошюры самаркандских джадидов для новометодных школ. В библиотеке имелась книжная лавка, где можно было продавать книги, издаваемые этой типографией. Это издательство было местом выпуска джадидской литературы, которая не могла быть опубликована в других регионах края или в соседней Бухаре как по цензурным соображениям, так и в силу неразвитости печатного дела» [7, с. 151].

Махмудходжа Бехбуди, будучи хозяином частной типографии «Нашриёти Бехбудия», владел сетью книжных магазинов в Самарканде, Ташкенте, Бухаре, Намангане, Андижане, Коканде. Причем в Самарканде магазин располагался в его собственном доме. В этих магазинах, кроме литографированных учебных пособий, религиозных и литературных книг, издаваемых в типографии «Нашриёти Бехбудия», продавались также книги, изданные в Стамбуле, Казани, Оренбурге, Бахчисарае, Петербурге, Иране, Египте, Афганистане, Индии и в Средней Азии.

Библиотека «Кутубхонаи Бехбудия» была открыта М. Бехбуди в Самарканде по улице Решетникова. Она была и библиотекой и магазином, где можно было читать и покупать книги.

Следует отметить, что в начале XX века в Коканде по инициативе местных джадидов были открыты библиотеки «Хайрат» («Изумление») и «Мадоро» («Учтивость») [7, с. 151]. Эти учреждения стали важными центрами распространения знаний, новой литературы и образования, следуя идеям реформирования образования и общества, характерным для среднеазиатского джадидизма.

Исследователь П.А. Васильев отмечает: «В 1916 г. в Ходженте по инициативе частных лиц была открыта библиотека-читальня, которая существовала на средства добровольных пожертвований. Но все эти меры не могли, конечно, удовлетворить культурных потребностей масс» [5, с. 28].

В большинстве даже крупных населенных пунктов население было совершенно незнакомо с литературой. Это признавала и сама царская администрация. Так, участковый пристав в 1910 г. писал ходжентскому уездному начальнику: «Народной литературы, библиотек, читален нет, журналов и газет не выписывается, а население, занятое постоянно земледельческим трудом, о литературе, культуре понятия не имеет» [17].

В Бухарском эмирате библиотечное дело в XIX веке было почти полностью заглушено господством шариата. Лишь в 1901 году на территории Бухарского эмирата была открыта первая литография. В 1910 г. в цитадели Бухары было построено медресе с библиотекой, где в основном была сосредоточена литература по мусульманскому праву. Однако и эта «благонадежная» библиотека неоднократно закрывалась эмиром, а книги сдавались в казну [14, с. 89].

Правда, небольшие библиотеки существовали при мактабах и медресе. В одной из них служил библиотекарем выдающийся таджикский просветитель Ахмад Дониш. Личные библиотеки имелись и в некоторых богатых домах, но в целом правящая верхушка Бухары особого уважения к книгам не проявляла. «Существовавшие в Бухаре библиотеки, располагавшие определенными вакуфными доходами, – писал академик В.В. Бартольд, – подвергались полному разорению еще при Насрулле; библиотека самого эмира оставалась недоступной для русских ученых, и самое существование ее отрицалось; между тем было установлено, что ценные рукописи из нее расхищаются и продаются агентам зарубежных публичных библиотек; только при содействии политического агента удалось вывезти несколько рукописей в Петербург» [2, с. 292].

В 1914 году бухарскими джадидами была организована общественная библиотека «Маърифат» («Просвещение»), впоследствии ставшая книготорговым обществом. Его руководителем был назначен Мусо Саиджонов, членами правления – Абдулвохид Мунзим, Кори Хошим Шоик и Ходжи Сиродж Саидмуродходжа (младший брат С. Айни) [6, с. 137]. «Задачей библиотеки «Маърифат», – пишет С. Айни, – согласно ее названию, было распространение просвещения в среде народа» [1, с. 114]. Всеми сторонами технической и идеологической работы библиотеки «Маърифат» руководил Абдулвохид Мунзим. Историк Н. Гафаров подчёркивает вклад представителя эмирской власти Насруллы–кушбеги в дело организации библиотеки «Маърифат» и товарищества «Баракат», давшего бухарским джадидам официальное разрешение на их создание [6, с. 138].

Библиотека «Маърифат» тесно сотрудничала с издательством бухарского еврея Л.Н. Левина «Нашриёти кутуби исломия» («Издательство мусульманских книг»), которое издавало и распространяло новые литературные и религиозные книги в духе времени. Так, более 30 наименований книг этого издательства было безвозмездно передано библиотеке «Маърифат» для всеобщего пользования бухарцами. Среди них «Гул ва булбул», «Девони бузурги Хофиз», «Хурлико», «Муфрадот», «Муш ва гурба», «Бедил», «Юсуф ва Зулайхо», «Китоби Санавбар», «Хикмат», «Маликаи дили ором», «Тухфат-ул-обидин ва анис-ал-ошикин», «Гиёс-ул-лугот», «Фикхи Кайдони», «Девони Машраб», «Шархи Мулло Джоми», «Киссаи Иброхими Одам», «Чахор китоб», «Достони Зайн-ул-араб», «Фарзи айн», «Фавз-ул-наджот», «Амир Ахтам саххоба», «Юсуфбек», «Баёз», «Джангномаи Зуфунун» и др. [7, с. 148-149].

То есть, в начале XX века библиотеки в Средней Азии стали центрами просвещения, способствуя изданию и распространению книг, повышению грамотности и преодолению информационного неравенства. Они собирали и сохраняли образцы национальной культуры, обеспечивая бесплатный доступ к знаниям для широких слоев населения, что было важно для модернизации общества. Библиотеки выступали как информационные модели национальной культуры, бережно собирая, храня и предоставляя произведения письменности. Так, по сведениям историка Н. Гафарова, упомянутая библиотека «Маърифат» сыграла заметную роль в издании книг бухарских джадидов и за пределами эмирата. С помощью Абдурауфа Фитрата эта общественная библиотека осуществила перевод книги Исмаила Гаспринского «Мусалмонони Дор-ур-рохат» («Мусульмане страны блаженства») на язык фарси и издала ее в 1915 г. в типографии М.А. МаксUTOва в Петрограде

(ныне Санкт-Петербург). На обложке и на титульном листе этой переводной книги было отмечено: «Издатель: Бухара: Китобхонаи маърифат. Все права относятся к издателю». Товарищество «Китобхонаи маърифат» также осуществило в типографии Газарова в Самарканде в ноябре-декабре 1917 г. второе издание книги «Тахзиб- ус-сибён» Садрриддина Айни [7, с. 149].

Таким образом, библиотечное дело в Средней Азии во второй половине XIX века стало новым явлением в культурной жизни народов региона. Государственные и частные публичные библиотеки внесли заметный вклад в модернизацию общества, став центрами распространения просвещения, русской и европейской культуры, а также научного изучения края. Они способствовали формированию новой городской интеллигенции, приобщению местного населения к книжности и сближению культур. Также усилиями местных интеллектуалов в крупных городах Туркестанского края и Бухарского эмирата в начале XX века возникли публичные библиотеки, которые открыли мусульманам доступ к светской литературе, прессе и научным знаниям. Вклад библиотек этого периода заключался в переходе от исключительно рукописной религиозной книжной культуры к массовой печатной, способствуя интеграции региона в общероссийское и мировое культурное пространство.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Айни С. *Таърихи инкилоби Бухоро, 1921 / С. Айни.* – Душанбе: Адиб, 1987. – 240 с.
2. Бартольд В.В. *История культурной жизни Туркестана // Академик В.В. Бартольд. Сочинения. Т. II. Ч.1.* – Москва: Наука, 1966. – С. 167-433.
3. Бартольд В.В. *Туркестанская государственная библиотека и местная мусульманская печать // Академик В.В. Бартольд. Сочинения. Т. IX.* – Москва: Наука, 1973. – С. 556-563.
4. Бендриков К.Е. *Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865 - 1924 гг.).* – Москва, 1960. – 512 с.
5. Васильев П.А. *Некоторые сведения о народном образовании в Ходженге и Ура-Тюбе в 1910-1917 гг. и в первые годы после Октября / П.А. Васильев // Таджикский филиал АН СССР. Выпуск 9.* – Москва, 1948. – С. 23-31.
6. Гафаров Н. *История культурно-просветительской деятельности джадидов в Бухарском эмирате (начало XX века) / Н. Гафаров.* – Худжанд: Государственное издательство им. Рахима Джалила, 2000. – 176 с.
7. Гафаров Н. *Роль и место джадидизма в развитии просвещения и духовной культуры народов Средней Азии (конец XIX – начало XX вв.) / Н. Гафаров.* – Душанбе: Ирфон, 2013. – 248 с.
8. Граменицкий С. *Очерки развития народного образования в Туркестанском крае.* – Ташкент, 1896. – 124 с.
9. Кары-Ниязов Т.Н. *Очерки истории культуры Советского Узбекистана / Т.Н. Кары-Ниязов.* – Москва, 1955. – 560 с.
10. Касымова А.Г. *Дореволюционные библиотеки Узбекистана / Касымова А.Г. // Из истории книгоиздательского и библиотечного дела в Узбекистане.* – Ташкент: Фан, 1966. – С. 64-72.
11. Кочаров В.Т. *Из истории народного образования в Туркестанском крае / В.Т. Кочаров.* – Ташкент, 1959. – 80 с.
12. Мавляни И.М. *Михаил Васильевич Морозов / И.М. Мавляни.* – Ташкент, 1963. – 52 с.
13. Умарова М. *Становление и развитие библиотечного дела в Таджикистане: 1917-1991 гг. (на примере северных районов республики): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / М. Умарова.* – Худжанд, 2021. – 210 с.

14. Умняков И.И. К истории новометодной школы в Бухаре / И.И. Умняков // Бюллетень Средне-Азиатского государственного университета. - Выпуск 16. - Ташкент, 1927. - С. 81-95.
15. Шарипова Д.А. История библиотечной деятельности в Узбекистане / Д.А. Шарипова // Экономика и социум. - 2021. - № 6 (85). - Ч. 2. - С. 572-581.
16. Шевченко З.М. Из истории библиотечного дела в Таджикистане / З.М. Шевченко. - Душанбе: Дониш, 1968. - 136 с.
17. Центральный государственный архив Республики Таджикистан. - Ф. 1. - Оп.1. - Д. 1966. - Л. 115.

REFERENCES:

1. Aini S. *The History of the Cultural Life of Bukhara, 1921* / S. Aini. - Dushanbe: Adib, 1987. - 240 pp.
2. Bartold V.V. *History of the Cultural Life of Turkestan* // Academician V.V. Bartold. Works. Vol. II. Part I. - Moscow: Nauka, 1966. - PP. 167-433.
3. Bartold V.V. *Turkestan State Library and Local Muslim Press* // Academician V.V. Bartold. Works. Vol. IX. - Moscow: Nauka, 1973. - PP. 556-563.
4. Bendrikov K.E. *Essays on the History of Public Education in Turkestan (1865-1924)*. - Moscow, 1960. - 512 pp.
5. Vasiliev P.A. *Some Information about Public Education in Khujand and Ura-Tyube in 1910-1917 and in the first years after October* // Tajik branch of the USSR Academy of Sciences: Issue 9. - Moscow, 1948. - PP. 23-31.
6. Gafarov N. *History of Cultural and Educational Activities of the Jadids in the Bukhara Emirate (early twentieth century)*. - Khujand: State Publishing House named after Rakhim Jalil, 2000. - 176 pp.
7. Gafarov N. *The Role and Place of Jadidism in the Development of Education and Spiritual Culture of the Peoples of Central Asia (late 19th - early 20th centuries)*. - Dushanbe: Irfon, 2013. - 248 pp.
8. Gramenitsky S. *Essays on the Development of Public Education in the Turkestan Region*. - Tashkent, 1896. - 124 pp.
9. Kary-Niyazov T.N. *Essays on the Cultural History of Soviet Uzbekistan*. - Moscow, 1955. - 560 pp.
10. Kasymova A.G. *Pre-Revolutionary Libraries of Uzbekistan* // *From the history of book publishing and library science in Uzbekistan*. - Tashkent: Fan, 1966. - PP. 64-72.
11. Kocharov V.T. *From the History of Public Education in the Turkestan Region*. - Tashkent, 1959. - 80 pp.
12. Mavlyani I.M. *Mikhail Vasilievich Morozov*. - Tashkent, 1963. - 52 pp.
13. Umarova M. *Formation and Development of Librarianship in Tajikistan: 1917-1991 (using the northern regions of the republic as an example): dissertation for the degree of candidate of historical sciences*. - Khujand, 2021. - 210 pp.
14. Umnyakov I.I. *On the History of the New Method School in Bukhara* // *Bulletin of the Central Asian State University*. - Issue 16. - Tashkent, 1927. - PP. 81-95.
15. Sharipova D.A. *History of Library Activities in Uzbekistan* // *Economy and society*. - 2021. - No. 6 (85). - Part 2. - PP. 572-581.
16. Shevchenko Z.M. *From the History of Librarianship in Tajikistan*. - Dushanbe: Donish, 1968. - 136 pp.
17. *Central State Archives of the Republic of Tajikistan*. - F. 1. - L.1. - F. 1966. - P. 115.

УДК 94 (470)

DOI 10.24412/3005-849X-2026-2-29-42

**КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И
ФОРМИРОВАНИЕ ГРАНИЦ В
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (1865–1917)**

**СИЁСАТИ ИСТЕЪМОРИИ
ИМПЕРИЯИ РУСИЯ ВА
ТАШАККУЛИ САРҲАДҲО ДАР
ОСИЁИ МАРКАЗӢ (1865–1917)**

**THE COLONIAL POLICY OF THE
RUSSIAN EMPIRE AND BORDER
FORMATION IN CENTRAL ASIA
(1865–1917)**

Салимов Фаррух Насимович, канд. истор. наук, доцент кафедры дипломатии и внешней политики Республики Таджикистан Таджикского национального университета (Душанбе, Таджикистан)

Салимов Фаррух Насимович, н.и.т., дотсенти кафедраи дипломатия ва сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Донишгоҳи миллии Тоҷикистон (Душанбе, Тоҷикистон,)

Salimov Farrukh Nasimovich, candidate in History, associate professor of the department of diplomacy and foreign policy of the Republic of Tajikistan under the Tajik National University (Dushanbe, Tajikistan)
e-mail: farrukh.n.salimov@gmail.com

Исследование выполнено в ходе реализации научно-исследовательского проекта «Проблемы границ в государствах Центральной Азии (2024–2028 гг.)» Научно-исследовательского института Таджикского национального университета

Исследуются механизмы, посредством которых колониальная политика Российской империи в Центральной Азии в 1865–1917 гг. преобразовала фронтальное пространство Туркестанского края в иерархически управляемую систему областей, протекторатов, договорных рубежей и таможенно-коммуникационных контуров. Целью работы является выявление связи между военным завоеванием, правовым оформлением, дипломатической делимитацией границ и хозяйственной интеграцией региона. На основе нормативных актов, соглашения 1895 г., а также современной таджикской, российской и региональной историографии показано, что граница выполняла не только оборонительную, но и, прежде всего, административно-распределительную функцию. Сделан вывод, что позднеимперская модель закрепила правовую неоднородность, институциональную фрагментацию и линейное восприятие пространства, часть которых была воспроизведена в последующих территориальных практиках Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия; Российская империя; колониальная политика; Туркестанский край; протекторат; делимитация границ

Механизмҳои таҳлил мешаванд, ки тавассути онҳо сиёсати мустамликавии империяи Русия дар Осии Марказӣ солҳои 1865–1917 фазои сарҳадии кишвари Туркистонро ба низоми иерархии идорашиавандаи вилоятҳо, протекторатҳо, марзҳои шартномавӣ ва тарҳҳои гумрукию коммуникатсионӣ табдил дода буд. Ҳадафи кор муайян намудани робитаи байни истилои ҷарбӣ, барасмиятдарории ҳуқуқӣ, делимитатсияи дипломатии сарҳадҳо ва ҳамгироии иқтисодии минтақа мебошад. Бар пояи санадҳои меъёрӣ, созишномаи соли 1895 ва таърихнигории муосири тоҷикӣ, русӣ ва минтақавӣ нишон дода мешавад, ки сарҳад на танҳо вазифаи дифоӣ, балки пеш аз ҳама вазифаи маъмурию тақсимотиро иҷро мекард. Хулоса шудааст, ки модели дерини империявӣ нобаробарии ҳуқуқӣ, парокандагии институционалӣ ва дарки хаттии фазоро таҳким бахшид, ки як қисми онҳо дар амалияҳои ҳудудии минбаъда низ муҷаддадан мавриди истифода қарор гирифтанд.

Калидвожаҳо: *Осиёи Марказӣ; империяи Русия; сиёсати мустамликавӣ; кишвари Туркистон; протекторат; делимитатсияи сарҳад*

The article explores the mechanisms by which the colonial policy of the Russian Empire in Central Asia in 1865–1917 transformed the frontier space of the Turkestan region into a hierarchically controlled system of regions, protectorates, treaty boundaries, and customs and communication circuits. The aim of this work is to identify the connections between military conquest, legal formalization, diplomatic border delimitation, and the economic integration of the region. Based on legal documents, the 1895 agreement, as well as contemporary Tajik, Russian, and regional historiography, it is shown that the border served not only a defensive but also, above all, an administrative and distribution function. It is concluded that the late imperial model consolidated legal heterogeneity, institutional fragmentation and a linear perception of space, some of which were reproduced in subsequent territorial practices in Central Asia.

Key-words: *Central Asia; Russian Empire; colonial policy; Turkestan country, protectorate; border delimitation*

Введение

Во второй половине XIX – начале XX в. Центральная Азия стала пространством, где Российская империя соединила военное продвижение, правовое оформление власти, дипломатическое разграничение и хозяйственное переустройство в единую систему управления государственной окраиной. В классической историографии этот процесс чаще описывался как последовательность военных кампаний и дипломатических эпизодов, однако уже Н. А. Халфин показал, что речь шла о длительном политическом курсе, увязывавшем укрепление южных рубежей, доступ к рынкам и преобразование самого пограничного пространства [1, с. 61–62, 113–114]. Для северных регионов современного Таджикистана и Памира последствия этой политики были особенно значимы: включение Худжанда, Ура-Тюбе и сопредельных территорий в новую административную конфигурацию, а позднее международная делимитация высокогорных участков изменили режим подчинения, передвижения и хозяйственных связей [2, с. 20–21, 34–35].

Актуальность темы определяется тем, что границы, сформировавшиеся в 1865–1917 гг., не были нейтральными линиями на карте, а являлись механизмами распределения власти и компетенций. Англо-русское соперничество усилило стремление Петербурга придать продвижению на юг вид устойчивого правового порядка, а не только военного контроля [3, с. 17, 19]. Одновременно, как показывает Ш. Р. Абдуразоков, торгово-экономическое противоборство с Великобританией вело Россию к решениям, которые разделяли локальные сообщества между разными юрисдикциями и постепенно превращали подвижный фронт в фиксируемую государством территорию [4, с. 2–3, 6]. В более широкой региональной перспективе присоединение Средней Азии к России выступало многофакторным процессом, где были тесно переплетены стратегические и хозяйственные мотивы [5, с. 69–72].

Научная проблема состоит в том, что значительная часть литературы рассматривает колониальную политику Российской империи поэлементно: отдельно изучаются завоевание, «Большая игра», реформы в Туркестане, протектораты над Бухарой и Хивой, а также позднеимперские кризисы управления. Между тем, с методологической точки зрения, более продуктивно анализировать их как звенья единого процесса формирования пограничного режима. Такой подход соответствует современной постановке вопроса о российском колониализме в Центральной Азии, где в центр исследования ставятся не оценочные ярлыки, а конкретные практики законодательства, управления и пространственного упорядочения [6, с. 58–73]. Цель статьи заключается в выявлении механизмов, посредством которых имперская

политика преобразовывала границы в иерархически организованную систему областей, протекторатов, буферов и договорных рубежей.

Методологически работа опирается на сочетание историко-сравнительного анализа, анализа нормативных актов и институционального подхода. В качестве исходной гипотезы принимается положение, что позднеимперская граница в Центральной Азии выполняла прежде всего административно-распределительную функцию: она отделяла не только государства, но и режимы власти, виды юрисдикции, уровни хозяйственного контроля и степени включенности территорий в общеимперский порядок. Отсюда следует и основной тезис исследования: колониальная политика Российской империи выработала в регионе не одну только линию границы, а многоуровневую систему пространственного управления, последствия которой пережили саму империю.

Историография вопроса и исследовательский подход

Таджикская и региональная историография последних лет заметно приблизила исследование темы к более целостному пониманию позднеимперского пространства. К.О. Каримова, анализируя социально-экономическое положение Северного Таджикистана во второй половине XIX – начале XX в., убедительно показывает, что административное включение территории сопровождалось перестройкой торговых потоков, налоговых практик и локальной иерархии власти [2, с. 20–21, 34–35]. М.Б. Исмоилова раскрывает внешнеполитическое измерение вопроса: поиск Россией «стабильной границы» с юга и юго-востока был связан не только с престижем державы, но и с необходимостью ограничить британское влияние в зоне, где сходились интересы Афганистана, Бухары и Памира [3, с. 17, 19]. Ш.Р. Абдураззоков переводит разговор в плоскость пространственных последствий англо-русского соперничества и показывает, что договорные решения конца XIX в. имели прямой этнотерриториальный эффект [4, с. 2–3, 6]. И.А. Мамадалиев исследует механизмы адаптации российской административной модели к специфике Средней Азии и доказывает, что синтез имперских институтов управления с местными правовыми традициями определил долгосрочный вектор политического развития региона [7].

Российская историография предоставляет важный инструментарий для анализа внутренних механизмов колониальной политики. Работы И.Г. Напалковой позволяют рассматривать реформы на национальных окраинах как систему сочетания централизации и специальных режимов [8, с. 77–82]. А. П. Волков и В.В. Попов показывают, что в российской Средней Азии военно-административное начало не исчезало даже тогда, когда центр декларировал переход к более «нормальному» управлению [9, с. 76–81]. П.Ф. Рагимова подчеркивает режимный характер национальной политики империи: единый государственный центр управлял неодинаковыми территориями через различающиеся комбинации прямого вмешательства и допускаемой автономии [10, с. 134–141]. Для юридического измерения особенно важны выводы Р.Ю. Почекаева, рассматривающего Центральную Азию как пространство дифференцированного правового включения, где провинция, протекторат и буфер сосуществовали в пределах одной имперской стратегии [11, с. 7–15].

Отдельное место в литературе занимает анализ кризиса позднеимперского управления. Н.Б. Махмудова трактует сенаторскую ревизию графа К.К. Палена как крупномасштабную диагностику внутренних противоречий Туркестанского края [12, с. 134–150]. М.Е. Шушкова показывает, что в начале XX в. вопрос о реформе управления Туркестаном был поставлен как системный, но выработка согласованной модели между столичными ведомствами и ташкентской администрацией оказалась невозможной [13, с. 6–19]. В совокупности названные исследования образуют прочную базу, но оставляют пробел: по-прежнему недостаточно ясно, как военное завоевание, нормы управления, протекторатная

зависимость, международная делимитация и таможенно-коммуникационная интеграция складывались в единую пограничную систему. Настоящая статья направлена именно на заполнение этой лакуны.

Практическая значимость выбранного угла зрения состоит в том, что он позволяет увидеть истоки нескольких устойчивых особенностей политического развития региона. Во-первых, исторически сложившаяся склонность к сочетанию разных режимов управления в пределах одного пространства объясняет, почему центральноазиатские территории долгое время воспринимались как совокупность неоднородных зон, требующих различных способов администрирования. Во-вторых, анализ имперского периода помогает точнее понять, почему в региональной политике столь важную роль играют транспортные коридоры, таможенные рубежи и дипломатически согласованные участки разграничения. Наконец, для современного государственного управления странами Центральной Азии значим сам вывод, что устойчивость границы определяется не только военно-силовым обеспечением, но и качеством правовой координации, полнотой данных и способностью соотносить административные решения с реальной социальной географией.

Источники и методы

Источниковую базу исследования составляют четыре группы материалов. Во-первых, нормативные акты Российской империи, задававшие официальную логику территориального устройства: «Временное положение об управлении Туркестанской областью» 1865 г. и «Положение об управлении Туркестанского края» 1886 г. [14, с. 876–881; 15, ст. 1, 17]. Во-вторых, региональные исследования, позволяющие уточнить социально-экономические и этнотерриториальные последствия имперской политики [2, с. 20–21, 34–35; 4, с. 2–3, 6]. В-третьих, работы по правовым и институциональным механизмам включения региона в империю [11, с. 7–15]. В-четвертых, историографические исследования, помогающие соотнести центральноазиатский материал с более широким вопросом о российском колониализме [6, с. 58–73].

Методически статья строится как проблемно-хронологический анализ. Сначала реконструируются основные фазы имперского продвижения и институционализации власти, затем выделяются устойчивые модели формирования границ, после чего оцениваются их долговременные последствия. Также должны быть обозначены ограничения исследования. Нормативные акты отражают прежде всего точку зрения имперской администрации и не исчерпывают реального опыта локальных сообществ. Современная историография не всегда одинаково прорабатывает таджикский, узбекский, киргизский и туркменский материал. Кроме того, позднеимперские границы нельзя механически переносить на позднейшие советские и постсоветские линии. Тем не менее, сопоставление правовых документов, историографии и региональных исследований позволяет достаточно надежно показать внутреннюю логику становления границ в поздний период имперского управления регионом.

Военно-административная стадия: 1865–1886 гг.

Первый этап формирования имперских границ в Центральной Азии связан с превращением завоеванного пространства в зону первичного военно-административного контроля. «Временное положение об управлении Туркестанской областью» 1865 г. закрепляло концентрацию военной и гражданской власти в руках военного губернатора и тем самым задавало исходную модель пограничного управления, где безопасность, фискальный контроль и административное устройство еще не были разведены по разным ведомственным логикам [14, с. 876–881]. Именно в этот период граница выступала не

столько как внешняя линия суверенитета, сколько как предел оперативного распоряжения войсками, налогами, путями сообщения и низовым посредничеством.

Смысл ранней колониальной политики состоял не просто в захвате новых территорий, а в их упорядочении. Н.А. Халфин отмечал, что после Крымской войны российские правящие круги увязали укрепление южных рубежей с расширением рынков и поиском сырьевых ресурсов [1, с. 113–114]. Поэтому создание новых административных контуров в Туркестане не было сугубо военной импровизацией. Оно сопровождалось сбором статистики, картографированием, учреждением канцелярских и полицейских структур, а также перераспределением функций между военными властями и местными посредниками. Уже на этой стадии вырабатывалась важная особенность будущего режима: граница понималась как пространство постоянного наблюдения и учета, а не как разовое последствие завоевания.

Вместе с тем ранняя система сохраняла высокую степень подвижности. Она еще не предполагала полной унификации и потому опиралась на сочетание прямого принуждения с частичным использованием локальных институтов. Это подтверждает общая логика имперских реформ на окраинах, реконструированная И.Г. Напалковой: центр усиливал контроль, но не отказывался от особых режимов для территорий, которые считались недостаточно интегрированными [8, с. 77–82]. Для Центральной Азии такой подход имел принципиальное значение. Военное продвижение само по себе не создавало устойчивой границы; устойчивость возникала только тогда, когда завоеванное пространство получало иерархию управления, каналы отчетности и правила повседневного посредничества между администрацией и местным населением.

Именно поэтому военно-административная стадия не может быть сведена к предыстории «настоящих» границ. Она стала периодом выработки базовой матрицы, в которой территориальное продвижение сопровождалось созданием управленческих ячеек, а линия контроля постепенно превращалась в правовую и статистическую реальность. В дальнейшем эта матрица не будет отменена, но усложнена: к ней добавятся нормы общего управления, протекторатные формы зависимости и международная делимитация.

Для центральноазиатских обществ, включая северные территории современного Таджикистана, это означало включение в новую систему вертикальной подотчетности. Там, где раньше важную роль играли локальные центры, ориентированные на внутренние связи между ханствами и оазисами, постепенно утверждалась логика подчинения областному и уездному центру. В этом отношении важны наблюдения К.О. Каримовой, что административные преобразования второй половины XIX в. сопровождались изменением хозяйственных маршрутов и подчинением местной жизни новым правилам учета и распределения [2, с. 20–21]. Следовательно, граница в ранний колониальный период формировалась не только на внешнем рубеже империи, но и внутри региона — через переориентацию местных центров на новые административные оси.

Правовое закрепление и режим дифференцированного управления: 1886–1894 гг.

Переход ко второму этапу был связан с «Положением об управлении Туркестанского края» от 12 июня 1886 г. Документ определял Туркестанский край как совокупность Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей и вводил более расчлененную систему управления, включавшую главное управление, ведомственные учреждения, местные органы и судебные установления [15, ст. 1, 17]. Однако его смысл не ограничивался простой модернизацией управленческого режима. Новая модель закрепляла институциональную плотность колониальной власти, не устраняя при этом военного начала и правовой неоднородности. Военные губернаторы, генерал-губернаторская вертикаль,

народные суды и низовые выборные фигуры сосуществовали в единой конструкции, где юридическое равенство территорий изначально не предполагалось.

Данный режим хорошо соотносится с выводами П. Ф. Рагимовой о национальной политике имперского периода конца XIX — начала XX вв. как о политике избирательного институционального регулирования [10, с. 134–141]. На практике это означало, что внутренняя граница проходила не только между империей и внешним окружением, но и внутри самого центральноазиатского пространства — между зонами разной административной плотности, различного допуска местного права и неодинаковой глубины вмешательства в социальную жизнь. А.П. Волков и В.В. Попов показывают, что военно-административный элемент оставался системообразующим даже при усложнении гражданских структур [9, с. 76–81]. Следовательно, правовая стабилизация 1886 г. не означала отказа от колониального характера управления; напротив, она делала этот характер более институционально оформленным.

Особое место в этой системе занимали Бухарский эмират и Хивинское ханство. Их статус нельзя описывать в категориях либо полной независимости, либо обычной провинциальной подчиненности. По наблюдению В.В. Шевцова и Е.Н. Крупенкина, протекторат выступал для российской власти удобной формой удержания стратегически важных территорий без их немедленной инкорпорации в общий административный каркас [16, с. 90–96]. С юридической стороны тот же вывод подтверждает Р.Ю. Почекаев: империя добивалась реального контроля, но стремилась сохранить договорную оболочку «самостоятельности» Бухары и Хивы [17, с. 172–176]. Таким образом, к концу 1880-х гг. в Центральной Азии сложился режим дифференцированного пограничного управления, в котором провинция, зависимое ханство и буферная территория обслуживали единую стратегию имперского присутствия.

Именно в 1886–1894 гг. окончательно проявилось качество, определившее последующее развитие региона: граница стала совпадать не столько с этническим или природным рубежом, сколько с пределом действия определенного набора институтов. Там, где действовало положение о крае, возникал один тип управления; там, где сохранялся протекторатный статус, — другой; там, где требовалось особое военно-дипломатическое наблюдение, — третий. В итоге Центральная Азия превратилась в пространство наложенных друг на друга правовых карт. Такая конструкция была удобна для империи, потому что позволяла выбирать интенсивность вмешательства, не отказываясь от общего стратегического контроля.

Договорное разграничение и таможенно-коммуникационная интеграция: 1895–1917 гг.

Третий этап начался тогда, когда граница вышла на международно-правовой и инфраструктурный уровень. Соглашение между правительствами Великобритании и России от 11 марта 1895 г. о разграничении интересов в районе Памира переводило часть прежнего военно-приграничного пространства в режим договорно закреплённого разграничения сфер влияния [18, р. 3]. Для Центральной Азии это имело не только дипломатическое, но и социальное значение. Как показывает Ш.Р. Абдураззоков, англо-русские договоренности конца XIX в. повлекли разделение ряда локальных сообществ, в том числе таджиков, между различными юрисдикциями [19, с. 15]. Иными словами, международная линия стала воздействовать на реальную географию расселения, хозяйственных связей и маршрутов передвижения.

Параллельно происходило таможенное и коммуникационное связывание пространства. Исследование Р.Ю. Почекаева позволяет проследить, как в 1894–1895 гг. Бухара и Хива были включены в таможенную черту Российской империи, причем внешнее оформление

этой меры требовало договорных решений и издания собственных актов зависимыми правителями [17, с. 176–179]. Это был важный рубеж: формальная государственность протекторатов сохранялась, но их экономическая и пограничная автономия резко сокращалась. Одновременно железнодорожная инфраструктура и опорные пункты южного направления усиливали эффект от фактической интеграции. Б.А. Алимджанов справедливо показывает, что таможенный режим, Закаспийская железная дорога и развитие Термеза рассматривались позднеимперской администрацией как взаимодополняющие средства контроля над регионом [20, с. 97–98].

На этой стадии особенно отчётливо проявилась зрелая логика имперской политики территориального разграничения. Россия не стремилась повсеместно заменить существующие формы единообразной провинциальной моделью. Намного важнее для нее было связать разные зоны — провинции, протектораты, памирские рубежи, речные и таможенные участки — в общую систему регулирования потоков, юрисдикций и внешнеполитических ограничений. Тем самым граница превратилась в сложную технологию координации, где дипломатический договор, таможенный пост, железная дорога и специальный правовой статус решали общую задачу пространственного подчинения.

Однако именно здесь стали заметны и пределы модели. Сенаторская ревизия графа К.К. Палена вскрыла перегруженность управления, внутренние диспропорции в крае и недостаточную согласованность между ведомствами [12, с. 134–150]. После ревизии вопрос о переработке «Положения» 1886 г. был поставлен как вопрос о системной реформе, но, как показывает М.Е. Шушкова, согласовать интересы Петербурга и Ташкента не удалось [13, с. 6–19]. Б.А. Алимджанов, анализируя позднеимперский опыт А.Н. Куропаткина, также фиксирует поиск более гибких решений на фоне очевидной управленческой перегрузки [20, с. 101]. Это означало, что юридическая и инфраструктурная сложность системы росла быстрее, чем способность империи удерживать ее в устойчивом равновесии.

Таблица 1. - Основные этапы имперского формирования границ в Центральной Азии (1865–1917 гг.)

Этап	Основные инструменты	Пограничный эффект
1865–1886	военное управление, статистический учет, областное деление	перевод фронта в режим первичного административного контроля
1886–1894	«Положение» 1886 г., ведомственная и судебная иерархия, сохранение локальных судов	рост правовой плотности при сохранении режимной неоднородности
1895–1917	межимперская делимитация, таможенная интеграция, транспортные коридоры	внешняя фиксация рубежей и усиление фактической связанности пространства

Источник: составлено автором по [14, с. 876–881; 15, ст. 1, 17; 17, с. 176–179; 18, р. 3; 19, с. 97–98].

Типология колониальных моделей формирования границ

Рассмотренный материал позволяет выделить четыре взаимосвязанные модели имперского формирования границ. Первая — военно-административная. Её задача состояла в переводе пограничной периферии в режим первичного контроля через совмещение военной и гражданской власти, создание областной и уездной иерархии, учреждение гарнизонов и каналов отчётности [14, с. 876–881; 9, с. 76–81]. Вторая — административно-нормативная. Она оформилась с «Положением» 1886 г. и была направлена на повышение институциональной плотности управления без отказа от правовой неоднородности [15, ст. 1, 17; 10, с. 134–141].

Третья модель — протекторатно-буферная. Ее сущность состояла в том, что империя добивалась стратегической управляемости и внешнеполитического контроля, не разрушая немедленно договорную оболочку «местной государственности» [16, с. 90–96; 17, с. 172–179]. Четвертая модель — договорно-таможенная. Она проявилась в памирском соглашении 1895 г., включении Бухары и Хивы в таможенную черту, а также в увязке пограничного режима с транспортной инфраструктурой [18, р. 3; 17, с. 176–179; 19, с. 97–98].

Аналитическое значение такой типологии состоит в том, что она позволяет уйти от упрощенного представления о границе как о единственной линии. В действительности позднеимперская граница в Центральной Азии была многослойной: одна линия разделяла внешние сферы влияния, другая — провинциальные и протекторатные режимы, третья — таможенные и транспортные контуры, четвертая — зоны разной правовой плотности внутри самого региона. Именно эта многослойность объясняет, почему колониальная политика Российской империи производила не только территориальный, но и институциональный эффект: она распределяла пространство по видам подчинения и по степени близости к имперскому центру.

Таблица 2. – Типология колониальных моделей формирования границ

Модель	Ядро механизма	Основное ограничение
Военно-административная	совмещение военной и гражданской власти, первичный учет территории	зависимость от силы присутствия и слабая обратная социальная связь
Административно-нормативная	закрепление областной и ведомственной иерархии при сохранении особых режимов	правовая неоднородность и сложность координации
Протекторатно-буферная	сохранение внешней оболочки самостоятельности при реальном стратегическом контроле	ограниченная прозрачность компетенций и двойственность статуса
Договорно-таможенная	международная делимитация, таможенный режим, транспортные узлы	риск разрыва между юридической линией и реальной географией связей

Источник: составлено автором по [9, с. 76–81; 10, с. 134–141; 16, с. 90–96; 17, с. 172–179; 18, р. 3].

Долговременные последствия имперской пограничной политики

Главным результатом позднеимперской политики стало закрепление институциональной фрагментации региона. Центральная Азия была включена в имперский порядок не по единой схеме, а через сочетание области, протектората, буфера и договорно разграниченного участка. Это обеспечивало гибкость управления, но одновременно затрудняло формирование общей правовой среды и воспроизводило неодинаковость административных практик [11, с. 7–15]. Такая неоднородность автоматически не исчезла вместе с империей, поскольку задала устойчивые представления о «нормальном» устройстве пространства: разные территории воспринимались как допустимо подчиненные разным режимам.

Второе долговременное последствие связано с разделением локальных сообществ. Делимитация памирских рубежей и последующее усиление контроля на амударьинском направлении переводили традиционные хозяйственные и семейные связи в режим пересечения юрисдикционных линий [18, р. 3; 4, с. 2–3, 6]. Для таджикской ситуации это особенно важно, поскольку позднеимперские решения влияли не только на

внешнеполитическую карту, но и на внутреннюю конфигурацию контактов между высокогорными и долинными районами. Здесь проявился принципиальный колониальный эффект: государственная линия начинала организовывать социальное пространство сильнее, чем локальная практика взаимосвязей.

Третье последствие — закрепление линейного восприятия границы. Имперская администрация последовательно усиливала учет, картографирование, таможенный контроль и транспортное освоение пространства, превращая территорию в объект измерения и распределения. Именно в этом смысле граница выполняла административно-распределительную функцию. Она отделяла участки разной ведомственной компетенции, разные налоговые режимы, разные уровни допуска местного права и различную степень вмешательства в повседневную жизнь. Такой подход частично подготовил позднейшие территориальные практики, хотя сводить их к прямому механическому наследованию было бы неверно [2, с. 34–35; 11, с. 7–15].

Наконец, позднеимперский опыт показывает пределы модели, в которой юридическое закрепление и инфраструктурное связывание опережают развитие устойчивой обратной связи с местным обществом. Ревизия К. Палена продемонстрировала, что даже сложная система нормативных актов, ведомств и коммуникаций может оказаться перегруженной, если она недостаточно чувствительна к социальным последствиям собственных решений [12, с. 134–150]. Исторический урок здесь состоит в том, что устойчивость пограничного режима определяется не только силой контроля, но и способностью согласовывать правовой порядок с реальной географией людей, рынков и маршрутов.

Еще одно последствие заключалось в институциональном наследии для последующих территориальных практик. Позднеимперская администрация оставила после себя не готовые современные государственные границы, а более глубокий каркас: привычку мыслить пространство через области, уезды, опорные пункты, транспортные оси, специальные режимы и линии разграничения компетенций. Именно поэтому влияние имперского периода следует понимать не как прямое копирование прежних рубежей, а как передачу самой технологии формирования и институционального закрепления границ. Эта технология была затем переработана в иных политических условиях, но не исчезла бесследно.

Системные ограничения позднеимперской модели

Позднеимперская система формирования границ имела по меньшей мере четыре устойчивых ограничения. Первое ограничение состояло в разрыве между юридически закрепленной линией и реальной социальной географией региона. Нормативные акты, договоры и таможенные решения создавали все более четкие контуры подчинения, однако хозяйственные маршруты, сезонные перемещения и семейно-общинные связи автоматически не совпадали с этими контурами. Особенно заметно это проявлялось в памирском и приамударьинском пространствах, где договорная делимитация сталкивалась с устойчивостью локальных связей [18, р. 3; 4, с. 2–3, 6].

Второе ограничение заключалось в слабой координации между военной, дипломатической, финансовой и регионально-административной логикой управления. Материалы о включении Бухары и Хивы в таможенную черту показывают, что даже относительно локальное решение требовало сложного согласования между разными ведомствами и правителями зависимых государств [17, с. 175–179]. Позднее те же трудности проявились в обсуждении реформы Туркестана после ревизии К. Палена, когда центр и краевая администрация расходились в оценке глубины и темпов необходимых преобразований [13, с. 6–19].

Третье ограничение было связано с запаздывающим характером обратной связи. Сенаторская ревизия начала XX в. сама по себе свидетельствовала о том, что имперская система недостаточно располагала регулярными механизмами ранней диагностики проблем и лучше фиксировала уже накопившийся кризис, чем его предпосылки [12, с. 134–150]. Четвертое ограничение выражалось в переоценке возможностей инфраструктурных и силовых инструментов. Железные дороги, таможенные посты и укрепленные пункты действительно усиливали управляемость, но, как показывает позднеимперский опыт генерала А.Н. Куропаткина, не снимали вопроса о правовой предсказуемости и социальной приемлемости режима [19, с. 97–98, 101].

Таблица 3. – Долговременные последствия позднеимперской пограничной политики

Последствие	Имперский источник	Аналитическое значение
Институциональная фрагментация	сочетание областей, протекторатов и буферов	пространство мыслится как совокупность зон с разной плотностью власти
Разделение локальных сообществ	межимперская делимитация Памира и усиление контроля на Амударье	социальные связи подчиняются юридическим линиям
Линейное восприятие границы	картографирование, учет, таможенный и транспортный контроль	граница понимается прежде всего как механизм распределения компетенций
Управленческая перегрузка	рост нормативной сложности и слабая межведомственная координация	устойчивость режима зависит от качества обратной связи, а не только от силы контроля

Источник: составлено автором по [4, с. 2–3, 6; 11, с. 7–15; 12, с. 134–150; 17, р. 3; 19, с. 97–98, 101].

Заключение

Колониальная политика Российской империи в Центральной Азии в 1865–1917 гг. представляла собой не сумму разрозненных военных, дипломатических и административных шагов, а последовательный процесс производства пограничного порядка. В этом порядке граница выступала не просто линией раздела, а инструментом пространственного управления: через нее распределялись полномочия, юридические режимы, хозяйственные потоки и формы зависимости. Именно поэтому позднеимперскую Центральную Азию следует рассматривать как регион формирования многоуровневого погранично-административного порядка, в рамках которого провинциальная администрация, протекторат, международное соглашение и таможенно-транспортная интеграция образовывали единую систему управления.

Научная новизна проведенного анализа состоит, во-первых, в интерпретации границы как интегрального режима имперского управления, а не как простого итога завоевания. Во-вторых, предложена типология четырех колониальных моделей формирования границ — военно-административной, административно-нормативной, протекторатно-буферной и договорно-таможенной. В-третьих, показано, что долговременный эффект имперской политики заключался не только в изменении картографического контура региона, но и в закреплении правовой неоднородности, институциональной фрагментации и линейного восприятия пространства. Практический вывод состоит в том, что долговечный порядок на границе возникает там, где государство заранее соединяет право, управление,

инфраструктуру и социальную географию в единую систему согласованного действия, а не подменяет сложную работу с пространством одной лишь линией контроля.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868) / Н. А. Халфин. – Москва: Издательство восточной литературы, 1960. – 272 с. URL: https://militera.lib.ru/research/halfin_na1/index.html (дата обращения: 1.12.2025).
2. Каримова К. О. Социально-экономическое положение Северного Таджикистана во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам ревизии комиссии сенатора графа К. К. Палена): дис. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 2022. URL: <https://tnu.tj/Dissertatsii/KarimovaKO/KarimovaKO.pdf> (дата обращения: 11.12.2025).
3. Исмоилова М. Б. История англо-русского соперничества в Средней Азии (1810–1896 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. Б. Исмоилова. – Душанбе, 2025.
4. Абдураззоков Ш. Р. Средняя Азия в условиях англо-русского торгово-экономического соперничества (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ш. Р. Абдураззоков. – Душанбе, 2025. URL: <https://tnu.tj/avtorefi/avtorefiAbdurazzoqovSh.pdf> (дата обращения: 3.03.2026).
5. Масов Р., Дубовицкий В. Присоединение Средней Азии к России: события через призму трех веков / Р. Масов, В. Дубовицкий // Россия и мусульманский мир. 2014. № 10 (268). С. 69–92. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prisoedinenie-sredney-azii-k-rossii-sobytiya-cherez-prizmu-treh-vekov> (дата обращения: 1.12.2025).
6. Васильев Д. В. Российский колониализм в Центральной Азии: определяя время и место / Д. В. Васильев // Журнал фронтирных исследований. 2022. Т. 7, № 1 (25). С. 58–73. DOI: 10.46539/jfs.v7i1.369. URL: <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i1.369> (дата обращения: 7.12.2025).
7. Мамадалиев И. Россия и Средняя Азия: особенности колониально-административной системы управления во второй половине XIX – начале XX века / И.А. Мамадалиев. – Худжанд: Ношир, 2013. – 400 с.
8. Напалкова И. Г. Административные реформы управления национальными окраинами Российской империи (в XIX – начале XX вв.) / И. Г. Напалкова // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 77–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnye-reformy-upravleniya-natsionalnymi-okrainami-rossiyskoj-imperii-v-xix-nachale-xx-vm> (дата обращения: 7.12.2025).
9. Волков А. П., Попов В. В. Развитие военно-административного управления в российской Средней Азии во второй половине XIX в. / А. П. Волков, В. В. Попов // Общество: философия, история, культура. 2019. № 8 (64). С. 76–81. DOI: 10.24158/fik.2019.8.12. URL: <https://doi.org/10.24158/fik.2019.8.12> (дата обращения: 7.12.2025).
10. Рагимова П. Ф. Особенности национальной политики Российской империи в конце XIX – начале XX века / П. Ф. Рагимова // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 5 (35). С. 134–141. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-natsionalnoy-politiki-rossiyskoj-imperii-v-kontse-xix-nachale-xx-veka> (дата обращения: 8.03.2026).
11. Почекаев Р. Ю. Российский фактор правового развития Средней Азии: 1717–1917. Юридические аспекты фронтирной модернизации / Р. Ю. Почекаев. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 328 с. URL: https://id.hse.ru/data/2020/01/14/1514476885/Почекаев_текст_сайт.pdf (дата обращения: 1.12.2025).
12. Махмудова Н. Б. Сенаторская ревизия графа К. К. Палена в Туркестане: причины, ход, последствия / Н. Б. Махмудова // Метаморфозы истории. 2016. № 7. С. 134–150. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/senatorskaya-reviziya-grafa-k-k-palena-v-turkestane-prichiny-hod-posledstviya> (дата обращения: 8.03.2026).

13. Шушкова М. Е. Реформа управления Туркестанским краем в начале XX в.: разногласия между С.-Петербургом и Ташкентом / М. Е. Шушкова // *Новый исторический вестник*. 2012. № 2 (32). С. 6–19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-upravleniya-turkestanskim-kraem-v-nachale-xx-v-raznoglasiya-mezhdu-s-peterburgom-i-tashkentom> (дата обращения: 1.12.2025).
14. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 40. 1865. Отд. 1. № 42372. Временное Положение об управлении Туркестанской областью. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1867. С. 876–881. URL: <http://dlib.rsl.ru/rsl01003000000/rsl01003821000/rsl01003821686/rsl01003821686.pdf> (дата обращения: 7.12.2025).
15. Положение об управлении Туркестанского края: [утв. 12 июня 1886 г.]. СПб., 1886. С. 649–703. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003547474/ (дата обращения: 1.12.2025).
16. Шевцов В. В., Крупенкин Е. Н. Протекторат как форма политики Российской империи в Средней Азии / В. В. Шевцов, Е. Н. Крупенкин // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2024. № 91. С. 90–96. DOI: 10.17223/19988613/91/10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protectorat-kak-forma-politiki-rossiyskoj-imperii-v-sredney-azii> (дата обращения: 7.12.2025).
17. Почакаев Р. Ю. Включение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в таможенную черту Российской империи (1895 г.) / Р. Ю. Почакаев // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. № 3. С. 172–184. DOI: 10.17323/2072-8166.2016.3.172.184. URL: <https://law-journal.hse.ru/article/view/20279> (дата обращения: 8.03.2026).
18. Agreement between the Governments of Great Britain and Russia with regard to the Spheres of Influence of the Two Countries in the Region of the Pamirs. London, March 11, 1895. Treaty Series. 1895. No. 8. URL: <https://treaties.fcdo.gov.uk/data/Library2/pdf/1895-TS0008.pdf> (дата обращения: 11.02.2026).
19. Салимов Ф.Н. Административное разделение Средней Азии в период Российской империи: последствия и современные реалии / Ф.Н. Салимов // *Вестник Таджикского национального университета*. – Душанбе, 2025. - №9. – С.11-23.
20. Алимджанов Б. А. А. Н. Куропаткин и экономическая политика Российской империи в Центральной Азии / Б. А. Алимджанов // *Юридическая наука: история и современность*. 2019. № 8. С. 93–103. URL: <https://www.academia.edu/42808779> (дата обращения: 7.12.2025).

REFERENCES:

1. Khalfin N. A. *Russia's Policy in Central Asia (1857–1868)*. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1960. 272 pp. URL: https://militera.lib.ru/research/halfin_na1/index.html (date of appeal: 01.12.2025). [In Russian]
2. Karimova K. O. *The Socio-Economic Situation of Northern Tajikistan in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries: Based on the Materials of the Audit Commission of Senator Count K. K. Pahlen: PhD Thesis in History*. Dushanbe, 2022. URL: <https://tnu.tj/Dissertatsii/KarimovaKO/KarimovaKO.pdf> (date of appeal: 11.12.2025). [In Russian]
3. Ismoilova M. B. *The History of Anglo-Russian Rivalry in Central Asia (1810–1896): Abstract of a PhD Thesis in History*. Dushanbe, 2025. [In Russian]
4. Abdurazzokov Sh. R. *Central Asia in the Context of Anglo-Russian Trade and Economic Rivalry: The Second Half of the 19th and Early 20th Centuries: Abstract of a PhD Thesis in History*. Dushanbe, 2025. URL: <https://tnu.tj/avtorefi/avtorefiAbdurazzoqovSh.pdf> (date of appeal: 03.03.2026). [In Russian]

5. Masov R., Dubovitskii V. *The Incorporation of Central Asia into Russia: Events through the Prism of Three Centuries // Russia and the Muslim World*. 2014. No. 10 (268). PP. 69–92. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prisoedinenie-sredney-azii-k-rossii-sobytiya-cherez-prizmu-treh-vekov> (date of appeal: 01.12.2025). [In Russian]
6. Vasiliev D. V. *Russian Colonialism in Central Asia: Defining Time and Place // Journal of Frontier Studies*. 2022. Vol. 7, No. 1 (25). PP. 58–73. DOI: 10.46539/jfs.v7i1.369. URL: <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i1.369> (date of appeal: 07.12.2025). [In Russian]
7. Mamadaliyev I. *Russia and Central Asia: Features of the Colonial Administrative System of Governance in the Second Half of the 19th – Early 20th Century*. Khujand: Noshir, 2013. 400 pp.
8. Napalkova I. G. *Administrative Reforms in the Governance of the National Borderlands of the Russian Empire: In the 19th and Early 20th Centuries // Bulletin of Chuvash University*. 2011. No. 4. PP. 77–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnye-reformy-upravleniya-natsionalnymi-okrainami-rossiyskoy-imperii-v-xix-nachale-xx-vv> (date of appeal: 07.12.2025). [In Russian]
9. Volkov A. P., Popov V. V. *The Development of Military-Administrative Governance in Russian Central Asia in the Second Half of the 19th Century // Society: Philosophy, History, Culture*. 2019. No. 8 (64). PP. 76–81. DOI: 10.24158/fik.2019.8.12. URL: <https://doi.org/10.24158/fik.2019.8.12> (date of appeal: 07.12.2025). [In Russian]
10. Ragimova P. F. *Features of the National Policy of the Russian Empire in the Late 19th and Early 20th Centuries // Central Russian Journal of Social Sciences*. 2014. No. 5 (35). PP. 134–141. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-natsionalnoy-politiki-rossiyskoy-imperii-v-kontse-xix-nachale-xx-veka> (date of appeal: 08.03.2026). [In Russian]
11. Pochekaev R. Yu. *The Russian Factor in the Legal Development of Central Asia: 1717–1917. Legal Aspects of Frontier Modernization*. Moscow: HSE Publishing House, 2020. 328 pp. URL: https://id.hse.ru/data/2020/01/14/1514476885/Почекаев_текст_сaium.pdf (date of appeal: 01.12.2025). [In Russian]
12. Makhmudova N. B. *Senator Count K. K. Pahlen's Audit in Turkestan: Causes, Course, and Consequences // Metamorphoses of History*. 2016. No. 7. PP. 134–150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/senatorskaya-reviziya-grafa-k-k-palena-v-turkeстане-prichiny-hod-posledstviya> (date of appeal: 08.03.2026). [In Russian]
13. Shushkova M. E. *The Reform of Governance in Turkestan Country in the Early 20th Century: Disagreements between St. Petersburg and Tashkent // New Historical Bulletin*. 2012. No. 2 (32). PP. 6–19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-upravleniya-turkeстанskim-kraem-v-nachale-xx-v-raznoglasiya-mezhdu-s-peterburgom-i-tashkentom> (date of appeal: 01.12.2025). [In Russian]
14. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 2nd Collection. Vol. 40. 1865. Division 1. No. 42372. Temporary Regulation on the Administration of Turkestan Oblast*. St. Petersburg: Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1867. PP. 876–881. URL: <http://dlib.rsl.ru/rsl01003000000/rsl01003821000/rsl01003821686/rsl01003821686.pdf> (date of appeal: 07.12.2025). [In Russian]
15. *Regulation on the Administration of Turkestan Krai: Approved on June 12, 1886*. St. Petersburg, 1886. PP. 649–703. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003547474/ (date of appeal: 01.12.2025). [In Russian]
16. Shevtsov V. V., Krupenkin E. N. *Protectorate as a Form of Policy of the Russian Empire in Central Asia // Bulletin of Tomsk State University. History*. 2024. No. 91. PP. 90–96. DOI: 10.17223/19988613/91/10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protectorat-kak-forma-politiki-rossiyskoy-imperii-v-sredney-azii> (date of appeal: 07.12.2025). [In Russian]

17. Pochekaev R. Yu. *The Inclusion of the Bukhara Emirate and the Khiva Khanate into the Customs Line of the Russian Empire: 1895* // *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2016. No. 3. PP. 172–184. DOI: 10.17323/2072-8166.2016.3.172.184. URL: <https://law-journal.hse.ru/article/view/20279> (date of appeal: 08.03.2026). [In Russian]
18. *Agreement between the Governments of Great Britain and Russia with regard to the Spheres of Influence of the Two Countries in the Region of the Pamirs*. London, March 11, 1895. *Treaty Series*. 1895. No. 8. URL: <https://treaties.fcdo.gov.uk/data/Library2/pdf/1895-TS0008.pdf> (date of appeal: 11.02.2026).
19. Salimov F. N. *Administrative Division of Central Asia during the Period of the Russian Empire: Consequences and Modern Realities* // *Bulletin of the Tajik National University*. 2025. No. 9. PP. 11–23. [In Russian]
20. Alimdzhанov B. A. A. N. *Kuropatkin and the Economic Policy of the Russian Empire in Central Asia* // *Legal Science: History and Modernity*. 2019. No. 8. PP. 93–103. URL: <https://www.academia.edu/42808779> (date of appeal: 07.12.2025). [In Russian]

УДК 94 (47). 07

DOI 10.24412/3005-849X-2026-2-43-54

**ОТ ПОБЕД К КРИЗИСУ:
РОССИЙСКАЯ АРМИЯ ОТ
ТРИУМФА НАД НАПОЛЕОНОМ ДО
КРАХА В КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ**

Солиходжаева Саидахон Анварходжаевна,
канд. истор. наук, доцент кафедры
политологии ТГУПБП (Худжанд,
Таджикистан)

**АЗ ҒАЛАБА БА
БУҲРОН: АРТИШИ РУСИЯ АЗ
ЗАҒАР БАР НАПОЛЕОН ТО
ШИКАСТ ДАР ҶАНГИ ҚРИМ**

Солихоҷаева Саидахон Анвархоҷаевна,
н.и.т., дотсенти кафедраи сиёсатишиносии
ДДҲБСТ (Хуҷанд, Тоҷикистан)

**FROM VICTORIES TO CRISIS:
THE RUSSIAN ARMY FROM
TRIUMPH OVER NAPOLEON TO
COLLAPSE IN THE CRIMEAN WAR**

Solikhodzhaeva Saidakhon Anvarkhodzhaevna,
candidate in History, associate professor of the
department of political studies under the TSULBP
(Khujand, Tajikistan) e-mail: saidakhon_89@mail.ru

Российская армия первой половины XIX века представляла собой крупнейшую военную силу Европы, но её развитие носило противоречивый характер. Она сочетала огромную численность и высокий престиж с архаичными социальными и организационными основами. Надо отметить, что российская армия в указанный период была одновременно символом силы и слабости империи. Она обеспечивала престиж и влияние России в Европе, но её крепостническая основа, суровая дисциплина и экономическая тяжесть делали её фактором внутреннего напряжения и отсталости. Именно эта двойственность определила политическую судьбу Николая I и закрепила за ним образ «жандарма Европы». Ставится цель: оценить степень модернизации российской армии в сравнении с передовыми государствами Европы, проанализировать влияние на армию внутренней политики императоров Александра I и Николая I, а также определить роль армии в общественной и политической жизни. Сделана попытка дать целостное представление о российской армии первой половины XIX века, ее сильных сторонах, проявившихся в блестящих победах, и об уязвимых местах, заложивших основы для будущих вызовов.

Ключевые слова: *Российская империя; российская армия XIX века; символ силы и слабости империи; влияние России в Европе; степень модернизации армии; внутренняя политика императоров; роль армии*

Артиши Русия дар нимаи аввали қарни XIX нуруи калонтарини ҳарбии Аврупо ба шумор мерафт, вале хусусияти ихтилофнок дошт. Дар он теъдоди зиёд ва обрӯю эътибори баланд бо пояҳои куҳнашудаи ҷаҳонию ташиқилӣ ҳамнишинӣ доштанд. Лозим ба зикр аст, ки артиши Русия дар давраи мавриди назар ҳам рамзи қувват ва ҳам рамзи заъфи империя буд. Он эътибор ва нуфузи Русияро дар Аврупо таъмин мекард, вале пойгоҳи крепостнойӣ, интизоми бениҳоят сахт ва гарони иқтисодӣ онро ба омиле ташаннуҷ ва қафомониҳои дохилӣ табдил меоданд. Маҳз ҳамин дугонагӣ тақдире сиёсии Николайи I-ро муайян карда, образи “жандарми Аврупо”-ро ба ӯ хос гардонид. Мақсади зерин гузошта шудааст: арзёбии сатҳи тақдиди артиши Русия дар қиёс бо давлатҳои пешқадами Аврупо, таҳлили таъсири сиёсати дохилии императорҳо Александри I ва Николайи I ба артиш, ҳамчунин муайян кардани нақши артиш дар ҳаёти ҷамъиятӣ ва сиёсӣ. Кушиши ба харҷ дода шудааст, ки дар бораи артиши Русия дар нимаи якуми асри XIX, ҷанбаҳои қавии он, ки дар

муҳорибаҳои нусратоварба зухур омаданд ва нуқтаҳои заъфпазири он, ки хавфҳои ояндаро бунёдгузори қарданд, тасаввуроти том пешиноҳод шавад.

Калидвожаҳо: империяи Русия; артиши Русия дар қарни XIX; рамзи қувва ва заъфи империя; нуфузи Русия дар Аврупо; сатҳи таҷдиди артиш; сиёсати дохилии императорҳо; нақши артиш

The Russian army of the first half of the XIX-th century was the largest military force in Europe, but its development was contradictory. It combined enormous numbers and high prestige with archaic social and organizational foundations. It should be noted that the Russian army during this period was simultaneously a symbol of the empire's strength and weakness. It ensured Russia's prestige and influence in Europe, but its feudal foundation, harsh discipline, and economic hardship made it a source of internal tension and backwardness. It was this duality that determined the political fate of Nicholas I and cemented his image as the "gendarme of Europe." The aim of this study is to assess the degree of modernization of the Russian army in comparison with the leading European states, analyze the impact of the domestic policies of Emperors Alexander I and Nicholas I on the army, and determine the army's role in social and political life. An attempt has been made to provide a comprehensive picture of the Russian army of the first half of the 19th century, its strengths, demonstrated in brilliant victories, and its vulnerabilities, which laid the foundations for future challenges.

Key-words: *the Russian Empire; the Russian army of the XIX-th century; a symbol of the strength and weakness of the empire; Russia's influence in Europe; the degree of modernization of the army; the internal policy of the emperors; the role of the army*

Введение. Первая половина XIX века стала для Российской империи периодом значительных испытаний и трансформаций, на ход которых во многом повлияло состояние ее Вооруженных сил. Русская армия, являясь опорой государственности и инструментом проведения внешней политики, проходила сложный путь модернизации, сталкиваясь с вызовами и внутреннего (социально-экономического), и внешнего характера. От успешной мобилизации и боеспособности армии напрямую зависела судьба империи, ее территориальная целостность и международный авторитет. Данное исследование направлено на комплексный анализ ключевых аспектов состояния русской армии в указанный период, выявление основных тенденций развития, проблем и достижений.

Краткое описание. Исследование посвящено всестороннему изучению русской армии в первой половине XIX века – от эпохи наполеоновских войн до середины века, предвещающей великие реформы. Рассмотрены организационные, технические, кадровые, идеологические и материально-технические аспекты функционирования Вооруженных сил Российской империи. Особое внимание уделено влиянию реформ, проводимых различными императорами, на боеспособность и структуру армии, а также ее участие в ключевых военных кампаниях, определивших геополитическое положение России.

Цель исследования. Основная цель исследования – выявить и проанализировать основные характеристики, проблемы и пути развития русской армии в первой половине XIX века. Это включает: оценку степени модернизации армии по сравнению с передовыми европейскими державами; анализ влияния внутренней политики государства на армию; изучение состояния командного состава, системы подготовки офицеров и солдат; исследование материально-технической базы, вооружения и снабжения; выявление закономерностей и ключевых моментов в развитии военной организации и тактики; определение роли армии в общественной и политической жизни империи.

Методы исследования. Для достижения поставленной цели использованы следующие методы: историко-сравнительный метод: произведено сопоставление русской армии с армиями других европейских государств для определения степени ее развития и конкурентоспособности; историко-аналитический метод: дан детальный анализ исторических источников (законодательных актов, мемуаров, официальных документов, переписки, трудов военных историков) для выявления и оценки фактов.

Анализ и описание научной литературы. В первой половине XIX века русская армия переживала период изменений, которые нашли отражение в обширной научной литературе. По предлагаемой теме были использованы труды: А.Л. Андрианова, Л.З. Арнольда, М.И. Богдановича, И.С. Блиоха, В. И. Потто, Н.П. Глиноецкого, М.О. Гершензона, Н.М. Дружинина, Н.Ф. Дубровина, С.М. Дубнова и других лиц.

Ключевыми работами, заложившими основу для понимания событий данного периода, являются труды русских военных историков Н.А. Орлова ("История Донского казачества"), А.М. Зайончковского ("Военные реформы Д.А. Милютин" – работа хотя и более поздняя, но анализирующая предпосылки реформ, сложившиеся в первой половине XIX века), О.В. Ростиславова, а также исследования, посвященные конкретным войнам, например, труды Е.В. Тарле об Отечественной войне 1812 года.

Анализ научной литературы позволяет выявить две основные тенденции: с одной стороны, выдающиеся успехи русской армии в войнах (например, победу над Наполеоном), свидетельствующие о высоком боевом духе, стойкости и тактической грамотности русской армии под руководством талантливых полководцев; с другой стороны – наличие глубоких системных проблем, связанных с отсталостью военно-технической базы, архаичностью системы управления, низкой мобильностью и неэффективностью снабжения, что отчетливо проявилось в Крымской войне (которая хотя и выходит за пределы обозначенного периода, но ее предпосылки сформировались ещё в первой половине XIX века).

Ограничения исследования. При проведении данного исследования могут возникнуть следующие ограничения.

Доступность источников: не все архивные материалы и документы первой половины XIX века могут быть доступны в полной мере или находятся в отличном состоянии.

Объективность источников: некоторые источники, особенно мемуары, могут содержать субъективные оценки и отражать личные пристрастия авторов, что требует критического подхода к их интерпретации.

Фрагментарность данных: отсутствие систематизированных статистических данных по некоторым аспектам (например, точных данных о качестве жизни солдат, уровне технической подготовки) может затруднить количественный анализ.

Основная часть. Описание Габриэлем Мирабо Пруссии как страны, у которой не было армии, поскольку у армии была страна, в которой она расквартирована, в значительной степени применимо к России времен императора Николая I. Империя с населением от шестидесяти до семидесяти миллионов человек поддерживала Вооруженные силы численностью более миллиона человек. Вероятно, ни одна современная ей армия не могла сравниться с ней в величии грандиозных парадов, в массе великолепной кавалерии или в совершенстве сложной системы муштры и маневренности. Более того, она приумножила славу, завоеванную упорной обороной против великой армии Наполеона и победоносным походом на Париж в 1814 году, завоевав новые лавры благодаря победам над персами, турками, поляками и восставшими мадьярами. Именно благодаря своему престижу и власти император Николай I в течение почти тридцати лет мог быть противником революционных выступлений, по этому поводу В.И. Ленин писал так: «И вся суть политики пролетариата в

данный момент состоит в том, чтобы сорвать маску с буржуазных лицемеров, чтобы обнаружить перед глазами самых широких народных масс реакционность европейских правительств, которые из боязни пролетарской борьбы у себя дома играют и помогают играть роль жандарма по отношению к революции в Азии» [21, с.222].

Нет необходимости определять роль этой армии как инструмента внешней политики, поскольку она хорошо известна. Ее функции в России менее известны. Это было любимое ведомство императора, который всегда носил военную форму, спал на жесткой походной кровати и окружал себя солдатами. У него в свите было не только беспрецедентное количество помощников, адъютантов и других военнослужащих, но он даже российские министерства укомплектовал свитскими генералами. В 1840-м году военным принадлежали десять из тринадцати министерских портфелей, и есть некоторые основания полагать, что он с радостью назначил бы генералов министрами юстиции, образования и иностранных дел, если бы у него были люди, способные занять эти места [8, с. 21-22]. Следует сказать, что многие из этих военнослужащих в министерских креслах были не боевыми командирами, а скорее придворными генералами [23, с. 321]. Некоторые, однако, понюхали порохи. Генерал П.Д. Киселев, министр государственных имуществ, отличился в наполеоновских войнах, а склонный к агностицизму граф Н.А. Протасов, который в качестве обер-прокурора Святейшего Синода руководил управлением Русской церкви, был лихим кавалерийским командиром. На этих высоких постах, а также на ряде менее значительных, военные пользовались высоким авторитетом и им отдавалось предпочтение [8, с. 21-22].

Точно так же, как военные занимали государственные посты, которые в других странах занимали гражданские лица, армия выполняла многие задачи, которые в других местах выполняла полиция или другие гражданские чиновники. Были сформированы силы внутренней обороны, в которые включили около 180 000 старых солдат, непригодных к регулярной службе [29, с. 28]. Они стояли гарнизонами по всей России, охраняли в городах банки и государственные учреждения, включая тюрьмы, и сопровождали осужденных в места заключения. Они не выполняли этих обязанностей только в Санкт-Петербурге, поскольку в столице гвардейские полки выделяли отдельные части для охраны государственных зданий и поддержания порядка. Нельзя сказать, что военные всегда хорошо выполняли эти обязанности, поскольку многие старые солдаты были непригодны для поимки нарушителей закона или подавления беспорядков. В то время как во Франции и Австрии эти задачи выполняли всего двадцать-тридцать тысяч жандармов и вооруженных полицейских, в России для выполнения аналогичных функций было задействовано около 180 000 военнослужащих внутренней обороны. Более того, подавление крестьянских выступлений, что было особой задачей войск внутренней обороны, обычно оказывалось им не под силу, и в большинстве случаев властям приходилось привлекать регулярные войска для восстановления порядка [29, с. 28].

Другие задачи, возложенные на армию России, также не были обычными для остальной Европы. Когда страну охватили крупные эпидемии, правительство выделило полки для поддержания карантинных линий из небольших пикетов на холмах и в низинах, чтобы предотвратить передвижение носителей инфекции: обязанность, которая очень не нравилась и офицерам, и рядовым [15, с. 235-236]. По просьбе графа Е.Ф. Канкрин, министра финансов при Николае I, Военное министерство поставило перед некоторыми войсками еще более сложную задачу. Когда оказалось невозможным собрать с крестьян недоимки по налогам обычными средствами, Канкрин приказал расквартировать войска в деревнях и кормить их до тех пор, пока крестьяне не заплатят недоимки. Действия оказались

настолько убедительными, что крестьяне поспешили продать последнюю голову скота, чтобы избавиться от непрошенных гостей [9, с. 202-204; 16].

Армия оказалась весьма эффективной в деле ассимиляции нерусских лиц в русское сообщество. Правительство предоставляло возможность юношам благородного происхождения из Прибалтики и Финляндии, Польши и Литвы, Грузии и горных племен Кавказа поступать в военные училища или получать офицерскую подготовку, пройдя полевую службу в полках [25, с.1]. Во время Крымской войны многие польские офицеры храбро сражались в рядах русской армии под Севастополем [2, с. 391]. С другой стороны, поляков, призванных в армию рядовыми, вероятно, ждала незавидная участь. Еще хуже обстояло дело с призывниками-евреями. Часто их забирали из дома в возрасте двенадцати лет или моложе для предварительной подготовки перед поступлением в армию, и на них оказывалось сильнейшее давление, чтобы они приняли русскую православную веру, а те, кто оставался верен иудаизму, часто становились настоящими мучениками [11, с. 28-29]. Бок о бок с этими несчастными служили мужчины, отправленные в армию в качестве наказания, поэтому армия для них служила еще и тюрьмой без решеток. Это были участники восстания декабристов, польские повстанцы, мятежные студенты, непокорные крестьяне, освобожденные своими помещиками, упрямые религиозные диссиденты. Среди рядовых были надзиратели, а также различного рода преступники, приговоренные к пожизненной службе в армии [25, с. 273-290].

Для народа России эта великая армия была тяжким бременем. Отчасти из-за плохого состояния коммуникаций в России, а отчасти из-за крепостнической системы власти считали необходимым держать огромное количество людей под ружьем, даже несмотря на то, что в других странах система всеобщего обучения и огромные резервы начинали позволять сокращать постоянные армии. Поскольку, по устоявшемуся закону, русский крепостной становился свободным после прохождения военной службы, всеобщая воинская повинность была невозможна [29, с. 28]. Вместо этого армия пополняла ряды, призывая представителей низших классов из расчета пять, шесть или восемь человек на тысячу мужчин. Их семьи оплакивали тех, кто был взят в рекруты, как если бы они были мертвыми, поскольку лишь немногие возвращались после двадцатипятилетней службы. Новобранцы, оторванные от семей, а иногда от жен и детей, которых они часто больше никогда не видели, также чувствовали себя обреченными. Воинская повинность была тяжелым бременем для российского общества [26, с. 358-360]. В 1834 году император Николай I несколько облегчил это бремя, установив, что мужчины, имевшие пятнадцатилетний послужной список, могли за хорошее поведение оставаться в резерве до истечения срока службы. С тех пор около семнадцати тысяч человек ежегодно становились резервистами [29, с. 330]. Тем не менее, призыв людей в армию оставался очень обременительным для народа.

В некоторых частях России существовали военные поселения, где крестьяне не подлежали призыву на военную службу. На самом деле здесь судьба крестьян была хуже, чем где бы то ни было, поскольку им приходилось содержать солдат в своих домах в дополнение к тому, что они сами подчинялись военной дисциплине. Командиры строго регламентировали каждую минуту их бодрствования, так что им не было покоя. Хуже того, их сыновья, официально именовавшиеся кантонистами, по достижении совершеннолетия автоматически поступали в армию, для чего с юных лет проходили строгую подготовку [21, с. 6-7]. Неудивительно, что в 1831 году тысячи военных поселенцев подняли ожесточенное восстание, которое правительство подавило с не меньшей жестокостью [12, с. 113-235]. Позже военные поселения стали несколько менее обременительными, но до конца правления Николая I крестьяне ненавидели их.

Еще одним бременем, которое ложилось на плечи части населения, было предоставление солдатам убежища в его домах, обычно на шесть месяцев в году. Власти размещали каждого солдата в одной или нескольких семьях, которые по закону должны были приютить и кормить его. В зажиточных деревнях это не составляло большого труда, тем более что домохозяин имел право на получение солдатского пайка [18, с. 391-392], хотя на практике это, по-видимому, не всегда соблюдалось. Однако в бедных деревнях эта обязанность была непосильной. Расквартирование военнослужащих было тяжелым бременем для бедняков в Литве и западных провинциях, которым приходилось подмешивать в хлеб мякину и кору, а весной на полях не оставалось ни травинки. Российские военные горько жаловались, что их войска страдали от зимовки в таких условиях [9, с. 202-204].

В целом для страны армия была тяжелым финансовым бременем. Е.Ф. Канкрин, министр финансов, в течение почти двадцати лет упорно пытался убедить царя сбалансировать бюджет, прекратив войну на Кавказе, но потерпел неудачу. После него менее способные люди допускали все больший дефицит и перерасход средств. Расходы на войну на Кавказе продолжали расти, а когда к ним добавились расходы на войны с мадьярами, турками и англо-французскими союзниками, то бюджетные проблемы стали неразрешимыми. Задолженность по налогам продолжала расти, и возникла необходимость прибегнуть к кредитам в банках и сберегательных фондах, а также к расходованию ожидаемых доходов со следующего года. Даже в мирное время армия императора Николая I была самой крупной статьей расходов в стране, а в годы войны на нее уходило гораздо больше средств [4, с. 215-216].

Нельзя сказать, что народ России получал должную отдачу от затраченных сил и продуктов труда. Даже если не принимать во внимание непроизводительный характер этих военных расходов, то следует признать, что армия, которую они обеспечивали, не была эффективной и сама страдала от ряда основных недостатков. Конечно, она выиграла войны с Турцией, Польшей и Венгрией, но война на Кавказе затянулась, ситуация становилась скорее хуже, чем лучше, пока не улучшилась в последние годы правления Николая I. Слабости русской армии стали особенно очевидны во время Крымской войны 1853-1856 годов, когда она оказалась неспособной защитить свою территорию [22, с. 445-470].

Одним из слабых мест была устаревшая военная техника. Хотя в некоторых отношениях русские не отставали – особенно в инженерном деле, которому царь уделял много внимания, и в некоторой степени в артиллерии – в целом они не успевали за современными им военными достижениями. Вместо того, чтобы делать упор на использование открытого строя и на эффективную стрельбу из ружей в бою, верховное командование в основном уделяло внимание совершенству в строевой подготовке и боевых порядках, в которых каждая деталь была прописана в полевых уставах. Пехота научилась маршировать по ровной местности ровными, как натянутые струны, рядами, в каждом из которых было по две с половиной тысячи человек. Один энтузиаст воскликнул, что парад войск в шеренгах полков был "зрелищем богов". К этому можно добавить: великолепно, но была ли это война? В соответствии с этой системой идеальным пехотинцем считался тот, кто мог выполнить преувеличенный марш гусяного шага, используемый на парадах, с полным стаканом воды на кивере, не пролив при этом ни капли [17, с. 185-186]. Стремление к совершенствованию военной техники было настолько сильным, что, готовясь к большим ежегодным смотрам, командиры прилагали все усилия, чтобы обеспечить абсолютно ровное пространство на местности; они сровняли с землей все борозды и канавы, а также стерли насыпи и кротовые норы. Они избегали неровной изрезанной местности, как чумы [7, с. 192-193]. Рейды продолжались даже во время войны в районах боевых действий. Летом 1828 года, когда царь находился с армией в Болгарии, противостоявшей туркам, он провел за четыре дня три

парада, завершившихся 1 июля маневрами, к большому огорчению войск [32, с. 249]. В конце правления Николая I царил тот же формализм.

В 1854 году князь М.Д. Горчаков, командующий армией на Дунае, в отчетах подчеркивал мастерство войск на смотре, а не их боевую подготовку. Об одной бригаде он писал: "Построение этих войск на церемониальном марше эскадронами и сомкнутыми колоннами все было так отточено, что солдаты казались готовыми к параду" [14, с. 34].

Кавалерия была еще менее готова к войне, чем пехота. Великолепные полки прежде всего стремились содержать своих лошадей холеными и упитанными, чего они добивались, сводя физические нагрузки на своих скакунах к минимуму [5, с. 50-51]. Лошадей научили использовать укороченную рысь или галоп, что придавало им элегантный вид, но занимало мало места. В результате на нескольких смотрах пехота и полевая артиллерия на обычном марше обгоняли всадников на рыси. После этого Николай I запретил укороченную рысь на смотрах, но лошадей продолжали использовать по-прежнему [18, с. 391-392]. Когда кавалерия должна была совершать учебные марши, командиры старались ограничить её движение до семи-девяти вёрст (7,5–9,6 км) в день с длительными периодами отдыха. Войска преодолевали все расстояние шагом, имея строгий приказ не переходить на рысь. Если им приходилось совершать марши протяженностью до шестнадцати вёрст (17,7 км), они шли медленно, с длительными перерывами на отдых, и значительное расстояние солдаты шли пешком, ведя лошадей в поводу. Сообщается, что один генерал сказал, что, если бы только какой-нибудь гений смог придумать способ, при котором солдаты могли бы нести лошадей на спинах, чтобы в конце марша они могли бодрой рысью прибыть в лагерь, его награда была бы велика. Но, поскольку это было невозможно, то кавалерийским полкам по-прежнему требовалось четыре недели, чтобы совершить марш-бросок из Санкт-Петербурга в Москву – расстояние, которое они должны были преодолеть за десять дней [18, с. 390-391].

Во время войны эта система привела к плачевным результатам. Через несколько месяцев, во время кампании против турок в 1828 году, целые полки были вынуждены возвращаться в Россию в разгар кампании, причем солдаты несли седла и снаряжение на спинах, ведя за собой покалеченных лошадей. В польской войне 1831 года русская кавалерия значительно уступала полякам в мобильности, пока тяготы кампании не закалили русских лошадей. Однако командиры быстро забыли этот урок и продолжали использовать старые методы обучения. И снова они достигли блистательного совершенства на плацу. Но когда во время великого смотра 1837 года царь приказал полкам быстро скакать к месту сбора под палящим летним солнцем, поле вскоре было усеяно павшими лошадьми [7, с. 192-193].

Педантизм военной системы Николая I, в которой упор делался на бездумное подчинение и перестроение на плацу, а не на боевую подготовку, приводил к неэффективности командиров во время войны. Только Кавказская армия выдвигала молодых оригинальных генералов, не имевших большого отношения к военной службе в Польше, и высшее военное начальство, считая этих людей непригодными для ведения обычной войны, не смогло повысить их до высших командных должностей [13, с. 165-166]. Не случайно, что во время Крымской войны император зависел от группы пожилых и неэффективных генералов. Паскевич, доктор медицинских наук, Горчаков, князь Меншиков и граф Остен-Сакен – все они потерпели сокрушительную неудачу в горниле войны. Армия Николая I вступила в войну, столкнувшись с ужасными трудностями из-за неумелого руководства.

Из-за недееспособности высшего руководства (причем большую часть вины следует возложить на самого Николая) русской армии не хватало надлежащего военного снаряжения. Русская военная доктрина все еще придерживалась идей Суворова, который в XVIII веке выигрывал сражения, подчеркивая сплоченность войск и превосходство штыка

над мушкетным огнем [1, с. 2]. На протяжении всего царствования Николая войска имели на вооружении гладкоствольные мушкеты с эффективной дальностью в двести шагов. Лишь у немногих были дульнозарядные винтовки, против которых существовало сильное предубеждение, поскольку они заряжались медленнее, чем мушкеты. Интересно отметить, что мнение русских военных отвергло прусское игольчатое ружье по противоположной причине: простота и быстрота заряжания этого оружия заставили бы пехотинца стрелять так быстро, что он вскоре израсходовал бы все патроны, которые мог унести с собой. Таким образом, русская армия осталась верна своим мушкетам только для того, чтобы обнаружить, что британские и французские войска в 1854 году значительно превосходили их в огневой мощи [24, с. 43]. Русская армия продолжала использовать на Кавказе кремневые ружья вплоть до конца 1855 года [1, с. 329].

Российское верховное командование снабдило армию устаревшим вооружением, а затем не смогло обучить войска его применению. Армейские уставы предписывали крайне малое количество боеприпасов: тридцать холостых патронов и десять шариковых в год на каждого рядового [31, с. 123]. Однако войска не всегда получали даже это количество, и некоторые командиры прибегали к замене, чтобы обучать солдат работе с холостыми патронами и глиняными пулями [19, с. 43-174]. Другие не трудились использовать положенные патроны, а высыпали порох в ручьи или раздавали его своим друзьям из соседних землевладельцев [6, с. 12]. В результате меткость русской пехоты была очень низкой. Однако их лидеры не выражали особого беспокойства по этому поводу, поскольку считали холодное оружие гораздо более эффективным, чем пули. Тем не менее, когда в Крыму назрел конфликт, князь Меншиков отправил сообщение князю Горчакову, что отказывается «атаковать противника нашей пехотой, которая за год получила всего два патрона с шариками» [10, с. 70].

Другой слабостью системы была ее негибкость в военное время. Резервистов было крайне мало, и их качество, когда их призвали в армию, оказалось низким. К началу 1856 года русской армии удалось увеличить численность до 1 775 000 человек, но значительная часть из них состояла из полуобученных ополченческих отрядов [3, с. 53-62]. На протяжении большей части кампании в Крыму русские войска уступали противникам в живой силе [28, с. 312-314].

Существовали и другие недостатки, менее очевидные, но, тем не менее, серьезные. Процветала коррупция. Командиры полков компенсировали многолетнюю низкую зарплату, используя полковые фонды для покупки некачественных припасов и прикарманивая разницу. На дровах, используемых для отопления казарм, экономили так, что зимой солдаты держали казармы наглухо закрытыми, что имело серьезные последствия для их здоровья. Офицеры рассматривали командование полком как эквивалент владения прекрасным поместьем. Управление военными госпиталями было особенно прибыльным, поскольку контракты с прачечной, выдача лекарств, пайков и других товаров приносила значительный доход. Точно так же квартирмейстерское управление и комиссариат пользовались дурной репутацией из-за взяточничества, связанного с выдачей некачественного снаряжения и плохого питания в военное время. В 1854 году некоторые войска в Крыму были вынуждены питаться гнилыми сухарями, от которых войска на Дунае отказались за несколько месяцев до этого [20, с. 698-699].

С точки зрения материально-технического обеспечения русская армия также была слаба. Гораздо больше, чем эффективность сопротивления противника, победу России над турками и поляками задерживала проблема снабжения армии. Войскам часто не хватало продовольствия и пороха [28, с. 312-314]. Главной причиной поражения России в Крыму были трудности с организацией огромных составов из крестьянских повозок и воловьях

упряжек, а также с поставками фуража для армейских лошадей и обозов. Если бы в 1854 году у России была железная дорога от Москвы до Черного моря, она вполне могла бы содержать до двухсот тысяч солдат.

Наконец, армия сильно страдала от болезней. Особенно смертельными были легочные заболевания, но, кроме того, тяжелые потери приносили дизентерия, холера, малярия, тиф, а иногда и бубонная чума. В то время как в других армиях того времени уровень смертности среди солдат был в два раза выше, чем среди гражданских лиц соответствующих возрастных групп, российские солдаты умирали в три раза быстрее, чем российские гражданские лица того же возраста [27, с. 6-7].

В результате этих недостатков русская армия оказалась неэффективной на войне. Хотя многие из ее противников, к примеру турки, персы и поляки, страдали от внутренних раздоров, русским было трудно подчинить их. Относительно небольшое число кавказских племен, которым помогала чрезвычайно труднопроходимая местность, смогло сдерживать русских на протяжении всего правления Николая I, а в 1830-х и 1840-х годах даже нанести им серьезные поражения. В течение Крымской войны русским пришлось держать на Кавказе двести тысяч опытных солдат [30, с. 39]. В 1849 году они быстро одолели мадьяр, но скорее за счет численного превосходства, чем за счет умелого руководства, а в Крымской войне русские потерпели поражение. Конечно, из-за страха, что австрийцы, пруссаки и даже шведы могут напасть на них, они были вынуждены держать большую часть армии в Польше и Прибалтике. Кроме того, у русских были серьезные проблемы с материально-техническим обеспечением в Крыму. Но поражение русской армии в значительной степени было вызвано некомпетентным руководством, серьезной нехваткой стрелкового оружия и, прежде всего, недостаточностью пороха, что часто обрекало русских артиллеристов на самоубийственное бездействие. Как и в прежние времена, русские младшие офицеры и солдаты проявляли великую доблесть и инициативу, но превосходство союзников в технике и руководстве вырвало у них победу. Таким образом, армия Николая I не выдержала её главного испытания.

Подводя итог, надо отметить, что, несмотря на жандармскую роль после войны с Францией (1812-1813 гг.), сам факт говорил о том, что состояние русской армии по многим параметрам отставало от европейской. Это во много зависело от экономического положения страны, поскольку в этот период русская армия была менее эффективной, чем можно было бы предположить по ее блеску и многочисленности. Неэффективность проявлялась от офицерства и военного управления до морально-образовательного и технико-экономического состояния обычного солдата. Хотя она была достаточно сильной, чтобы подавить все крестьянские восстания внутри страны, но оказалась менее успешной в борьбе с иностранными врагами. Прежде всего, бремя, которое армия возлагала на нацию, не соответствовало ее ценности. Можно с уверенностью сказать, что сильные и слабые стороны армии отражали интересы российского общества. Численность и выносливость армии соответствовали мужественным и неискушенным людям. Ее слабые стороны, усугубленные педантичной политикой императора, заключались в отсталой крепостнической системе, в которой отсутствовали промышленные и коммерческие технологии. Прежде чем Россия смогла бы создать эффективную армию, должны были произойти масштабные социальные и экономические изменения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Андрианов А.Л. *Человек, живущий и защищающий Севастополь* / Андрианов А.Л. // *Обзор статей МГИ. – Санкт-Петербург, 1903. – С. 2.*
2. Арнольд Л.З. *Метели о Крымской войне* / Арнольд Л.З. // *Военный сборник. - 1859. - No. 4. –С. 391.*

3. Богданович, М. И. Исторический очерк деятельности Военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855-1880 гг.): Т. 1 / Богданович, М. И. – Санкт-Петербург: Тип. М. Стасюлевича, 1879-1881. – 477 с.
4. Блюх И.С. Финансы России XIX века. /И.С. Блюх. – Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1882. (4 тома). – 355 с.
5. Потто В. А. История Новороссийского драгунского полка. 1803-1865 / Потто В. А. – Санкт-Петербург: Тип. И. Шумахера, 1866. – 648 с.
6. Взгляд на состояние русских войск в минуту войны // Военный сборник. – 1858. - № 1. С. 12.
7. Глиноецкий Н.П. История русского Генерального штаба (в 2 т.) / Глиноецкий Н.П. – Санкт-Петербург: Тип. Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. 1888-1894. – 287 с.
8. Гершензон М.О. Эпоха Николая I /под ред. [и с предисл.] М.О. Гершензона. – Москва: Московское книгоиздательское товарищество "Образование", 1911. - 175 [1] с.
9. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева [Текст]. Предпосылки и сущность реформы [Текст] / 2 т.; 26 см. — Москва; Ленинград: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1946-1958 (Москва), 1946. — 635 с.
10. Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя [Текст] /Н.Ф. Дубровин. Т.2: (с картами и планами). – Санкт-Петербург: Типография Товарищества "Общественная польза", 1900. – 519 с.
11. Дубнов С.М. История евреев в России и Польше (3 тома) / Дубнов С.М. – Одесса: Тип. Г.М. Левинсона, 1901. – 228 с.
12. Евстафьев П.П. Восстание военных поселян. – Москва: Изд. Всесоюз. общ. политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. – 84 с.
13. Естафьев П.С. Современное искусство. – Санкт-Петербург, 1856. – 471 с.
14. Зайончковский А.М. Военные реформы 1860-1870 годов в России /Отв. ред. И.А. Федосов. – Москва: Изд-во Московского ун-та, 1952. – 368 [2] с.
15. Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселев и его время (4 тома). – Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1882. – 354 с.
16. Столетие Военного министерства 1802-1902 гг. (13 т. в 36 т.). – Санкт-Петербург: Тип. П.Ф. Пантелеева, 1902-1914. – 680 с.
17. Из записок севастопольца //Русский архив: Ист.-лит. сб.: Изд. при Чертков. б-ке. – Москва, 1863-1917. – 1867. - № 12. – 558 с.
18. Крестовский В.В. История четырнадцатого Уланского Ямбургского полка, составленная поручиком Крестовским 1-м. – Санкт-Петербург: Тип. М.О. Эттингера, 1873-[1874]. – XVI, 790 с.
19. Ковалевский М.А. Пятый год существования лейб-гвардии драгунского полка. – Новгород: Тип. Сухова, 1870. – 220 с.
20. Князь А.С. Меншиков в рассказах его адъютанта А.А. Панаева //Русская старина (апрель 1877 г.). – Санкт-Петербург: Тип. В. С. Балашева, 1877. – 207 с.
21. Ленин В.И. События на Балканах и в Персии //Полное собрание сочинений: в 55 т. /В.И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – Москва: Политиздат, 1968. – Т. 17: Март 1908 – июнь 1909. – С. 221–232. 680 с.
22. Ольденбург, С. С. Николай I. – Москва: Наука, 1990. – 496 с.
23. Полиевктов М.А. Николай I. Биография и обзор царствования. – Москва: Издание М. и С. Сабашиковых, 1918. – 392 с.

24. Коростовцев Ф.А. Обзор исследований, произведенных у нас над новейшими системами ручного огнестрельного оружия / Коростовцев Ф.А. // *Артиллерийский журнал*. – 1854. - № 1. – 515 с.
25. Свод военных постановлений (5 из 12). – Санкт-Петербург: Гос. тип. «Образование военно-учебных заведений с их управлениями», 1869. – 195 с.
26. Скоров. Рядовой Зиновьев С.В. // *Военный сборник*. 1860. - № 6. - С. 433-440.
27. Сборник собраний офицеров Николаевского и других, Академии Генерального штаба (в 2 т.) / Сост. Ген. штаба генерал-майор Н.П. Глиноецкий. – Санкт-Петербург: Тип. Штаба войск гвардии и Петерб. воен. окр., 1882. - [2], VII. - 385 с.
28. Тотлебен Э.И. Описание обороны г. Севастополя (в 2 т. в 3 т.). – Санкт-Петербург: Тип. И. Тиблена и комп. 1863-1878. – 464 с.
29. Фадеев Р.А. Вооруженная сила России / [Соч.] Р. Фадеева. – Москва: Унив. тип., 1868. – 314 с.
30. Фадеев Р.А. Рассказ о кавказской войне. / [Соч.] Р. Фадеева. – Тифлис: воен.-поход. тип. Гл. штаба кавк. армии, 1860. – 147 с.
31. Федоров В.Г. Вооружение русской армии в Крымской кампании. / Сост. Гв. шт.-кап. В. Федоров, делопроизвод. Оружейного отд. Артиллер. ком., член Комис. для опытов по оружейной и патронной части. - Санкт-Петербург: Типо-лит. С.Н. Ценова, 1904. – 434 с.
32. Шиманн Теодор. История России при императоре Николае I (4 тома: 1904-1919). – Берлин: Тип. Георг Реймар, – 540 с.

REFERENCES:

1. Andrianov, A.L. "A Man Living and Defending Sevastopol," in *Review of MGI Articles*. St. Petersburg, 1903, PP. 2.
2. Arnold, L.Z. "Blizzards about the Crimean War," in *Military Collection*. 1859, No. 4, PP. 391.
3. Bogdanovich, M.I. "Historical Essay on the Activities of the Military Directorate in Russia during the First Twenty-Five Years of the Prosperous Reign of Emperor Alexander Nikolaevich (1855-1880): Vol. 1. St. Petersburg: M. Stasyulevich Printing House, 1879-1881, 477 pp.
4. Bliokh, I.S. "Finances of Russia in the 19th Century." / I.S. Bliokh. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich, 1882. (4 volumes). – 355 pp.
5. Potto V. A. *History of the Novorossiysk Dragoon Regiment. 1803-1865.* – St. Petersburg: I. Schumacher Printing House, 1866. – 648 pp.
6. *A Look at the State of Russian Troops at the Time of War // Military Collection.* – 1858. - No. 1. PP. 12.
7. Glinoetsky N. P. *History of the Russian General Staff (in 2 volumes).* – St. Petersburg: Printing House of the Guards Troops and the St. Petersburg Military District. 1888-1894. – 287 pp.
8. Gershenzon M. O. *The Era of Nicholas I / edited [and with a preface] by M. O. Gershenzon.* – Moscow: Moscow Publishing Company "Obrazovanie", 1911. - 175 [1] pp.
9. Druzhinin N.M. *State Peasants and the Reform of P.D. Kiseleva [Text]. Prerequisites and Essence of the Reform [Text] / 2 vol.; 26 cm.* - Moscow; Leningrad: Publishing House and 2nd type. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1946-1958 (Moscow), 1946. - 635 pp.
10. Dubrovin N.F. *History of the Crimean War and the Defense of Sevastopol [Text] / N.F. Dubrovin. V.2: (with maps and plans).* – St. Petersburg: Printing House of the "Public Benefit" Partnership, 1900. - 519 pp.
11. Dubnov S.M. *History of the Jews in Russia and Poland (3 volumes).* – Odessa: Type: G.M. Levinson, 1901. – 228 pp.
12. Evstafiev P.P. *Uprising of Military Settlers.* – Moscow: Publishing House of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers, 1934. – 84 pp.
13. Evstafiev P.S. *Contemporary Art.* – St. Petersburg, 1856. – 471 pp.

14. Zayonchkovsky A.M. *Military Reforms of the 1860-1870s in Russia* / Ed. I.A. Fedosov. – Moscow: Publishing House of Moscow University, 1952. – 368 [2] pp.
15. Zablotsky-Desyatovsky A.P. *Graf P.D. Kiselev and His Time* (4 volumes). St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Publishing House, 1882. 354 pp.
16. *History of the Ministry of War, 1802-1902* (13 vols. in 36 volumes). St. Petersburg: P.F. Pantelev Publishing House, 1902-1914. 680 pp.
17. *From the Notes of a Sevastopol Resident* // Russian Archive: Historical Literary Collection: Published by the Chertkov Library. Moscow, 1863-1917. – 1867. - No. 12. – 558 pp.
18. Krestovsky V. V. *History of the 14th Yamburg Uhlan Regiment, compiled by Lieutenant Krestovsky 1st = History of the Fourteenth Yamburg Uhlan Regiment, compiled by Lieutenant Krestovsky 1st.* - St. Petersburg: Type. M.O. Ettinger, 1873-[1874]. - XVI, 790 pp.
19. Kovalevsky M.A. *The Fifth Year of the Life Guards Dragoon Regiment.* - Novgorod: Type. Sukhova, 1870. - 220 pp.
20. Prince A.S. *Menshikov in the Stories of His Adjutant A.A. Panaev* // Russian Antiquity (April 1877). - St. Petersburg: Type. V.S. Balasheva, 1877. - 207 pp.
21. Kartsov P.P. *From the Past. Personal and Service Memories, 1831-1878* (in 2 volumes). St. Petersburg: Printing House of the "Public Benefit" Society, 1888. – 515 pp.
22. Obruchev N. *The Other Side of the Crimean War* // Military Collection. – St. Petersburg: Printing House of Ryumina and Comp. – 1859. - No. 4. – 128 pp.
23. Polievktov M.A. *Nicholas I. Biography and Review of His Reign.* – Moscow: Publishing House of M. and S. Sabashnikov, 1918. – 392 pp.
24. Korostovtsev F.A. *Colonel. Review of Research Conducted in Our Country on the Newest Systems of Small Arms* // Artillery Journal, 1854, No. 1. – 515 pp.
25. *Code of Military Regulations* (5 of 12). – St. Petersburg: State Printing House. 1869. "Formation of Military Educational Institutions with Their Directorates". – 195 pp.
26. Skorov. *Private Zinoviev S.V.* // Military Collection. 1860, No. 6. PP. 433-440; Heinrich Brandt, "Married Lower Chinese", Military Collection (1860, No. 12), PP. 358-360.
27. *Collection of Meetings of Officers of Nikolaevsky and Others, General Staff Academy* (in 2 volumes) / Comp. of the General Staff, Major General N.P. Glinetsky. – St. Petersburg: Printing House of the Headquarters of the Troops of the Guards and St. Petersburg Military District, 1882. - [2], VII. - 385 pp.
28. Totleben E.I. *Description of the Defense of Sevastopol* (in 2 volumes, in 3 volumes). – St. Petersburg: I. Tiblen Printing House and Comp. 1863-1878. – 464 pp.
29. Fadeev R.A. *The Armed Forces of Russia* / [Comp.] R. Fadeeva. – Moscow: University Printing House, 1868. – 314 pp.
30. Fadeev R.A. *Story of the Caucasian War.* / [Comp.] R. Fadeeva. – Tiflis: military-campaign print. Chief of Staff of the Cauc. Army, 1860. – 147 pp.
31. Fedorov V.G. *Armament of the Russian Army by the Russian Roman Campaign.* / Comp. Guards Staff Captain V. Fedorov, office manager. Weapons Department. Artillery Committee, member of the Commission for Experiments in Weapons and Cartridges. - St. Petersburg: Type-Literary S.N. Tsepova, 1904. – 434 pp.
32. Schiemann, Theodor. *History of Russia under Emperor Nicholas I* (4 volumes: 1904-1919). - Berlin: Type-Literary Georg Reimar, – 540 pp.

6.2. / 5.9 ФИЛОЛОГИЯ
6.2. / 5.9 ФИЛОЛОГИЯ
6.2. / 5.9 PHILOLOGY

6.2.1. ЗАБОНИ ТОЧИКӢ
6.2.1. ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК
6.2.1. TAJIK LANGUAGES

5.9.6. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ)
5.9.6. ЗАБОНҲОИ ХАЛҚҲОИ МАМОЛИКИ ХОРИҶӢ (ЗАБОНҲОИ ЭРОНӢ)
5.9.6. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (IRANIAN LANGUAGES)

УДК 811.21/22

DOI 10.24412/3005-849X-2026-2-55-65

**АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ
«ХИЗМАТ» (СЛУЖБА) В ЯЗЫКОВОМ
СОЗНАНИИ ТАДЖИКОВ
(РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТИРОВАНИЯ В
СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ)**

**СОҲАИ АССОЦИАТИВИИ
«ХИЗМАТ» (ХИЗМАТ) ДАР ШУУРИ
ЗАБОНИИ ТОЧИКОН (НАТИҶАҲОИ
ПУРСИШИ БАӢНИ ДОНИШӢӢӢ)**

**THE ASSOCIATIVE FIELD OF
"KHIZMAT" (SERVICE) IN THE
LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF THE
TAJIKS (RESULTS OF A SURVEY
AMONG STUDENTS)**

Ахмадзода Исмоилишох Икром,
аспирант кафедры теоретического и
прикладного языкознания МУ ВО
“Российско-Таджикский (Славянский)
университет” (Душанбе, Таджикистан)

Аҳмадзода Исмоилишох Икромӣ, аспиранти
кафедраи забонишиноси назариявӣ ва
амалии МБ ТО “Донишгоҳи славянии Россия
ва Тоҷикистон (Душанбе, Тоҷикистон)

Akhmadzoda Ismailshoh Ikrom, postgraduate
student of the department of theoretical and
applied linguistics under the MI HE “Russian-
Tajik (Slavic) University” (Dushanbe,
Tajikistan) e-mail: ismoilshoh08@mail.ru

Произведён анализ результатов ассоциативного эксперимента, основанного на материале таджикских респондентов, целью которого является выявление и исследование ассоциативного поля концепта «хизмат» (служба) в таджикском языке. Обращение к исследуемому концепту обусловлено его актуальностью и малоизученностью. Описывается структура ассоциативного поля концепта «хизмат» (служба), выявляются его базовые смысловые компоненты. Применяется метод анализа лексико-семантических групп, а также анализ паремий, функционирующих в языковом сознании студентов, и экспериментальный метод исследования. Полученные результаты позволили адекватно установить структуру полей исследуемого концепта, выделив ядро и периферию. Анализ данных позволил выявить, с какими лексемами связано слово-стимул «хизмат» в таджикском национальном сознании. Полученные пословицы и поговорки, фразеологизмы, устойчивые сочетания слов, выражения со значением «хизмат» (служба, услуга) далее были подразделены на когнитивные блоки.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент; концепт «хизмат»; структура ассоциативного поля; базовые смысловые компоненты; анализ паремий; таджикское национальное сознание; когнитивные блоки

Натиҷаҳои таҷрибаи ассотсиативӣ, ки ба маводди респондентони тоҷик асос ёфтааст, таҳлил карда мешаванд. Ҳадафи таҷриба муайян кардан ва омӯзиши майдони ассотсиативии концепти "хизмат" дар забони тоҷикӣ мебошад. Сабаби муроҷиат ба концепти мавриди таҳқиқ аҳаммият ва ба таври бояду шояд омӯхта нашудани он аст. Сохтори майдони ассотсиативии концепти "хизмат" (*хидмат*) тавсиф ва ҷузъҳои асосии семантикии он муайян карда шудаанд. Усули таҳлили гурӯҳҳои лексикӣ-семантикӣ, инчунин таҳлили зарбулмасалҳо, ки дар шуури забони донишҷӯён амал мекунанд ва усули тадқиқи таҷрибаӣ истифода шудаанд. Натиҷаҳои бадастомада имкон доданд, ки сохтори майдонҳои мафҳуми мавриди омӯзиши муқаррар ва ядро ва қароноҳои он муайян карда шаванд. Таҳлили маълумот нишон дод, ки кадом лексемаҳо бо калимаи ангезандаи "хизмат" дар шуури миллии тоҷикӣ алоқаманданд. Зарбулмасалу мақол, фразеологизмҳо, ҳамнишиниҳои устувори калимаҳо ва ифодаҳо бо маънои хизмат дар бахшҳои когнитивӣ тасниф карда шудаанд.

Калидвожаҳо: таҷрибаи ассотсиативӣ; концепти "хизмат"; сохтори майдони ассотсиативӣ; ҷузъҳои асосии семантикӣ; таҳлили зарбулмасалҳо; шуури миллии тоҷикӣ; бахшҳои когнитивӣ

This article analyzes the results of an associative experiment based on data from Tajik respondents. The aim of the experiment was to identify and explore the associative field of the concept "khizmat (service)" in the Tajik language. This concept was chosen due to its relevance and lack of research. The structure of the associative field of the concept "khizmat" (service) is described, identifying its basic semantic components. The method used is an analysis of lexical-semantic groups, as well as an analysis of proverbs functioning in the linguistic consciousness of students, and an experimental research method. The obtained results allowed us to adequately establish the structure of the fields of the concept under study, identifying its core and periphery. Data analysis revealed which lexemes are associated with the stimulus word "khizmat" in the Tajik national consciousness. The resulting proverbs and sayings, phraseological units, set phrases, and expressions with the meaning "khizmat" (service) were further subdivided into cognitive blocks.

Key-words: associative experiment; concept of "khizmat"; the structure of associative experiment; basic semantic components; analysis of proverbs; Tajik national consciousness; cognitive blocks

Введение

Наиболее действенным способом исследования психологически значимых значений и концепций, воспринимаемых людьми как «реальности сознания», является ассоциативный эксперимент, который делится на два типа: свободный и направленный.

Концепт «хизмат» связан с глубокими культурными традициями и ценностями, которые продолжают играть важную роль в обществе. Уважение к родителям и пожилым людям считается краеугольным камнем таджикской этики, и «хизмат» отражает эту традицию. В условиях современных социальных и экономических преобразований, когда традиционные ценности могут подвергаться испытаниям, концепция «хизмат» служит своего рода опорой для сохранения семейных связей и социальной сплоченности.

В данном разделе рассматривается ассоциативное поле концепта «хизмат» в сознании носителей таджикского языка, что позволяет выявить характерные образы и ассоциации, возникающие у представителей таджикского народа при восприятии данного понятия.

Объектом исследования является содержание концепта «хизмат» («служба») в сознании носителей таджикского языка. Предмет исследования – лексические средства языковой объективации и речевой репрезентации концепта «хизмат» (служба).

Ассоциативное поле представляет собой методику исследования ассоциативных связей в сознании индивида. Данный подход дает возможность вербально описать комплексную системно организованную структуру ментального лексикона, формирующуюся в результате когнитивной деятельности личности [5, с. 44].

Метод свободного ассоциативного эксперимента заключается в том, что испытуемым предоставляются слова-стимулы, на которые они должны реагировать любыми словами, которые приходят им на ум. Обработка результатов этого эксперимента позволяет интерпретировать полученные ассоциации как отражение различных концептуальных характеристик исследуемого понятия [8, с.115].

Искандарова Д.М. отмечает, что ассоциативный эксперимент сейчас достаточно широко используется в работах таджикских ученых как один из основных элементов объективации концептов, ценностных ориентаций, лингвокультурных типажей [3, с. 170].

Уфимцева Н.В. указывает: «Все слова, которыми потенциально располагает носитель языка, можно рассматривать как скрытые единицы вербального поведения, совокупность которых образует систему» [10, с.41]. Она называет эту систему системой свободных вербальных операторов.

Так, на основе ассоциативного эксперимента проведены исследования Давлатмировой М.Б., Д.М. Искандаровой, Н.И. Каримовой «Отражение национально значимых элементов макроконцепта СУДЬБА в таджикской и памирской лингвокультурах: результаты анкетирования в университетской среде Таджикистана» [Давлатмирова М.Б., Искандарова Д.М., Каримова Н.И., 2016], Х.Ё. Худоёрова «Ассоциативное поле вежливости в таджикском и русском языковом сознании» [Худоёров, 2021], Курбоновой Х.Х. «Национально-специфические особенности концепта «Сабр» (терпение) в таджикской и русской этнолингвокультурах» [Курбонова, 2021], М.Б. Разыковой «Объективация концепта «Праздник» в таджикской и англо-американской языковых картинах мира» [Разыкова, 2025].

Методы и принципы исследования

В качестве основного источника материала для исследования использовались ответы респондентов при анкетировании. В работе применялся метод ассоциативного эксперимента и проводились дополнительные опросы, в ходе которых респонденты должны были перечислить слова и понятия, которые приходят им на ум при упоминании слова «хизмат». Это помогло собрать более широкий спектр ассоциаций.

Метод ассоциативного эксперимента представляется как «специфичный для данной культуры и языка «ассоциативный профиль» образов сознания, интегрирующий в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос» [7, с. 67].

Основные результаты

В работе анализируются данные ассоциативных экспериментов, проведенных в студенческой среде в апреле – мае 2025 года. Всего в эксперименте приняли участие 100 человек. Были опрошены студенты Российско-Таджикского (Славянского) университета. Целью работы является анализ результатов ассоциативного эксперимента и выявление характерных признаков и особенностей концепта «хизмат» в языковом сознании таджикского и русского народов. В качестве слова-стимула была выбрана лексема «хизмат».

Испытуемым было дано задание: написать слова-ассоциации на слово- стимул «хизмат»; задан вопрос: какие виды «хизмат» вы знаете?, а также предложено записать пословицы и/или поговорки к слову-стимулу «хизмат».

В результате анкетирования были получены следующие слова-реакции на слово-стимул «хизмат»:

Ёрї расондан (помогать) – 10; меҳнат кардан (трудиться) – 9; Хизмат ба Ватан (служить Родине) – 8; кӯмак кардан (помогать) – 5; служба – 4; кор кардан (работать) – 3; в какой-нибудь области – 3; дастгирї кардан – 2; хизмати касбї (профессиональная служба) – 2; хизмати маишї (бытовая услуга) – 2; хизмат ба падару модар (служба родителям) – 2; помощь – 2; услуга – 2; работа – 2; служить в армии – 2; честь – 2; (волидайн) - (родным); барои оила (для семьи); ин посух ба хубихои инсон (ответ на доброту); ҳимоя кардан (защищать); хизмати илмї (научная служба); кор ё чизе ки одам барои касе иҷро мекунад (услуга или дело, которое человек делает ради другого); иҷрои кори муайяне (выполнение определенного дела); кӯшиши (старание); заҳмат (старание); қарз (долг); ба касе эҳтиёҷманд (нуждающимся); коре касеро буд кардан (услужить кому-то); ҳарбї (военная); ба мардум (народу); любовь к себе; услуги на благо другого человека; служебные; одолжение; заслуга; доброе дело; долг чести; любой вид службы; обязанность; должность; достичь чего-то; стремление; труд; мечта; работа; служить кому-либо; служба в государственных органах.

Абстрактная природа концепта приводит к отсутствию консенсуса среди исследователей в его толковании. В данном контексте мы принимаем точку зрения М.В. Пименовой. Согласно ей, концепт представляет собой многокомпонентное ментальное образование, охватывающее определенный фрагмент или часть картины мира. Его структура формируется из различных групп признаков, воплощаемых посредством разнообразных образов и языковых средств. Концепт несет в себе как категориальные, так и ценностные характеристики знаний о мире, причем его признаки функционально важны для конкретной культуры [6, с. 10].

По результатам первого вопроса, основными выражениями, которые обозначают концепт «хизмат» (служба) в таджикском языке, являются реакции-предложения: ёрї расондан (помогать) – 10; меҳнат кардан (помогать) – 9; Хизмат ба Ватан (служба Родине) – 8; кӯмак кардан (помогать) – 5; служба – 4. Это связано с тем, что таджикский народ является трудолюбивым и отзывчивым. Таджики всегда готовы помогать как своим близким, так и совсем незнакомым людям.

Полученные данные позволили выделить элементы ассоциативного поля «хизмат»:

1. Реакции, связанные со словом «помогать»: ёрї расондан (помогать) – 10; меҳнат кардан (трудиться) – 9; кӯмак кардан (помогать) - 5; кор кардан (работать) – 3; дастгирї кардан - 2; помощь - 2; ҳимоя кардан (защищать); ба касе эҳтиёҷманд (нуждающимся); услуги на благо другого человека; доброе дело.
2. Реакции, связанные со словом «служба»: Хизмат ба Ватан (служить Родине) - 8; служба - 4; хизмат ба падару модар (служба родителям) - 2; услуга - 2; служение в какой-нибудь области – 3; работа – 2; волидайн (родным); барои оила (для семьи); хизмати касбї (профессиональные услуги) - 2; хизмати маишї (бытовые услуги) – 2; честь – 2; служить в армии - 2; хизмати илмї (научная служба); кор ё чизе ки одам барои касе иҷро мекунад (услуга или дело, которое человек делает ради другого); иҷрои кори муайяне (выполнение определенного дела); кӯшиши - (старание); заҳмат (старание); қарз (долг); услуги на благо другого человека; услуга; служебные; одолжение; заслуга; долг чести; любой вид службы; обязанность; должность; работа; служить кому-либо; служба в государственных органах.
3. Реакции, связанные со словом «достижение»: достичь чего-то, стремление, труд, мечта.

В результате анализа данных выяснилось, что слово-стимул «хизмат» в таджикском национальном сознании связывается со службой, услугой, работой и помощью. Термин «помогать» порождает широкий спектр ассоциаций, подчеркивая значимость продуктивной

деятельности, оказания поддержки и взаимного содействия. В частности он ассоциируется с такими действиями, как «трудиться», «помогать» и «работать», что свидетельствует о высокой оценке труда и о взаимовыручке в социуме. Кроме того, понятие «помогать» неразрывно связано с идеей совершения добрых поступков и поддержки ближних, отражая укоренившиеся социальные и этические принципы. Понятие «служба» вызывает ассоциации, центрированные вокруг преданности и выполнения обязательств. Это проявляется как в семейном кругу (например, служба родителям), так и в более масштабных общественных контекстах (таких как служба Родине). Примечательно, что спектр проявлений службы охватывает профессиональную, бытовую и научную сферы, что свидетельствует о её фундаментальной необходимости и многообразии форм в социуме. Кроме того, тесная связь с концепциями чести и долга акцентирует этическую и моральную значимость данного феномена.

Лингвистический аспект: для выражения понятия «хизмат» (служба) таджикские испытуемые использовали:

Во-первых, реакции, которые передают слова-существительные: *служба* - 4; *хизмат ба падару модар* (служба родителям) – 2; *помощь* - 2; *услуга* - 2; *работа* - 2; *одолжение*; *волидайн* (родным); *кӯшиши* (старание); *заҳмат* (старание); *қарз* (долг); *заслуга*; *доброе дело*; *честь* - 2; *обязанность*, *должность*; *стремление*; *труд*; *мечта*; *работа*.

Во-вторых, это реакции – словосочетания: *Хизмат ба Ватан* (служить Родине) - 8; *служение в какой-нибудь области* – 3; *служить в армии* – 2; *долг*; *хизмат ба падару модар* (служба родителям) – 2; *хизмати касбӣ* (профессиональные услуги) - 2; *хизмати маишӣ* (бытовые услуги) – 2; *хизмати илмӣ* (научная служба); *барои оила* (для семьи); *ин посух ба хубихои инсон* (ответ на доброту); *кор ё чизе ки одам барои касе иҷро мекунад* (услуга или дело, которое человек делает ради другого); *иҷрои кори муайяне* (выполнение определенного дела); *ба касе эҳтиҷманд* (нуждающимся); *любовь к себе*; *услуги на благо другого человека*; *доброе дело*; *честь*; *любой вид службы*; *достичь чего-то*; *служить кому-либо*; *служба в государственных органах*.

В третью группу входят реакции, выраженные глаголами: *ёрӣ расондан* (помогать) - 10; *меҳнат кардан* (трудиться) - 9; *кӯмак кардан* (помогать) - 5; *кор кардан* (работать) - 3; *дастгирӣ кардан* - 2; *ҳимоя кардан* (защищать).

«Структура концепта изменчива, это объясняется его активной динамической ролью в процессе мышления – он все время функционирует, актуализируется в разных аспектах, взаимодействует с другими концептами, семантическое наполнение концепта может расширяться или сужаться в зависимости от экстралингвистических факторов» [2, с.74].

При выполнении второго задания участникам ассоциативного эксперимента было дано упражнение написать, какие виды «хизмат» они знают:

Хизмати ҳарбӣ (военная служба) - 39; *хизмати давлатӣ* (государственная) - 21; *хизмат ба падару модар* (волидайн) (служба родителям) - 21; *хизмат ба ватан* (служба родине) - 18; *медицинские* - 12; *хизмат ба халқи худ* - 12; *иҷтимоӣ* (социальная служба) - 10; *маишӣ* (бытовая) - 10; *транспортные* - 7; *хизмати ватан-модар* (служба Родине-матери) - 6; *коммунальные* - 4; *туристические* - 4; *хизмат ба дӯсту рафиқ* (служба друзьям и товарищам) - 4; *образовательные* - 3; *служба на работе* - 3; *хизмат ба хушдоман* (служба свекрови) - 3; *религиозное служение* - 3; *служба в государственной структуре* - 2; *пулӣ* (финансовые) - 2; *руҳсатӣ* (отпускная служба) - 2; *меҳнатӣ* (трудовая) - 2; *хизматрасониши ройгон ва пулакӣ* (бесплатные и платные услуги) - 2; *хизмати оила* (шавҳар, фарзанд) (служба семье мужу и детям) - 2; *хоҳар* (сестре) - 2; *бародар* (брату); *юридические* - 2; *пожарная служба* - 2; *пожизненная служба* - 2; *информационно-государственная служба*

- 2; хизмат как одолжение, помощь - 2; домработница - 2; кӯмак ба пиронсолон (помощь старшему поколению)- 2; хизмати тарабхонаҳо ва меҳмонхонаҳо (служба в ресторанах и гостиницах)- 2; хизмати ҳарбии сарҳадбонӣ (служба в пограничных войсках).

Единичные ответы: Кувваи зиддиҳавоӣ ва ғ. (в войсках противовоздушной обороны); қарзи фарзандӣ (долг детей перед родителями); поступить на службу в армию; служба доставки; служба в милиции; (служба своему народу); хизмат ба инсон, ақрабо, ҳеҷ ё дӯст (служить человеку, близким, родным или друзьям); шаҳрвандӣ (гражданская служба); молӣ (материальные); маорифӣ (просветительские); услуги здравоохранения; экстренная служба; срочная служба; конкретная служба; хизмати омӯзгор (служба наставнику); муваққатӣ (хизмати ҳарбӣ ин ду солро дар бар мегирад)(временная военная служба продолжается два года); доимӣ (метавон мисол овард хизмати падару модар ва ғ.)(постоянная служба, например служба родителям); хизмат ба дину имон (служба религии и вере); хизмат ба ҳайвоноту табиат (служба животным и природе); дастии ятимро гирифтани (поддержка сирот); хизмати бепул барои савоб (бесплатная услуга ради благого дела); хизматчиҳои давлатӣ (государственный служащий); почтовая служба; дипломатическая служба; образовательные услуги; волонтерская помощь; участие в общественно полезной деятельности; пицевая часть; тыловое обеспечение; воздушно-боевая часть, подводно-военная часть; религиозная служба; правоохранительные органы; пограничная служба; таможенная служба; служба госбезопасности; служба опеки; богослужение; МЧС; аварийная служба; экскурсии; ремонт одежды или обуви; уборка; химчистка; скорая помощь; онлайн-курсы; горничная; кухарка; няня; дворецкий; кучер; маъюбон (людям с ограниченными возможностями); ятимон ва гурӯҳҳои ниёзманд (сиротам и нуждающимся людям); хизматрасониҳои таълимӣ: таълим додан дар мактаб, донишгоҳ ва курсҳо (образовательные услуги: обучать в школе, в университете и на курсах).

Опишем ответы респондентов на второе задание.

На вопрос: *какие виды «хизмат» (службы, услуг) вы знаете?* мы получили 39 ответов *хизматӣ ҳарбӣ (военная служба)*. Опираясь на указанные данные, этот признак следует считать наиболее отличительным признаком концепта «хизмат» в языковой картине мира носителей таджикского языка.

У 21 респондента встречается *хизмати падару модар (волидайн) – служба родителям (семье, родственникам)*. *Хизмати давлатӣ – государственная служба* тоже встречается 21 раз.

Значительное количество респондентов (21) отметили *хизмат ба халқи худ – служба своему народу*. В 18 анкетах использовано словосочетание *хизмат ба Ватан – служба Родине*, *хизмат ба дӯсту рафиқ (4) – служба друзьям и товарищам*.

Большинство ответов были направлены на общепринятые виды *хизмат* (службы, услуг), такие как медицинские, бытовые, социальные, юридические, туристические, транспортные, образовательные, информационные и т.д. Но среди ответов были и интересные, уникальные варианты.

Интересным представляется ассоциат *хизмати бепул барои савоб*, когда человек готов помочь другому, просто делая благое дело.

Удивило нас также использование по отношению к концепту следующее выражение: *хизмат как одолжение*. Этот ответ интересен тем, что на самом деле бывают случаи, когда какой-то человек помог вам, но этим самым он показывает, что вы его должник, и когда приходит время вам ему помочь, он напоминает о своих услугах.

Ещё одним интересным ответом была *пожизненная служба*. Ответ уникален тем, что очень часто встречается в культуре таджикского народа. Это может быть служение родственникам мужа (свёкру, свекрови), служение наставнику (*хизмати устод*), или под

этим выражением можно понимать, что кто-то сделал нечто такое, что человек считает себя должником пожизненно. Сюда также можно отнести ответ одного респондента, который отмечает, что *хизмат* бывает временным (*муваққатӣ*) и постоянным (*доимӣ*). В качестве примера он пишет, что государственная служба - временная (так как длится 2 года), а к постоянной службе он относит службу родителям.

У 4 респондентов встречается *социальная служба*. Это связано с тем, что исторически слово *хизмат* имело понятие «служить обществу или правителю».

Интересной представляется ассоциация, выраженная словом *богослужение*. Под этим словом понимается ряд религиозных действий, которые совершаются верующими. Это могут быть чтение Корана, чтение молитвы, упоминание Аллаха т.д. Все эти действия представляют собой духовную службу. Стоит также отметить, что среди анкет были 3 с ответом *религиозное служение* и 1 ответ со словосочетанием *хизмат ба дину ба имон*.

Единичными были ответы респондентов: *образовательные услуги, волонтерская помощь, участие в общественно полезной деятельности, пищевая часть, тыловое обеспечение, воздушно-боевая часть, подводно-военная часть, правоохранительные органы, пограничная служба, таможенная служба, служба госбезопасности, служба опеки, богослужение, МЧС, аварийная служба, экскурсии, ремонт одежды или обуви, уборка, химчистка, скорая помощь*. В двух анкетах использовано выражение *пожарная служба*. Данные слова-реакции указывают на разновидности служб.

Встретились такие ассоциации как *хизматрасони таълимӣ: хизмати омӯзгор, таълим додан дар мактаб, донишгоҳ ва курсҳо*. Данный ответ радует тем, что молодежь ценит труд учителей и преподавателей.

Среди респондентов были те, кто указали следующие ассоциации - *горничная, кухарка, няня, дворецкий, кучер, домработница*, а также такие ответы, как *кӯмак ба пиронсолон, маъюбон, ятимон ва гуруҳҳои ниёзманд*.

Ассоциативное поле состоит из ядра, центра и периферии. Эти части содержат ассоциации, которые связаны между собой по иерархии, по смысловым группам (парадигматически) и по порядку следования в речи (синтагматически) [4, с. 19].

Обсуждение

На основе анализа всех полученных реакций на слово-стимул *хизмат* выстраивается структура ассоциативного поля концепта. Для его моделирования и описания в работе вычисляется репрезентативность каждого признака в структуре концепта, что позволило выделить ядро, базовые слои и периферию. Анализ когнитивных слоев, выделенных на основе результатов свободного эксперимента, помог представить модель ассоциативного поля концепта «хизмат» (служба) в таджикском языковом сознании. Полевая организация концепта «хизмат» (служба) представлена ниже. Рядом с каждым когнитивным признаком приведено соотношение его яркости в сознании испытуемых, объективировавших данный признак в эксперименте.

Ядро концепта: *Хизмати ҳарбӣ (военная служба) - 39; хизмати давлатӣ (государственная) - 21; хизмат ба падару модар (волидайн) (служба родителям) - 21.*

Ближняя периферия: *хизмат ба ватан (служба родине) – 18; медицинские - 12; хизмат ба халқи худ - 12; иҷтимоӣ (социальная служба) – 10; маишӣ (бытовая) – 10.*

Дальняя периферия: *транспортные - 7; хизмати ватан - модар (служба Родине-матери) - 6; коммунальные - 4; туристические - 4; хизмат ба дӯсту рафиқ (служба друзьям и товарищам) - 4; образовательные - 3; служба на работе - 3; хизмат ба хушдоман (служба свекрови) - 3; религиозное служение - 3; пулӣ 2 (финансовые); рухсатӣ 2 (отпускная служба); меҳнатӣ 2 (трудовая); хизматрасони ройгон ва пулакӣ (бесплатные и платные*

услуги) - 2; хизмати оила (шавҳар, фарзанд) (служба семье, мужу и детям) - 2; хоҳар (сестре) - 2; бародар (брату); юридические - 2; пожарная служба - 2; пожизненная служба - 2; информационно-государственная служба - 2; хизмат как одолжение, помощь - 2.

Крайняя периферия: хизмати ҳарбии сарҳадбонӣ (служба в пограничных войсках); кувваи зиддиҳавоӣ ва ғ. (в войсках противовоздушной обороны); қарзи фарзандӣ (долг детей перед родителями).

Исходя из данных ассоциативного эксперимента, проведённого среди носителей таджикского языка и культуры, можно сделать следующие выводы:

Хизмат (служба) понимается как общественно-значимая деятельность.

Люди воспринимают «хизмат» (службу) прежде всего как оказание помощи или услуг.

Хизмат (служба) как уважение.

Хизмат (служба) как долг.

Также по данным респондентов ответы можно поделить на две большие группы:

профессиональные (государственные, медицинские, транспортные);

личные (родителям, родственникам, старшему поколению, наставнику, Богу).

В ходе ассоциативного эксперимента участники назвали множество разнообразных форм концепта «хизмат». Это говорит о том, что понятие служения воспринимается ими в самых разных жизненных контекстах, охватывая такие сферы, как армия, государственное управление, медицина и социальная работа. Наиболее часто в ответах фигурировали понятия «хизмат», связанные с военной службой, работой на государство и заботой о родителях. Вероятно, это отражает глубокое уважение к этим видам деятельности и их значимость для общества. Значительная часть перечисленных видов служения связана с оказанием помощи членам семьи и близким, а также с поддержкой в рамках сообщества. Это подчеркивает, насколько важны семья и община в культуре респондентов. Отдельные виды «хизмат» были упомянуты лишь два-три раза. Это может свидетельствовать о том, что данные формы служения менее распространены или не столь значимы для участников в их представлениях. Наличие в списке упоминаний добровольной помощи, поддержки малоимущих и безвозмездных услуг ради добрых дел говорит о готовности участников заниматься благотворительностью и участвовать в подобных инициативах.

Военная служба может ассоциироваться с более традиционными представлениями о мужественности и долге, что делает её более заметной при назначении определённого вида службы. Люди могут воспринимать военную службу как одну из наиболее заметных форм «служения» обществу.

Интерпретация термина «служба» варьируется в зависимости от субъективного опыта и когнитивных ассоциаций. В случае позитивного взаимодействия с актами благотворительности респонденты склонны ассоциировать службу с оказанием помощи. Тем не менее, в силу своей общественной значимости и эмоциональной насыщенности, военная служба часто доминирует в сознании как наиболее репрезентативный вид служения, несмотря на потенциально противоречивые реакции.

Третий вопрос анкеты содержит в себе следующее: паремиологический фонд языка, включающий пословицы, приметы, загадки, присловья, формирует набор ситуаций, отражающих межличностные отношения, передаёт информацию культурологического и прагматического содержания и образует паремиологическую картину мира, которая содержит стереотипные представления народа о мире и его социокультурный багаж, представляя компактное хранилище знаний и опыта [1, с.119].

Концепт «хизмат» представляет собой концепт занятия, относящийся к классу социальных концептов. Этот концепт несёт в себе не только символическое значение, но и

социальные, бытовые, религиозные или исторические аспекты. Хизмат (служба) отражает ценности общества, а его языковая репрезентация через пословицы и устойчивые выражения может раскрыть уникальные культурные особенности данного концепта.

Одним из приёмов описания концептов через данные языка является анализ пословиц и поговорок, в которые входит как изучаемое ключевое слово, так и оценки называемого им концепта, хотя бы самого имени концепта там и не было. Этот приём хорошо показывает народное осмысление того или иного явления [9, с.14].

В результате анкетирования были получены пословицы и поговорки, фразеологизмы, устойчивые сочетания слов, выражения со значением «хизмат» (служба, услуга), которые далее были подразделены на следующие когнитивные блоки:

Служба как долг и честь: *Служба службой, а дружба дружбой - 5; служба не дружба - 2; служить верой и правдой; не в службу, а в дружбу; на службе - честь, дома - покой; служи честно – не будешь в нужде; хизмат кун то эҳтиром ёбӣ (служи – найдешь уважение); служба Родине – это долг каждого гражданина; на службе главное - долг и дисциплина, а не личные отношения; какова служба, такова и честь; хизмат ба Ватан шараф аст (служить Родине - это честь); служить Родине - это честь для каждого человека; хизмат кардан шараф аст (служить - это честь); служить Родине – вот лучшая работа; жить – Родине служить; хизмати Ватан модар ин қарзи ҳар як шаҳрванди Тоҷикистон мебошад (служить Родине - это долг каждого гражданина Таджикистана); хизмати Ватан-модар шарафи бузург аст (служить Родине - это великая честь); хизмат ба Ватан қарзи ҳар як ҷавонмард аст (служба Родине - долг каждого молодого человека); хизмат ба ватан фарз аст (служба Родине обязательна); хизмати падару модар фарз аст (служба родителям обязательна); хорошая служба – честь человеку; служить Родине – честь для каждого молодого человека; хизмат ба волидайн қарзи фарзандии мост (служить родителям – долг каждого ребенка); служи верно, и честь будет, хизмат кунӣ, шараф ёбӣ (послужи, и будет тебе честь); ҳар ки хизмат кунад ба меҳнату ранҷ, созад ўро шарафу иззату ганҷ (кто служит усердно и трудом, станет он уважаемым и состоятельным); ҷон ба раҳи ватан фидо мо накунем ки мекунад (если мы не пожертвуем душой во имя Родины, то кто сделает это?).*

Служба как труд (старание): *хизмати хирсона (медвежья услуга); труд и служба все перетрут; без труда не вытащишь рыбку из пруда; служба - дело серьёзное, а лень - позорная; меҳнат кунӣ, роҳат мебинӣ (тот, кто трудится, тот получает удовольствие); меҳнат шараф аст (труд – слава); меҳнат – хизмат – ёрӣ расондан -дастгирӣ кардан (труд-служба-помогать-поддерживать); труд - это честность; труд кормит, а лень портит; кор кун, то хизмат ба кор ояд (трудись, чтобы пригодилась служба); кори имрӯзро ба фардо магузор (сегодняшнее дело не оставляй на завтра); Аз ҳунар ояд ба даст моли ҷаҳон, Бехунар гардад ҳасуду бадғумон (от мастерства можно получить всё, неумельцу достанется зависть и ненависть); заҳмат кашӣ, роҳат мебинӣ (тот, кто трудится, тот получает удовольствие); бе заҳмат роҳат нест (без труда нет удовольствия); нобурда ранҷ ганҷ муяссар намешавад (пока не потрудишься, не найдешь клад); тяжело в ученье - легко в бою; не служи за страх, а служи за совесть; ҳеч кас бидуни заҳмат ба оромие намерасад (никто без труда не достигает гармонии); хизмат на ба забон, ба амал аст (служить надо не словом, а делом); хизмати ҳақиқӣ ҷон фидои халқу ватан мекунад (настоящая служба - это жертвование собой ради Родины); без страданий сокровища не обрести, хороший хизмат без слов ценится.*

“Почитай, и будешь почитаем (как послужишь – так и получишь; служение – основа уважения): *Хизмат аз сидқу ният бояд, на аз зоҳир (служить надо от всего сердца,*

а не ради показухи) - 2; хизмат кун, то хизмат бинӣ (служи, чтобы тебе служили); ба халқ хизмат кардан ба Худо наздик шудан аст (служить народу - это значит приблизиться к Богу); хизмати падару модар баракат меорад (служба родителям приносит изобилие); бе хизмат - бе иззат (не служишь - не будешь уважаемым); хизмат кун, то иззат ёбӣ (служи, чтобы стать почитаемым); хизмат ба халқ хизмат ба Худост (служба народу - служба Богу); хизмат кун, то хизматат кунанд (служи, чтобы тебе служили); касе, ки хизмат мекунад, соҳиби шараф аст (тот, кто служит, тот имеет славу); ҳар ки ба халқ хизмат мекунад, номаш ҷовидон аст (тот, кто служит народу, его имя вечно); хизмат ба бузургон баракат меорад (служба почтенным людям приносит достаток); касе, ки бо дил хизмат мекунад ҷойгоҳаш баланд аст (кто служит от сердца, его место почтенное); ба мардум хизмат кун, то номи нек гузорӣ (служи народу, чтобы оставить после себя доброе имя); ба пирӣ хизмати модар падар кун, ҷавонию ҷунун аз сар бадар кун (служи родителям, когда они пожилые, отгони от себя легкомыслие и дурость); не послужишь - не заслужишь.

Хизмат как помощь: Дасте, ки хизмат мекунад, болост (рука, которая помогает – высоко) (2); даст ба хизмат доштан (привязана к службе) (1); за добро добром платят (1); добрая услуга – лучшее богатство; не делай добра - не получишь зла (1); бескорыстная услуга, протянуть руку помощи (1); доброе дело два века живёт (1); сделал добро – не жди награды (1); за добро добром плати (1).

Хизмат – нелегкое дело: служба есть служба (1); от службы не насытишься (1); служба не мёд, а есть охота (1); на службе как на войне, кто родине служит, тот себя не щадит.

Заключение

Среди реакций интересной оказалась реакция следующего респондента: “Чӣ хизмат кунам? – Чем я могу помочь вам?»; «Хизмат? – Чем могу помочь?»; «Як хизмат кун! – Сделай дело!»; «Ягон хизмат шуд, мо дар ҳамин ҷо - появится какое-нибудь дело, мы всегда к вашим услугам»; “ягон хизмат шуд, рақамҳои телефонро медонӣ, занг зан – если что, ты знаешь номер телефона – звони”.

Результаты нашего исследования не только раскрывают богатство смыслов, заключенных в понятии "хизмат", но и демонстрируют его связь с культурными и социальными реалиями таджикского общества. Следовательно, глубокое понимание того, что означает служение, может стать ценным инструментом для дальнейшего анализа идентичности и ценностей молодого и старшего поколения Таджикистана.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ :

1. Ахмадзода И.И. Объективация понятия «хизмат» в паремиологическом и фразеологическом фондах таджикского языка / И.И. Ахмадзода // Вестник университета (Русско-Таджикский (Славянский) университет). — 2025. — № 4 (90). — С. 146-154.
2. Бредис М.А. Представления о денежных отношениях в пословицах (на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков): дис. ... канд. филол. наук / Бредис М.А. – Москва, 2017. – 346 с.
3. Зубарева Е. О., Шустова С. В., Исаева Е. В. Концептуальное поле в современной лингвистической парадигме / Зубарева Е. О., Шустова С. В., Исаева Е. В. // Евразийский гуманитарный журнал – 2019. – № 3. – С. 17-26.
4. Искандарова, Д. М. Векторы развития таджикской лингвистики: цифровизация научных исследований / Д. М. Искандарова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2025. – № 2(88). – С. 166-182. – EDN YXLURN.
5. Клименко А. П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение: учеб. пособие / Клименко А. П. - Минск: МГПИИЯ, 1974.

6. Клименко А. П. Ассоциативное поле и текст / Клименко А. П. // *Функционирование и развитие языковых систем.* – Минск, 1990. – С. 44 – 46.
7. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации / Пименова М.В. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004. – 386 с.
8. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике/ З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191с.
9. Стернин И.А. Структурные компоненты значения слова / И.А. Стернин // *Русистика и современность: Материалы VII Междунар. науч.-прак. конф. Т. I.* – Санкт-Петербург, 2005. – С. 30-39.
10. Уфимцева Н. В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян / Н. В. Уфимцева // *Методологические проблемы когнитивной лингвистики.* – Воронеж, 2001. – С. 65-71.

REFERENCES:

1. Akhmadzoda I.I. Objectification of the Concept "Khizmat" in the Paremiological and Phraseological Funds of the Tajik Language / I. I. Akhmadzoda // *Bulletin of the University (Russian-Tajik (Slavic) University).* - 2025. - No. 4 (90). - PP. 146-154.
2. Bredis M.A. Concepts of Monetary Relations in Proverbs (based on Russian, Latvian, Lithuanian, German and English languages): dis. ... cand. Philol. M., 2017. – 346 pp.
3. Zubareva E. O., Shustova S. V., Isaeva E. V. Conceptual Field in the Modern Linguistic Paradigm // *Euro-Asian humanitarian journal* – 2019. – № 3. – PP. 17-26
4. Iskandarova, D. M. Development Vectors of Tajik Linguistics: digitalization of scientific research/ D. M. Iskandarova // *University bulletin (Russian-Tajik (Slavonic) University).* – 2025. – № 2(88). – PP. 166-182. – EDN YXLURH.
5. Klimenko A. P. *Lexical Systematicity and its Psycholinguistic Study: a textbook* Minsk : MGPIIYA, 1974. – 340 pp.
6. Klimenko A. P. *Associative Field and Text.* /Klimenko A.P.// *Functioning and development of language systems.* – Minsk, 1990. – PP. 44 – 46.
7. Pimenova M.V. *Soul and Spirit: Features of Conceptualizations* / Pimenova M.V. – Kemerovo: Publishing house «Graphica», 2004. – 386 pp.
8. Popova Z.D., Sternin I.A. *Essays on Cognitive Linguistics* / Z.D. Popova, I.A. Sternin. – Voronezh: Istoki, 2001. – 191 pp.
9. Sternin I.A. *Structural Components of Word Meaning* / I.A. Sternin // *Russian Studies and Modernity: Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conf. V. I.* – SPb, 2005. – PP. 30-39.
10. Ufimceva N. V. *A Comparative Study of the Linguistic Consciousness of the Slavs* // *Methodological problems of cognitive linguistics.* – Voronezh. 2001. – PP. 65-71.

БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ И ЗЛОПОЖЕЛАНИЯ В ТАДЖИКСКИХ СКАЗКАХ *Исмоилова Нилуфар Маноновна, преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания факультета иностранных языков МУ ВО “Российско-Таджикский (Славянский) университет (Душанбе, Таджикистан)*

ДУОҲОИ НЕК ВА БАД ДАР АФСОНАҲОИ ТОЧИКӢ *Исмоилова Нилуфар Маноновна, омӯзгори кафедраи забонишинсии назариявӣ ва амалии факултети забонҳои хориҷии МБ ТО “Донишгоҳи славянии Россия ва Тоҷикистон (Душанбе, Тоҷикистон)*

BLESSINGS AND ILL-WISHES IN TAJIK FAIRY TALES *Ismoilova Nilufar Manonovna, lecturer of the department of theoretical and applied Linguistics of the faculty of foreign languages under the MI HE “Russian-Tajik (Slavic) University (Dushanbe, Tajikistan) e-mail: aaliev55@mail.ru*

Рассматриваются благопожелания и злопожелания как значимые элементы речевого поведения в таджикских народных сказках. Исследование направлено на выявление их функционального назначения, семантического наполнения и структурных характеристик, а также на анализ их роли в отражении культурных норм и ментальных ориентиров таджикского этноса с помощью языковых средств. Изучение сказочного материала, его эмоциональной окрашенности позволяет установить, что эти речевые формы выполняют не только коммуникативную, но и ценностно-смысловую функцию: они способствуют закреплению в сюжете сказки моральных установок, передаче представлений о социальной справедливости, добре и зле, чести и воздаянии. Цель статьи – выявить, описать и проанализировать культурно-ценностное содержание благопожеланий и злопожеланий в таджикских народных сказках. Для достижения цели используются лингвокультурологический и лексико-семантический методы анализа.

Ключевые слова: благопожелания; злопожелания; сюжет сказки; языковые средства; эмоциональная окрашенность

Дуоҳои нек ва бад ҳамчун унсурҳои муҳимми рафтори нутқӣ дар афсонаҳои мардумии тоҷикӣ баррасӣ шудаанд. Ҳадафи таҳқиқ муайян кардани таъиноти функционалӣ, мундариҷаи семантикӣ ва хусусиятҳои сохтори онҳо, инчунин таҳлили нақши онҳо дар инъикоси меъёрҳои фарҳангӣ ва самтгириҳои ҳувиятии этноси тоҷик мебошад. Таҳлили афсонаҳои мардумӣ нишон медиҳад, ки ин рафторҳои нутқ на танҳо вазифаи муоширатӣ, балки вазифаи арзишӣ-семантикиро низ иҷро мекунанд: онҳо ба таҳкими принципҳои ахлоқӣ ва интиқоли гояҳои адолати иҷтимоӣ, некӣ ва бадӣ, шараф ва мукофоти амал мусоидат мекунанд. Ҳадафи мақола муайян кардан, тавсиф ва таҳлили мундариҷаи фарҳангӣ ва арзишии дуоҳои нек ва бад дар афсонаҳои мардумии тоҷикӣ мебошад. Барои ноил шудан ба ин ҳадаф усулҳои таҳлили забонӣ-фарҳангӣ ва лексикӣ-семантикӣ истифода шудаанд.

Калидвожаҳо: дуоҳои нек; дуоҳои бад; сюжети афсонавӣ; воситаҳои забонӣ; тобишҳои эҳсосӣ

This article examines good and bad wishes as significant elements of speech behavior in Tajik folk tales. The study aims to identify their functional purpose, semantic content and structural characteristics, as well as to analyze their role in reflecting the cultural norms and mental guidelines of the Tajik ethnic group using linguistic means. The study of fairy tale material and its emotional coloring allows us to establish that these speech forms perform not only a communicative but also a

value-semantic function: they contribute to the consolidation of moral principles in the plot of the fairy tale, the transmission of ideas about social justice, good and evil, honor and retribution. The purpose of this article is to identify, describe, and analyze the cultural and value-based content of good and evil wishes in Tajik folk tales. To achieve this goal, linguocultural and lexical-semantic analysis methods are used.

Key-words: *blessings; ill wishes; fairy tale plot; linguistic means; emotional coloring*

Введение

Изучение особенностей благопожеланий и злопожеланий имеет важное значение в языковой культуре народа, поскольку способствует раскрытию национальной сущности (они передают информацию о жизни, традициях и обычаях народа, раскрывают его мировоззрение), пониманию системы взглядов этноса на мироздание, определению национальной специфики языка и психологии народа.

Исследования в области лингвокультурологии в таджикской лингвистике подробно описаны в статьях Д.М. Искандаровой: «В таджикском языкознании первые исследования в области когнитивной лингвистики, а затем и лингвокультурологии были начаты в 2004-2005 гг. учеными, которые с 2009 г. объединили усилия на кафедре теоретического и прикладного языкознания Российско-Таджикского (Славянского) университета (РТСУ). В поле интереса ученых – базовые концепты, лингвокультурные типажи, языковая картина мира носителей таджикского языка, стереотипы, ментальность, языковая личность, ценностные доминанты, изучение метафор и метафоризации, информационных аспектов речевой деятельности, ментального лексикона и др.» [2, с. 167].

В работе «Исследования по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике в таджикском языкознании» профессор Д.М. Искандарова отмечает: «...вся семантическая система языка может быть полностью поделена на два противоположных признака с позитивной или негативной оценкой: хороший/плохой, добрый/злой. Оценка «бед – плохо» лежит в основе концепта «бед – зло», поэтому не вызывает сомнения, что исследование концептов, содержащих в своем составе слово «бед», является чрезвычайно востребованным» [1, с. 61].

Каждому народу присущи свои ценности - как материальные так и духовные. Каждая ценность формируется под воздействием каких-либо факторов: географических, исторических или социальных. В фольклоре многих народов есть как добрые пожелания (благопожелания), так и недобрые (злопожелания или проклятия). Эти формулы отражают нравственные ценности каждого народа и раскрывают его представление о мире. Они выполняют двойную функцию – способствуют сохранению традиций и обеспечивают их передачу от поколения к поколению, а также регулируют социальное поведение. Благопожелания и злопожелания находят применение в магических и колдовских ритуалах, подчеркивая их важность в жизни народа.

Б.С. Сафаралиев пишет: «Историческое прошлое таджикского народа свидетельствует об исключительной самобытности его традиционного фольклора, под влиянием которого воспитывались многие поколения людей, складывались их национальный быт и культура» [3, с.135]. Из сказанного мы можем заключить, что фольклор является не только проявлением национально-специфических особенностей этноса, но и представляет собой источник, через который может быть обнаружена самобытность этноса.

Важная особенность благопожеланий заключается в том, что их произносят преимущественно представители старшего поколения – родители, дедушки и бабушки,

прабабушки и прадедушки. Как правило, народ верит, что благопожелания (дуо), сказанные представителями старшего поколения, имеют свойство сбываться.

А злопожелания (дуои бад) зачастую пронизаны отрицательными эмоциями и выражают гнев или разочарование, что делает их мощным инструментом в фольклорной традиции.

Эти негативные заклинания или пожелания произносятся с целью причинения вреда или несчастья. При употреблении проклятий человек верит в сверхъестественные силы, которые могут влиять на чью-либо судьбу или окружающий мир. Но иногда человек забывает, что произнесенное им пожелание зла может вернуться к нему самому или к его семье.

Цель данной работы заключается в том, чтобы исследовать особенности выражения благопожеланий и злопожеланий в таджикских сказках и их культурное значение. Для этого нами использован лингвокультурологический метод, который позволяет определить культурные ценности, то, как они связаны с национальными традициями, верованиями, нормами морали. Также используется метод лексико-семантического анализа, который позволяет распределить все благопожелания и злопожелания, найденные в сказках, на тематические группы. Традиционно эти словесные формулы (злопожелания и благопожелания) постоянно звучат в быту таджикского народа.

Согласно существующим народным поверьям, говорящий может наслать на своего оппонента несчастье и тогда, когда использует формы представления тактики злопожелания для его поругания, а еще, как гласит народная мудрость, несчастья, насылаемые говорящим на кого-либо, имеют свойство к нему же и возвращаться. Молящийся должен искренне обращаться к Аллаху и знать, что только Аллах могущественен ответить на его мольбу. Поэтому он не должен обращаться ни к кому, кроме Аллаха, и не должен использовать никого в качестве посредника: ни пророка, ни святого, ни ангела, ни праведного раба, ни кого-либо еще.

Речь идет о речевых актах, произнесение которых, как правило, вызвано аффективным состоянием говорящего, поэтому можно утверждать, что они призваны выполнять исключительно экспрессивную функцию. Злопожелания определяются как «выраженные словами пожелания какой-либо беды, являющиеся отражением известного душевного состояния человека»; в них «вкладывается пожелание угрозы здоровью, благополучию, счастью, иногда самой жизни» [5].

Злопожелания относятся к речевым актам эмоционально-оценочного отношения и эмоционального воздействия, поводом для которых является ощущение говорящим несоответствия адресата и его поведения норме или представлениям говорящего о ней [4, с. 129].

Например, в сказке «Момохолбика» старики желают молодоженам: «Пусть они всегда будут рады видеть друг друга, пусть проживут долгую жизнь» / *«Мӯйсафедон дар ҳаққи писари хурдию зани паризоди дар ҳусни чамол беҳамтои ӯ дуо карданд: «Ҳамеша аз дидори якдигар шод бошанд, умри дароз бинанд. Дуои мӯйсафедон мустаҷоб шуд. Онҳо ҳамеша аз дидори якдигар шод буданд, умри дароз диданд, шумо ҳам ҳамеша шод бошед умри дароз бинед»* [6, с.152].

«Старики помоллились за младшего сына и его красавицу-жену: «Пусть они всегда будут рады видеть друг друга, пусть проживут долгую жизнь». Молитва стариков была услышана. Они всегда были рады видеть друг друга, прожили долгую жизнь, пусть и вы всегда будете счастливы и проживете долгую жизнь».

Здесь благопожелание от имени автора одновременно направляется и на читателей. С помощью дуа (молитвы) построен переход от сюжета сказки в реальность. Говорят, что молитва старшего поколения имеет свойство сбываться. Поэтому в таджикской культуре очень важно, чтобы молодые *«дуои пиронро ба даст оваранд»* - получили благословление

от представителей старшего поколения. Наши дела и помощь приносят им радость, и они благословляют нас в ответ.

В сказке «*Тохир и Зухро*» используется благопожелание (молитва) в стихотворной форме. Стихотворные благопожелания (молитвы) могут быть частью устного народного творчества, песен, поздравлений на праздниках и важных событиях (например на свадьбах, днях рождения и др.). Стихотворная форма позволяет сделать пожелания более выразительными, запоминающимися и эмоциональными:

«*Зухро гамгину маъюс расида омада, ба чаими гирёну дили бирён ба Тоҳир нигоҳ карда гуфт:*

Чаими бади кас ҳеч ба чаимат нарасад.

Отаи ба вучуди шиқнарастат нарасад.

Мардуми ҷаҳон ҳама дуо мегӯянд:

Ҳар ҷо рафтӣ, ҳеч шикастат нарасад» [6, с. 188].

«*Зухро пришла грустная и разочарованная, посмотрела печальными глазами и с разбитым сердцем на Тохира и сказала:*

«Пусть ничей дурной глаз не встретится с твоими глазами.

Пусть огонь не коснется твоего влюбленного тела.

Все люди мира молятся об одном:

Куда бы ты ни пошел, будь в целостности и сохранности».

Эта сказка о горячей любви двух молодых людей, которых разлучили и история которых окончилась трагедией. Здесь молитва исходит от Зухры. Она молится, чтобы её любимый вернулся домой целым и невредимым.

«*Писари савдогар ин гапро шунида, мот шуду гуфтаҳои падараширо фаромӯи карда, сад тангаро ба дасти пирамард дод. - Бахт ёрат бошад, писарам, - гуфт пирамард дуо карда ва баъди ин пандашро ба забон овард: Аз насибаи пагоҳӣ рӯй матоб!» [6, с. 337].*

Молодой человек получает от старика благопожелание (дуа) за выполненное действие: «*Пусть сопутствует тебе удача, сын мой*», - сказал старик благословляя, и после этого произнёс наставление: *Не отказывайся от утренной доли».*

Эту же модель благопожелания можно встретить и в другой сказке:

«*-Духтари азизам, дигар фикр намекунам, ки писар надорам, ту кори даҳ писарро адо карда, маро сарфароз кардӣ, илоҳи умрат дароз ва бахт ҳамеша ёрат бошад! [6, с. 96]. // «- Дорогая моя доченька, я больше не думаю, что у меня нет сына, ты выполнила дело десяти сыновей и почтила меня, да хранит тебя Бог, долгих лет жизни и счастья!»*

Очень часто бывают случаи, когда люди жертвуют чем-нибудь ради дуа - молитвы, подают милостыню, помогают бедным или просто хотят сделать *кори савоб* - благое дело. Веря, что дуа может изменить судьбу, и веря в её силу, люди часто готовы идти на уступки: «*Як дуо кунед кифоя» // «Сделайте дуа, этого достаточно».*

Совместная молитва создает атмосферу единства и взаимной поддержки для верующих. Люди объединяются в своих намерениях и желаниях, что усиливает их духовную связь и способствует созданию общего намерения. Пророк Мухаммед говорил о том, что дуа, произнесённая в группе, имеет особую силу. Совместную молитву (дуа) можно встретить в сказке «*Аввал пурсиш, баъд кушиш*» - «*Сначала спроси, потом убивай*»:

- *Мардум имрӯз кудрати баргардонидани қарзро надоранд, бинобар ин ҳама рӯзу ҳама соат, дар кӯчаву бозор, масҷиду хонаҳояшон даст ба омин бардошта, ба Парвардигори олам илтиҷо карда, бо як овоз мегӯянд, ки «Худоё, Худовандо, умри подшоҳро дароз кун!» **Барои подшоҳу подшоҳӣ магар кудрати бузургтаре аз дуои неки тамоми халқ метавонад вучуд дошта бошад?!» [7, с.304] // «Сегодня у народа нет сил вернуть долг,***

поэтому каждый день и каждый час на улицах, рынках, в мечетях и домах они поднимают руки и молятся Господу миров, говоря в один голос: «Боже, Боже, продли жизнь падишаху! Может ли быть большей силы для царя и королевства, чем добрая молитва всего народа?!».

Но, кроме благопожеланий, в таджикских сказках очень часто можно встретить и злопожелания, которые также относятся к фольклору. В таджикском языке, как и в других языках, существуют различные формы злопожеланий, которые могут выражать недовольство или злость.

В сказке «**Корнамои рӯбоҳи хокистарранг**» – «**Подвиги рыжей лисы**» можно встретить одно из самых распространенных злопожеланий – «лаънатӣ»: «*Аз чор тараф садо баромад: -Бисёр бародаронамонро нобуд кард ин гурги лаънатӣ! -Ба чинси рӯбоҳ қирон овард. -Ў гӯё гурба асту мо муш. Барои ин гург рӯбоҳро доштану куштану хӯрдан-як ид. -Хайр, чӣ пешниҳод дорӣ?-ба суханрон савол дод рӯбоҳи хокистарранг, ки дар сафи пеш менишаст*» [7, с.57] // *Со всех четырех сторон раздался голоса: — Этот проклятый волк уничтожил многих наших братьев! Он уничтожил лису! - Он как кот, а мы как мыши! Поэтому для волка поймать, убить и съесть лису – праздник. - Так что ты можешь предложить? - спросила говорящего серая лиса, сидевшая в первом ряду*».

В сказке «**Дӯстони хиёнаткор ва духтари покдомани бузургон**» -«**Коварный друг и целомудренная дочь великих**» также встречается эта модель злопожеланий: «*Ин вақт писари бой - Абдулло аз ҷояи тохта хеста: -Ту лаънатӣ, дурӯғ мегӯӣ, хез гӯм шав! - гӯён ба сари афсонагӯӣ мушт кашид*». [7, с. 209] // «*В это время сын богатого Абдулло вскочил и сказал: — Ты лжешь, проклятый, убирайся вон! - и ударил рассказчика по голове, Ахрор своими сильными руками заставил его сесть, повернулся к мальчику-пастушку и сказал...*».

Рассмотрим сказку «**Ҷазои девкамтир**» – «**Наказание старухи**», в которой используется злопожелание «чавонмарг»: «*-Оча, оча! Лаби Оиша инҷ, дандонеш мошу биринҷ... -Э, чавонмарг шавӣ, ин чӣ гапи гуфтагиат! - гуфта девкамтир духтараширо зад, духтараи чо ба чо мурд*» [7, с. 292] // «*- Мама, мама! Губы у Аиши красивые, а зубы у нее маленькие и ровные*». - *Ой, умри ты молодой, о чем ты говоришь!* - сказала старушка, побила дочь, и её дочь скончалась на месте.

Во всех приведённых сказках используется распространенное злопожелание - «лаънатӣ», и мы рассмотрим значение данной лексемы, приведённое в словарях. В Фарҳанги забони тоҷикӣ даётаъ селудӯӯе оӯредеелене данноӯи модели: «Лаънат - дуои бад, бадгӯӣ, дашном, изҳори нафрат» - плохая молитва, сквернословие, ругань, выражение ненависти [11, с.598]. В Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (ФТЗТ) [9] даётаъ селудӯӯе оӯредеелене: «ЛАЪНАТ а. لعنة дуои бад; бадгӯӣ, изҳори нафрат; лаънат ба... таъбири дашном, ки дар мавриди изҳори нафрату мазаммати сахт ба касе ё чизе гуфта мешавад; таънаву лаънат маломату нафрат; лаънат кардан // лаънат фиристодан // лаънат хондан нафрин гуфтан, изҳори нафрату дашном кардан» [10, с.719]. В Таджикско-русском словаре под редакцией Д. Саймиддинова даётаъ допӯллнение [10]: «ЛАЪНАТ проклятие; ~ кардан, ~ хондан, ~ фиристодан, ~ гуфтан проклинать кого-л.; предать проклятию; посылать проклятия; ~ ба ў! будь он проклят! ЛАЪНАТӢ» [8, с.338].

В последней приведённой нами сказке использовалось злопожелание «чавонмарг». Для точного определения его значения, а также перевода на русский язык мы обратились к словарям. Для начала нашли его определение в ФТЗТ: «**ЧАВОНМАРГ** 1. он ки дар чавонӣ мурдааст; чавонмарг кардан, дар чавониаш нобуд кардан; чавонмарг шудан дар чавонӣ мурдан. 2. калимаи дашном, ки дар вақти изҳори норизоӣ аз касе гӯянд» - тот, кто умер молодым; убить молодого; умереть молодым. 2. ругательство, используемое при

выражении неодобрения кому-либо [9, с. 574]. В словаре Д.Саймиддинова мы нашли дополнение: «**ЧАВОН(И)МАРГ** ~! бран. чтоб ты сдох!» [10, с.745].

Из второго значения этого слова видно, что оно означает «ругательное слово, которое можно сказать, выражая недовольство кем-либо».

Другой распространенной формулой злопожеланий являются «*Худо туро занад, Худозада, Худо туро бигирад* и т.п.» В буквальном смысле эти злопожелания означают: «*Да накажет тебя Аллах, наказанный Богом; пер. опозоренный, обесчещенный*» [8, с. 689]. Приведем примеры из таджикских сказок с использованием этих формул злопожеланий: «*«-Ман кӯре ҳастам, ки як бор асо гум кардаам, дигар гум намекунам. Ҳар чӣ мегӯӣ, ҳар ҳаракате мекунӣ беҳуда. Беҳтараиш шавҳарамро ба ҳуш биёру моро сиҳату саломат ба манзил расон, бар акси ҳол **Худо мезанадат, расвои олам мешавӣ**»* [7, с. 207] // «Я человек, который один раз совершил эту ошибку и никогда больше ее не повторит. Все, что вы говорите, все, что вы делаете, — напрасно. Лучшие приведи моего мужа в чувство и верни нас домой целыми и невредимыми, **иначе Бог тебя накажет, ты станешь позором для мира**».

В данном контексте злопожелание выражается в виде угрозы, которая подчеркивает последствия действий для собеседника. Главная героиня делится своим опытом и предупреждает, что больше не хочет впасть в такую ситуацию. Она использует метафору потери трости, чтобы описать свою уязвимость и осознание того, что одна ошибка может иметь фатальные последствия. Она просит собеседника, чтобы её с мужем вернули домой, иначе Бог может наказать его: «*Қорӣ дар хаим шуда гуфт: -Пас ту гирифтаӣ, эй қиморбози худозада! -Қорӣ, худ бигӯ, **Худо туро зад ё маро?** - пурсид қиморбоз. - Худо туро аз чаим маҳрум карда, ба ҷойи ин хотираатро мустаҳкам кардааст, то ки Қуръони маҷидро барои бандагонаиш тиловат бикунӣ»* [7, с. 352] // «Слепой рассердился и сказал: - **Значит, ты взял, проклятый азартный игрок!** - Слепой, скажи, **тебя или меня Бог наказал?** - спросил игрок. – **Бог лишил тебя зрения и вместо этого укрепил твою память, чтобы ты мог читать славный Коран Его рабам**».

В данном отрывке один из главных героев сказки – азартный игрок, другой из них - слепой, и речь идет о том, как и кого наказал Бог. Игрок в свою очередь пытается оправдаться, спрашивая, кто из них был наказан. Это указывает на его попытку избежать вины и перенести акцент на судьбу.

Далее рассмотрим лексико-семантические поля, грамматические формы, используемые для передачи благопожеланий и злопожеланий.

Все благопожелания и проклятия, приведенные нами в качестве примеров из таджикских народных сказок, можно поделить на следующие лексико-семантические группы:

1) **пожелание долголетия:** *умри дароз бинанд, илоҳӣ умрат дароз ва бахт ҳамеша ёрат бошад, дуо мекунам, ки умрат дароз шаваду ризқат фаровон;*

2) **пожелание счастья:** *бахт ёрат бошад, офарин, ҳамеша хушбахт бош, Офарин, ҳамеша хушбахт бош;*

3) **пожелание богатства:** *ризқат фаровон шавад;*

4) **пожелание смерти:** *Э, чавонмарг шавӣ;*

5) **пожелание позора:** *Худо мезанадат, расвои олам мешавӣ.*

По грамматическим формам выражения их можно поделить на следующие группы:

A. **Условное наклонение:** *ҳар нияте, ки дошта бошед, амалӣ гардад, ҳар ҷо рафтӣ, ҳеч шикастат нарасад;*

B. **Повелительное наклонение:** *хушбахт бош, зинда бош, чавонмарг шавӣ.*

Заключение

Благопожелания и проклятия играют важную роль в таджикской культуре при формировании моделей поведения, а также в передаче традиций. Они не только определяют общественное сознание таджиков, но и являются одним из средств общения. Эти речевые обороты отражают нравственные ценности народа, его мировоззрение, а также духовность и нравственные ориентиры.

Изучение благопожеланий и злопожеланий, содержащихся в таджикских сказках, позволяет сделать вывод, что сказочники намеренно используют их и наделяют разными функциями. Эти жанры обогащают речь говорящего и создают положительный или отрицательный образ главного героя. Они также способствуют раскрытию идейного замысла, показывают отношения между персонажами. Кроме того, в сказках благопожелания могут выступать в роли завязки или развязки, то есть выполнять фатическую функцию языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Искандарова Д. М. Исследования по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике в таджикском языкознании / Д. М. Искандарова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2023. – № 3(81). – С. 58-70.
2. Искандарова Д. М. Векторы развития таджикской лингвистики: цифровизация научных исследований / Д. М. Искандарова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2025. – № 2(88). – С. 166-182.
3. Сафаралиев Б. С. Из истории духовной культуры таджикского народа. Монография / Б. С. Сафаралиев. – Челябинск: Ризограф, 2011. – 251 с.
4. Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты / Н. А. Трофимова // Семантический, прагматический, грамматический анализ. – Санкт-Петербург: ВВМ, 2009. – 371 с.
5. Чесноков И.И. Дискурсивная тактика злопожелания: прямые формы объективации в наличной конфликтной ситуации общения / И.И. Чесноков // Известия ВГПУ. – Волгоград, 2012. – № 3/2. – С. 79-82.
6. Афсонаҳои халқи тоҷик. – Хуҷанд: Ношир, 2005. – 409 с.
7. Афсонаҳои халқи тоҷик. – Душанбе: Маориф, 2016. – 90 с.
8. Калонтаров Я. Фарҳанги нави тоҷикӣ-русӣ / Я. Калонтаров. – Душанбе, 2008. – 320 с.
9. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷилди 2 / С. Назарзода ва диг. – Душанбе, 2008. – 945 с.
10. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ / Д. Саймидинов, С. Д. Холматова, С. Каримов. – Душанбе, 2005. – 461 с.
11. Фарҳанги забони тоҷикӣ / М.Ш. Шукуров, В.А. Капранов, Р. Хашим – Т. 1. – Москва: Советская энциклопедия, 1969. – 951 с.

REFERENCES:

1. Iskandarova D. M. Research on Linguacultural Studies and Cognitive Linguistics in Tajik Linguistics / D. M. Iskandarova // University bulletin (Russian-Tajik (Slavonic)University). – 2023. – № 3(81). – PP. 58-70.
2. Iskandarova D. M. Development Vectors of Tajik Linguistics: Digitalization of Scientific Research / D. M. Iskandarova // University bulletin (Russian-Tajik (Slavonic)University). – 2025. – № 2(88). – PP. 166-182.
3. Safaraliev B. S. From the History of the Spiritual Culture of the Tajik People. Monograph / B. S. Safaraliev. – Chelyabinsk: Rizograph, 2011. – 251 pp.
4. Trofimova N. A. Expressive Speech Acts. / N. A. Trofimova // Semantic, pragmatic, grammatic analysis. – SPb.: VVM, 2009. – 371 pp.

5. Chesnokov I.I. *Discursive Tactics of Ill-Wishing: direct forms of objectification in an existing conflict situation of communication* / I.I. Chesnokov // Volgograd: VGPU 2012. – № 3/2. – PP. 79-82.
6. *Tajik Folk Tales*. – Khujand: Noshir, 2005. – 409 pp. (in Tajik)
7. *Tajik Folk Tales*. – Dushanbe: Maorif, 2016. – 90 pp. (in Tajik)
8. Kalontarov Ya. *New Tajik-Russian Dictionary* / Ya. Kalontarov // – Dushanbe, 2008. – 320 pp. (in Tajik)
9. *Tajik Interpretive Dictionary. Volume 2* / S. Nazarzoda, and other Dushanbe, 2008 – 945 pp. (in Tajik)
10. *Tajik Vocabulary into Russian* / D. Sajmiddinov, S.D. Holmatova, S. Karimov – Dushanbe, 2005. – 461 pp. (in Tajik)
11. Shukurov M.Sh., TD – *Tajik Dictionary* / M.Sh. Shukurov, V.A. Kapranov, R. Hashim – V. 1. Moskov: Soviet encyclopedia, 1969. – 951 pp. (in Tajik)

УДК 81`282

DOI 10.24412/3005-849X-2026-2-74-82

**ВИЖАГИҲОИ КОРБАСТИ
КАЛИМАҲОИ ГҶИИШИИ
ИФОДАКУНАНДАИ АСБОБҲОИ
РҶЗГОР ДАР НАСРИ СОРБОН**

**ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ,
ОЗНАЧАЮЩЕЙ ДОМАШНЮЮ
УТВАРЬ, В ПРОЗЕ СОРБОНА**

**PECULIARITIES OF THE USE OF
DIALECTAL VOCABULARY
DENOTING HOUSEHOLD UTENSILS
IN THE PROSE OF SORBON**

Ўзбеков Салоҳиддин Вайдуллоевич, н.и.ф.,
доценти кафедраи забони тоҷикии МДТ
“ДДХ ба номи академик Б. Гафуров”
(Хучанд, Тоҷикистон)

Ўзбеков Салоҳиддин Вайдуллоевич, канд.
филол. наук., доцент кафедри таджикского
языка ГОУ “ХГУ имени академика Б.
Гафурова” (Худжанд, Таджикистан)

Uzbekov Salohiddin Vaydulloevich, candidate
in Philology, associate professor of Tajik
language department under the SEI “KhSU
named after academician B. Gafurov” (Khujiand,
Tajikistan) **e-mail: salohidin-317@mail.ru**

Вижагиҳои корбасти аносирӣ гӯишии мансуб ба асбобҳои рӯзгор дар осори Сорбон ба доираи таҳлил кашида шудааст. Зикр гардидааст, ки то ҳол дар лаҳҷашиносии тоҷик баҳшида ба хусусиятҳои истифодаи калимаҳои гӯишӣ дар осори Сорбон ва таҳлили муқоисавии онҳо бо лаҳҷаҳои гуногуни тоҷикӣ таҳқиқи алоҳида сурат нагирифтааст. Таҳлили осори Сорбон ва муқоисаи он бо маводди лаҳҷаҳои муосирӣ ҷанубиву шимолӣ тоҷикӣ нишон медиҳад, ки як қисми чунин унсурҳои лугавӣ гоҳ ба ҳамон шакли дар осори Сорбон зикршуда, гоҳ ба гунаи тағйирёфта ва гоҳ бо таҳаввулоти маъноӣ боқӣ мондаанд. Чунин ҳелҳои таҳаввулот дар ин гуна воҳидҳои лугавӣ баробар рӯй надода, дигаргуниҳои шаклӣ бештар, аммо таҳаввулоти маъноӣ камтар ба вуҷӯъ омадаанд. Таъкид гардидааст, ки ҳарчанд дар осори Сорбон калимаҳои лаҳҷавӣ минтақаҳои шимолӣ бештар истифода шудаанд, дар мавридҳои, ки қарамонҳои асар аз минтақаҳои ҷануб, ҷанубу шарқӣ ва ё марказии гӯишӣҳои тоҷикон интиҳоб шудааст, ӯ ногузир калимаҳои мансуби ин минтақаҳо ба қор мегирад. Ҳамчунин қайд мегардад, ки суҳанвар аз гунаҳои калимаҳои гӯишӣ қаринаеро интиҳоб мекунад, ки аз лиҳози таркиби овозиву маъноӣ ба забони адабӣ наздиктар аст.

Калидвожаҳо: насри муосирӣ тоҷик; эҷодиёти Сорбон; калимаҳои гӯишӣ; асбобҳои рӯзгор; шеваҳои забони тоҷикӣ; таҳлили қиёсӣ; лаҳҷаҳои шимолӣ; лаҳҷаҳои ҷанубӣ; ҷанубу шарқӣ калимаҳои гуишӣ ё лаҳҷавӣ

Рассмотрены особенности использования диалектной лексики, означающей домашнюю утварь, в прозе Сорбона. Отмечается, что на сегодняшний день в таджикской диалектологии отсутствуют работы, посвященные особенностям использования диалектной лексики в прозе Сорбона и их сопоставительному анализу с другими таджикскими диалектами. Анализ прозы Сорбона и ее сопоставление с материалом современных таджикских южных и северных говоров показывает, что часть диалектных лексических элементов сохранилась в форме, зафиксированной в произведениях писателя, часть претерпела изменения в произношении, третья часть подверглась семантическим изменениям. Указанная эволюция не происходит одновременно во всех лексических элементах, большей частью слова меняют форму, а семантические изменения происходят сравнительно редко. Подчеркивается, что, хотя в прозе Сорбона преобладают диалектные элементы северных говоров, в тех случаях, когда герой произведения является

представителем южного, юго-восточного или центрального регионов, писатель употребляет варианты диалектных слов этих регионов. Также отмечается, что Сорбон отбирает из диалектных вариантов слов те варианты, которые в фонетико-семантическом плане близки к литературному языку.

Ключевые слова: проза Сорбона; диалектные слова; домашняя утварь; говоры таджикского языка; сопоставительный анализ; северные диалекты; южные диалекты; юго-восточные диалекты

The article examines the specific features of the use of dialectal vocabulary denoting household utensils in Sorbon's prose. It is noted that, to date, in Tajik dialectology there are no works devoted to the peculiarities of the use of dialectal vocabulary in Sorbon's prose and their comparative analysis with other Tajik dialects. An analysis of Sorbon's prose and its comparison with the material of modern Tajik southern and northern dialects shows that some dialectal lexical elements have been preserved in the form recorded in the writer's works, some have undergone changes in pronunciation, and a third part has undergone semantic changes. This evolution does not occur simultaneously in all lexical elements; for the most part, words change form, while semantic changes occur relatively rarely. It is emphasized that, although dialectical elements of northern dialects prevail in Sorbon's prose, in cases where the hero of the work is a representative of the southern, southeastern or central regions, the writer uses dialectal word variants from these regions. It is also noted that Sorbon selects from dialectal word variants those variants that are phonetically and semantically close to the literary language.

Key-words: Sorbon's prose; dialectical vocabulary; household utensils; Tajik dialects; comparative analysis; northern dialects; southern dialects; south-eastern dialects

То имрӯз аз ҷониби муҳаққиқон номҳои калимаву истилоҳоти ҳавливу хочағӣ, асбобҳои рӯзгор, хӯрокворӣ ва мафҳумҳои ба он алоқаманд, номҳои сарулибос, асбобҳои зебу зинати одамон, вожаву истилоҳоти мансуб ба ҳайвон, номҳои паранда, ҳашарот ва ҳазанда, истилоҳоти кишоварзӣ, номҳои рустаниҳои даштиву кӯҳӣ, вожаҳои ифодакунандаи ҳодисаҳои табиат, номҳои узвҳои бадани инсон, истилоҳоти касбу кор ва ҳунар, номҳои беморӣ ва табобати суннатӣ, вожа ва истилоҳоти ифодакунандаи маросимҳо, урфу одат ва монанди инҳо мавриди омӯзиш қарор гирифтаанд [3; 5; 6; 9; 19; 20; 22].

Дар сарчашмаҳои мухталифи илмиву таълимӣ доир ба тафовут ва умумияти вожагони ғӯйишвию адабӣ таваҷҷуҳ зоҳир шудааст. Масалан, дар ГЗАҲТ [2, 5-8] ва ЗАҲТ [4, 13-16], ки яке аз дастурҳои ҷомеаи забони тоҷикӣ маҳсуб меёбанд, ҳудуди доираи истеъмол ва қорбурди ҷунин алфоз муайяну мушаххас қарда шудааст.

Яке аз ҷунин вожаву истилоҳот мафҳумҳои ифодакунандаи асбобҳои рӯзгор ба ҳисоб рафта, ин гурӯҳи калимаҳо ҳамарӯза дар муносибату муоширати мардум мавриди истеъмол қарор меёбад, ҷунки онҳо дар рӯзгор ва ҳаёти халқ маводду ашёи асосӣ ба шумор мераванд. Дар ғӯйишҳои забони тоҷикӣ ба мисли *теша*, *каноч*, *кедман* (каланд), *чанголқашак*, *хасқашак* (барои ҳамвор намудани сатҳи замин), *дост* (дос), *тавар* (табар), *шохин*, *панҷшоҳ* (олоти хирманкӯбӣ), *фуна* (фона), *зоғнӯл*, *таш* (асбоби дастадори нӯгтез, ки заминро меқобанд), *рафида*, *остича* (асбоби нончаспонӣ дар танӯр), *қортча*, *қорча* (қорд), *қопқу*, *қапқу* (қорди хурди қатшаванда), *дъстадорък* (зарфи обгир), *сърфа*, (матои чармие, ки дар болои он орд мебезанд), *нъқроз* (қайчӣ), *ҷумча*, *ҷъмча* (қошуқ) ва мисли инҳо мустаъмаланд.

Агарчи дар давраи ҳозираи инкишофи лаҳҷашиносии тоҷик доир ба хусусиятҳои савтӣ ва грамматикӣ лаҳҷаҳои тоҷикӣ асару мақолаҳо таълиф гардидаанд, аммо муқоисае, ки дар заминаи асарҳои Сорбон бо лаҳҷаҳои гуногуни тоҷикӣ сурат гирифта бошад, то ҳол ягон ишорае ба назар намерасад. Ҳадафи мақолаи мазкур маҳз ба ҳамин муаммо пайванд гирифтааст.

Бояд зикр кард, ки адибон ва шоирон ҳам дар назму ҳам дар насри хеш аз вожаҳои ифодакунандаи ашӯи рӯзгор истифода кардаанд. Мисоли барҷастаи он насри Сорбон мебошад, ки нависанда аз ин гуна вожаҳо фаровон истифода кардааст. Ба мисли *чӯбқаду, осӯхта, мундӣ, потеша, отанг, шавнӣ, соғу, хамба, лаганд, чалак, ҷела, шоту, чок, метин, чоба* ва монанди инҳо.

Чӯбқаду. Дар “Фарҳанги ғӯйишҳои чанубии забони тоҷикӣ” (минбаъд ФГҶЗТ) *чӯбқаду* чунин шарҳ дода шудааст: *чувқаду* (Ғк., Шк.) *чӯбқаду*: қадуи махсуси дарозрӯяи дарунҳолӣ, ки ба сифати зарф истифода мебаранд: *дуг-а чувқаду-да мегиран* (Кан.) [7, 761].

Калимаи *чӯбқаду* дар “Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ” (минбаъд ФТЗТ) ба гунаи зер зикр шудааст: *чӯбқаду* چوب کڼو навъи қаду, ки пӯсти ғафси саҳт дорад ва онро ба сифати зарф барои андохтани об ва чизҳои моеъ истифода мекунад [18, ҷ.2, 568].

Вожаи “*чӯбқаду*”-ро Сорбон дар асари худ истифода намудааст: Сарам ба мисли *чӯбқаду* ҳолӣ буд [10, 45].

Ҳамин тариқ, калимаи *чӯбқаду* ба гунаи *чувқаду* ва *чӯбқаду* дар фарҳангномаҳо ва насри Сорбон дар гардиш аст.

Осӯхта. Дар мавриди вожаи суғдӣ будани калимаи осӯғда забоншинос А.Ҳасанзода чунин нигоштааст: «Ба назар мерасад, ки ин вожа бо этноними «суғд» аз лиҳози бунёд ягона буда, сарчашмаи худро аз *suxta*-и эронии бостон гирифтааст» [19, 50].

Дар “Бурҳони қотъ” вожаи ёдшуда ба гунаи зер шарҳ дода шудааст: осӯғда ҳезуми нимсӯхтаро ғӯянд; ва ба фатҳи солис (яъне осӯғда) ба маънии омода ва мустаид ва муҳайё бошад [1, 53].

Муҳаққиқ Ф.Убайдов дар мавриди калимаи *осӯхта* чунин зикр менамояд: Унсури луғавии мазкур дар лаҳҷаи Мастҷоҳ бо табдили овозии *xt<yd*, ки он ҳам хоси забони суғдист, то имрӯз аз маънои кӯҳани худ чандон дур нарафтааст. Калимаи *осӯхта* дар ин лаҳҷа ба маънои «чӯби аловқоб» маҳфуз мондааст: *Осӯхта-йа а пеш-и оштун гир. У осӯхта-йа ти-м!* [15, 109].

Дар ФТЗТ калимаи *осӯхта* ба гунаи зер шарҳ гардидааст: осӯғда *أسغده* кит. ҳезуми нимсӯхта, ҳезуми нимсӯзи сиёхшуда, *осӯхта* [18, ҷ.2, 38].

Вожаи *осӯхта* дар “Фарҳанги Доро” (минбаъд ФД) чунин баён шудааст: *осӯхта* (и.) нимсӯз, ҳезуми нимсӯхта, *осӯғда* [8, ҷ.2, 105].

Вожаи мавриди зикрро низ Сорбон дар асарҳои худ истифода намудааст: Вале ба ин тӯй ва ё худой хабарчӣ *осӯхтаи* дарозро гирифта, кӯча ба кӯча гашта қор наандохт [10, 262].

Ҳамин тавр, зикр кардан бамаврид аст, ки вожаи ёдшуда ба гунаи *ӯсӯхта, осӯғда, осӯхта, осӯхта* дар ғӯйишҳо мустаъмал будааст.

Мундӣ. Дар ФГҶЗТ вожаи мундӣ ба гунаи зер шарҳ дода шудааст: мундӣ//мъндӣ (Сх., Хов.), мунда (Дег., Пч., Ҳак.) 1. зарфи махсуси сафолине, ки дар он рағған мегиранд; 2. (Мс., Сам., Хов., Шв., Дч., Қлб., Лахш, Нӯш., Пд., Яр., Дег., Пч., Ҳак.) кӯзаи даста ва лабшикаста: *къллол да мъндӣ ов мехъра* (Пд.) [7, 406].

Дар ФТЗТ вожаи мундӣ ба тариқи зайл эзоҳ ёфтааст: мундӣ *مندى* кӯзаи сафолии даҳаншикастаи бедаста; кулол дар мундӣ об мехӯрад (мақ.) [18, ҷ.1, 36].

Дар “Фарҳанги Доро” (минбаъд ФД) мундӣ ин гуна тавзеҳ ёфтааст: мундӣ *مندى* [= манда] (и.) кӯзаи дасташикаста: «Одина... мундии обро ёфта, аз вай чанд каф об гирифта ба рӯи модаркалони худ зад». (С. Айнӣ, «Одина»). (мақол) чил хундӣ дар (аз) як мундӣ - ишора ба муросо дар тангтарин авзоъ ва маҳдудтарин имкон; (яъне чил хундӣ (ё хундӣ) метавонад аз як мундӣ об хӯрад ё чил хундӣ метавонад дар як мундӣ бигунҷад). 4. *куллол дар мундӣ об хӯрдааст* - киноя аз бебаҳра будани пешавар аз чизи сохтаи худ: «куллол дар мундӣ об хӯрдааст, усто, — сухани усторо қувват меод Зиёпахлавон». (Сорбон, Зарафшон»).

«мундӣ» дар осори куҳан дар шакли «манда» омадааст: Раво набвад, ки бо ин фазлу дониш // Бувад шурбам ҳаме доим зи манда (Фароловӣ) (Фарҳ. ф. Муъин) [8, ҷ.1, 643].

Дар насри Сорбон ба вожаи марида зикр дучор шудан мумкин аст: Дар пояҳои хӯрчини кӯҳна дар кӯзаҳои **мундӣ** об мебурд [10, 50].

Ҳамин тариқ, калимаи мундӣ ба гунаи мундӣ, мьндӣ мунда, манда дар фарҳангномаҳо ва насри Сорбон дар гардиш аст.

Потеша. Чун дигар калимаҳои ифодакунандаи лавозимоти рӯзгор потеша низ дар ФГҶЗТ зикр гардидааст: потеша пойтеша, тешаи калони дуредгарӣ: *ба потеша рави хуна, сутум метърошан* (Хов) [7, 493].

Дар ФТЗТ вожаи потеша шарҳи худро ёфтааст: пайтеша پي تيشه тешаи калони дастадароз, ки бо вай рост истода чӯбро чортарош мекунад [18, ҷ.1, 62].

Доро Наҷот дар ФД калимаи пойтешаро зикр намудааст: пойтеша (и. м.) потеша: «*дуредгарон болорҳои фабрикаро бо пойтешаҳо ме- тарошиданд*». (Р. Ҷалил, «Одамони ҷовид», қс. 2.) [8, ҷ.2, 166].

Вожаи потеша дар насри Сорбон ба чашм мерасад: – Не, **потеша** задааст.. [10, 102]. Усто **потеша** ба чӯбҳо андохта, раву дорбому забаррав, синчу сарсинч, шаҳпулу шаҳсутуну болору васса метарошид, вале **потеша**аш монанди **позаи** чуфтгаре, ки ба замини заранг андохта бошад, рӯғозак мерафт [12, 9].

Ҳамин тавр, вожаи ёдшуда дар луғатномаву насри Сорбон ба гунаи пайтеша, пойтеша ва потеша ба назар мерасад.

Отанг. Дар ФГҶЗТ вожаи отанг ба гунаи зер шарҳ дода шудааст: отанг 1. отанг, банд ё химчаи тофташуда, ки бо ёрии он тири сипор ба юғ пайваст карда мешавад: *отанго-ра тар кънан, ки ҳама-и мекана* (Кан.); 2. (Шк., Қ.) номи чузъи чувоз [7, 459].

Вожаи мавриди зикр дар ФТЗТ низ шарҳи худро ёфтааст: отанг آتنگ ресмони аз чарм ё навдаҳои тарбофташуда, ки онро ду карда аз юғ мегузaronанд ва ба воситаи меҳи чӯбӣ ба суроҳиҳои тири сипор устувор мекунад [18, ҷ.2, 39].

Дар ФД вожаи отанг зикр ёфтааст: отанг آتنگ (и.) (аз мас. отадан (о +тадан) ба маънии танидан, бофтан ва дарҳам печидан; ресмони чармӣ, тасма ё чилбуре, ки бо он юғу омоч (испорро ба ҳам мебанданд. Отанг бештар аз пӯсти гардани барзагов омода мешавад [8, ҷ.2, 106].

Отанг дар “Луғати мунтахаби калимаҳои хоси шева” чунин шарҳ дода шудааст: отанг, банд ё химчаи тофташуда, ки бо ёрии он тири сипор ба юғ пайваст карда мешавад [21, 68].

Дар насри Сорбон вожаи отанг ба чашм расид: Ва аз ҳамин рӯз иборат Ҳаким **отанг** дар китф, говрона дар даст кӯчаи канори рӯдхонаро меравду меояд [10, 104].

Ҳамин тариқ, калимаи отанг дар луғатномаҳо ва насри Сорбон ба гунаи отанг мавриди истеъмол қарор гирифтааст.

Шавнӣ. Ин вожа дар ФГҶЗТ чунин ташреҳ гардидааст: шавнӣ (Ғк., Кх., Шк.), шовнӣ // шунӣ (Вқ.) ниг. шамдӣ: *дани қоп-а ва шовнӣ медузем* (Лахш) [7, 803].

Вожаи боло дар ФТЗТ ба гунаи зерин мустаъмал аст: шавнӣ شاوني лаҳҷ. даҳанбанди чувол, канаби пашмин, ки бо он даҳони чуволро медӯзанд ё мебанданд [18, ҷ.1, 617].

Вожаи шавнӣ дар насри Сорбон ба маънои даҳонбанд ба назар расид: Ҳакиму бригадир чуволро бардоштанд ва Ҳаким аз миёнбандаш **шавнӣ** (даҳонбанд) гирифта, даҳони чуволро баст [10, 106].

Ҳамин тавр, шавнӣ дар луғатномаву фарҳангҳо ба гунаи шавнӣ, шовнӣ, шунӣ, шамдӣ ба назар мерасад ва дар насри Сорбон ба шакли шавнӣ омадааст.

Соғу. Ин вожа дар ФГҶЗТ чунин шарҳ ёфтааст: соғу//соғъ 1. (Вқ., Ғк., Қ., Кх., Шк.) зарфи аз гил сохташудаи ғалланигаҳдорӣ; 2. (Ҷк., Шк.) тағораи сафолӣ: *соғу-ра бийора, сари*

бача-м-а б̄шум (Ёл); 3. (Вк.) зарфи кӯзашакли равғаннигаҳдорӣ; 4. (Қ.) қуттии чӯбӣ; 5. (Сх., Хов.) қуттии ароба; 6. сандук [7, 557].

Калимаи ёдшуда дар ФД низ мустаъмал мебошад: соғу ساغ [= соға] (кхн) (и.) 1. зарфи чӯбини ширдӯшӣ, ширхобонӣ, нигаҳдории чурғот, тухм ва чизҳои дигар; дӯша): <соғуи шир; соғуи ширдӯшӣ>; «чашми вай ба ҳамсояаш афтод, ки соғуи пуртухм дар даст аз мурғхона мебаромад». (Баҳманёр, «Хурӯсаки парпо пӯпак») [8, қ.2, 278].

Дар ФТЗТ калимаи соғу ба таври зайл эзоҳ гардидааст: соғу 1. ساغو зарфи чӯбин барои гирифтани об, лабаниёт ва ғ. 2. ченаки ҳаҷм: як соғу орд даҳ соғу чой [18, қ. 2, 256].

Нависанда Сорбон дар насри хеш аз калимаи соғу истифода намудааст: Дар соғу ва хурмаву сатилҳо ширҳои гарм кафк мекарданд [10,129].

Калимаи соғу дар фарҳанго соғу, соғъ, соға дучор мегардад. Дар насри Сорбон ин вожа ба гунаи соғу зикр гардидааст.

Хамба. Ин вожа дар ФГҶЗТ ба гунаи зайл шарҳ дода шудааст: хамба 1. (Вк., Қ.) ханба, охури ордрезии осӣ; ханбаи занҷир, кунҷит, пунбадона (дар чувозхона); 2. зарфи калони сафолӣ барои нигоҳ доштани орд, зироат; 3. (Бдх.) дӯкончаҳоест (чевончаҳоест) дар анбор ё ганҷур барои нигаҳдории ғалла [7, 665].

Дар ФТЗТ вожаи ёдшуда чунин шарҳ гадидааст: хамба//хумба خمبه хуми калон; чуқурӣ ё чағораи бо чор девора ихоташуда барои нигаҳдории ғалладона; хамбаи орд чои маҳсус барои нигоҳ доштани орд; хамбаи ҳаммом (обдон) чои маҳсус дар ҳаммомҳои қадима [18, қ.2, 422].

Дар ФД калимаи мавриди назар мустаъмал аст: хамба خمبه [= ханба = хамма] (и.) 1. [авес. xumba - хум; кӯзаи бисёр бузурги сафолӣ, ки дар бостон дар зери замин мениҳоданд] [8, қ.2, 430].

Вожаи **хамба** дар насри Сорбон ба назар расид: Мардак ҳам аз паси ӯ ба ошхона рафта, паси дар, даруни **хамба** ва ҳатто даруни қасабаро хабар гирифта, хайрағзада берун баромад [10, 208].

Хамба ҳамчун унсури луғавӣ дар фарҳангномаҳо ба гунаи хамба, ханба, хумба, хамма ва дар осори Сорбон ба шакли хамба мустаъмал аст.

Лаганд. Ин вожа дар ФГҶЗТ ба таври зерин баён гардидааст: лаганък (Вк.) лаганча, тағораи хурд [7, 358].

Дар ФД низ ба вожаи мавриди зикр дучор шудан мумкин аст: лаганд [= лаган] (и.) 1. зарфи аз тағора калонтари филизӣ ва пластикӣ, ки дар корҳои гуногуни рӯзгор, аз чумла хамиромлӣ, либосшӯӣ, нигаҳдории анвои хӯрокворӣ истифода мешавад: «ман ...овозаи шуморо шунида будам, воқиаи лаганди нишоллофурушро ҳам медонам». (Ҷ. Иқромӣ, Х. Назаров «Саргузашти Сафармаҳсум»). 2. табақи чинӣ, тунукага ё сафолӣ. (Фарх. г. ч.) [8, қ.1, 548].

Лаган дар ФТЗТ ба таври зерин қайд гардидааст: лаган لگان 1. зарфи чуқури филизӣ барои дастшӯӣ ё чомашшӯӣ, ташт, тос, тағора. 2. гуфт. табақи калон, лаълӣ. 3. кит. шамъдон [18, қ.1, 707].

Дар “Вожаномаи ғӯиши Андарақ” калимаи лаган мустаъмал аст: лаганд лаган, табақи чинӣ, сафолӣ ва тунукагӣ: *Вахт-о-йи пеш тӯй-о-ба мӯлтар лаганди сафолин кор мефармудан* (16, 76).

Вожаи лаган дар насри Сорбон ба гунаи лаганд мустаъмал аст: Аз кучое занҳо ва бачаҳо дар лаганду сабадҳо нон меоварданд [10, 262].

Чунонки маълум шуд вожаи мавриди зикр дар луғатномаҳо ба гунаи лаганд, лаганък, лаганча мустаъмаланд. Дар асари муҳаққиқ У. Обидов “Шеваи “Ҷабал-ул-сироч” калимаи лаган зикр ёфтааст: Лаган дастшӯяк; 2. тағораи мисӣ [9, 177].

Чалак. Вожаи чалак дар ФГҶЗТ ба таври зерин ифода гардидааст: чалак¹ 1. (Вк., Қ.), челақ (Ғк., Шк.) зарфи чӯбӣ, барои хобондани чурғот (мост) ва кашидани дӯғ: *ҳолӣ-йам йахово чалак-ънда мундагӣ* (Дм.); *чалаки дугкашӣ-нда чъргот мерезем-ъ дуг мекашем* (Лахш); 2. (Вк., Бдх.) сатил: *мо чалако-нда Навло мекънем-ъ хунай бачавара мебарем* (Қлб.); *йак чалак ов бийор, дар болой ръшқа бърезем* (Кк.) [7, 730].

Дар ФТЗТ чалак чунин шарҳ дода шудааст: чалак چالك 1. зарфи калони тунукагӣ ё оҳанӣ, барои нигоҳ доштани чизҳои моеъ; бочка. 2. лаҳҷ. сатил [18, ҷ. 2, 525].

Дар ФД низ ба калимаи мазкур дучор шудан мумкин аст: чалак II چالك (гуф.) (и.) зарфи филизии сарпӯшдор, ки барои овардану нигоҳ доштани равшан ё об ба кор меравад: чалаки рӯған; чалаки об [8, ҷ.2, 534].

Калимаи чалак дар “Луғати мунтахаби калимаҳои хоси шева” шарҳ дода шудааст: чалак (Вқ., Қ., Қурғ.) // чалак (Ғқ., Шқ.) зарфи чӯбӣ, барои хобондани чурғот (мост) ва кашидани дӯғ; (Вқ., Бдх.) сатил; (Чқ., Шқ., Кх.) [21, 107].

Сорбон дар насри хеш калимаи чалакро мавриди истифода қарор додааст: Чувозкаш аз **чалак** ба андоза равшан гардонд [10, 415].

Ҳамин тарик, унсури луғавии чалак дар фарҳангҳо ба шаклҳои чалак, чалак ва осори Сорбон ба гунаи чалак ба чашм мерасад.

Чела. Дар ФГҶЗТ вожаи чела чунин шарҳ ёфтааст: *чела* 1. (Вқ.) чела, доми аз қили думи асп ба таври ҳалқа тайёр кардашудае, ки бо он кабку бедона шикор мекунанд: *буданаҳо да чела зад (Сб.); кавги ӯшитагӣ да чела мезана (Ск.);* 2. (Вқ.) доми (челаи) моҳишикоркунӣ [7, 783].

Калимаи мавриди зикр дар луғатномаи ФД омадааст: чела (гуф.) (и.) тӯре, ки шикорчиён ба василаи он кабк ва дигар парандаҳоро гирифта кунанд; дом, доми сайёд [8, ҷ.2, 597].

Дар насри Сорбон вожаи мазкур истеъмол гардидааст: Бозор аз таги дарвозахона ба чап гашт ва ба оғил даромада, се даста **челаи** чо-чо девча (куя) хӯрдари баровард [11, 9].

Бояд зикр намуд, ки вожаи чела дар гуйиши ҷанубӣ ба гунаи *чахтакпай* мустаъмал аст. Дар ФТЗТ низ ин калима ба назар мерасад: *чахтакпай* چختك پي лаҳҷ. қаққон, дом [18, ҷ.2, 542].

Дар “Луғати мунтахаби калимаҳои хоси шева” вожаи мавриди зикр шарҳ дода шудааст: *чахтакпай/чахтапай* 1. дом барои гирифта кардани ҳайвонҳои ваҳшӣ; (Вқ., Қ.) мушдорак, мушгирак [21, 109].

Вожаи мавриди зикр дар луғатномаву насри Сорбон ба гунаи чела ба назар мерасад. Зикр кардан бамаврид аст, ки дар гуйиши ҷануб ба гунаи *чахтакпай*, *чахтапай* ва дар шеваи шимолӣ, махсусан дар лаҳҷаи Андарақ ба шакли чели дар гардиш қарор дорад.

Шоту. Вожаи шоту дар ФГҶЗТ ба гунаи зер мустаъмал аст: шотӣ // шоту² (Кх., Шқ.) шоту, шоҳтир, ариш; 2. (Ғқ.) шоту, тири ароба [7, 827].

Вожаи мавриди зикр дар ФТЗТ чунин ташреҳ гардидааст: шоту شاتو 1. шоҳтир, ариш; тири ароба. 2. нардбон [18, ҷ.2, 653].

Дар луғатномаи ФД калимаи мавриди зикр ба таври зерин истифода гардидааст: шоту شاتو (и.) 1. тири ароба, шоҳтир, ариш: «сари шоту шикаста дар хок аст». (А. Ҳаким, «Аробаи кӯҳна»). 2. нардбон. (Фарх. таф. з. тоҷ.) [8, ҷ.2, 667].

Сорбон дар насри хеш аз калимаи шоту ба таври назаррас истифода кардааст: Аробакаш аз каллаи худ ба чашму рӯяш соябон сохтани шуда, пойҳояшро ба **шоту**хо тиргак мода, бар зин сукут меварзад [11, 52].

Ҳамин тавр, вожаи шоту дар луғатномаҳо ба гунаи шотӣ, шоту, шоҳтир, ариш ва дар насри Сорбон ба шакли шоту ба чашм мерасад.

Чок. Дар ФГҶЗТ ба калимаи чок дучор шудан мумкин аст. Ин вожа чунин баён гардидааст: чок³ (Бдх.) як навъ асбоби филизии дусараи нугтез, ки дастаи чӯбин дошта, бо он заминро кананд [7, 755].

Дар луғатномаи ФД вожаи чок мустаъмал аст: чок II (гуф.) (и.) олати кишоварзии заминкани ё хоккани; зогнӯл, метин; чокуш [8, ҷ.2, 567].

Калимаи чок дар насри Сорбон ба чашм мерасад: Ва он рӯз ба шахи сахт мисрону **чоку** чутка заданд [11, 111].

Ҳамин тарик, дар фарҳангҳо ва насри Сорбон калимаи ёдшуда ба гунаи чок оварда шудааст.

Метин ҳамчун абзор ва олот дар фарҳангномаҳо ба маънои каланди чоҳканон, каланде, ки бо он кӯху замин кананд, олотии оҳанин, ки сангтарошон бо он санг тарошанд ва монанди инҳо шарҳу тафсир гардидааст.

Дар ФГЧЗТ вожаи ёдшуда чунин эзоҳ ёфтааст: метин (Дм., Лш., Нӯш., Қлб., Ҳич., Ҳо., Яр.), метинг (Пв., Хм., Шм.), метӣ (Мс., Пч., Сам., Хум., Шв.), майтин//майтӣ//майтън (Лахш, Мт., Пд., Хт., Кк., Қӯш.), мътӣ (Хов., Ёх., Сх.) метин, чакуш, олотии нӯгтезе, ки бо он санги осӣро мечинанд (ҳамвор мекунанд) [7, 394].

Вожаи мазкур дар ФД ин гуна шарҳу тавзеҳ гардидааст: метин *میتین* (т.) (и.) 1. мили оҳанӣ ё тешае, ки сангро бо он бишқофанд, битарошанд ё пора кунанд. 2. абзори кишоварзии заминканӣ; зоғнул, чок [8, ҷ.1, 614].

Дар “Фарҳанги забони тоҷикӣ” вожаи метин чунин тафсир ёфтааст: “тешаи калони дунӯлаи сангтарошӣ, зоғнул” [17, ҷ.1, 62].

Вожаи мавриди зикр дар “ФТЗТ” ба таври зерин зоҳ гардидааст: метин *میتین* кӯбаи оҳанин нӯлғафс, ки бо он санг мешикананд ё аз кӯх маъдан мекананд; зоғнул [18, ҷ.1, 791].

Дар “Шеваи ҳардурӣ”-и М. Эшнӣёзов вожаи мавриди зикрро ба гунаи метинг/митинг шарҳ додааст [22, 204].

Вожаи мавриди зикр дар насри Сорбон фаровон истифода гардидааст: — Ганӣ, ҳушёр бош, ки **метин** ба биниат назанад, – аз хомӯшӣ магар дилаш бухс кард, ки Равшани Раҳмон аввал сурфиду баъд ин ҳарфро гуфт [11, 251].

Ҳамин тариқ, калимаи метин дар фарҳангномаҳо ба гунаи метин, метинг, майтин, майти, майтън, дар шеваи ҳардурӣ метинг, митинг ва дар насри Сорбон метин дар гардиш аст.

Чоба. Дар ФГЧЗТ калимаи чоба ба гунаи зерин шарҳу баён ёфтааст: чова (Қ., Кх., Шк.) чова, митҳара (зарфи сафолии нӯлдор барои нигоҳ доштани равғани ҷувоз); *мън-а-шу човара* (Луғ.); ~ шидан (Қ.) тоб партофтан: *тавақи ҷуви йа лаҳта-нда афтов-ънда мунде, чова шийаст* (Хм.) [7, 753].

Дар ФТЗТ калимаи чоба чунин тафсир дода шудааст: чоба//чова *چابه //چاوه* зарфи тунукагии равғанандозии ҷувозкашҳо, чалаки равған [18, ҷ.2, 556].

Калимаи чоба дар ФД низ баён гардидааст: чова *چاوه* [= чоба] *چابه* (и.) зарфи сафолӣ ё тунукагии ҷувозкашҳо, ки дар он равған ниғаҳ доранд: «Сафар дар як чова ду чоряк равғани зағер овард» (Р. Ҳодизода, «Ситорае дар тирашаб») [8, ҷ.2, 564].

Нависанда Сорбон аз калимаи чоба истифода кардааст: Пиёла ба Сиёма зада бардошт Лоик ва хоҳиш кард: «Рез!» Ман аз **чоба** спирт афзудам ба оби пиёла. Лоик фармуд... [13, 366]; Таҳмин чӣ қадар обе, ки дар **чобаву** кӯзаҳо буд, хӯрд, аммо ташнагиаш нашикаст [14, 79].

Ҳамин тавр, калимаи чоба дар луғатномаҳо ба гунаи чоба, чова ва дар насри Сорбон чоба мутағмал аст.

Ниҳоят, аз маводди фактологии мавриди қиёс, ки робитаи вожагони гӯйишии мансуб ба асбоби рӯзгори насри Сорбон бо аносири шеваҳои мухталифи маҳалҳои тоҷикнишин мебошад, маълум мегардад, ки дар осори суҳанвар дар қатори ҳазорҳо калимаву ибораҳои дар забони адабӣ истифодашаванда боз як гурӯҳи калони унсурҳои луғавие ба қор рафтаанд, ки онҳо хоси маҳалли алоҳида буда, то имрӯз дар забони тоҷикони дохили кишвар ва ё хориҷ аз он маҳфуз мондаанд.

Муқобалаву муқоисаи чунин дастаи калимаҳо аз он шаҳодат медиҳад, ки қорбурди онҳо дар насри Сорбон ва гӯйишҳои мухталифи тоҷикон ҳамгуну ҳамсон набудааст. Масалан, агар бархе аз унсурҳои гӯйишӣ дучори ҳодисаҳои фонетикӣ шуда бошанд, гурӯҳи дигар бо тағйири маъно дар гардиш қарор доштаанд. Нависанда, ки барандаи шеваи шимол аст, дар мавридҳои алоҳида бештар аз калимаҳои лаҳҷавии минтақаи худ суд ҷустааст. Ҷойе ки қаҳрамонҳои асараш аз минтақаҳои ҷануб, ҷанубу шарқӣ ва ё марказии гӯйишҳои тоҷикон

интиҳоб шудааст, ӯ ноғузир аз калимаҳои мансуби ин минтақаҳо ба кор мегирад. Чунин шеваи гузиниши калимот, ба назари мо, то андозае наздик кардани алфози гӯйиши минтақаҳои мухталифи тоҷикнишин бо забони меъёр аст. Хулосаи мазкур дар заминаи мисолҳои ба амал омадаанд, ки онҳо қобилияти ба забони адабӣ дохил шуданро доранд. Дигар ин ки Сорбон аз гунаҳои калимаҳои гӯйишӣ қаринаеро интиҳоб мекунад, ки аз лиҳози таркиби овозиву маъноӣ ба забони адабӣ наздиктар аст.

Аз тафсиру маънигузори зайли вожаҳои гӯйиши мавриди таҳлил маълум гардид, ки муаллифони луғатномаҳо дар муайяну мушаххас кардани мансубияти забонии онҳо ба андешаи ҳамгун қоил набудаанд. Соҳибони баъзе аз фарҳангҳо калимаҳои алоҳидаро тоҷикӣ забт карда бошанд, бархеи дигар бар он назаранд, ки чунин дастаи калимаҳо аз гурӯҳи забонҳои шарқии эронӣ вом гирифта шудаанд.

Сорбон дар ба коргирии алфози гӯйишӣ ду роҳро пеша кардааст: а) суханвар ҷо-ҷо хангоми корбурди калимаҳои шевагӣ дар қавс маъноӣ онҳоро шарҳу тавзеҳ медиҳад; б) дарки маъноӣ луғавии вожагони гӯйиши асар бо роҳи ҳамнишинӣ (контекстологӣ)-и калимаҳои дигар имконпазир мегардад.

ПАЙНАВИШТ:

1. Бурҳон, Муҳаммадҳусайн. Бурҳони қотей. Ҷилдҳои 1–2. – Душанбе: Адиб, 1993. - 416 с.
2. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми 1. Фонетика. Морфология. – Душанбе: Дониш, 1985. – 355 с.
3. Гаффаров Р. Нависанда ва забон. – Душанбе: Ирфон, 1977. - 208 с.
4. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми 1. Лексикология, фонетика, морфология. Китоби дарсӣ барои факултети филологияи мактабҳои олии. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 451 с.
5. Исмоилов Ш. Як омили халқияти забони асарии бадеӣ. – Душанбе, 2012. - 120 с.
6. Лившиц В.Л. Согдийские слова в таджикском языке. // Известия АН Тадж.ССР. – Сталинабад, 1957. - №12. – С. 34-43.
7. Маҳмудов М., Ҷӯраев Ф., Б.Бердиев. Фарҳанги гӯйишҳои ҷанубии забони тоҷикӣ. (нашири дуюм бо илова ва тасҳеҳ). – Душанбе: Дониш, 2017. - 846 с.
8. Наҷот, Доро. Фарҳанги Доро (луғатномаи барҷидаи тафсири ва решашинохтӣ). Ҷилди 1-2. Душанбе, 2021, - 658+698 с.
9. Обидов У. Шеваи “Ҷабал-ул-сироч” (Афғонистони шимолӣ). – Душанбе: Дониш, 1977. - 326 с.
10. Сорбон. Куллият. Ҷилди I. – Душанбе: Эҷод, 2009. - 488 с.
11. Сорбон. Куллият. Ҷилди III. — Душанбе: Эҷод, 2009. - 408 с.
12. Сорбон. Куллият. Ҷилди VI. — Душанбе: Эҷод, 2009. - 432 с.
13. Сорбон. Куллият. Ҷилди VII. — Душанбе: Эҷод, 2009. - 400 с.
14. Сорбон. Куллият. Ҷилди IX. — Душанбе: Эҷод, 2009. - 420 с.
15. Убайдов Ф. Ҳифозати вожаҳои аслии ва иқтибосии даврони кӯҳани забони тоҷикӣ дар лаҳҷаи Мастҷоҳ (дар асоси маводи зерлаҳҷаи поён). – Хучанд: Андеша, 2012. - 172 с.
16. Ўзбеков С. Вожаномаи гӯйиши Андарақ. – Хучанд: Ношир, 2020. - 200 с.
17. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷилдҳои 1–2. Москва: Советская энциклопедия, 1969. – 951+949 с.
18. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷилдҳои 1–2. - Душанбе: Пажӯҳишгоҳи забон ва адабиёти ба номи Рӯдакӣ, 2008. – 950+945 с.
19. Ҳасанов А. Унсурҳои луғавӣ ва сарфию наҳви осори садаҳои X–XIII дар гӯйишҳои шимолӣ (баҳши Фарғонаи ғарбӣ). – Хучанд: Нури маърифат, 2003. – 253 с.
20. Ҷалолов О. Гурӯҳи шеваҳои тоҷикони райони Ёвон. – Душанбе: Дониш, 1967. - 150 с.
21. Ҷӯраев Ф., Маҳмудов М., Қурбонов С. Луғати мунтахаби калимаҳои хоси шева. – Душанбе: Эр-граф, 2017. - 128 с.

22. Эшнӣёзов М. Шеваи ҳардурӣ. – Душанбе: Ирфон, 1967. –230 с.

REFERENCES:

1. *Burhon, Muhammadhusain. Burhon Kote. Volumes 1-2. –Dushanbe: Adib, 1993. - 416 pp.*
2. *Tajik Literary Modern Grammar. Part 1. Phonetics. Morphology. – Dushanbe: Donish, 1985. –355 pp.*
3. *Gafforov R. The Writer and the Language. –Dushanbe: Irfon, 1977. -208 pp.*
4. *Tajik Literary Modern Grammar. Part 1. Lexicology, phonetics, morphology. Textbook of the higher institutions. –Dushanbe: Irfon, 1973. –451 pp.*
5. *Ismoilov Sh. One of the Factors of Tajik People of Literary Prose. - Dushanbe, 2012. -120 pp.*
6. *Livshits V.L. Sogdian Words in Tajik Language. // Bulletin of AS of Tajik USSR. –Stalinabad, 1957. -№12. –PP. 34-43.*
7. *Mahmudov M., Juraev Gh., Berdiev B. Dictionary of the Southern Dialects of Tajik Language. (the second edition with amendments and correction). -Dushanbe: Donish, 2017. -846 pp.*
8. *Najot, Doro. Doro Dictionary (selected interpretation and etymology dictionary). Volumes 1-2. Dushanbe, 2021, -658+698 pp.*
9. *Obidov U. “Jabal-ul-siroj” Dialect (Eastern Afghanistan). –Dushanbe: Donish, 1977. -326 pp.*
10. *Sorbon. Complete Works. Volume 1. -Dushanbe: Ejod, 2009. - 488 pp.*
11. *Sorbon. Complete Works. Volume III. — Dushanbe: Ejod, 2009. - 408 pp.*
12. *Sorbon. Complete Works. Volume VI. — Dushanbe: Ejod, 2009. - 432 pp.*
13. *Sorbon. Complete Works. Volume VII. — Dushanbe: Ejod, 2009. - 400 pp.*
14. *Sorbon. Complete Works. Volume IX. — Dushanbe: Ejod, 2009. - 420 pp.*
15. *Ubaidov F. Protection of Original and Borrowed Words of the Old Times of the Tajik Language in Mastchoh Dialect (based on the materials of the low subdialects). –Khujand: Andesha, 2012. -172 pp.*
16. *Uzbekov S. Vocabulary of Andarak Dialect. –Khujand: Noshir, 2020. - 200 pp.*
17. *Tajik Dictionary. Volumes 1–2. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1969. –951+949 pp.*
18. *Tajik Explanatory Dictionary. Volumes 1–2. - Dushanbe: Scientific institutions of language and literature named after Rudaki, 2008. –950+945 pp.*
19. *Hasanov A. Lexical and Grammatical Elements of Works of the 10th–13th Centuries in the Northern Dialects (western Ferghana region). – Khujand: Nuri ma’rifat, 2003. –253 pp.*
20. *Jalolov O. Group of the Dialects of the Tajik People of Yovon region. –Dushanbe: Donish, 1967. -150 pp.*
21. *Juraev Gh., Mahmudov M., Kurbonov S. A Selected Dictionary of Words Specific to the Style. –Dushanbe: R-graph, 2017. -128 pp.*
22. *Eshniyozov M. Harduri Dialect. –Dushanbe: Irfon, 1967.–230 pp.*

УДК 82. 091

DOI 10.24412/3005-849X-2026-2-83-91

**КОРБУРДИ САНЪАТҲОИ
БАДЕЙ ДАР ОДОБИ
МУҲОВАРАТИ ТОЧИКӢ**

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СРЕДСТВ
ИЗОБРАЖЕНИЯ В ТАДЖИКСКОМ
РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ**

**USE OF ARTISTIC MEANS OF
IMAGE IN TAJIK SPEECH
ETIQUETTE**

Шукуров Гулназар Холович, дотсенти кафедраи забони тоҷикӣ ва усули таълими забон ва адабиёти тоҷики ДМТ (Душанбе, Тоҷикистон)

Шукуров Гулназар Холович, доцент кафедри таджикского языка и методики преподавания таджикского языка и литературы ТНУ (Душанбе, Таджикистан)

Shukurov Gulnazar Kholovich, associate professor of the department of Tajik language and methods of teaching of Tajik language and literature under the TNU (Dushanbe, Tajikistan) **e-mail:** shukurovg74@mail.ru

Зикр гардидааст, ки ҳарчанд корбурди санъатҳои бадеӣ дар дар осори назмиву насриӣ мо собиқаи дерини таърихӣ дорад, вале мавқеи корбурд ва ҷойгоҳи онҳо дар одоби муҳоварати тоҷикӣ то ҳол мавриди тавачҷуҳи махсус қарор нагирифтааст. Таъкид шудааст, ки одоби муҳоварати тоҷикӣ дар пояи ду сутун: таъсиргузорӣ ва зебоии сухани ирошаванда устувор аст. Барои зебоии сухан ва таъсиргузориӣ онро таъмин кардан, мувофиқи нишондоди бузургони забону адаби форсии тоҷикӣ истифодаи санъатҳои бадеӣ муҳимманд. Нақши санъатҳои бадеӣ, аз ҷумла истиора, муболиға, тасвир, маҷоз дар асоси мисолҳо аз адибони тоҷик дар таъмини зебоӣ ва таъсирбахшии сухан собит карда шудааст. Ҳангоми баррасии корбурди санъатҳои бадеӣ муҳаққиқ кӯшидааст, ки бо дарназардошти назари муҳаққиқон, вижагиҳои корбурди санъатҳои бадеиро дар одоби муҳоварати тоҷикӣ ошкор намояд.

Калидвожаҳо: одоби муҳоварати тоҷикӣ; санъатҳои бадеӣ; муболиға, истиора; маҷоз; таҷоҳули ориф; таъсирбахшиӣ

Отмечено, что использование художественных средств изображения в таджикских поэтических и прозаических произведениях имеет давнюю традицию, однако их роль и место в таджикском речевом этикете до сих пор не стали объектом специального исследования. Подчёркнуто, что таджикский речевой этикет основывается на двух столпах: эффективности и красоте изложения. Как подчеркивают корифеи таджикского языка и литературы, в обеспечении красоты изложения и эффективности речи важную роль играет использование художественных фигур. Показана роль художественных средств изображения, в том числе иронии, гиперболы, литоты, метафоры, в обеспечении красоты и эффективности высказывания. При анализе использования художественных средств изображения приложены усилия по выявлению особенностей использования художественных средств изображения в таджикском речевом этикете.

Ключевые слова: таджикский речевой этикет; художественные средства изображения; гипербола; ирония; метафора; притворство знающего; эффективность высказывания

The article notes that the use of artistic means of depiction in Tajik poetic and prose works has a long tradition, but their role and place in Tajik speech etiquette has not yet become the subject of special research. It is emphasized that Tajik speech etiquette is based on two pillars: effectiveness and beauty of presentation. As noted by leading figures of the Tajik language and literature, the use of artistic figures plays a crucial role in ensuring beauty of presentation and

effectiveness of speech. The role of artistic devices, including irony, hyperbole, litotes, and metaphor, in enhancing the beauty and effectiveness of expression is demonstrated. In analyzing the use of artistic devices, efforts are made to identify the specific features of their use in Tajik speech etiquette.

Key-words: *Tajik speech etiquette; artistic means of image; hyperbole; irony; metaphor; pretense of knowledge; effectiveness of speech*

Ифодаи андеша бо зебой ва фасоҳати калом тавъам буда, аз чониби сухангӯ интихоби дурусти вожа ва ибороти мувофиқи мақсадро тақозо мекунад. Азбаски забони форсии тоҷикӣ яке аз забонҳои қадимии дунё ба ҳисоб меравад, доир ба сухан ва суханварӣ, одоби сухангӯӣ, осори илмию бадеии зиёдеро дар ихтиёри аҳли башар қарор додааст. Ҷавҳари онро босалиқа ва бо санъат сухан гуфтан ташкил медиҳад, ки мавҷудияти осори илмию бадеии зиёде доир ба санъати суханварӣ ва одоби муҳоварат далели он аст. Ин асарҳо то кунун ба таври комил таҳқиқ нагардидаанд. “Шумораи ин гуна асарҳо хеле бисёр аст, вале ҳамаи онҳо то замони мо омада нарасидаанд ва чанде аз онҳо тамоман гум шуда ё ҳанӯз ба дасти таҳқиқотчиён надаромадааст” [5, 6].

Барои бофасоҳат сухан гуфтан омӯзиши ин асарҳо зарур аст, зеро онҳо сухани моро хангоми муҳоварат ба танзим медароранд ва роҳҳои боз ҳам беҳтар қардани савияи суханронии моро муайян мекунанд. Боэҳсос сухан гуфтан, зебо сухан гуфтан барои мо имкон фароҳам мекунад, мусоҳиби худро зуд дарк кунем. Аз ин рӯ: “Эҳсоси инсон барои ифодаи афкори ӯ мусоидат мекунад, агар дар мо эҳсос рушд қарда бошад ё ба истилоҳ “ҳисси шашум” дошта бошем, зуд дарк мекунем, ки мусоҳиби мо то чи андоза дуруст ва воқеӣ сухан меронад” [19, 120-130]. Нуктаи муҳимме, ки бояд хангоми баррасии масоили марбут ба одоби муҳоварат ба ҳисоб гирифт, муассирӣ ва зебоии сухан мебошад. Пажӯҳишгарон дар гузашта таъсирнокии суханро дар муҳоварат асоси барқарории робита миёни одамон дониста, илме, ки омӯзишу баррасии ин масъаларо фаро мегирад, балоғат номидаанд. “Яъне балоғат илмест, ки бар асоси он роҳҳои мутобиқати калом бо муқтазои ҳол (яъне таъсир бахшидан ба мухотаб) баррасӣ мешавад; яъне расидагӣ ба ин ки дар қучо чи навъ сухане муассир аст ва дар чойи дигар, батафсил ва тулонӣ. Дар як ҷо сароҳат лозим аст ва дар чойи дигар навъе пӯшидагӣ, ҷое содагӣ зарурат дорад ва ҷое мусиқӣ қардани калом ва бозӣ бо калимаҳо” [18, 261].

Унсурҳои ташкилдихандаи зебой ва таъсирнокии сухан на танҳо дар сухангӯӣ, балки инчунин дар осори бадеии бо забони тоҷикӣ интишоғардида низ рушантар зоҳир мегардад, ки аз он бояд истифода қард. Барои ташаккули зебой ва таъсирнокӣ дар сухан бояд аносири зер ба ҳисоб гирифта шавад: тарҳрезии комил, таснифоти онҳо ба бандҳо, ба ҷумла, ибора ва калимоти мувофиқ. Б. Камолиддинов дар ин маврид чунин гуфтааст: “Агар калима ё таркиб мафҳуми ашё, аломат, амалу ҳолатро дақиқ ифода кунад ва дар мавқеи худ қор фармуда шуда бошад, дар ҷумла мақсади ғоянда ё нигоранда сахеҳ ифода меёбад” [7, 14].

Масъалаи таъсиргуздор будани сухан дар қулли матни суханронӣ ё матни асари бадеӣ матраҳ намегардад, балки суханварон таъсирнокии суханро дар як вожа, ибора ё ҷумла қорбаст қардаанд. Аз тамоми ашъори шоир танҳо як байте ҳаст, ки хунари шоирии ӯро ошқор мекунад ва он таъсиргуздор аст. Боқимондаи матн дар атрофи ин сухани зебо ва таъсиргуздор қарх мезанад. Дар одоби муҳоварат низ чунин аст, ки дар раванди он калиме, ё ибора ва ҷумлае ба зехну шуури мусоҳиб таъсир мегузорад ва он таҳти таъсир қарор мегирад. Бояд ба тарзе сухан гуфт, ки мусоҳиби мо идомаи сухани моро бо шавқ мунтазир бошад.

Одоби муҳоварати тоҷикӣ бо сабаби аз сарчашмаҳои адабии ғанӣ бархурдор будан ва тасаллути комил ба фарҳанги адаби бузурги форсизабонон доштан, таҳаввул ва тақомул

ёфтааст. Ба ҳамин сабаб ҳунари суханпардозии суханвар ва мақоми иҷтимоии он, ба таъсиргузорӣ ва зебоии сухан сабаб шуда метавонад. Таъмин кардани зебоии калом бояд тавассути истифода аз улуми маонӣ, баён ва дигар васоити забонӣ сурат гирад. Пажухишгарон илми маониро аксар дар асоси сохтмони ҷумла мавриди пажухиш қарор додаанд, вале дар одоби муҳоварат ба ин маҳдуд набояд шуд, балки дигар омилҳои такмилдиҳандаи таъсирнокии суханро ба назар гирифта зарур аст. Барои мисол вазъи равонии сухангӯ хангоми одоби муҳоварат хеле муҳим аст. Барои сухани зебо гуфтаи гоҳо зарур аст, ки аз доираи муқаррароти наҳв берун рафт, вале ин дар шеър имкон дорад ва дар муҳоварат кам иттифоқ меафтад.

Одоби муҳоварати тоҷикӣ тавассути қолабҳои муошират корбаст мешавад, ки таркиби ин қолабҳо роҷа, ибора ва ҷумлаҳои кӯтоҳ ташкил медиҳанд. Ташаккул ва тақомули ифоданокии сухани сухангӯ тавассути истифодаи санъатҳои бадеии гуногун сурат мегирад. Микдори санъатҳои бадеӣ дар забони тоҷикӣ хеле зиёд аст, ки на ҳамаи онҳо дар осори як нависанда ва ё хангоми суханронии як шахс, ҳатто сислсилаи маърузаву суханронии мавриди истифода қарор мегиранд. Доир ба санъатҳои бадеӣ бо забони форсии тоҷикӣ асарҳои назарии зиёде офарида шудаанд. Машҳуртарини ин асарҳо “Тарҷумон–ул-балоға”-и Муҳаммад ибни Умари Родӣӣ (асри XI), “Ҳадоиқ-ус-сеҳр”-и Рашиди Ватвот, “Ал-муъҷам”-Шамси Қайси Розӣ (асри XIII), “Эъҷози Хусравӣ”-Хусрави Деҳлавӣ (асри XII), “Бадоеъ–ус-саноеъ”-и Атоуллоҳ Муҳаммади Хусайнӣ (асри XV), “Ҳадоиқ-ул-ҳақоиқ”-Шарофуддин бинни Муҳаммади Ромии Табрэзӣ (асри XVI) мебошанд. Дар асрҳои баъд низ офаридани ин гуна асарҳо идома ёфта, то кунун таҳқиқ дар ин самт идома дорад.

Одоби муҳоварати тоҷикӣ дар пояи ду сутун: таъсиргузорӣ ва зебоии сухани ирошаванда устувор аст. Ба ҳамин асос бояд хангоми муҳоварати тоҷикӣ ин ду омилҳои таъминкунандаи муҳоваратро ба ҳисоб гирифт. Асоси бомаънӣ баён кардани андешаро ҳамгирии маъно ва услуби баён ташкил медиҳад, ки бидуни онҳо зебоӣ ва таъсирнокии сухан ба вучуд намеояд. Ба андешаи аксар пажухишгарони одоби муҳоварат сухани ирошаванда бояд бо тақозои вазъи муошират мувофиқ бошад.

Барои зебоии сухан ва таъсиргузорию онро таъмин кардан, мувофиқи нишондоди бузургони забону адаби форсии тоҷикӣ истифодаи санъатҳои бадеӣ муҳимманд. Истифодаи санъатҳои бадеӣ дар сухан бештар дар адабиёт мавриди пажухиш қарор гирифтааст, вале, ба назари мо, дар суханронии маъмулӣ, ба вижа муҳоварати тоҷикӣ, истифодаи ин гуна санъатҳои бадеӣ зарур аст, то сухани зебо ва нишонрас баён гардад. Ба он маънӣ, ки барои сухани зебои тоҷикӣ гуфтаи ва аниҳаҳои бадеӣ истифода кардан, шоир будан шарт нест, танҳо аз нозуқиҳои гуфтор, бамавқеъ истифода кардани санъатҳои бадеӣ ва ҳунари тасвир огоҳ будан лозим аст. Истифодаи санъатҳои бадеӣ гуногун буда, дар забони тоҷикӣ, бино ба маълумоти “Тарҷумон–ул-балоға” 73 ададро ташкил медиҳанд. Т. Н. Зехнӣ мегӯяд, ки: “Дар “Маҳосин- ул- калом” зиёда аз 33 адад санъат нест, вале Родӣӣ онро ба 73 адад расонидааст” [5, 9].

Санъатҳои бадеии дар сухан истифодашаванда маъмулан: ташбеҳ, истиора, муболиға, тавсиф, тазод ва муқобила, суолу ҷавоб, тааҷҷуб, рӯҷуъ, киноя, ҳусни матлаъ, ҳусни мақтаъ ва монанди инҳо мебошанд. Воситаҳои баён на танҳо дар қисмати лексика маҳдуд мегардад, балки дар забони тоҷикӣ микдори зиёде воситаҳои тарзи баёни андеша вучуд дорад, ки ҳар яке дар мавқеи худ суханро оро ва зиннат медиҳанд.

Дар асоси истифодаи санъатҳои бадеӣ ва шаклҳои баён дар одоби муҳоварат жанрҳои гуногунро мавриди баррасӣ қарор медиҳем. Таҳлили мо дар асоси матнҳои осори насрии адабиёти тоҷикии садаи XX-XXI роҳандозӣ мегардад. Қайд кардан зарур аст, ки дар жанрҳои одоби муҳоварати тоҷикӣ, дар осори насрии садаи XX-XXI на ҳама санъатҳои гуфтор ва

ашколи гуногуни воситаҳои образнокӣ ва ифоданокии сухан истифода гардидааст. Мисол: *Момоям ягона шахсе буд, ки ман аз гуфтани андешаҳоям истиҳола намекардам. Вай ҳам бо ман суҳбат кардан, ба қавли худаш, рӯзро кӯр карданро дӯст медошт. Ба чашмони фариштаат садқа, бачаякам! Гап зан, гап зан, бачаякам!*

Ҳамин момои аҷибу меҳрубони маро он шаби тираи аввали баҳор «хунуқном»-е, ки мегуфт аз ман рабуда буд ва ман ба ӯ менигаристаму на тарс, на танҳӯй, на ҳасрат... чизе ҳис намекардам [2, 406]; *Аз ҷойи нишастаам ба қафо, ба кӯҳи Уштургардан чашим давондам: қурси офтоб то баландтарин қуллаи Уштургардан расида, гӯё беҳаракат меистод. Дар китфи кӯҳ ба мисли фатири равганин метофт вай; фатире, ки дар танӯр суп-сурх пухта, тасодуфан ба нӯки шохи як буққай сиёҳи калон ва бадҳашм дармондааст. Ҳамин замон аз он шохи тез канда шуда, ба пушти кӯҳ мегелад, фикр мекунам ман, аз ин ташибеҳ хандаам омада. Пеши пода аллакай бо кӯҷаи асфалти деҳа мерафт [15, 56].*

Яке аз анвои маъмули санъати бадеӣ, ҷе шаклҳои баёни андеша истиора мебошад, ки онро дар адабиёти илмии аврупоӣ аллегория меноманд. Ба забони тоҷикӣ **аллегория** як навъи истиора тарҷума мешавад. Маънии истиора дар луғат ба орият хоستان буда, “...дар истилоҳ иборат аст аз истеъмоли лафз дар ғайри маънии ҳақиқӣ бар сабили орият ва бар асоси алоқаи мушобихат байни маънии ҳақиқӣ ва маҷозии он” фаҳмида мешавад [13, 103]. Дар таркиби матнҳои одоби муҳоварат истифодаи истиора, барои таъсирбахш гардидани сухан истифода мегардад. Мисол: *Алалхусус Гира гули сари сабад шуда, раққосаҳои дигарро дар атрофаи чарх мезанонд, бо худи моҳиҷо мусобиқақунон муаллақзанӣ мекард [3,177] – Гули сафеди сари сабадам будед, бобочонам! Барои чӣ мо, бачаҳои ба гафлатмондаи шумо, ягон ҳафта пештар наомадем, ки аз дидоратон сер шавем, бобочонам?*

– *Суханҳои ширини шумо, насиҳатҳои қимати шумо акнун ба мо кӣ мегӯяд, бобочонам? [10, 299].*

Истиора аз ҷониби олимони классики мо мавриди пажӯҳиш қарор гирифта, онро воситаи таъсиргузории сухан ва таъмини зебони калом бадеӣ номидаанд. Дар одоби муҳоварат вобаста ба вазъияти гуфтор истифода аз он рангинӣ ва таъсирнокии суханро таъмин месозад. Чавҳари истиораро мушобихат байни маънии ҳақиқӣ ва маҷозии лафз муайян мекунад. Аксар ба он андешаанд, ки асоси истиораро ташбеҳ ташкил медиҳад. Мисол: *Номат чӣ буд? Фил? Тавба, ба тухми ном қаҳтӣ расид, ки Фил номат кардаанд? Хайр, намедонам, ки филӣ ҷе шер, лекин одамсуратӣ, банди Худой... [12, 104];*

– *Ҳоҷа, ту биравӣ, аҳволи мо чӣ мешавад? – дам ба дам мепурсид Бебок. – Моро ятим, хору зор нақун, Ҳоҷа. Ба худо, ки ин ҷо бе ту зеб надорад...*

– *Шайтон, рӯҳбоничоз... Аз пеши чашмат ки дур шудам, сад хоҷаи дигар меёбӣ...*

– *Не-е, он ки бо шеру паланг унс гирифт, магар бо шағолу рӯбоҳ муросо мекунад? Э ҳоҷа, хоҷа... [12, 109]; – Эҳа, гуларӯсака бинед! Нозанинҳоро тамошо бикунед! – нишотангез нидо кард Бебок. – Мисли маъшуқаҳои айёми ҷавонии худам дилкашанде. Эҳа, ана моҳпарӣ... оҳо, ана сарви хиромон, ҳо дар қадамот ҷонуме! Ҳоҷа, аз ин неъматҳо бебаҳра намон, чашмата об бидеҳ охир! Найтар-найтар рафтаниша бинен... [12, 195].*

Дар одоби муҳоварат санъати дигаре, ки серистеъмол аст муболиға мебошад. Осори насрии мавриди таҳқиқи мо низ аз истифодаи ин санъати сухан зинат ёфтааст. “Муболиғат дар луғат ғулув кардан дар чизе, ситоиш ҷе нақуши касе ҷе чизе, бозтоби чизе ҷе касе буда, дар истилоҳ он аст, ки дар сифат ҷе замми чизе ҷе амре муболиғат бисёр равад ва аз ҳадди эътидол тачовуз кунад” [13, 111]. Муболиға дар адабиёти илмии русиву аврупоӣ бо истилоҳи **гипербола** ҳаммаъно аст. Сухани муболиғадор бо тасвир ва ҳадди комили сухансозӣ ва сухаронӣ мебошад, ки ҳар ду мансуби нависанда ва сухангӯ мебошад. Сухани муболиғаомез гуфтан дар ду маврид мушоҳида мешавад, яқум, дар ҳолате, ки муболиға аз

хадди маъмулӣ берун рафта, сарҳади муболиғаро ҳам мегузарад. Маънии сухан ҳатто то дурӯғ рафта мерасад, ки фарҳанги миллии мо тоҷикон ба ин гуна муболиға суханронӣ кардан иҷоза намедиханд ва онро беадабӣ меҳисобад. Дуюм, ҳолате, ки барои таъсирнокии сухан, зебоии суханро таъмин кардан дар рафти муҳоварат ба муболиға рӯ меоранд ва аз он ба мақсади гуфтани сухани зебо ва бофасоҳат истифода мекунанд. Ин ҳолати дуюм одоби муҳоварат буда, барои истифода дуруст аст.

Сухангӯ хангоми муҳоварат мафҳумеро аз ҳад зиёд нишон медиҳад, яъне муболиға мекунад, ин ҳам ба хоҳири таъсиргузорӣ ба мусоҳиб мебошад. Масалан, дар забони тоҷикӣ чунин таркибҳо ва ибораҳо вучуд доранд: “ҳазор бор такрор кардам”, “қадаш аз ду метр ҳам зиёд” ва ғайра. Дар муҳоварати тоҷикӣ муболиға хеле зиёд мавриди истифода қарор мегирад. Мақсад аз истифодаи муболиға дар муҳоварат таъби мусоҳибро хуш кардан, як дарача хотирмон баён кардани андеша аст. Мисол: – *Ман он қадар пир нею лекин бетоби сахт, – шиқоят намуд ӯ. – Тарбод ҳамеша, махсусан аз саршавии тирамоҳ то охири зимистон, маро ҳазор бор мекушад* [17, 299]; *Алҳол мулк хароб, мардум сарсон саргардон, кӯча, чойхона ва бозор пури гадо ва сухани ростро фақат дар гайбатхонаҳо мегӯянд, ва мафҳумҳои Ҳаққу Ҳуқуқ вучуд надорад; ва Амиру Вазираш суволич – ақаллан як корхонаи сӯзанбарорӣ надорад, ки аҳолӣ гиребони даридаи чомаву курташиро бидӯзад ва зовуди собунпазӣ насохтааст, ки беваю бечора қарқи гардан бишӯяд. Буду шуди ҳиммат ва ҳунари Амир бадин поя **паша бардорад, ба Ҳиндустон барад! – вале нозу савлаташ ба ситора дакка мезанад – фил бардорад миёнаш бишканад!** [8, 76]; *Модари зору ҳайронмонда ва хешовандонаш – ҳама дар ҷустуҷӯи Парвона буданд. Ба қавле **асояшон сӯзан, чоруқашон галбер** шуда буд, вале Парвонаро намеёфтанд* [9, 478].*

Дар одоби муҳоварат воситаи дигари таъсирбахшии сухан истифодаи санъати тачоҳули ориф мебошад, ки онро як навъи ирония меҳисобанд. Бо ирония комилан як нестанд. Тачоҳули ориф ба маънии нодонии бардурӯғ аст, ки дар он як чиз дар назар аст ва чизи дигаре гуфта мешавад, то маъноӣ дарназарбуда равшан бошад. Гоҳо таъна задан бо таъриф омехта баён мегардад, ки маънии аслиро аз оҳанги сухангӯ фаҳмидан мумкин аст. “Тачоҳули ориф дар луғат худро ба нодонӣ задани доно, нодоннамоӣ, ношинохта буда, дар истилоҳ он аст, ки адиб дар асарҳои хеш аз чизе сухан кунад, ки донад, аммо худро чунон намояд, ки намедонад” [13, 157]. Мисол: *Аморатпаноҳ дар беруни Арк як бозор сохта буд ва ҳар рӯзи ҷумъа одамонаш либосу палос ва қанду қурсеро, ки саломмуштоқони дарбор ба расми туҳфа овардаанду хазинабоб нест, дар ин бозор фуруҳта, пули нақд мекарданд; ва савдогарони ҳинду рус ҳам ба ин ҷо бор меоварданд ва **шариатдонон, ки колои онҳоро ҳаром мегуфтанд, аз харидани борҳояшон ҳазар надоштанд** ва худи Амир ҳам парҳез надошт* [9, 79]; – *Вай модарам бошад ҳам, гуфтан нағз не, – таъкид кард Лида, – пиразанҳо сергап мешаванд. Умуман, **ҳамаи одамони пир худро доно тарошида, ҳама вақт кори дурустро вайрон карда мегарданд** [1, 169]; Мӯйсафед барқасди гапи мардум ҳар бегоҳ махсус ба чойхона меомаду бо овози баланд «**ҳоли миёнам боқувват, думи шера меканам**»-гуфта, даъвои гайратмандӣ мекард [4, 393].*

Дар илми каломи бадеъ мо таҷҷоҳули ориф дорем, ки аксар муҳаққиқон онро дар осори илми худ зикр кардаанд, вале дар илми забоншиносии дунё иронияро нисбат ба тачоҳули ориф васеътар меҳисобанд, яъне доираи фарогирии он тавсеаёфта аст. Ирония аз калимаи юнонӣ гирифта шуда, ба маънии пинҳонкорӣ фаҳмида мешавад. Содатар ирония мо як чизро гуфта, чизи дигарро дар назар дорем ва ба василаи ин камбуду норасоихоро масҳара ва интиқод мекунем. Ифодаи он на танҳо тавассути васоити вербалӣ, балки тавассути васоити ғайривербалӣ- табассум низ сурат мегирад. Ирония бо лафз вобаста ба вазъияти ифода меёбад. Онро аз ҳаҷв бояд фарқ кард.

Мисол: Низомиддин дасту рӯ шуста шуд, нашуд ки Зухрабону аз дар нолишкунон, гирякунон даромада омад:

– *Хӯш, хӯш, чӣ гап, чӣ ҳодиса? – гуфт худро ба нодонӣ зада Низомиддин. – Ҳалима сиҳат-мӣ? [6, 125]; Дар ҳамин вақт аз даруни хона овози сурфаи отун баромад, Гулнора часта аз ҷояш хест ва худро ба нодонӣ зада, бо овози баланд пурсид:*

– *Хайр, шумо маслиҳат медиҳед, ки доктор шавам?*

– *Доктор шавед, агар мабодо мо ҳам дардманд шуда монем, барои даво ба назди шумо меоем, – ҷавоб дод Мансурҷон шӯҳӣ карда. [15, 123].*

Дар одоби муҳоварати тоҷикӣ истифодаи санъати **тасғир** амри маъмул аст, зеро аксар вақт барои риояи эҳтиромӣ мусоҳиб шахс хешро аз ҳама поин нишон дода, хоксорӣ беҳад мекунад. Тасғирро дар адабиёти илмӣ русиву аврупоӣ **литота** номидаанд. “Тасғир дар луғат хурд кардан, дар истилоҳ он аст, ки дар забони форсии тоҷикӣ ба ҷузъи номӣ “қофи тасғир”- пасванди – ак илова карда шавад ва он ба ҷиҳати таъзим метавонад буд” [13,71]. Дар одоби муҳоварат санъати тасғир бо литота ба як маъно фаҳмида мешаванд, вале литота на танҳо дар исмҳо, балки умуман дар афкору андешаҳои пешниҳоди суҳаншунав шаванда, хоксорӣ, кехтарӣ ва болонишин набуданро ифода мекунад, аз ин рӯ ҳамчун санъати суҳан литота маъно ва мафҳуми васеътар ба ҳисоб меравад. **Литотаҳо** маъноӣ мафҳум, ҳодисоту воқеот ва ё дигар ашёву абзорро кам карда нишон медиҳанд, хурд нишон медиҳанд. Ҳангоми муҳоварат ба хотири ба суҳаншунав таъсири манфӣ надоштан, суҳаншунав нороҳат нагардидан, ҳодисоту воқеот хеле нарм карда фаҳмонида мешавад. Ба ибораи сода ва зебо таҳвил додани иборот, ки дар айни замон вожаҳоеро, ки тобиши «манфӣ» доранд, нарм мекунад. Бо ёрии литотаҳо шумо метавонед норозигии худро бо ҳамсуҳбататон дар шакли нарм баён кунед. Литотаҳо инчунин барои ороиш додани нутқи худ кумак мекунад. Ба ҳамин тариқ, дар осори нависандагони тоҷик Садриддин Айнӣ, Сотим Улуғзода, Абдулҳамид Самад, Баҳманёр, Кароматулло Мирзо, Меҳмон Бахтӣ, Сорбон ва дигарон ибора ва ҷумлаҳои сершумор бо литотаҳо ороиш ёфтаанд, ки бидуни онҳо хусусият ва шукуҳи насри эҷодкардаи онҳо аз байн меравад. Мисол: *Ба назар ҷунин мерасид, ки ӯ ба фуруҳтани молҳояш он қадар шавқ надорад, вале рангҳои хушифатро бофандагону рангрезони шаҳр фақат аз ӯ меёфтанд ва гоҳо мешуд, ки харидорон ба хонааш ҳам меомаданд [17, 20]; Ман як бесавод, лекин кори дунёро медонам. Аз дидаҳо хулоса мебарорам; кори дигаронро такрор намекунам; ба ҷойи нишастаи як кас намешинам [14, 340]; Аз гуфтаҳои модари Рустам ягон-ягон ба гӯиши Парвона даромада буданд: “Аз рӯйи ту аз бачам намонам мегӯям... Туро келин намекунам, мурам ҳам... Бачаам ба ман азиз, яқта аст...” [9, 457]; – Бад не! Имрӯз буди шудаша қашонанд, пагоҳ худам дар сари хирманат мешавам [4, 358]; “Кӣ медонад, боз чанди дигар монда бошад?” Ҳарчанд зиндагӣ то ҳол ӯро бозӣ дорондан меҳоҳад, ӯ набояд гирифтори гардишҳои нобаҳангоми он бошад. [16, 14]; Чанори қалоне, гӯё шоҳаҳои он то ба қуллаҳои пурбарфи кӯҳ расида. Кундааш гафс, арғамчинҳо нӯки ба нӯк ҳам ба гирдаш намерасид. Ба хаёли ошиқон аз ин ҷо ҷойи паноҳу осудатар набуд [9, 471].*

Санаъати дигаре, ки дар муҳоварат истифода мегардад, маҷоз аст, онро дар адабиёти илмӣ аврупоӣ метафора номидаанд. Маҷоз калима ё ибораест, ки ба маъноӣ маҷозӣ истифода мешавад, ки дар муқоисаи ашё ё падидаҳои гуногун бо ягон чизи дигар аз рӯйи хусусияти умумии онҳо асос ёфтааст. “Маҷоз дар луғат тачовуз кардан аз ҳадди чизе ва дар истилоҳ он аст, ки лафз ё иборотро дар маънии ғайриасли он истеъмол кунанд” [13, 108]. Барои пайдо шудани маҷоз, бояд дар чизе нуқтаи алоқаи байни ду ашё ё падидаҳо пайдо кунад, масалан: кӯл ба оина монанд аст - оинаи кӯл; дастҳо мисли тилло - дастони тиллоӣ; мӯйи мисли нуқра - мӯйи нуқра. Мисол:

– Дурустӣ, сиҳатӣ? Писари кӣ мешӣ? Нашинохтамам!

– Ман аз ин ҷоҳо не, бобӣ, ай Норакум, – ба ҳавои сухани мӯйсафед ҷавоб дод Саидбек.

– Меҳмон бошӣ, тоқа дар сари кӯҳ чӣ кор мекунӣ?

– **Занги дилора барорум гуфтум.**

– Мардаки бузбалай, **дар дилут чӣ занге дорӣ?** Иқа гамгин машав, мисоли ана ун маълим беҳи умратро табар мезанӣ! [16,20]; **Он се нафар мирзо ангушти қабул ба чаши музоштанду рафтанд** ба вилоятҳо, гаштанд дар музофотҳо. Диданд, тафтиши карданд, навиштанд, оварданд, ба дасти хон доданд [8, 73-74].

Дар мисолҳои фавқуззикр занги дилро баровардан ба маънии ғаму андуҳро дур кардан аст, ки дар муҳоварат ин гуна ва бо ин тарз баён кардани андеша образнок буда, таъсири сухан ба мусоҳиби мо бештар аст. Бо истифода аз санъати маҷоз сухангӯ ба мусоҳиби худ таъсир мегузорад ва андешаву афкори худро пуробуранг ва хушу гуворо мекунад. Барои хостаҳои худро бароварда кардан дар дилхоҳ вазъияти муҳоварат санъати маҷоз мусоидат мекунад.

Мисол: *Амир аз талош ва балоҳои Абдумалик як дараҷа халос шуд ва ба генерал-губернатор муруҷиат кард, ки “дар гармогармии муҳорибаҳо шоҳи ҳокими Шаҳрисабزو аз беҳаш бишиканад”* [8, 125];

Одатан шох ба инсон хос нест, шох ба ҳайвон- гов тааллуқ дорад, вале барои суханро таъсирбахш кардан нависанда ва шахси сухангӯ чунин ибораро истифода кардааст, шикстани шоҳи касе ба маънии адаб кардан, танбеҳ додан, то ӯ аз кори нодурусти худ даст кашад. *Аз як гӯшаи поёни пештарда бачаҳои аз ҳама шӯху бебоки деҳа – Мизбону Мусофир зуд-зуд ба дарун сар халонда, тайёрӣ ва ҳаракатҳои хунарпешагонро мегарданд* [19, 125]; Сар халондан низ ба маънии хабар гирифтани ӯ ба маконе даромадан аст, вале ин ҳолатро бо истифода аз ин формулаи муошират, ки бо сухани маҷоздор сохта шудааст, баён кардааст. Мисол: *Дарди ман ҳамон солҳои саргардонӣ сар шуда буд. Эътибор надода-надода, охир қариб мурданӣ шуда будам, ки ана боз бо дасти духтари худам шифо ёфтам. Бори дигар ба гардан мегирам, ки ман дар ҳақиқи вай дар вақташ номардӣ кардам, ба занам, бачаҳои ман қабр кардам аммо омада-омада ана боз қорам ба ҳаминҳо афтод* [11, 137].

Аз рӯйи шабоҳати беруни ба сӯзани дӯзандагӣ ва чарроҳӣ, барги дарахти сӯзанбарг (санавбар, арча, сӯзани кедр) ва сӯзани баъзе ҳайвонот (хорпушт, кирмак) ҳамин номҳо дода шудааст. Пайвандҳои ҳайвону инсон маҷозӣ буда, номи одамон ба маънои маҷозӣ меоянд: кӯчқор, хар, хук, рӯбоҳ, гург, хирс, хурӯс, гов.

Мисол: – *Кӣ будани Исмаил Валӣ, хайр, маълум, – гуфт Нусрат Даврон хаёлолуд ва дақиқае хомӯш қадам зада, илова намуд: – Фарбеҳиро гӯсфанд мебардорад. Исмаил, ки, аслан, буз буд, аз давлати Лутфуллобой якбора девона шуд* [15, 125]; **Ва ҳол он ки – бум кучо, барзагов чӣ? – бадтар аз гургу шағол буданд муғулҳо!** *Ин ривоятро ман аз падарам шунидаам, падарам аз падараш* [15, 47]; *Ӯ оташи мегирад, пайкараш меларзад, рӯяш қачу қилеб ва сиёҳу қабуд шуда мудҳиш мегардад. Ва муштҳои гирех, девонавор фиғон мекашад:*

– **Падару модар ки хук шуд, мисли мо хукбача ба дунё меорад.** *Лозим нест ун хел падару модар, мо барин хуктабиати бадбахт... Дигар ин гапа ба ман нагӯй. Девона ё гов нестам: медонам кадом падару модарро эҳтиром мекунам* [3, 171].

Барои сухан таъсиргузор шудан истифодаи калимаҳои ба маънии ғайриаслий омада, амри воқеист, зеро мо метавонем ин суханро ба шакли одӣ ва бе истифодаи маҷоз баён кунем, вале маҷоз барои таҳкими сухани пурбуранг ёрӣ мерасонад. Маҷоз дар заминаи шабоҳати дарки шунавой, андешаҳои эҳсосӣ, равонӣ ва завқӣ, хосиятҳои микдории ашё (андоза, дарозӣ), шабоҳати зоҳир, шакл, вазифа ва ғайра ба вучуд меояд.

Қолабҳои одоби муҳоварат бидуни истифодаи санъатҳои бадеӣ ва воситаҳои тасвир қоромад нестанд, яъне чавҳари аслии онҳоро саноеи бадеӣ ва воситаҳои гуногуни тасвир

ташкил медиҳанд. Истифодаи мақсаднок ва бомавқеи санъатҳои бадеӣ одоби муҳоварати тоҷикиро ғанӣ ва босамар мегардонанд. Гуфтугӯ миёни ашхоси гуногун зебо ва таъсирбахшу хотирмон сурат мегирад. Хазинаи бепоёни қолабҳои тайёр, ки бо санъатҳои гуногуни бадеӣ оро ёфтаанд, осори нависандагонӣ хушсалиқаи тоҷик мебошанд. Аз ин хазинаи бебаҳо ҳангоми муошират дар макону маҳалли гуногун, вобаста ба шароити вазъи суҳангӯӣ бояд эҷодкорона ва ҳадафнок истифода кард.

ПАЙНАВИШТ:

1. Ақобир, Ҷонибек. (Ҳикояҳо). Бибӣ ва набера //Ахтарони адаб. Ҷ. 50./ Баёзи мухтасари насри муосир. – Душанбе:Адиб, 2021.- С. 301- 308 [Мураттибон: Низом Қосим, Сироҷиддин Иқромӣ]
2. Баҳманёр. (Бобҳо аз роман). Гавазни ҷанбаршохи ман //Ахтарони адаб. Ҷ. 50./ Баёзи мухтасари насри муосир. – Душанбе:Адиб, 2021.- С. 399- 411 [Мураттибон: Низом Қосим, Сироҷиддин Иқромӣ]
3. Баҳорӣ, Абдумалик. Аҷоиботи Нодар //Ахтарони адаб. Ҷ. 48./ Баёзи мухтасари насри муосир. – Душанбе: Адиб, 2021.- С. 140- 221 [Мураттибон: Низом Қосим, Сироҷиддин Иқромӣ]
4. Бахтӣ, Меҳмон. Хубон (қисса) //Ахтарони адаб. Ҷ. 49./ Баёзи мухтасари насри муосир. – Душанбе: Адиб, 2021.-С. 346 - 412 [Мураттибон: Низом Қосим, Сироҷиддин Иқромӣ]
5. Зеҳнӣ Турақул. Санъати суҳан.- Душанбе, 2007.- 402 с
6. Иқромӣ, Ҷалол. Тахти воҷгун //Ахтарони адаб. Ҷ. 44./ Баёзи мухтасари насри муосир. – Душанбе:Адиб, 2020.- 480 с. [Ҷалол Иқромӣ. Тахти воҷгун(роман)].
7. Камолитдинов Б. Суҳан аз баҳри дигарон гӯянд. Душанбе: Интернетос Тоҷикситон, 2001.- 171 с.
8. Кӯҳзод, Ёрун. Ҳайҷо //Ахтарони адаб. Ҷ. 49./ Баёзи мухтасари насри муосир. – Душанбе:Адиб, 2021.- С. 65 -142 [Мураттибон: Низом Қосим, Сироҷиддин Иқромӣ]
9. Мирзо, Кароматулло. Дарди шиқ //Ахтарони адаб. Ҷ. 49./ Баёзи мухтасари насри муосир. – Душанбе:Адиб, 2021.-С.414-478 [Мураттибон: Низом Қосим, Сироҷиддин Иқромӣ]
10. Муҳаммадиев, Фазлиддин. Варта //Ахтарони адаб. Ҷ. 48./ Баёзи мухтасари насри муосир. – Душанбе:Адиб, 2021.- С. 222- 324 [Мураттибон: Низом Қосим, Сироҷиддин Иқромӣ]
11. Ниёзӣ, Фотех Духтари ҳамсоя (қисса) //Ахтарони адаб. Ҷ. 48./ Баёзи мухтасари насри муосир. – Душанбе:Адиб, 2021.- С. 80- 139 [Мураттибон: Низом Қосим, Сироҷиддин Иқромӣ]
12. Самад, Абдулҳамид. Маҳбус (қисса) //Ахтарони адаб. Ҷ. 50./ Баёзи мухтасари насри муосир. – Душанбе: Адиб, 2021.-С.88-195 [Мураттибон: Низом Қосим, Сироҷиддин Иқромӣ]
13. Сатторзода, Абдунабӣ. Такмили бадеӣи форсии тоҷикӣ(дар заминаи навиштаҳои пешинӣ ва имрӯзӣ). –Душанбе:Адиб, 2011.- 311с
14. Сорбон. Барзгар//Ахтарони адаб. Ҷ. 49./ Баёзи мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021.- С. 282 – 344 [Мураттибон: Низом Қосим, Сироҷиддин Иқромӣ]
15. Турсун, Саттор. Зиндагӣ дар домони талҳои сурх//Ахтарони адаб. Ҷ. 50./ Баёзи мухтасари насри муосир. – Душанбе: Адиб, 2021.- С. 6 – 86 [Мураттибон: Низом Қосим, Сироҷиддин Иқромӣ]
16. Хоҷазод, Муҳиддин. Кӯҳ бе варта нест //Ахтарони адаб. Ҷ. 49./ Баёзи мухтасари насри муосир. – Душанбе:Адиб, 2021.- С. 6 - 63. [Мураттибон: Низом Қосим, Сироҷиддин Иқромӣ]
17. Ҷалил, Раҳим. Маъвои дил //Ахтарони адаб. Ҷ. 48./ Баёзи мухтасари насри муосир. – Душанбе: Адиб, 2021.- С. 5- 79 [Мураттибон: Низом Қосим, Сироҷиддин Иқромӣ]
18. Шарифов Х. Балозат ва суҳанварӣ. -Душанбе, 2002. – 278 с.
19. Шуқуров Г.Х. Вижагиҳои муоширати ғайривербалӣ. // Г.Х. Шуқуров. Аҳбори ДДҲБСТ. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ. №2(103) 2025.- С.131-138.

REFERENCES:

1. Akobir, Jonibek. (Stories). *Grandmother and Grandchild // Literary stars. V. 50./ Brief overview of modern prose.* – Dushanbe: Adib, 2021.- PP. 301- 308 [Compilers: Nizom Qosim, Sirojiddin Ikromi]
2. Bahmanyor. (Chapters from the novel). *My beloved Gawazni // Literary stars. Vol. 50 / A brief overview of modern prose.* – Dushanbe: Adib, 2021.- PP. 399- 411 [Compilers: Nizom Qosim, Sirojiddin Ikromi].
3. Bahori, Abdumalik. *Nodar's Adventures // Literary stars. V. 48./ Brief overview of modern prose.* – Dushanbe: Adib, 2021.- PP. 140- 221 [Compilers: Nizom Qosim, Sirojiddin Ikromi]
4. Bakhti, Mehmon. *Khubon (Narration) //Literary stars. V. 49./ Brief overview of modern prose.* – Dushanbe: Adib, 2021.-PP. 346 - 412 [Compilers: Nizom Qosim, Sirojiddin Ikromi]
5. Zehni Turaqul. *Speech's Art.* - Dushanbe, 2007.- 402 pp.
6. Ikromi, Jalol. *Inverted Throne //Literary stars. V. 44./ Brief overview of modern prose.* – Dushanbe: Adib, 2020.- 480 pp. [Jalol Ikromi. *Inverted throne(novel)*].
7. Kamoliddinov B. *They Tell for the Sake of Others.* Dushanbe: Internews Tajikistan, 2001.- 171 pp.
8. Kuhzod, Urun. *Battle //Literary stars. V. 49./ Brief overview of modern prose.* – Dushanbe: Adib, 2021.- PP. 65 -142 [Compilers: Nizom Qosim, Sirojiddin Ikromi]
9. Mirzo, Karomatullo. *Love Sickness //Literary stars. V. 49./ Brief overview of modern prose .* – Dushanbe: Adib, 2021.-PP.414-478 [Compilers: Nizom Qosim, Sirojiddin Ikromi]
10. Muhammadiyev, Fazliddin. *Gorge //Literary stars. V. 48./ Brief overview of modern prose.* – Dushanbe: Adib, 2021.- PP. 222- 324 [Compilers: Nizom Qosim, Sirojiddin Ikromi]
11. Niyoz, Foteh. *Neighbour's Daughter (narration) //Literary stars. V. 48./ Brief overview of modern prose.* – Dushanbe: Adib, 2021.- PP. 80- 139 [Compilers: Nizom Qosim, Sirojiddin Ikromi]
12. Samad, Abdulhamid. *Prisoner (narration) //Literary stars. V. 50./ Brief overview of modern prose.* – Dushanbe: Adib, 2021.-PP.88-195 [Compilers: Nizom Qosim, Sirojiddin Ikromi]
13. Sattorzoda, Abdunabi. *Supplemented to Persian-Tajik Rhetoric (on the basis of writings of previous and recent days).* – Dushanbe: Adib, 2011.- 311 pp.
14. Sorbon, Barzgar //Literary stars. V. 49./ Brief overview of modern prose. – Dushanbe, Adib, 2021.- PP. 282 – 344 [Compilers: Nizom Qosim, Sirojiddin Ikromi]
15. Tursun, Sattor. *Life on the Red Hills //Literary stars. V. 50./ Brief overview of modern prose.* – Dushanbe: Adib, 2021.- PP. 6 – 86 [Compilers: Nizom Qosim, Sirojiddin Ikromi]
16. Khojazod, Muhiddin. *There is No Mountain Without Gorge //Literary stars. V. 49./ Brief overview of modern prose.* – Dushanbe: Adib, 2021.- PP. 6 - 63. [Compilers: Nizom Qosim, Sirojiddin Ikromi]
17. Jalil, Rahim. *The Heart's Heaven //Literary stars. V. 48./ Brief overview of modern prose.* – Dushanbe: Adib, 2021.- PP. 5-79 [Compilers: Nizom Qosim, Sirojiddin Ikromi]
18. Sharifov Kh. *Rhetoric and Eloquence.* - Dushanbe, 2002. – 278 pp.
19. Shukurov G.Kh. *Peculiarities of Nonverbal Communication.* // G.Kh. Shukurov. *Bulletin of TSULBP. Series of Humanitarian Sciences.* №2(103) 2025.- PP.131-138.

6.2.3 ТАЪРИХИ ЗАБОН
6.2.3 ИСТОРИЯ ЯЗЫКА
6.2.3 HISTORY OF THE LANGUAGE

УДК 811.21/22

DOI 10.24412/3005-849X-2026-2-92-99

**ИМКОНОТИ КАЛИМАСОЗИИ
ПАСВАНДИ -ИН / -ГИН ДАР
ОСОРИ НАСРИИ ОХИРИ САДАИ
XIX ВА ИБТИДОИ АСРИ XX**

Бобокалонова Раъно Норбаевна, дотсенти
кафедраи методикаи таълими забон ва адабиёти
МДТ “Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон
ба номи С. Айни” (Душанбе, Тоҷикистон)

**ВОЗМОЖНОСТИ
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
СУФФИКСА -ИН / -ГИН В
ПРОЗАИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КОНЦА XIX
И НАЧАЛА XX ВЕКА**

Бобокалонова Рано Норбаевна, доцент кафедры
методики преподавания языка и литературы
ГОУ «Таджикский государственный
педагогический университет имени С. Айни»
(Душанбе, Таджикистан)

**WORD-FORMATION POTENTIAL
OF THE SUFFIX -IN / -GIN IN
PROSE WORKS OF THE LATE
19TH AND EARLY 20TH
CENTURIES**

Bobokalonova Rano Norbaevna, associate
professor of the department of methods of teaching
languages and literature under the SEI “Tajik State
Pedagogical University named after S. Aini”
(Dushanbe, Tajikistan)**e-mail: b.rano@bk.ru**

Тобишҳои маъноии пасванди –ин/-гин дар заминаи осори насрии охири асри XIX ва ибтидои асри XX, ки мавриди қорбурди суҳанварони ин давр қарор гирифтааст, баррасӣ мегардад. Далелҳои таҳлилишуда, ки ба вижагиҳои дастурии пасванди мавриди назар иртибот доранд, аз се асари давраи мазкур – «Таърихи ҳумоюн»-и Муҳаммад Содиқхоҷаи Гулишанӣ, «Рӯзномаи сафари Искандарқул»-и Абдураҳмон Мустаҷири Самарқандӣ ва «Тухфаи шохӣ»-и Мирзоабдулазими Сомии Бӯстонӣ баргузида шудаанд. Дар заминаи таҳлили маводди фактологӣ натиҷабардорӣ шудааст, ки дар беитарии маврид пасванди -ин ба исмҳои моддӣ изофа шуда, сифати нисбӣ месохтааст. Дар идомаи таҳқиқи муқоиса қайд шудааст, ки гунаҳои маъносозии ин пасванд низ ҳамгуну ҳамсон набуда, барои баёни мафҳуми мухталиф ба монанди афзори ҷинс, замону тартиб, ҷиҳат ва макон, шабоҳату монандӣ ва ғ. меояд. Тибқи бардошти соҳибмақола яке аз қоркардҳои муҳими пасванди –ин воҷасозӣ ва маънобахшӣ ба калимот буда, ин унсурӣ дастурии забон беитар ба исм, шумора ва зарф итлоқ мешудааст.

Калидвожаҳо: забони тоҷикӣ; пасванди –ин/-гин; исмҳои моддӣ; сифати нисбӣ; осори мансури охири садаи XIX-аввали XX; Гулишанӣ; Мустаҷири Самарқандӣ; Сомии Бӯстонӣ

Рассматриваются смысловые оттенки суффикса -ин/-гин на материале прозаических произведений конца XIX – начала XX века, использованных авторами данного периода. Проанализированные примеры, связанные с грамматическими особенностями рассматриваемого суффикса, отобраны из трёх произведений указанного времени: «Таърихи ҳумоюн» Муҳаммада Содиқходжи Гулишани, «Рӯзномаи сафари Искандарқул» Абдураҳмона Мустаҷири Самарқанди и «Тухфаи шохӣ» Мирзоабдулазими Сомии Бӯстони. На основе анализа фактологического материала сделан вывод, что в большинстве случаев суффикс -ин присоединяется к конкретным (вещественным) существительным и образует относительные прилагательные. В ходе дальнейшего исследования и сопоставления отмечается, что семантические функции данного суффикса

не являются однородными и используются для выражения различных значений, таких как орудие и материал, время и порядок, направление и место, сходство и подобие и др. Согласно мнению автора статьи, одним из важных свойств суффикса –ин является его словообразующая и смыслообразующая функция. Этот грамматический элемент языка чаще всего относится к существительным, числительным и наречиям.

Ключевые слова: таджикский язык; суффикс –ин/-гин; вещественные существительные; прилагательные; проза конца XIX – начала XX века; Гулшани; Мустаджир Самарканди; Соми Бустони

This article examines the semantic nuances of the -in/-gin suffix using prose works from the late 19th and early 20th centuries, as used by authors of that period. The analyzed examples, related to the grammatical features of this suffix, are selected from three works of that period: "Tarihi Khumoyun" by Muhammad Sodikhodzhi Gulshani, "Ruznomai Safari Iskandarkul" by Abdurrahmon Mustadziri Samarqandi, and "Tukhfai Shokhi" by Mirzoabdulazimi Somii Bustoni. Based on an analysis of the factual material, it was concluded that in most cases, the suffix -in is attached to concrete (material) nouns and forms relative adjectives. Further research and comparison revealed that the semantic functions of this suffix are not uniform and are used to express various meanings, such as tool and material, time and order, direction and place, resemblance and similarity, and others. According to the author of the article, one of the important properties of the suffix -in is its word-forming and meaning-creating function. This grammatical element of language most often applies to nouns, numerals, and adverbs.

Key-words: Tajik language; suffix -in/-gin; material nouns; adjectives; prose of the late XIX-th – early XX-th centuries; Gulshani; Mustajir Samarkandi; Somi Bustoni

Муқаддима. Яке аз вижагиҳои калима, бахусус исм ва сифат, сохтори онҳо мебошад, ки дар осори садаҳои гуногун бо шеваҳои мухталиф мавриди истиқболи суханварон қарор гирифтаанд. Доир ба сохтору вазифаҳои дастурии ин ҳиссаҳои нутқ дар забоншиносии тоҷик тадқиқоти қобили мулоҳизае рӯйи қор омадааст, ки натиҷаи он дар мақолаву рисолаҳои илмӣ алоҳида мундариҷ шудааст. Масъалаи таснифоту дастабандии ҳиссаҳои мустақили нутқ бештар дар меҳвари қовишҳои забоншиносони тоҷик, ба мисли профессор Ш.Рустамов ва Ш.Ниёзӣ қарор гирифтааст [10, 11, 12; 8]. Дикқати забоншиносони эрониро низ сохтмони ҳиссаҳои номии нутқ ба худ ҷалб кардааст. Масалан, забоншинос Парвиз Нотили Хонларӣ сохтмони исм ва сифатро ба се навъ тақсим кардааст: 1) сода; 2) мураккаб; 3) муштак ва яке аз гунаҳои исм ва сифати мураккабро таркиби як калимаи мустақил бо «чӯзӣ пайванд» (пешванд ё пасванд) донистааст. Ў муштакро исм ё сифате медонад, ки аз моддаи мозӣ ё музореъ сохта шуда бошад [14, с.159-171].

Дар мақолаи ҳозир имконоти калимасозии пасванди –ин ва муодили дигари он –гин, ки дар асарҳои охири асри XIX ва ибтидои қарни XX, яъне «Таърихи хумоюн»-и Муҳаммад Содикхоҷаи Гулшанӣ, «Рӯзномаи сафари Искандарқул»-и Абдураҳмон Мустаҷири Самарқандӣ ва «Тухфаи шохӣ»-и Мирзоабдулазими Сомии Бӯстонӣ, бо усулҳои ғайримунтазаиву муқаррарӣ ба қор рафтаанд, ба доираи таҳлил қаша шудааст.

Маводх ва усулҳои таҳқиқот. Маводди фактологӣ мо дар заминаи се асар – «Таърихи хумоюн», «Рӯзномаи сафари Искандарқул» ва «Тухфаи шохӣ» фароҳам омада, дар ҷараёни таълифи мақола аз методҳои тадқиқотии чандомад, муқоиса ва тасвири истифода қарда шудааст.

Натиҷаҳои мақола бо таъя ба назария ва амалияҳои дар он татбиқшуда, ки ба сарчашмаҳои ватанӣ хориҷӣ асос ёфтаанд, ба даст омадааст.

Муҳокима. Дар забоншиносии тоҷик, вобаста ба он ки вандҳо дорои маъноҳои мухталиф мебошанд, пасвандҳои ба якмаъно ва сермаъно дастабандӣ кардаанд. Забоншинос Г.Мирзоев пасванди **-ин**-ро ба гурӯҳи пасвандҳои якмаъно мансуб донистааст [6, с.14]. Дар дастурҳои забони тоҷикӣ ин пасвандро танҳо ҳоси сифат дониста, зайли калимасозии исм ба он ишорае нашудааст. Дар боби калимасозии сифат, ки дар дастури «ЗАҲТ» сурат гирифтааст, оид ба пасванди мавриди назар чунин ақида матраҳ гардидааст: «Суффикси **-ин** (**-гин**) нисбатан каммаҳсул буда, сифати нисбӣ месозад: **косаи ҷубин**. Ин суффикс бо исми омада сифатҳои месозад, ки аз қадом материал сохта шудани предметро мефаҳмонанд. Суффикси **-ин** аз зарфҳои замон сифатҳои месозад, ки ба замон нисбат дода шудани аломатро мефаҳмонанд» [4, с.187].

Ин нуқта мусаллам аст, ки вандҳо дар алоҳидагӣ соҳиби маъно набуда, қорбурди мустиқ надоранд ва дар қанори вожаҳои озод маъно пайдо мекунанд. Мисли **-гар** дар «қоргар» ё **-зор** дар «гулзор». Қолибан вандҳо ва ҳоса пасвандҳо ба қалимаҳо алоқаманд гашта, маънои луғавӣ ва сохтори онро тағйир медиҳанд ва дар натиҷа вожаҳои мутафовит месозанд. Ҳамаи пасвандҳо ба ҳиссаҳои мустиқ нутқ ҳамроҳ гашта, хусусияти тағйир додани маънои онро надоранд. Ба унвони намуна, метавон пасванди **-манд**-ро зикр кард, ки ба исми чун **дониш** ва **хуш** изофа мешавад ва бо сохти қадиди қалимоти **донишманд** ва **хушманд** навъи онҳо аз исми ба сифат тағйир медиҳад, аммо наметавонад ба исми чун **тарс**, **ғам** ва **хашм** изофа шавад ва вожаҳои **тарсманд**, **ғамманд** ва **хашмманд** месозад. Дар забони тоҷикӣ вандҳои ба се даста – пешванд, миёнованд ва пасванд тақсир мекунанд. Пасвандҳо пас аз реша омада, барои иваз шудани сохтор ва ё шакли қалимаҳо мусоидат мекунанд.

Бояд гуфт, ки мафҳуми сермаъноӣ ин як воҳиди забонӣ аз қанд маъноӣ барқарор буданро далолат мекунад. Сермаъноӣ метавон дар сатҳи мухталифи воҳидҳои забон чун ванд, қалима, ибора ва ҷумла мавриди баррасӣ қарор дод, ҳарчанд дар суннати забоншиносӣ сермаъноӣ танҳо дар сатҳи вожа аҳамият ёфта ва таҳлили он низ ба ҳамин сатҳ маҳдуд гаштааст.

Ҳоло доир ба пасванди **-ин** таваҷҷуҳ мекунем, ки ба қалимаҳо изофа шуда, дар тағйири маъно ва сохтори онҳо нақши қадиди бозидаст. Сермаъно будани ин дастури забон низ аз ивази маънои қалимаҳои решагӣ ба вучуд меояд. Пасванди **-ин** аз пасвандҳои фаъоли забони тоҷикӣ маҳсуб шуда, бо нишонаҳои дастурии худ аз гурӯҳи пасвандҳои дигар тафовут дорад.

Чунонки таъкид шуд, муҳимтарин қоркарди ин пасванд дар мабодиси дастури сохтани сифати нисбӣ аст ва решаи он метавонад аз исми, сифат, қонишин ва зарф ташаккул ёфта бошад. Забоншинос Ҷ.Валиев доир ба ҳудуди густариши қорбурди ин пасванд, ки дар заминаи осори муосир сурат гирифтааст, чунин ибрози ақида кардааст: «Ин пасванд (пасванди **-ин** – Б.Р) аз рӯи хусусияти қалимасозии дар низомии қалимасозии исми ба гурӯҳи пасвандҳои бемаҳсул дохил мешавад. Ин пасванд дар «Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик» дарҷ нашудааст. Морфемаи **-ин** бо исми омада, номи шайъ месозад. Дар адабиёти классикӣ бо ин пасванд аз қолиби исми исмиҳои дигар сохта шудааст... Пасванди **-ин** дар осори нависанда (Абдулҳамиди Самад – Б.Р.) бемаҳсул буда, нависанда бо ин пасванд як қалимаро истифода кардааст: **пӯстин**» [2, с.65].

Мушоҳидаи қорбурди пасванди **-ин** дар қалимаҳо аз он шаҳодат медиҳад, ки нақши он дар ташаккули қалимаҳо ҳамгун набудааст. Дар бештари маврид пасванди мавриди таҳлил ба исми моддӣ изофа шуда, сифати нисбӣ сохтааст.

Исми моддӣ + -ин = сифати нисбӣ: Дидем, ки ба даруни ҳар қадами онҳо як пӯстак ва як қурпаи кӯҳна ва дег, табақи **ҷубин** ва қаблези **ҷубин** дорад [7, с.34-35]. Қаблези **ҷубинро** аз барои зимистон ва баҳор мекунанд, то ки дар лой нағӯтанд [7, с.93]. Сандуқи қалони **ҷубинро** тавл меғӯянд, хурдашро сандуқ меғӯянд [7, с.99]. Дар дохил шаҳр як сада наваду

нуҳ адад мадрасаи **сангинро** доро аст [3, с.48]. Аз осори абнияти қадима дар ин ҷо манори **сангини** он аст, ки аз абнияти Алб Арслонхон аст [3, с.53].

Корбурди пасванди мавриди таҳлил дар се асари мавриди истифода ҳамгуну ҳамсон набудааст. Масалан, муаллифи «Таърихи ҳумоюн» дар баъзе ҳолат барои баёни андешааш аз ин пасванд зиёдтар суд чустааст: Ва дар ин вилоят як мадрасаи сангин ва як қорихона ва ба финои кӯрғони он ҳашт адад хонақоҳи **сангину чӯбин** ва чаҳорсаду ҳаҷдаҳ масочид ва муштамил бар ҳаштсаду нуҳ адад қария ва дорой як лаку панҷоҳ ҳазор нуфус аст [3, с.49]. Ба сари мазори фоизуланвори Шайх Абдулҳолик ба финои шаҳри он як мадрасаи **сангин** аз абнияти Мирзо Улуғбек мавҷуд аст ва як мадрасаи **чӯбини** дигар низ дорад ва як хонақоҳи **сангини** дигар ба сари мазори Сӯфӣ Чунайд низ мавҷуд аст, бағоят рафеъ ва матин аст [3, с.50]. Ва аз ҷумлаи хоссаи вилояти Қаротегин кафши **чӯбин** аст, ки онро ғайр аз аҳолии вилояти мазкур соири аҳолии кӯхистон истеъмол намуда наметавонанд [3, с.156].

Дар мавридҳои алоҳида гоҳо ба исми моддӣ пасванди **-ин** ҳамроҳ гардида, барои сохтани исми моддӣ дигар замина фароҳам офардааст:

Исми моддӣ + -ин = исми моддӣ: Расми он мардум аз пӯсти гӯсфанд ё суғур **пӯстин** мекардаанд [7, с.96].

Баъзан ин калима дар таркиби калимаҳои мураккаб низ омадааст: Рӯзе, ки аз барои дидани элҷӣ муқаррар шуда буд, подшоҳи диндор бетакаллуф, **қуҳнапӯстине** дар бар ва... [1, с.123].

Забоншинос А.Қобилов, ки доир ба калимасозии «Тарҷумаи «Тафсири Табарӣ» тадқиқот анҷом додааст, оид ба пасванди мазкур чунин ибрози андеша мекунад: «Дар матнҳои забони порсии бостон пасванди номбурда (пасванди -ин – Б.Р.) дар шакли *aina-* дучор гардида, дар ҳар ду давраи инкишофи забони форсӣ-тоҷикӣ (миёна ва нав) яке аз унсурҳои фаоли калимасоз ба шумор меомад... Чанде аз калимаҳои марбут ба исм ба пасванди мазкур ҳамроҳ шуда, аз ҷиҳати сохта шудани ҷавохирот, металлҳо ва м. инҳоро ифода намудааст. Мисоли чунин калимаҳо *симин*, *оҳанин*, *зарин*, *дастваранҷин* (дастбанд, ҳалқае, ки аз тилло ва нуқра бошад ва занон ба даст банданд), *рӯйин* ба шумор мераванд» [5, с.107].

Исми маънӣ+ -ин = сифат: Пасванди **-ин** ба калимаи «ғам» ҳамроҳ шуда, барои ифодаи ҳолати руҳии инсон ба кор рафтааст: Гар шуд талаф аз ҳаҷри ту сад Гулшанӣ имрӯз, / **Ғамгин** машав аслан, ба қазову қадар андоз [3, с.30]. Чун хабари убури лашкари нодирӣ мунташир шуд, Абулфайзхон ин маъниро шунида, зиёда **ғамгин** шуда, дар фикри муодоаа афтода, ба атроф ва ҷавониби вилоят хабар фиристода, мардуми вилоятро ба ҷанги лашкари нодирӣ даъват кард [1, с.36].

Яке аз мавзуоти қобили баҳс дар бораи пасванди **-ин** вожасозӣ ва маънобахшӣ ба вожаҳо мебошад. Гунаҳои маъносозии онро метавон ба қарор зайл зикр кард:

1) Афзору чинс. Дар ин маврид пасванди **-ин** ғолибан барои баёни чинси мавсуф (муайяншаванда) ба кор меравад. Яъне аз кадом навъи афзору чинс (муайянкунанда) сохта шудани предметро далолат мекунад: Дар пешғаҳи хона таҳмон ва сандуқи **чӯбин** карда мондагианд [7, с.114]. Ва дар тахти ин кӯрғон хонақоҳи **сангини** идайн ва ҷумъахонӣ ва панҷвақтӣ аст [3, с.58]. Ҳар рӯз дар матбах таоми бисёр фармуда, аҳолии вилоятро ҳар пагоҳу бегоҳӣ ба куруниш дароварда, ба ҳузури худ нишонида, ба ҳар кадом ба табакҳои **чӯбини** калон аз ҳар чинс таом... [1, с.205]. Дар ин вақт губурнотур бо лашкари насоро дар мавзеи Нони **сангин** – як фарсаҳии Ҷиззах омада, фаромад [1, с.245]. Ҳар ки бо фӯлодбозу панҷа кард, / Соиди **симини** худро ранҷа кард [1, с.295].

2) Замону тартиб. Пасванди **-ин** гоҳ барои ифодаи мафҳуми замон ва тартиби предмет меояд:

Чаноби олиҳазрат, аввал дафъи душмани хоричиро аҳамм ва **аввалин** дониста, ба тарафи Чаҳорҷӯй равона шуданд [1, с.152]. Аз он вақт инҷониб шаш маротиба вайрон шуда, боз обод шудааст, ки ҳозира кӯрғон то **охирин** бор Подшоҳоча ном ҳокими Масчоҳ дуруст карда будааст [7, с.62]. Дигар расми онҳо ин аст, ки дар **охирин** рӯзи чаҳоршанбеи моҳи сафар дар як чо алав карда, зан ва мард ва бачча ва духтар – ҳама хурду калон аз болои он се бор чаҳида мегузаштаанд ва мегуфтаанд, ки «алас-алас, кулли балодин халос» [7, с.112]. Он чамоа аз ҷихати ниқор ва кинаи **дерин** ин маъниро писандида, дар тақвияи модаи мунофарат ва... [1, с.38].

Бархе аз забоншиносон доир ба чунин вазифаи пасванди **-ин**, ки дар осори намояндагони калассикии тоҷику форс ба мушоҳида гирифтаанд, изҳори андеша кардаанд. Профессор М.Чумъаев ҳини тадқиқи осори насрии Абдурахмони Ҷомӣ ба корбурди ин пасванд, ки аз ҷониби суҳанвар ба кор рафтааст, ба хулосаи зайл мерасад: «Бо ин пасванд (пасванди **-ин** – Б.Р.) аз зарфҳои *аввал*, *охир* сифатҳои нисбии *аввалину охирин* сохта шудааст, ки аломати предметро нисбат ба замон ифода менамоянд: *Агар омадаӣ, ки илми аввалину охирин биёмӯзӣ, инро рӯй нест. Ин ҳама Холиқ донад*» [15, с.291].

3) Ҷихат ва макон. Яке аз тобишҳои маъноии пасванди **-ин** барои нишон додани ҷихат ва макони афзори шайъ меояд. Баъзан калимаҳое дар таркиби луғавии забони тоҷикӣ аз ҷониби соҳибзабонон ба кор мераванд, ки ташҳиси вачҳи тасмия (этимология)-и онҳо нуктаҳои басо муҳимми сайри таърихӣ ва таҳаввули тадриҷии вожагонро дар ихтиёри мо мегузоранд. Ба ҳайси далел метавон аз вожаи «поин» ёдовар шуд. Дар назари аввал, гӯё унсури мазкур аз як реша иборат мебошад. Аммо чун мо аз дидгоҳи ташҳису таҷзия ба он таваҷҷуҳ мекунем, мебинем, ки он аз вожаи «по/пой» ва пасванди **-ин** ташаккул ёфтааст. Яъне, узввожа (соматизм)-и «по/пой», ки дар тарафи поёнии инсон қарор гирифтааст, бинобар ин бо замимаи ин пасванд гунаи «поин» ба вучуд омада, самти зерро далолат кардааст. Минбаъд ин калима аз маънои аслии худ дур рафта, барои ифодаи «ҳар чизи ба зер ё поён далолат мекарда» дар гардиш қарор гирифтааст. Дигар ин ки, тафсиру ташреҳи ин калима дар «ФЗТ» низ ин андешаро асоснок мекунад: «**Поин** پایین 1. зер, зерин, тах, паҳ. Фиристода куштан гар оин будӣ, / Саратро кунун ҷой поин будӣ. *Асадӣ*; Зи пӯлод сад кӯҳ бар пой кард, / Ба поини ӯ ганҷро ҷой кард. *Низомӣ*; 2. тарафи пой, ҷониби пой» [13, ҷ.2, с.75] забт шудааст.

Лафзи мазкур дар «Рӯзномаи сафари Искандаркӯл» дар чор маврид истифода шуда, дар ду китоби дигари мавриди тадқиқи мо боре ҳам мушоҳида нагардид: **Поини** ду кӯҳ роҳ мебошад, ки роҳи мазкур дар лаби об мебошад. Мобайни ду кӯҳ миқдори панҷоҳ газ мебарояд [7, с.23]. **Поини** дарё як кӯҳи азиме [7, с.24]. Қӯрғони Даштиқозии мазкур **поини** ду кӯҳ дар лаби дарё мебошад [7, с.26]. **Поини** ду кӯҳи он мавзъи миқдори ду ҳазор кадам мебарояд [7, с.26].

4) Шабоҳату монандӣ. Дар асарҳои мавриди назар пасванди **-ин** ба калимоти гуногун замима шуда, маънои шабоҳату монандиро расонидааст: Ба номаи сидқ хитома нигошта, хомаи **анбарин** шамомашуда, ки ҷӣ миқдор дӯстӣ, ки ба волиди мочиди мо доштед, ба мо низ боқӣ ва барқарор хоҳед дошт [1, с.343]. Шавад мушки Хито ночиз пеши зулфи **мушкинат**, / Кунад хомӯш шамъи оразат шамъи шабистонро [3, с.28].

Вожаи «анбарин» дар фарҳанг ба маънои «**Анбарин** عنبرين анбардор; хушбӯ, муаттар; зулфи анбарин – зулфи сиёҳ ва хушбӯй [13, ҷ.1, с.67] омадааст. Унсури луғавии «мушкин» бошад, маънои «**Мушкин** مشكين 1. мушқдор, дорои бӯйи мушқ, мушқнок; мушкин ғизол – оҳуи мушқдор; 2. сиёҳу хушбӯй (дар бораи мӯй); 3. сиёҳ» [13, ҷ.1, с.786]-ро дорад.

Ҳар ду калима дар шоҳиди боло ба маънои шабоҳату монандӣ – «мисли анбар хушбӯй» ва «мисли мушқ сиёҳу хушбӯй» омадааст. Лозим ба ёдоварист, ки баъзан вожаи «мушкин»

ба калимаҳои «хотима» ва «хитома» замима шуда, ҳамон маънои ишорашударо ифода кардааст: ... нусхае ҷудогона тартиб додаам, ки ҳанӯз ба баёз нарасида, иншоаллох, агар умр мусоидат кунад, онро аз мусаввада ба баёз расонида, замимаи ин номаи **мушкинхотима** хоҳам сохт [1, с.352]. Дурра қоилуҳу. Ба ихтитом анҷомид ин номаи **мушкинхитома** рӯзи чаҳоршанбе, бисту чаҳоруми шаҳри Раҷаб санаи 1348 ҳичрӣ ба дастёрӣ ва имдоди фазилатпаноҳон... [1, с.353].

Шоҳиди зери даст аз он гувоҳӣ медиҳад, ки баъзан шабоҳату монандӣ дар моҳияти предмет ниҳон аст. Гоҳе ҳадаф аз қорбурди сифатҳои сохта, ки бо пасванди **–ин** ташаккул ёфтаанд, барои эҷоди иртиботи моҳияти байни сифат ва мавсуф аст. Масалан, дар далелҳои зер суханварон бо қорбурди калимаи «сангин» байни сахтӣ ва маҳкамӣ «санг» бо «хона» ва «хонақоҳ» робита эҷод карда, бад-ин шева, устуворӣ ва осебнопазирии мавсуфро ифода кардаанд: Дар он ҷо як хонаи **сангини** бисёр хуб аз қадимулвақт мондагӣ мебошад, ки ободии ӯро касе намедонад [7, с.138]. Ба сари мазори бузургвори мазкур хонақоҳи **сангин** ва Мадраса мавҷуд аст [3, с.144].

Аз забоншиносони тоҷик профессор С.Низомова, ки доир ба калимасозии асарҳои насрии устод Садриддин Айнӣ машғул шудааст, ба ин вижагии пасванди **–ин** таваҷҷуҳ карда, чунин андешаро манзур мекунад: «Бо исми модӣ ва маънӣ омада (пасванди **–ин** – Б.Р.), сифати асли месозад, ки ба аломати реша монанд будани ашро ифода мекунад: *чанги хунин, роҳи вазнин*» [9, с.76].

Гоҳ дар асарҳои мавриди таҳқиқ муодил (омоморфема)-и пасванди **–ин**, яъне ҳамчун пасванди чамбандии арабӣ истифода шудани он ба назар расид. Дар ин сурат, он аз исми сифат гунаи чамъи солими ҷинси мардона (дар мисоли калимаи «мазлумин») сохтааст: ... ба имдоди ҷунуди ғайбӣ ва сарфи ҳиммат ва базли чаҳд, лашкари афғонро аз он диёр берун карда, вилоятро аз ошӯби фитан пероста, **мазлумини** вилояти мазкурро аз қайди зулми залама начот бахшид [1, с.34].

Хулоса. Яке аз қоркарҳои муҳими пасванди **–ин** вожаҳои ва маънобахшӣ ба калимот аст. Аз баррасии маводди фактологияи дар ихтиёрбуда, ки аз асарҳои насрии охири садаи XIX ва ибтидои асри XX гузида шудааст, мусаллам мегардад, ки пасванди **–ин** дар забони тоҷикӣ ба ҳайси пасвандҳои сермаъно дохил шуда, он чунин вижагиро дар дохили калима рӯнамоӣ мекунад. Аз ин лиҳоз, ба ҳайси пасвандҳои якмаъно мансуб донишҷӯи ин унсӯри грамматикӣ, ки дар таҳқиқоти бархе забоншиносон ишора шудааст, мавриди шубҳа қарор негарад. Ин тартид, пеш аз ҳама, дар заминаи таҳлили шоҳиди барзиёде, ки дар мақола сурат гирифт, ба даст омадааст.

Муоинаи далелҳо аз он шаҳодат медиҳад, ки пасванди **–ин** бештар ба исм, шумора ва зарф итлоқ мешудааст. Албатта, дар ҷойгоҳи аввал исм қарор мегирад. Дар ин сурат он бештар барои баёни сифати нисбӣ меояд.

Пасванди **–ин** ва муодили дигари он, яъне **–гин**, дар калимасозӣ нақши ҳагуну ҳамсонро надоранд. Таносуби қорбасти онҳо аз он шаҳодат медиҳад, ки гунаи **–ин** нисбат ба **–гин** хеле серистеъмол будааст. Истифодаи калимаҳое, ки бо ин пасванд сохта шудаанд, дар асарҳои мавриди таҳқиқ барои таъсирбахшу образнок гаштани андешаи суханварон мусоидат кардааст.

ПАЙНАВИШТ:

1. Бўстонӣ, М.С. *Тухфаи шоҳӣ. Таҳиягари матн, муаллифи муқаддима ва ҳавошӣ Абдулов Зиёдулло Назарович [Матн] / М.С. Бўстонӣ. – Душанбе, 2022. – 360 с.*
2. *Валиев, Ҷ. Роҳҳои калимасозии исм дар осори Абдулҳамид Самад: дисс. номз. илмҳои филол.: 6D020500 – Филология (6D020502 – Забони тоҷикӣ) [Матн] / Ҷ. Валиев. – Душанбе, 2023. – 182 с.*

3. Гулшанӣ, М. Таърихи ҳумоюн. Ба чоп тайёркунанда, муруттиб ва муаллифи сарсухан Ҷӯрабек Назриев [Матн] / М. Гулшанӣ. – Душанбе: Пайванд, 2006. – 168 с.
4. Забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн]. Қисми 1. Лексикология. Фонетика. Морфология. – Душанбе: Маориф, 1982. – 461 с.
5. Қобилов, А. Хусусиятҳои калимаҳои сохта дар «Тарҷумаи «Тафсири Табарӣ» (исму сифат): дисс. номз. илмҳои филол: 10.02.01 – Забони тоҷикӣ [Матн] / А. Қобилов. – Душанбе, 2023. – 175 с.
6. Мирзоев, Г. Именное суффиксальное словообразование в современном таджикском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. 10.02.02 [Текст] / Г. Мирзоев. - Душанбе, 1987. – 20 с.
7. Мустаҷир, А. Рӯзнамаи сафари Искандаркӯл. Ҳозиркунандагони чоп ва муаллифони муқаддимау тавзеҳот Аълоҳон Афзаҳод ва Мирзо Муллоаҳмадов [Матн] / А. Мустаҷир. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 176 с.
8. Ниёзӣ, Ш. Исм ва сифат дар забони тоҷикӣ [Матн] / Ш. Ниёзӣ. – Сталинобод, 1954. – 48 с.
9. Низомова, С. Калимасозӣ дар насри бадеӣ ва публицистии Садриддин Айнӣ: дисс. докт. илмҳои филол: 10.02.22 – Забони халқҳои кишварҳои Аврупо, Осиё ва бумиёни Америка ва Австралия (забони тоҷикӣ) [Матн] / С. Низомова. – Душанбе, 2019. – 328 с.
10. Рустамов, Ш. Калимасозии исм дар забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн] / Ш. Рустамов. - Душанбе, 1972. – 77 с.
11. Рустамов, Ш. Таснифоти ҳиссаҳои нутқ ва мавқеи исм. / Ш. Рустамов. – Душанбе: Ирфон, 1972. – 88 с.
12. Рустамов, Ш. Исм. Монография [Матн] / Ш. Рустамов. - Душанбе: Дониш, 1981. – 220 с.
13. Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асри XX) (ибора аз ду ҷилд) . Ҷилди 1. – М.: СЭ, 1969. – 951 с.; Ҷилди 2. – М.: СЭ, 1969. – 949 с.
14. Хонларӣ, П.Н. Дастури забони форсӣ [Матн] / П.Н. Хонларӣ. – Техрон: Тӯс, 1363. – 373 с.
15. Ҷумъаев, М. Хусусиятҳои лексикӣ семантикӣ ва калимасозии иқтибосоти арабӣ дар асарҳои насри Абдураҳмони Ҷомӣ (дар заминаи «Нафаҳот-ул-унс» ва «Баҳористон»): дисс. докт. илмҳои филол: 10.02.01 – Забони тоҷикӣ [Матн] / М. Ҷумъаев. – Душанбе, 2022. – 404 с.

REFERENCES:

1. Bustoni, M.S. Tuhfai Shohi. Text prepared, with introduction and commentary by Abdulov Ziyodullo Nazarovich. Dushanbe, 2022. 360 pp.
2. Valiev, J. Ways of Noun Word Formation in the Works of Abdulhamid Samad: Candidate of Philological Sciences dissertation: 6D020500 – Philology (6D020502 – Tajik Language). Dushanbe, 2023. 182 pp.
3. Gulshani, M. Tarikhi Humoyun. Prepared for publication, compiled, and with a foreword by Jurabek Nazriev. Dushanbe: Payvand, 2006. 168 pp.
4. Modern Literary Tajik Language. Part 1: Lexicology. Phonetics. Morphology. Dushanbe: Maorif, 1982. 461 pp.
5. Qobilov, A. Features of Derived Words in the “Translation of Tafsir Tabari” (Nouns and Adjectives): Candidate of Philological Sciences dissertation: 10.02.01 – Tajik Language. Dushanbe, 2023. 175 pp.
6. Mirzoev, G. Nominal Suffixal Word Formation in the Modern Tajik Language: Abstract of Candidate of Philological Sciences dissertation: 10.02.02. Dushanbe, 1987. 20 pp.
7. Mustajir, A. Travel Diary of Iskandarkul. Prepared for publication and with introduction and notes by A'lokhon Afzahzod and Mirzo Mulloahmadov. Dushanbe: Irfon, 1989. 176 pp.
8. Niyozzi, Sh. Noun and Adjective in the Tajik Language. Stalinabad, 1954. 48 pp.

9. *Nizomova, S. Word Formation in the Fictional and Journalistic Prose of Sadriddin Aini: Doctor of Philological Sciences dissertation: 10.02.22 – Languages of the Peoples of Europe, Asia, and Indigenous Peoples of America and Australia (Tajik Language). Dushanbe, 2019. 328 pp.*
10. *Rustamov, Sh. Noun Word Formation in the Modern Literary Tajik Language. Dushanbe, 1972. 77 pp.*
11. *Rustamov, Sh. Classification of Parts of Speech and the Position of the Noun. Dushanbe: Irfon, 1972. 88 pp.*
12. *Rustamov, Sh. Noun. Monograph. Dushanbe: Donish, 1981. 220 pp.*
13. *Dictionary of the Tajik Language (from the 10th to the early 20th century) (in two volumes). Vol. 1. Moscow: SE, 1969. 951 pp.; Vol. 2. Moscow: SE, 1969. 949 pp.*
14. *Khanlari, P.N. Grammar of the Persian Language. Tehran: Tus, 1363 (1984/85). 373 p., PP. 159–171.*
15. *Jumayev, M. Lexical-Semantic Features and Word Formation of Arabic Borrowings in the Prose Works of Abdurahmon Jami (Based on “Nafahat al-Uns” and “Bahoriston”): Doctor of Philological Sciences dissertation: 10.02.01 – Tajik Language. Dushanbe, 2022. 404 pp.*

**КАЛИМАҲОИ ИҚТИБОСИИ
ТУРКӢ ДАР «ХАМСА»-И
НИЗОМИИ ГАНҶАВӢ**

Бобочонова Дилбарҷон Абдумӯминовна, н.и.ф.,
дотсенти кафедраи умумидонишгоҳии забони
тоҷикии МДТ “ДДХ ба номи академик Б.Гафуров”
(Хучанд, Тоҷикистон)

**ОСОБЕННОСТИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЮРКСКИХ
ЗАИМСТВОВАНИЙ В «ХАМСЕ»
НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ**

Бободжанова Дилбардҷон Абдумуминовна, канд.
филол. наук, доцент общеуниверситетской
кафедры таджикского языка ГОУ «ХГУ имени
академика Б.Гафурова» (Худжанд, Таджикистан)

**FEATURES OF THE USE
OF TURKIC BORROWINGS
IN THE "KHAMSA" OF
NIZAMI GANJAVI**

Bobojonova Dilbarjon Abdumuminovna, candidate in
Philology, associate professor of the all-University
department of Tajik language under the SEI “KhSU
named after academician B. Gafurov” (Khujand,
Tajikistan) e-mail: bobojonova1977@mail.ru

Қайд карда мешавад, ки гарчанде баъзе муҳаққиқон бар он ақидаанд, ки воридшавии калимаҳои туркӣ ба забони форсии тоҷикӣ дар давраи пеш аз ислом оғоз шудааст, шумораи чунин унсурҳои луғавӣ дар достонҳои “Хамса”-и Низомии Ганҷавӣ ночиз аст. Истифодаи калимаҳои иқтибосии туркӣ дар ҳар як маснави Низомӣ алоҳида баррасӣ мешавад. Таъкид мешавад, ки калимаи “турк” дар ҳамаи шеърҳои Низомӣ ҳам ҳамчун номи халқ (этноним) ва ҳам ба маъноҳои “сарбоз” ва “маҳбуб” истифода мешавад. Шоир ин вожаҳо дар калимасозӣ низ истифода мебарад. Дар достони “Маҳзан-ул-асрор” танҳо ду калимаи иқтибосии туркӣ мавҷуданд: “турк” ва “кизлик” (корди қач). Дар достони “Лайлӣ ва Маҷнун”, ба истиснои калимаи “турк” ва мисолҳои калимасозӣ бо ин унсурҳои луғавӣ, дигар калимаҳои туркӣ ба назар намерасанд. Дар достони сеюми “Панҷгона” - “Хусрав ва Ширин” Низомӣ аз як гурӯҳ калимаҳои туркӣ истифода кардааст: туғро (фармони шоҳ, як навъи хат); вушок (ғулом); бук - шайнур; ятоқ - посбон, човуш - роҳбар; хотун - зани қалонӣ. Дар достони “Ҳафт пайкар” як воимҷаи туркӣ мавҷуд аст: яғлик – тири пайкандор. Шумораи зиёди воимҷаҳои туркӣ дар китоби “Иқболнома” дар таркиби “Искандарнома” истифода шудааст. Сабаб дар он аст, ки ин қисми Хамса ба футуҳоти Искандар ва тавсифи ҷангҳои ӯ дар кишварҳои гуногун бахшида шудааст.

Калидвожаҳо: эҷодиёти Низомӣ; “Хамса”; воимҷаҳои туркӣ; “Лайлӣ ва Маҷнун”; “Хусрав ва Ширин”; “Искандарнома”

Отмечается, что, хотя, по мнению некоторых специалистов, проникновение тюркских слов в персидско-таджикский язык началось еще в доисламскую эпоху, но в поэмах «Пятерицы» Низами Гянджеви количество таких лексических элементов незначительно. Использование тюркских заимствований в каждой поэме Низами рассмотрено в отдельности. Подчеркивается, что слово «тюрк» употребляется во всех поэмах Низами и как название народа (этноним), и в значениях «военнослужащий» и «возлюбленная». Поэт также использует данное слово в словообразовании. В поэме «Маҳзан-ул-асрор» встречается всего два тюркских заимствования: турк (тюрок) и кизлик (кривой нож). В поэме «Лейли и Меджнун», за исключением слова «турк» и примеров словообразования с этим лексическим элементом, других тюркских слов не встречается. В третьей поэме «Пятерицы» - «Хусрав и Ширин» - Низами использовал группу тюркских заимствований: туғро (указ шаха, вид письма); вушок (раб/рабыня; бук – труба; ятоқ – сторож, човуш –

предводитель; хотун – старшая жена. В поэме «Хафт пайкар» встречается одно тюркское заимствование: яглик – стрела с наконечником. Больше всего тюркоязычных заимствований использовано в книге «Икбал-наме» в составе поэмы «Искандар-наме». Причина заключается в том, что эта часть поэмы посвящена завоеваниям Искандара и описанию его походов в разные страны.

Ключевые слова: творчество Низами; «Хамса»; тюркские заимствования; «Лейли и Меджнун»; «Хусрав и Ширин»; «Искандар-наме»

The article notes that, although some experts believe that the infiltration of Turkic words into the Persian-Tajik language began in the pre-Islamic era, the number of such lexical elements in Nizami Ganjavi's Quintet poems is insignificant. The use of Turkic loanwords in each of Nizami's poems is examined separately. It is emphasized that the word "Turk" is used in all of Nizami's poems, both as a name for a people (ethnonym) and in the meanings of "soldier" and "beloved." The poet also uses this word in word formation. The poem "Makhzan-ul-Asror" contains only two Turkic borrowings: "turk" (Turkish) and "kizlik" (curved knife). In the poem "Layli and Majnun," with the exception of the word "Turk" and examples of word formation with this lexical element, no other Turkic words appear. In the third poem of the "Quintet" - "Khusraw and Shirin" - Nizami used a group of Turkic words: tugro (a decree of the shah, a type of writing); vushok (a slave/slave); buk - a trumpet; yatok - a guard, chovush - a leader; khotun - a senior wife. In the poem "Haft paykar" one Turkic borrowed is found: yaglik - an arrow with a tip. The largest number of Turkic borrowings is used in the book "Ikbal-name" as part of the poem "Iskandar-name". The reason is that this part of the poem is dedicated to the conquests of Iskandar and the description of his campaigns in different countries.

Key-words: Nizami's works; "Khamisa"; Turkic borrowings; "Layli and Majnun"; "Khusraw and Shirin"; "Iskandar-name"

Дар «Хамса» мисли осори дигари ниёгонамон, ки ба забони форсии тоҷикӣ таълиф шудаанд, як идда калимаҳои иқтибосии туркӣ-муғулӣ мавриди истифода қарор гирифтаанд. Дар забоншиносии тоҷик ва хоричӣ ин масъала то ҳоё мавриди баҳси олимони қарор гирифтааст. Ин ҳо зикри саҳми олимони забоншинос Н. Маъсумӣ, Л.С. Пейсиков, Д. Саймиддинов, С. Ҳалимов, Ҳ. Мачидов ва дигарон бамаврид аст. Маълумотҳое, ки дастурҳои таълимии Қ. Тоҳирова, М. Муҳаммадиев ва ғайраҳо дар ҳусуси калимаҳои иқтибосии туркӣ пешниҳод кардаанд, низ доир ба ин масъала рӯшанӣ меандозанд.

Дар байни олимони луғатшинос ақидае барҷой аст, ки иқтибоси калимаҳои туркӣ маъмулан пеш аз зуҳури ислом ба забони форсӣ-тоҷикӣ сураат гирифтаанд [11, с. 46].

Дар луғатшиносӣ истилоҳҳои гуногун дар бораи ин гурӯҳи калимаҳои иқтибосӣ аз забонҳои туркӣ истифода бурда мешавад. Аз ҷумла, Н. Маъсумӣ дар асари хеш доир ба забони «Одина» ва асари дигари тадқиқотии хеш истилоҳҳои иқтибосоти ўзбекӣ, туркӣ-ўзбекиро ба қор бурда бошад [5, с. 41; 6, с. 147], муҳаққиқони дигар ба истифодаи истилоҳи ўзбекӣ қаноат кардаанд [12, с.48]. Муҳаққиқон Ғ. Ҷураев, Т. Ваҳҳобов, Д. Бобочонова истифодаи истилоҳи иқтибосҳои туркиро салоҳ донистаанд [15, с. 141; 2, с. 71]. Профессор Л.С. Пейсиков истилоҳи иқтибосоти туркӣ-муғулиро дар асари хеш истифода бурдааст, ки баъдан Ҳ. Мачидов бо таъя ба афкори ин олим истилоҳи туркиву муғулиро дар тадқиқоти хеш қорбааст намуд [11, с. 4; 4, с. 108]. Ба пиндошти Ҳ. Мачидов дар ифодаи ин гурӯҳи калимаҳо «қабули танҳо истилоҳи туркиву муғулӣ ба мақсад мувофиқ аст, зеро ки он ба умумияти таърихии ин забонҳо далолат қарда, маҷмуи калимаҳои аз онҳо воридшударо ба пурағӣ дар бар гирифта метавонад» [4, с. 108].

Хуллас, дар бораи масъалаи мазкур байни олимони забоншинос иттифоқи ороъ ба назар намерасад ва то ҳол як истилоҳе, ки ҳамаи мутахассисон ба он розӣ бошанд, пешниҳод нагардидааст. Ба назар чунин мерасад, ки нисбат ба давраи то ҳучуми муғул истифода бурдани истилоҳи «туркӣ-муғулӣ» чандон ҷоиз нест, зеро тамоси бевоситаи забони форсии тоҷикӣ баъди истилои тотору муғулон руҳ додааст. Бинобар ин, дар мақолаи ҳозир мо истилоҳи иқтибосоти туркиро мавриди истифода қарор медиҳем.

Ҳамин тавр, дар «Ҳамса» гурӯҳи муайяни калимаҳои иқтибосии туркӣ мавриди қорбасти Низомии Ганҷавӣ қарор гирифтааст. Таъкид намудан ҷоиз аст, ки теъдоди чунин иқтибосот хеле каманд. Ва ин гувоҳи он аст, ки шоир беш аз ҳама ба калимоти аслии забони модарияш – форсии тоҷикӣ таъя намудааст. Ин яке аз вижагиҳои забони осори Низомӣ, махсусан, «Ҳамса» маҳсуб меёбад.

Дар идома кӯшиш менамоем, ки вожаҳои иқтибосии туркиро дар манзумаҳои «Ҳамса» ба риштаи таҳлил кашем.

1. Калимаҳои туркӣ дар «Махзан-ул-асрор»

Маводи бадастомада собит месозад, ки аз ҳамаи манзумаҳои «Ҳамса» дар «Махзан-ул-асрор» калимаҳои туркӣ ба нудрат истифода шудааст. Мо танҳо ду калима – *турк* ва *кизлик*ро ба қайд гирифтаем:

Турк:

Мӯй ба мӯят зи Ҳабаш то Тироз,

Тоziю *турк* омада дар турктоз [8, с. 75]

Дар ин байт *турк* ба маънии номи халқ омадааст ва мафҳуми умумӣ ба шумор меравад. *Турктоз* бошад, вожаи омехта (*турк+тоз*) буда, маънии ҳучуми туркона ва нохост ҳучум намудан омадааст [13, ҷ. 2, с. 378]. Қобили зикр аст, ки ин вожа ба ҳамин маънӣ дар «Ҳамса» хеле ва хеле серистеъмол аст ва мо дар вақти таҳлили калимаҳои иқтибосии туркӣ дар бораи он таваққуф хоҳем кард.

Дар «Бурҳони қотеъ» як даста маъниҳои он зикр гардидаанд, ки яке аз онҳо маънии «маъруф аст, ки нақизи тоҷик бошад ва гӯянд туркон аз авлоди Банӣ Нуханд ва вилояти Туркистонро низ ба тариқи маҷоз турк мегӯянд» [1, ҷ. 1, с. 487]. Дар повараки ин саҳифа шарҳи Муҳаммад Муин манзур аст: *ترك* ба замми аввал «дар туркӣ ба маънии шучоъ ва далер ва саҳт» [1, ҷ. 1, с. 487]. Дар «Ғиёс-ул-луғот» [3, ҷ. 1, с. 189] шарҳи яке аз маъноҳои *турк* ба таври зайл пешкаш шудааст: *ترك* ... номи қавме мансуб ба Турк, ки марде буд аз фарзандони Нух алайҳиссалом ва маҷозан ба маънии сипоҳӣ ва ба маънии маъшук [3, ҷ. 1, с. 189]. Шарҳи «ФЗТ» оид ба вожаи *турк* қобили қабул аст: *Турк* 1. номи умумии халқҳои туркзабон; 2. туркистонӣ; аҳли Туронзамин [13, ҷ. 2, с. 378]. Ин вожа аз ҷумлаи калимаҳои сермаҳсули забонамон маҳсуб меёбад. Бо иштироки вай калимаҳои зиёд, аз қабилҳои *туркиазро*, *туркво*, *турквор*, *туркман*, *туркона*, *турконхидев*, *турктоз*, *туркӣ*, *туркҷӯш* ва ғайраҳо [13, ҷ. 2, с. 378-379] шакл гирифтаанд.

Кизлик:

3-ин ҳама алмос, ки бигдохтам,

*Кизлик*е аз баҳри молик сохтам [8, с. 130]

Ин вожа дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» ба таври зайл маънидод гардидааст: *Кизлик*//*гизлик* вожаи туркӣ, маънои «қордча, қорди қачтеғ; қаламтарош» [13, ҷ. 1, с. 551].

2. Калимаҳои туркӣ дар «Лайлӣ ва Мачнун»

Дар ин манзума ба истиснои *турк*, *турктоз*, *турктозӣ*, *турксозӣ* воҳиди луғавии дигари иқтибосии туркӣ-муғулӣ ба назар нарасид ва ин шояд ба мавзуи манзума ва макони тасвири ҳодиса – дашту саҳроҳои Араб ва ҳаёти бодиянишинон иртибот дошта бошад:

Турк:

Чй дорй ту, эй турки Чин дар димоғ,
Ки бар боди сарсар кашонй чароғ?! [9, с. 210]

Турктоз:

Сӯи хонаи худ ба як турктоз,
Ба чашми фурубасташ овард боз [9, с. 328]

Турктозй:

Агар душмане турктозй кунад,
Рақиби ҳаром чорасозй кунад [9, с. 394]

Турксоз:

Зи меъроҷи ӯ дар шаби турксоз,
Муарричгарони фалакро тироз [9, с. 13]

Қобили зикр аст, ки вожаи *турк* дар калимасозй хеле фаъол мебошад. Дар манзума вожаи мураккаби *туртоз* бештар истифода гардидааст. Мо дар бахшҳои минбаъда ба ин масъала хоҳем баргашт.

3. Калимаҳои туркӣ дар манзумаи «Хусрав ва Ширин»

Дар ин манзума микдори муайяни калимаҳои туркӣ чун воситаи тасвири рӯйдоду ҳаводис истифода бурда шудааст. Як гурӯҳи онҳо дар шакли вожаи иқтибосӣ бидуни истифодаи васоити грамматикӣ забони форсии тоҷикӣ мавриди истифода қарор гирифтааст. Аз ҷумла:

Тузро – 1. маҷ. фармони шох; 2. навъе аз хати насх [13, ҷ. 2, с. 381]. Дар байти зерин ба маънии навъи хати насх аст: Ба тоқи он ду абруи хамида, Мисоле з-он ду *тузро* баркашида [8, с. 385].

Бино бар ишораи Муҳаммад Муин вожаи «туғро» طغراء гунаи муарраби калимаи туркии طورغای аст [7, ҷ.3, с. 2227].

Соҳиби «Ғиёс-ул-луғот» низ ин калимаро «лафзи туркӣ» шуморидааст [3, ҷ.2, с. 26]

Имрӯз ин вожа ба гурӯҳи калимоти таърихӣ (архаистӣ) мансуб аст.

Вушоқ – 1. ғулумбача, писарбачаи хизматгор; канизак [13, ҷ. 1, с. 246]:

Ҷонибаёқаш *вушоқони* сарой,
Равона сад-сад аз ҳар сӯ чудой [8, с. 336].

Ин вожа низ имрӯз ба гурӯҳи калимаҳои архаистӣ мансуб доништа мешавад.

Буқ:

Ту низ андар ҳазимат *буқ* мезан,
Зи чоҳе хайма бар Айюқ мезан [8, с. 237]

Дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» чунин маънидод гардидааст: вожаи туркӣ, олоти устухонӣ ё филизӣ, ки дар он дамиди овоз бароварда мешавад, шайпур, асбоби мусиқӣ [13, ҷ. 1, с. 217]. Имрӯз ба гурӯҳи калимаҳои архаистӣ мансуб аст.

Ятоқ:

Чу маҳдӣ гарчи шуд Мағриб висоқаш,
Гузашт аз сарҳаде Машрик *ятоқаш* [8, с. 152]

Мувофиқи тафсири «Фарҳанги забони тоҷикӣ» ин вожа туркӣ буда, маънои посбонӣ ва муҳофизатро доро мебошад. Имрӯз ин калима архаистӣ буда, дар гузашта бо истифодаи он чанд калима сохта шудааст: ятоқдор, ятоқдори, ятоқӣ [13, ҷ. 2, с. 637].

Човушон:

Халил аз хайлтошони сипоқаш,
Калим аз *човушони* боргоқаш [8, с. 142]

Тибқи тафсири «Фарҳанги забони тоҷикӣ» калимаи *човуш* (он) баромади туркӣ дошта, маънои 1. пешрави корвон ё зиёратчиён; 2. сарҳанг ва нақибӣ лашкар [13, ҷ.2, с. 542]. Имрӯз ба гурӯҳи калимаҳои архаистӣ шомил аст.

Хотун:

Чу шах мекард мохро пардадорӣ,
Ки *хотун* бурд натвон бе иморӣ [8, с. 196].

Дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» омадааст, ки *хотун* вожаи муғулӣ буда, маънои зани калонии хона, қадбону, хонумро ифода мекунад [13, ҷ. 2, с. 497]. Аммо Муҳаммад Муин баромади ин калимаро ба забони туркӣ нисбат медиҳад [7, ҷ.1, с. 1384]. Ҳоло ин вожа ба гурӯҳи калимаҳои таърихӣ дохил мешавад. Дар забони адабии муосири тоҷик бештар муродифи тоҷикии он – *қатбону* мавриди истифода мебошад.

Тотор:

Чу бар сунбул чарад оҳуи *тотор*,
Насимаш бӯи мушк орад ба бозор [8, с. 320]

Номи халқият. Имрӯз низ аз ҷумлаи вожаи ғаёл буда, этноним маҳсуб меёбад.

Гурӯҳи дигари маводи дар дастдоштаи мо худро ба қавонини грамматикӣ забони форсии тоҷикӣ тавҷам намуда, дар ташаккули ибораҳо ва ё калимаҳои мураккаб мавриди истифода қарор гирифтаанд, зикр бояд кард, ки миқдори онҳо зиёд нестанд. Аз ҷумла, калимаҳои мураккаб:

Қизилшоҳӣ:

Ба мамлукӣ хате додам мусалсал,
Ба тавқеи *қизилшоҳӣ* мусаччал [8, с. 452]

Қизилшоҳӣ мансуб ба *қизилшоҳ* мебошад [13, ҷ. 2, с. 688].

Хотунсавор:

Ба нӯки тир ҳар *хотунсаворе*,
Фурӯ дода зи оҳу марғзоре [8, с. 223]

Ин калима аз ду ҷузъ таркиб ёфтааст: *хотун* (калимаи туркӣ-муғулӣ)+*савор* (калимаи форсии тоҷикӣ). Маънояш хотуни савора, зани савора.

Туркони қалам:

Ба *туркони қалам* бе нахли тороч,
Яке «мим»-аш камар бошад, яке тоҷ [8, с. 147]

Тавре ки дар боло зикр кардем, ин вожа дар ташаккули калимаҳои нав хеле ғаёл буда, то имрӯз маҳсусан дар назм серистеъмол мебошад.

Сумантурк:

Хумайкоро Накисо ёр шуд рост,
Сумантурк аз барои Борбад хост [8, с. 405]

Аз ду ҷузъ таркиб ёфтааст (суман+турк), яъне, турки суман (факки изофат), яъне, турки зебо ва ғайраҳо.

Хутанхотун:

Хутанхотун зи рӯи ҳикмату панд,
Бузургуммедро фармуд пайванд [8, с. 406]

Дар «Ғиёс-ул-луғот» *хотун* чун номи шаҳр дар худуди Чин (тақя ба «Мунтахаб» ва «Латоиф» ва «Сурур» шарҳ ёфтааст [3, ҷ. 1, с. 294]. Ин вожа бо усули факки изофат шакл гирифта, маънои *хотун (дӯшиза)-и хутаниро* доро мебошад.

Ҳамин тавр, дар ин манзума низ теъдоди ками вожаҳои иқтибосии туркии муғулӣ истифода гардидаанд.

4. Калимаҳои туркӣ дар манзумаи «Ҳафт пайкар»

Дар ин манзума ба ғайр аз вожаи *турктоз* ва *турктозӣ* ҳамагӣ як вожаи туркӣ *яғлиқ* корбаст шудааст.

Яғлиқ:

Дар назаргоҳи ростандозӣ,
Яғлиқашро ба мӯй шуд бозӣ [9, с. 246]

Луғати мазкур дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» ба таври зер шарҳ ва маънидод шудааст: *Яғлиқ*, калимаи *яғлич/яғлиқ* туркӣ-муғулӣ буда, маънои тири пайкандорро ифода кардааст [13, ҷ. 2, с.638].

Дар ин достон бо иштироки вожаи *турк* як даста (гурӯҳ) калимаҳо шакл гирифта, маънои заруриро ифода намудааст. Аз ҷумла:

Турктоз:

Ки гардам сӯи кишвари хеш боз,
Зи Чин ҳучуми сӯи Рум оварам *турктоз* [9, с.228]

Маънои ҳучуми турконаро доро аст.

Турктозӣ:

Кас аз бими шаҳ *турктозӣ* накард,
Бад-он лӯбатон дасттезӣ накард [9, с. 239]

Дар достони «Ҳафт пайкар», асосан, вожаҳои *турктоз*, *турктозӣ* чанд маротиба корбурд шудааст.

5. Калимаҳои туркӣ дар «Искандарнома»

«Искандарнома» манзумаест, ки ду қисматро дар бар мегирад: «Иқболнома» ва «Шарафнома». Дар ин манзума шоири бузург дар бораи юришу ҷангномаҳои Искандари Зулқарнайн афқору бардоштҳои хешро ба тасвир медиҳад ва бо забони салису дилписанди хеш манзури хонанда мегардонад. Вай анъанаи «Шоҳнома»-и Фирдавсиро идома медиҳад. Дар ин достон аз калимоти туркӣ дар ду шакл – соф калимоти иқтибосии туркӣ ва дигар вохидҳои луғавии дар шакли калимаҳои мураккаб ва иборадорфта истифода шудаанд. Аз ҷумла:

Хоқон:

Хабар шуд ба *Хоқон*, ки саҳрову кӯх,
Шуд аз наъли пӯлодпӯшон сутӯх [10, с. 206]

Дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» ин вожа ба маънои *подшоҳи бузург, шоҳи шоҳ, лақаби шоҳони турку муғул* омадааст [13, ҷ. 2, с. 498].

Қундуз:

Зи симу зару кундузу лаълу дур,
Шутур бо шутурхонаҳо гашт пур [10, с.273]

Ин вожа туркӣ буда, дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» ба маънои як навъ ҳайвони санҷобшакли аз сағ хурдтар омадааст [13, ҷ. 2, с. 706].

Айлоқ:

Бурун рафт аз *айлоқиён* саркаше,
Саворе шитобанда чун оташе [10, с. 250]

Ин луғат дар «Ғиёс-ул-луғот» ва «Фарҳанги забони тоҷикӣ» шарҳ дода нашудааст. Дар байти боло шакли *айлоқчиён* истифода шудааст: *айлоқ+чӣ+ён*. Дар «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» ин вожа ба таври зер тафсир шудааст: *Айлоқ* – туркӣ ایلان (шакли дигари *ййлоқ*), ҷойи серобу алаф, ки дар тобистон ва қисман зимистон ҷорворо ба он ҷо мечаронанд ва парво мекунанд [14, ҷ. 1, с. 46]. *Айлоқчиён* маънои ашхоси ба айлоқ рафта. Ин вожа (*айлоқ*) ба гурӯҳи калимаҳои халқӣ-гуфтугӯӣ мансуб буда, дар байни аҳолии деҳот маъмул ва истифодаи ғаёлол дорад.

Қифчоқ (қибчоқ):

Ки аз бими *қифчоқи* ваҳшисиришт,
Дар ин марз тухме наёрем кишт [10, с. 179]

Ин вожа дар «Ғиёс-ул-луғот» чунин маънидод гардидааст: *Қибчоқ* номи даштест миёни Тӯрон ва Туркистон, ки атроки (туркони – Д.Б.) он чо бераҳм ва мардумкуш мебошанд... бошандагони он чоро низ *қибчоқ* гӯянд [3, қ. 2, с. 137]. Ин вожа низ дар «Шоҳнома» қорбурд шуда, маънои сарзамин ва аҳолии як гурӯҳи турконро ифода намудааст [13, қ. 1, с. 686].

Хоқон:

Хабар шуд ба Хоқон, ки саҳрову кӯх,
Шуд аз наъли пӯлодкӯшон сугӯх [10, с. 206]

Дар «Ғиёс-ул-луғот» ва «Фарҳанги забони тоҷикӣ» *Хоқон* чун калимаи туркӣ маънои шоҳи бузург, дар қадим лақаби шоҳони Чин ва Туркистон ба ҳисоб мерафт [3, қ. 1, с. 292; 13, қ. 2, с. 498].

Туғ(он):

Туғон шоҳи мурғони Туғрил ба ном,
Ба султонӣ андар чу туғрил тамом [10, с. 232]

Дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» чун калимаи туркӣ маънии думи асп, ки ба байрақ мебанданд; байрақ, алам, парчам [13, қ. 2, с. 383].

Туғрил:

Туғон шоҳи мурғони *Туғрил* ба ном,
Ба султонӣ андар чу туғрил тамом [10, с. 232]

Мувофиқи тафсири «Ғиёс-ул-луғот» *Туғрил* калимаи туркӣ буда, номи подшоҳи Салҷуқӣ [3, қ. 3, с. 26].

Санҷуқ/Санҷақ:

Ҳазору чиҳил *санҷуқи* паҳлавӣ,
Равон дар паи рояти хусравӣ [10, с. 234]

Дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» ливо, байрақ маънидод шудааст [13, қ. 2, с. 192].

Дар гузашта ин вожа дар ташаккули калимаҳои мураккаб ва ибораҳо дар осори гузаштагонамон иштирок намудааст. Ва Низомӣ аз онҳо дар манзумаи «Искандарнома» ба тааври васеъ истифода бурдааст. Аз ҷумлаи онҳо:

Турки ҳисорӣ:

Чу *турки ҳисорӣ* зи қор уфтод,
Арӯси ҷаҳон дар Ҳисор уфтод [10, с. 209]

Ғуломони турк:

Ғуломони туркам чу гиранд шаст,
Зи тире расад лашқареро шикаст [10, с. 211]

Турки чиниҳисор:

Бидонист, қ-он *турки чиниҳисор*,
Зи Хокони Чин шуд бар ӯ ёдгор [10, с. 267]

Турки хитой:

На ҳинду, ки *турки хитой* ба ном,
Ба дуздидани дил чу ҳинду тамом [10, с. 202]

Туркрухсора:

Маҳи *туркрухсора* ҳиндусиришт,
Зи Ҳиндустон дода шаҳро биҳишт [10, с. 202]

Хоқонқулоҳ:

Вилоятситон шоҳи гетипанох,

Фаридункамар, балки *Хоқонқулоҳ* [10, с. 301]

Шаҳи турк:

Шаҳи турк бо шӯҳрагони диёр,
Ба хоҳишгарӣ шуд бари шаҳриёр [10, с. 230]

Туркони товусранг:

Пасу пеш *туркони товусранг*,
Чапу рост шерони пӯлодчанг [10, с. 234]

Турки Чин:

Хабар не, ки меҳри Шумок ин бувад,
Дили *турки Чин* пурхаму чин бувад [10, с. 223]

Турки хиргоҳӣ:

Дар он *турки хиргоҳӣ* овард даст,
Шиканча никобаш зи рух баршикаст [10, с. 267]

Турки султоншукӯҳ:

Дигар рӯз к-ин *турки султоншукӯҳ*,
Зи дарёи Чин кӯҳа барзад ба кӯҳ [10, с. 253]

Туркӣ, турки чининигор:

Макун *туркӣ*, эй *турки чининигор*,
Биё соате чин дар абрӯ маёр [10, с. 229]

Туғоншоҳи сухан:

Туғоншоҳи сухан бар мулк шуд чир,
Қарохони қаламро дод шамшер [8, с. 143]

Қарохони қалам:

Туғоншоҳи сухан бар мулк шуд чир,
Қарохони қаламро дод шамшер [8, с. 143]

Чолишқунон:

Даромад ба навард *чолишқунон*,
Ба хуни муҳолиф сиголишқунон [8, с. 250]

Таҳлили маводи мо собит намуд, ки вожаҳои туркӣ ва иштироки онҳо дар калимасозӣ аз ҳама бештар дар «Искандарнома», бавижа, дар баҳши «Иқболнома» мавриди истифода қарор гирифтаанд. Сабаб дар он аст, ки дар «Иқболнома» мавзуи тасвир юришу қорнамоиҳои ҷангии Искандар баён гардидааст.

ПАЙНАВИШТ:

1. Бурҳон, Муҳаммадҳусайн. *Бурҳони қотей. Дар панҷ ҷилд/Бурҳон Муҳаммадҳусайн. Бо эҳтимоми Муҳаммад Муин.* – Техрон: Амири Кабир, 1391. – 2470 с.
2. Ваҳҳобов Т., Бобоҷонова Д. *Муқаддимаи лексикологияи забони тоҷикии адабӣ.* – Хучанд, 2010. – 76 с.
3. *Ғиёсуддин, Муҳаммад. Ғиёс-ул-луғот (таҳияи матн бо пешгуфтор, тавзеҳот ва феҳристи А.Нуров)/ Ғиёсуддин Муҳаммад.* – Душанбе: Адиб, ҷ.1, 1987.- 480 с.; ҷ.2, 1988. - 416 с.; ҷ.3, 1989. - 304 с.
4. Маҷидов Ҳ. *Забони адабии муосири тоҷик. Ҷ.1. Луғатишиносӣ.* – Душанбе, 2007. - 244 с.
5. Маъсумӣ Н. *Муҳимтарин масъалаҳои тадқиқи тараққиёти забони адабии тоҷик.* – Душанбе, 1980. – 351 с.
6. Маъсумӣ Н. *Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик (бознашр).* – Душанбе, 2011. – 385+9 с.
7. Муин, Муҳаммад. *Фарҳанги форсӣ. Дар панҷ ҷилд.* – Техрон: Амири Кабир, 1375. - Ҷ.1. – 1472 с.; Ҷ. 3. – С. 1477-2774 с.

8. Низомии Ганҷавӣ. Хамса. Махзан-ул-асрор. Хусраву Ширин. – Душанбе: Адиб, 2012. – 480 с.
9. Низомии Ганҷавӣ. Хамса. Лайлию Маҷнун. Ҳафт пайкар. – Душанбе: Адиб, 2012. – 480 с.
10. Низомии Ганҷавӣ. Хамса. Искандарнома. Шарафнома. Иқболнома. – Душанбе: Адиб, 2012. – 480 с.
11. Пейсиков Л.С. Лексикология современного персидского языка. – Москва: Изд.-во МГУ, 1975. – 207 с.
12. Тоҳирова Қ. Лексикаи забони адабии ҳозираи тоҷик (бознашр). – Хуҷанд, 2023. - 188 с.
13. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Дар ду ҷилд (дар зери таҳрири М.Шукуров, В.А. Капранов, Р. Ҳошим, Н.А. Маъсумӣ). – Москва: Советская энциклопедия, 1969, ҷ.1. – 951 с.; ҷ.2. – 952 с.
14. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Дар ду ҷилд. Ҷ.1. – Душанбе: Пажӯҳишгоҳи забон ва адабиёти ба номи Рӯдакӣ, 2010. – 897 с.
15. Ҷӯраев Ф. Системаи лексикаи лаҳҷавии забони тоҷикӣ. – Душанбе, 2017. – 320 с.

REFERENCES:

1. Burhon, Muhammad Husayn. *Burhon-i Qote'*. In five volumes. Edited by Muhammad Mo'in. - Tehran: Amir Kabir, 1391. - 2470 pp.
2. Vahhobov, T., Bobojonova, D. *Introduction to the Lexicology of the Literary Tajik Language*. - Khujand, 2010. - 76 pp.
3. Ghiyosuddin, Muhammad. *Ghiyos al-Lughat*. Prepared with introduction, commentary, and index by A. Nurov. - Dushanbe: Adib, Vol. 1 (1987) – 480 pp.; Vol. 2 (1988) – 416 pp.; Vol. 3 (1989) – 304 pp.
4. Majidov, H. *Modern Tajik Literary Language. Vol. 1: Lexicology*. - Dushanbe, 2007. 244 pp.
5. Ma'sumi, N. *The Most Important Issues in the Study of the Development of the Tajik Literary Language*. - Dushanbe, 1980. - 351 pp.
6. Ma'sumi, N. *Essays on the Development of the Tajik Literary Language (reprint)*. - Dushanbe, 2011. - 385+9 pp.
7. Mo'in, Muhammad. *Persian Dictionary*. In five volumes. - Tehran: Amir Kabir, 1375. - Vol. 1 – 1472 pp.; Vol. 3 – 1477–2774 pp.
8. Nizami Ganjavi. *Khamsa: Makhzan al-Asrar. Khusraw and Shirin*. - Dushanbe: Adib, 2012. 480 pp.
9. Nizami Ganjavi. *Khamsa: Layli and Majnun. Haft Paykar*. - Dushanbe: - Adib, 2012. 480 pp.
10. Nizami Ganjavi. *Khamsa: Iskandar-name. Sharaf-name. Iqbal-name*. - Dushanbe: Adib, 2012. 480 pp.
11. Peysikov, L. S. *Lexicology of the Modern Persian Language*. - Moscow: Moscow State University Press, 1975. 207 pp.
12. Tohirova, Q. *Lexicon of the Modern Tajik Literary Language (reprint)*. - Khujand, 2023. 188 pp.
13. *Dictionary of the Tajik Language*. In two volumes. Edited by M. Shukurov, V. A. Kapranov, R. Hashim, N. A. Ma'sumi. - Moscow: Soviet Encyclopedia, 1969. - Vol. 1 – 951 pp.; Vol. 2 – 952 pp.
14. *Explanatory Dictionary of the Tajik Language*. In two volumes. Vol. 1. - Dushanbe: Rudaki Institute of Language and Literature, 2010. - 897 pp.
15. Juraev, G. *The System of Dialectal Vocabulary of the Tajik Language*. - Dushanbe, 2017. - 320 pp.

6.2.6 НАЗАРИЯ ВА АМАЛИЯИ ТАРЧУМА: ШАКЛ, НАМУД ВА МЕТОДҲОИ ТАРЧУМА
6.2.6 ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА: ФОРМА, ВИД И МЕТОДЫ ПЕРЕВОДА
6.2.6 TRANSLATION THEORY AND PRACTICE: FORM, TYPE, AND METHODS OF
TRANSLATION

УДК 81²25

DOI 10.24412/3005-849X-2026-2-109-120

**СРАВНЕНИЕ КАК СРЕДСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ
И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПЕРЕВОДА С
ТАДЖИКСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА
МАТЕРИАЛЕ РОМАНА САДРИДДИНА
АЙНИ «ДОХУНДА»)**

**ТАШБЕҲ ҲАМЧУН ВОСИТАИ
ИФОДАИ БАДЕЙ ВА ХУСУСИЯТҲОИ
ТАРЧУМАИ ОН АЗ ТОЧИКӢ БА РУСӢ
(ДАР АСОСИ РОМАНИ «ДОХУНДА»-И
САДРИДДИН АЙНИ)**

**COMPARISON AS A MEANS OF ARTISTIC
EXPRESSION AND THE PECULIARITIES
OF ITS TRANSLATION FROM TAJIK INTO
RUSSIAN (BASED ON SADRIDDIN AINI'S
NOVEL "DOKHUNDA")**

Бобоева Малика Сухбатulloевна,
старший преподаватель лицея при ТГПУ
имени С. Айни, соискатель кафедры
русской и мировой литературы ТГПУ
имени С. Айни (Душанбе, Таджикистан)

Бобоева Малика Сухбатulloевна,
омӯзгори калони литсейи назди ДДТТ ба
номи С. Айни, унвонҷӯи кафедраи
адабиёти рус ва ҷаҳонии ДДТТ ба номи
С. Айни (Душанбе, Тоҷикистон)

Boboeva Malika Sukhbatulloevna, senior
teacher at the lyceum under the TSPU named
after S. Aini, applicant for the department of
Russian and world literature of TSPU named
after S. Aini (Dushanbe, Tajikistan)
e-mail: kleopatra_00_92@mail.ru

Цель исследования — выявить механизмы сохранения образности, выразительности и авторского стиля в условиях межъязыковой интерпретации. Рассматривается использование сравнения как одного из ключевых стилистических средств художественной выразительности, а также особенности его перевода с таджикского на русский язык на примере романа Садриддина Айни «Дохунда». Сравнение как троп играет важную роль в создании ярких художественных образов, в раскрытии авторской позиции и в передаче эмоционального и эстетического воздействия произведения на читателя. Анализ опирается на теоретические положения ведущих зарубежных и отечественных ученых (Аристотеля, Фуко, Потебни, Ахмановой, Гальперина и др.), раскрывающих многоаспектную природу сравнения и его связь с другими тропами — метафорой, гиперболой, литотой, оксюморонам. Особое внимание уделяется прагматическим аспектам перевода сравнений: рассмотрены способы передачи сравнительных конструкций, их трансформации в процессе перевода, случаи стилистических потерь и адаптаций. Приводится классификация сравнений, обсуждаются лингвостилистические, культурные и жанровые особенности, влияющие на выбор переводческих стратегий.

Ключевые слова: Садриддин Айни; роман «Дохунда»; сравнение; перевод; стилистика; образность; трансформация

Мақсади тадқиқот муайян кардани механизмҳои нигоҳдории образнокӣ, ифоданокӣ ва услуби муаллиф дар заминаи тафсири байнизабонӣ мебошад. Корбурди ташбеҳ ҳамчун яке аз воситаҳои калидии услубии баёни бадеӣ, инчунин хусусиятҳои тарҷумаи он аз тоҷикӣ ба русӣ дар мисоли романи Садриддин Айни «Дохунда» баррасӣ шудааст. Санъати бадеии ташбеҳ дар офаридани образҳои равшани бадеӣ, қушода додани мавҷеи муаллиф ва интиқоли таъсири эҳсосию эстетикӣ асар ба хонанда нақши муҳим дорад. Таҳлил ба

муқаррароти назариявии олимони варзидаи хоричӣ ва ватанӣ (Аристотел, Фуко, Потенбня, Ахманова, Галперин ва дигарон) асос ёфтаст, ки табиати бисёрҷанбаи таибеҳ ва иртиботи онро бо истиора, муболиға, литота, оксиморон ошкор намудаанд. Ба ҷанбаҳои прагматикӣ тарҷумаи таибеҳот тавачҷуҳи хоса дода мешавад: усулҳои интиқоли конструкцияҳои муқоисавӣ, дигаргуниҳои онҳо дар раванди тарҷума, ҳолатҳои талафоти услубӣ ва мутобиқсозӣ баррасӣ мешаванд. Таснифи муқоисаҳо оварда шуда, хусусиятҳои забониносии, фарҳангӣ ва жанрӣ, ки ба интиҳоби стратегияи тарҷума таъсир мерасонанд, мавриди баррасӣ қарор мегиранд.

Калидвожаҳо: Садриддин Айни; «Дохунда»; муқоиса; тарҷума; услубиносии; образнокӣ; тағйир

The aim of the study is to identify the mechanisms for preserving imagery, expressiveness and authorial style in the context of interlingual interpretation. This article examines the use of simile as a key stylistic device of artistic expression, as well as the specifics of its translation from Tajik into Russian, using Sadridin Aini's novel "Dokhunda" as an example. As a trope, simile plays an important role in creating vivid artistic images, revealing the author's position, and conveying the emotional and aesthetic impact of a work on the reader. The analysis draws on theoretical positions by leading foreign and Russian scholars (Aristotle, Foucault, Potebnya, Akhmanova, Galperin, and others), revealing the multifaceted nature of simile and its relationship to other tropes—metaphor, hyperbole, litotes, and oxymoron. Particular attention is paid to the pragmatic aspects of translating similes: methods of conveying comparative constructions, their transformations during translation, and instances of stylistic loss and adaptation are examined. A classification of similes is provided, and the linguistic, stylistic, cultural, and genre features that influence the choice of translation strategies are discussed.

Key-words: Sadridin Aini; novel "Dokhunda"; comparison; translation; stylistics; imagery; transformation

В создании в художественной литературе уникальной художественной реальности ключевую роль играют образные средства: эпитеты, олицетворения, метафоры, и в особенности сравнения, поскольку это не декоративные элементы, а инструмент глубокого раскрытия объекта, позволяющий читателю увидеть его с различных, подчас неожиданных, ракурсов. Использование этих приемов раскрывает не только основные характеристики, но и многообразие дополнительных признаков, что существенно обогащает художественное восприятие и создает более полное и живое впечатление.

Образные средства выражения формируют неповторимый стиль писателя, делая его узнаваемым и запоминающимся. Автор использует их для воздействия на чувства и воображение читателя, пробуждая эмоциональный отклик и вызывая сопереживание героям и событиям. В связи с этим приобретает особую важность адекватная передача данных элементов при переводе художественных текстов. Задача переводчика состоит не только в трансляции лексического содержания, но и в воссоздании атмосферы и в передаче эмоциональной насыщенности, созданной автором оригинала, с целью сохранения воздействия на читателя, воспринимающего текст на другом языке.

Учитывая сложность и многоаспектность проблемы реализации прагматического аспекта при переводе художественного текста, в данной статье рассмотрен один из ключевых элементов – сравнения и сравнительные обороты. На примере романа «Дохунда» Садриддина Айни [1; 2] проанализированы основные способы передачи сравнений и сравнительных конструкций на язык перевода, с целью выявления методов сохранения их выразительности, эмоциональной силы и воздействия на читателя в новой лингвокультурной среде. Данный

подход позволит более детально изучить проблему передачи художественной образности и выработать практические рекомендации для переводчиков.

Сравнение в художественной литературе является одним из распространенных стилистических приемов, обеспечивающим большую выразительность мысли и образность текста. Его востребованность обусловлена способностью раскрывать авторскую точку зрения, создавать яркое описание объектов и явлений посредством уподобления, а также формировать оценку персонажей. Использование сравнений придает художественному произведению эффектность, семантическую насыщенность и индивидуальность. Часто именно сравнения становятся ключевым элементом в формировании авторского стиля.

Несомненно, прием сравнения обладает индивидуальной спецификой, характерной для каждого автора. Впервые значимость сравнения была рассмотрена Аристотелем, который утверждал, что понимание сущности материи достигается посредством сравнения, с чем мы согласны. Однако Аристотель определял метафору через сравнение, несмотря на различия в воздействии этих приемов на читателя [3]. А.А. Потебня определяет сравнение как троп, изучает его виды и формы в народной песне, гомеровских поэмах и поэтических произведениях, а также анализирует случаи смешения сравнения с метафорой [18].

В «Словаре лингвистических терминов» сравнение понимается как «равенство-неравенство, большая или меньшая степень качества, находящие выражение как в грамматической категории степеней сравнения прилагательных и наречий, так и в лексике и фразеологии; во-вторых, сравнение представляет собой фигуру речи, состоящую «в уподоблении одного предмета другому, у которого предполагается наличие признака, общего с первым» [4, с. 449-450]; в-третьих, сравнение – стилистический прием, основанный на «образной трансформации грамматически оформленного сопоставления» [20, с. 327].

В справочном источнике Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой сравнение определяется как «троп, состоящий в уподоблении одного предмета другому на основании общего у них признака» [19, с. 337]. С точки зрения О.С. Ахмановой, сравнительные конструкции представляют собой «понятия равенства – неравенства, большей или меньшей степени качества, находящих выражение как в грамматической категории степеней сравнения прилагательных и наречий, так и в лексике и фразеологии» [4, с. 449].

Согласно А.Н. Веселовскому, «сознание человека живет в сфере сближений и параллелей, и значение сравнения в развитии психологического параллелизма видится в том, что с развитием человеческого самосознания идея тождества между ним и природой уступает место идее особенности. Так, по мнению исследователя, уравнения «молния – птица», «человек – дерево» сменялись сравнениями «молния как птица», «человек что дерево» и т.п. Сравнение, таким образом, представляет собой «уже прозаический акт сознания, расчленившего природу». Оно становится формой образности: овладевает запасом сближений и символов, выработанных предыдущей историей параллелизма, и развивается по указанным им стезям» [7, с. 146].

И.Р. Гальперин определяет сущность сравнения как стилистического тропа следующим образом: «Два понятия, обычно относящиеся к разным классам явлений, сравниваются между собой по какой-либо одной из черт, причем это сравнение получает формальное выражение <...> Обязательным условием для стилистического приема сравнения является сходство какой-нибудь одной черты при полном расхождении других черт» [9, с. 167-168].

Согласно М. Фуко, сравнение является «самым универсальным и очевидным из всех существующих стилистических тропов. Однако, несмотря на его универсальность и очевидность, это и самый скрытый элемент, отражающий все богатство содержания текста» [25, с. 66].

В определении И.Б. Голуб выделяется основная цель сравнения, где сравнение – это «сопоставление одного предмета с другим с целью художественного описания первого» [10, с. 150].

На художественную образность сравнения обращает внимание и Д.И. Довнор, который считает, что «сравнение производится по тому признаку, который способен выражать замысел автора художественного произведения, его позицию и мироощущение» [11, с. 53].

Общим во всех этих высказываниях является то, что сравнение — это всегда сопоставление, сравнение одного предмета с другим на основе одного признака, притом, что О.С.Ахманова и И.Р. Гальперин указывают на то, что сравнение имеет обязательное формальное выражение. На художественную образность сравнения, его способность выразительно описать нечто указывает И.Б. Голуб. Она считает, что сравнение способно выразить замысел автора произведения более ярко, а также ученый указывает на сходство сравнения с другими стилистическими тропами, так как сравнение, как она считает, является «простейшей формой образной речи, которая всегда двучленна, т.е. в сравнении называются оба сопоставляемых предмета» [10, с. 151].

Но, несмотря на огромное количество теоретического материала, особенности данного стилистического приема в теории и практике до сих пор изучены не полностью, и связано это «с тем, что сравнение – это сложное и многогранное понятие, всего лишь начальная стадия среди всех средств выразительности языка, из которого образуются другие тропы (например метафора, параллелизм, метонимия, гиперболы и т.д.)» [12, с. 260]. Ю.И. Юдина считает, что «сравнение – это прообраз всех остальных экспрессивных стилистических средств языка. Это образное словесное выражение несет в себе компаративную функцию, на которой основаны и другие стилистические приемы» [26, с. 56]. А.М. Оганьян рассматривает сравнение как «один из стилистических приемов, который играет важную роль в детализации и конкретизации поэтического образа, формирующегося на основе метафорических концептов» [16, с. 9]. П.В. Палиевский усматривал в сравнении элементарную модель художественной мысли, он отмечал, что, «подобно тому, как во внутренней форме слова таятся элементарные признаки сравнения, в сравнении уже видны важнейшие свойства общей художественной стихии – взаимоотражения. Ибо полноправный, «большой» художественный образ – это богатая система взаимоотражений. Предметы в нем освещают друг друга, как хорошо расставленные зеркала» [17, с. 80].

По мнению М.Н. Крыловой, сравнение тесно связано не только с метафорой, но и с гиперболой, литотой (литота, литотес — троп, имеющий значение преуменьшения или нарочитого смягчения) и оксюморном (оксюморон, букв. «остроумная глупость», до кажущейся нелепости заострённое выражение, образное сочетание противоречащих друг другу понятий; остроумное сопоставление противоречивых понятий, парадокс; стилистическая фигура или стилистическая ошибка — сочетание слов с противоположным значением (то есть, сочетание несочетаемого). Как и сравнение, гипербола основывается на отношениях сходства. Она считает, что «различия между гиперболой и сравнением состоят лишь в том, что при гиперболы связи объект значительно превосходит субъект сравнения по степени проявления признака сравнения. Между литотой и сравнением обнаруживается единственное несходство в том, что объект и предмет сравнения не равны друг другу, а объект обладает преуменьшенным признаком, на основе которого строится сравнение. Что касается оксюморона, этот стилистический прием также основывается на сравнении предметов. Характерной чертой оксюморона, отличающей его от сравнения, является сочетание несочетаемых предметов и явлений в рамках сравнительного оборота» [14, с. 36].

Таким образом, сравнение – это элемент мыслительной деятельности людей, без которого «невозможен анализ свойств предмета и определения его места в окружающей

действительности, это один из приемов познания внешнего мира, в результате применения которого возникает новое знание о реалиях» [6, с. 13].

В нашем понимании сравнение – это стилистический прием, который основывается на уподоблении одного предмета другому на основании общего признака.

Другая особенность сравнения заключается в его актуальности – к нему еще со времен Аристотеля питают интерес различные области научного знания, и объясняется это тем, что его изучение имеет три основных подхода: «гносеологический подход; логический; лингвистический» [19, с. 5] и др. О.В. Уарова предлагает три направления исследования сравнения: «риторико-поэтологическое направление; литературоведческое; лингвостилистическое» [23, с. 10]. Б.В.Томашевский высказывает мнение, что «сравнение основывается не столько на сходстве самих предметов, сколько на сходстве авторского отношения к сравниваемым предметам» [22, с. 32]. Д.С.Лихачев считал, что при анализе сравнений «с одной стороны, должны изучаться исторические изменения сравнений по хронологическим периодам развития литературы, с другой – по отдельным жанрам с целью выявления чрезвычайно существенных жанровых отличий сравнений» [15, с. 462].

В литературоведении до сих пор не существует единого мнения в отношении определения статуса сравнения: одни исследователи относят сравнение к тропам, другие считают, что сравнение не является тропом, так как заранее устанавливает границы семантического сближения и не предполагает изменения значения сопоставляемых единиц.

Существуют различные мнения ученых и по поводу видов сравнения, к примеру «Литературная энциклопедия» В.М. Фриче [24] выделяет два самых распространённых вида сравнения: прямое – т.е. выраженное с помощью союзов *как*, *словно* или *будто* (их называют еще сравнительными оборотами); косвенное – выраженное существительным в форме творительного падежа (употребляется без предлога).

Если говорить о функции сравнения в художественном тексте, то следует выделить его стилистические, эвристические, структурно-композиционные, прагматические функции.

По Л.С. Бархударову, прагматические функции сравнения – это «отношение между знаком и человеком (точнее, человеческим коллективом), пользующимся данным знаком», и «с проблемой передачи прагматических значений тесно связан вопрос о передаче при переводе метафорических значений слов. Как известно, эти значения часто возникают в результате метафорического переноса названия с одного предмета на другой, основанного на эмоционально-оценочной характеристике данного слова. Исходным пунктом такого переноса нередко служат эмоционально окрашенные сравнительные обороты, такие как русские хитер как лиса, глуп как осел, труслив как заяц. Такого рода обороты возникают на основе свойственного всем народам приписывания животным (и неодушевленным предметам) человеческих черт и качеств, которые затем как бы «обратно» переносятся на человека. Следует, однако, иметь в виду, что не у всех народов одним и тем же животным приписываются одинаковые качества; в этой связи «внутренняя форма» такого рода сравнений в разных языках может быть различной» [5, с. 105, 120-121].

Гиперболичны сравнения, которые создаются на основе переносного значения. Эти сравнения чаще всего приобретают в тексте эмоциональный характер и способствуют языковой экономии. Благодаря сравнениям описание становится более кратким, выражается несколькими словами, приводит к быстрой смене картинок, как например известное выражение: «*Кафтари дубома машав*» / «*За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь*»; «*Сайди малах кори шохин нест*» / «*Не соколиное дело - охотиться за кузнечиками*».

Как исходит из анализа точек зрения различных ученых, сравнение – это важный материал для постижения механизмов познания мира человеком, в которых «ярко

представлена языковая картина мира, эталоны и стереотипы национальной культуры, мировидение всего языкового коллектива. Под языковой картиной мира понимается совокупность знаний о мире, запечатленных в языковой форме» [16, с. 64], и «в системе разнообразных поэтических средств выразительности сравнение является начальной стадией, откуда в порядке градации и разветвления вытекают почти все остальные тропы — параллелизм, метафора, метонимия, синекдоха, гиперболо, литота и пр.» [13, с. 282].

Отметим, что «национальное своеобразие может проявляться в типичных ассоциациях, связанных с тем или иным образом, т.е. в национальной специфике образной основы» [16, с. 14], и в этом плане особую группу составляют культурно-специфические сравнения, основанные на культурных, исторических и литературных традициях, а также сравнения, заимствованные из мифологии. Л.И. Тимофеев в «Словаре литературоведческих терминов» отличает развёрнутые, отрицательные, описательные сравнения и приходит к мнению, что «в свою очередь, и метафора и метонимия заключают в себе скрытое сравнение» [21, с. 372 – 373].

Интересны для исследователей авторские сравнения, которые часто встречаются в художественной литературе – то, какой смысл, цель вкладывает автор в создаваемые им сравнения. Эти сравнения индивидуальны и не являются общеупотребительными, и, как правило, не воспроизводятся вторично. Такие сравнения ярко отражают собственное видение мира, взгляды и мысли автора произведения. Безусловно, эти сравнения построены на субъективном авторском представлении и ощущениях. Таким образом, сравнения создают особую атмосферу, которая значительно усиливает стилистический эффект текста и придает ему особую выразительность. Безусловно, при переводе индивидуальных авторских образований необходим особый подход.

Вопрос перевода сравнений в художественном тексте – сложная и не до конца изученная область, так как сравнения легко спутать с другими способами создания художественных образов. Художественный текст как отражение особого взгляда на мир полон разнообразных смыслов и структурных элементов. Переводчик должен бережно перенести все тонкости оригинала, разгадать его скрытые послания. Именно от качества перевода зависит то, как читатель воспримет иностранное произведение и культуру, в которой оно возникло.

В процессе межкультурного общения переводчик становится посредником между автором и читателем. Он отвечает за то, чтобы представить иностранного автора своей аудитории, не упустив из виду культурные особенности, личностные черты, уникальный стиль мышления и особенности языка. Переводчику нужны четкие методы, чтобы точно передать индивидуальность авторского стиля.

Хороший перевод невозможен, если не учитывать стилистику оригинала. По мнению В.В. Виноградова, стиль – это осознанный обществом и обусловленный конкретной ситуацией набор приемов использования и сочетания языковых средств, принятых в данном языке. Он отличается от других способов выражать мысли, которые служат другим целям в обществе [8].

В ходе анализа способов перевода сравнительных конструкций в романе Садриддина Айни «Дохунда» особый интерес представляет эпизод, известный под названием «Дарай Нихон» («Скрытое ущелье»). Этот фрагмент, органично вплетённый в повествование, выходит за рамки обычного топографического описания. Он представляет собой поэтическое лирическое путешествие, наполненное эстетикой природного созерцания, философскими размышлениями и яркой образностью. Автор выступает в роли проводника, который шаг за шагом открывает читателю красоту и таинственность скрытого горного ущелья — от едва заметного входа до полноводного потока, бьющего в сердце ущелья.

В анализируемом фрагменте особенно ярко проявляется мастерство Садриддина Айни в использовании сравнительных оборотов, которые служат не только средством

визуализации, но и способом выражения эмоционального отношения автора к описываемой картине. Сравнение выступает здесь как ключевой элемент поэтического синтаксиса, определяющий ритм, интонацию и глубину образа.

Так, например, сравнение: «Балки инҳо чашмаҳоеанд **хурду заиф**, ки **монанди чашмҳои ситамдидагони даври подшоҳӣ** оби худро чакра-чакра мечакконанд, **танҳо фарқ дар ин чост, ки** аз чашми ситамдидагони даври подшоҳӣ **хун** мечаканд, аз инҳо — **об**» позволяет не только передать визуальную характеристику источников («хурду заиф» — маленькие и слабые), но и наполнить описание историко-культурным и эмоциональным подтекстом - образ «**чашмҳои ситамдидагони даври подшоҳӣ**» («**глаза угнетённых времён царизма**») вызывает у читателя сочувствие и ассоциируется со страданием. Контраст между «**хун**» (**кровь**) и «**об**» (**вода**) создает дополнительную метафизическую глубину: природная стихия предстает как очищенная, исцеленная память о боли.

Другой пример: «**Монанди оббурда як шикофе мебарояд**» - воссоздает образ тонкого незаметного отверстия, через которое пробивается источник. Слово «**оббурда**» вызывает ассоциации с чем-то полупрозрачным, текучим и одновременно живым. Сравнение подчеркивает похожесть одного природного явления на другое.

Особую выразительность имеет следующее сравнение: «...**монанди он чӯйчаҳое**, ки дар миёни заминҳои корам кандаанд, аз лой ва гил бино наёфтааст, балки канор ва замини ин чӯйча аз сангпораҳое бино ёфтааст, ки ба сабаби шустушӯи ҳамешагии об **монанди оина шаффоф шудаанд**». Здесь сравнение с «оина» (зеркало) создаёт образ ручья как зеркальной поверхности, отшлифованной водой. Подобное изображение усиливает ощущение чистоты, кристалльности и гармонии, передавая не только физические качества воды и камня, но и эстетическое восприятие ландшафта. Каменные края ручья, ставшие гладкими от постоянного течения воды, сравниваются с зеркальной поверхностью — «**монанди оина шаффоф шудаанд**». Такое сравнение усиливает восприятие ручья не просто как природного элемента, а как объекта, наделённого художественной формой, созданной самой природой. Здесь вода выступает не только как физическая стихия, но и как художник, постоянно работающий над формой, превращая грубую фактуру камня в гладкую, сияющую поверхность.

Дальнейшее повествование насыщено метафорами и лирическим описанием природного ландшафта, который в переводе отражает взаимодействие света и воды: «Днём солнечные лучи, отражаясь от стен ущелья в ручейке, **создают впечатление** искусной каменной кладки», «Ночью же звёзды, мерцающие в «проломе потолка», отражаются в воде, **превращая ручей в сверкающую серебряную цепь, усыпанную драгоценными камнями**». Подобные описания активизируют визуальные образы и демонстрируют кинематографическую точность в передаче природных деталей. Сравнение отражения звёзд с «**электрическими лампочками в люстре**» соединяет природное и культурное, чувственное и рациональное.

В финале эпизода усиливается ощущение пространственного развертывания: «Ручей то исчезает под скалой, то вновь появляется, становясь всё более полноводным, принимая в себя новые родники. По мере продвижения по ущелью небо над головой расширяется, а по бокам начинают появляться деревья». Кульминация описания достигается в следующем образе: «Оглянувшись, путник видит вокруг себя **подобие огромного каменного корабля, по бортам которого словно высечены каюты**. Эти «каюты» — жилища горцев, напоминающие птичьи гнёзда, вылепленные из земли и защищённые каменными глыбами». Сопоставление с «**каменным кораблём**» и «**птичьими гнёздами**» формирует синтез мифопоэтического и этнографического описания, в котором пространство ущелья предстаёт как живое, обжитое, наполненное историей и символикой.

Таким образом, стиль Айни можно охарактеризовать как поэтически образный, насыщенный лирическими интонациями, многочисленными метафорами и сравнениями, через которые он достигает высокой степени эмоциональной выразительности. Частые обращения к читателю («Агар хоҳед..., Гумон накунед, ки...») создают эффект соучастия и вовлечённости, усиливая восприятие описания как эмоционально-психологического путешествия.

С точки зрения перевода, особый интерес представляет анализ переводческих стратегий при передаче подобных сравнений. Основная задача переводчика — сохранить не только семантическое содержание, но и поэтическую функцию сравнения, его стилистическую окраску, интертекстуальные отсылки и эмоциональный фон. Адекватный перевод подобных конструкций требует тонкого лингвокультурного чутья, способного сохранить поэтику оригинала в целевом языке.

Оригинал: «1. ДАРАИ НИХОН

Агар аз Сари Чӯй баромада аз даруни кӯҳсор ба Қӯргонтеппа пинҳонӣ **рафтани шавед**, роҳи **шумо** аз даруни Дараи Нихон меафтад. Дараи Нихон, ба номи дигар «Тангнихон» яке аз дараҳои кӯхистони Ҳисори Шодмон аст. Ин дара, чунон ки аз номаш маълум аст, **аз назарҳо пинҳон буда**, танҳо аз ду тарафаш: тарафи Сари Чӯй ва Боботоғӣ ду тангно намоен мешавад» [1, с. 7].

Данным эпизодом начинается роман «Дохунда» Садриддина Айни – эта экспозиция вводит читателя в географическую и культурную среду, обозначает место действия и создаёт основу для дальнейшего развития сюжета. Описание дороги, ущелья и его особенностей помогает установить атмосферу уединения и загадочности, что важно для понимания последующих событий и настроения романа.

Стиль описания скорее можно охарактеризовать как художественно-публицистический с элементами лирической насыщенности, так как автор акцентирует внимание не только на конкретных деталях ландшафта, но и создает ощущение тайны и красоты природы. Использование точных географических названий (*Сари Чӯй, Қӯргонтеппа, Дараи Нихон, Ҳисори Шодмон, Сари Чӯй, Боботоғӣ*), а также описаний, передающих ощущение уединения (*аз назарҳо пинҳон буда*), свидетельствует о мастерстве писателя в детализации — он умело рисует образ местности, передавая её атмосферу и значимость.

Название «*Дараи Нихон*» полностью соответствует его содержанию, поскольку слово «*Нихон*» означает «*скрытый*» или «*уединённый*», что отражает описание ущелья как места, невидимого издалека и скрытого от посторонних глаз. Оно создает образ уединенного уголка, видимого только с двух сторон, – образ укрепляет метафора «*аз назарҳо пинҳон буда*», передающая идею скрытности и невидимости ущелья. Эпитеты вроде «*тангно намоен мешавад*» подчеркивают ограниченность видимости и природную замкнутость этого места, а название «*Дараи Нихон*» метафорически передает идею тайны и изоляции.

Айни, благодаря метафорам и символам, создал яркий образ загадочного и красивого уголка, наполняя текст глубоким смыслом и атмосферой таинственности, которую в русском переводе переводчик обязан сохранить:

Перевод: «1. ДАРАИ НИХАН

Если вы хотите пройти из Сарыджую в Курган-Тюбе тайными тропами, то вам нужно будет миновать Дараи Нихан – это одно из ущелий в горах Гиссари Шадман; его называют еще и Танг Нихан. Само название говорит о том, что это ущелье издалека незаметно. Его видно лишь с двух горных троп от Сарыджую и Бабатага» [2, с.123].

В данном эпизоде автор передает не только физические характеристики ущелья — его скрытность и узость, — но и символическую функцию как места уединения и тайны, что усиливает образ скрытого, загадочного пути.

Анализ оригинала и перевода выявляет существенные особенности передачи культурного и природного колорита. В переводе такие тонкие нюансы, как «аз назарҳо пинҳон буда», «тангно намоен мешавад», создающие ощущение уединенности, скрытости и природной изолированности ущелья, переданы как «это ущелье издали незаметно», что в целом сохраняет атмосферу скрытости, однако менее точно передает именно ощущение «пинхон» — невидимости издали. Это может изменить восприятие образа, делая его менее ярким и более прагматичным для читателя другой культуры. Перевод также несколько упростил описание — «его называют еще и Танг Нихан», хотя с точки зрения переводов это хорошая практика — добавление объяснений для повышения понятности.

В целом перевод сохраняет функциональную часть оригинала — описание ущелья, скрытого от глаз, — но уступает ему в живости, образности и культурной насыщенности, что характерно для художественного перевода, в котором зачастую приходится жертвовать лексической точностью ради понимания и восприятия целевой аудиторией. Однако важно заметить, что разница между оригиналом и переводом заключается в нюансах передачи смысла и в стилистике. В оригинале предложение «агар аз Сари Чуй баромада аз даруни кӯҳсор ба Қўрғонтеппа пинҳонӣ рафтани шавед» подразумевает, что если человек собирается выйти из Сари Джуя и тайком попасть в Курган-Тюбе, то акцент делается на уединенности и скрытости этого перехода. В русском варианте сказано «тайными тропами», что звучит более обобщенно и романтично, придавая ситуации определенное очарование тайны, но не столь конкретно подчеркивая скрытость самого пути. Можно сказать, что в оригинале более явно акцентируется необходимость избежать посторонних взглядов и подчеркнуть секретность маршрута, а в переводе — создается ощущение приключения на скрытых тропах, что более образно и поэтично.

Далее в описании Дарай Нихан (Ущелье Нихан) автор использует богатый набор сравнений, которые создают яркое и живое описание окружающей природы. Они отличаются богатством образов и глубиной метафорической выразительности; помогают автору создать насыщенную, живописную картину природы, вызывающую сильные эмоции и погружение в волшебную атмосферу описываемого мира. Например, сравнение «... монанди як кӯҳпорае менамояд, ки ба дарунаш шикофе ва сӯрохе надошта бошад» создает представление о массивности и монолитности ущелья, вызывающее ощущение его твердости и загадочности.

Описание «Лекин ин роҳ монанди роҳҳои зеризаминӣ болояш нӯшида набуда, балки сар то сари бомаи монанди дутаҳои иморатоҳи баланд кушода мебошад ва аз он ҷо осмон менамояд» является сравнением со средневековым замком, оно добавляет впечатления о величии и открытости структуры.

Описание «... гӯё аз санг гузаронида софкориаш карда бошанд, монанди алмоспора бегубор менам» является сравнением чистоты, подчеркивающим идеальный блеск и прозрачность.

Метафоры «...об монанди як занҷири симин халқаҳои нафис намоен карда, бо частухези нозукона пасту баланд шуда меравад» вызывают тактильные и сенсорные ощущения гладкости и изящества, словно тонкая цепочка, льющаяся по воде.

Описание звезд как ярких электрических лампочек: «Ҳар кадоми ин ситорагон монанди чирогои электрикӣ» создаёт ощущение технологической яркости и насыщенности.

«Агар шумо пеш нигоҳ карда рафтани гиред, баногоҳ ин оби дурахшон монанди моҳи тобоне, ки дар паси абр медарояд, ба зери санге даромада аз назаратон пинҳон мешавад» вызывает образ таинственного мелькающего месяца, создавая ощущение магии и недоступности. В целом эти сравнения обладают высокой образностью, богатством деталей и помогают читателю ощутить удивительную красоту и таинственность описываемого

мира. Они служат мостиком между реальностью и волшебством, превращая описание в живую, чувственную картину.

Сравнительные обороты представляют собой важный стилистический инструмент в художественном тексте, позволяющий автору не только уточнять признаки предметов и явлений, но и придавать описанию поэтичность, эмоциональность, эстетическую глубину. Несмотря на наличие разнообразных подходов к терминологии обозначения этого языкового явления: устойчивые сравнения, компаративы, а также сравнительные конструкции, — в настоящем исследовании используется термин «сравнительные обороты / конструкции» как более универсальный и отражающий широкий спектр лексико-семантических и синтаксических реализаций.

Примеры, приведённые нами в статье, как нам думается, ярко иллюстрируют функцию сравнительных оборотов как средства поэтизации описания, художественной визуализации текста. Сравнение в данном случае не просто средство сопоставления, а возможность для философского и эстетического осмысления реальности, позволяющая автору создавать глубокие многослойные образы, в которых сочетаются чувственное восприятие, культурная память и природная символика.

Итак, сравнение не просто стилистический приём, а важнейший механизм мышления и художественного выражения. Оно функционирует как средство познания, категоризации и художественного моделирования реальности. Актуальность дальнейшего изучения сравнений объясняется их универсальностью и глубокой связью с природой языка и художественного образа. Как показали примеры из романа «Дохунда» Садриддина Айни, сравнения выполняют важную семантическую и стилистическую функцию, способствуя не только точному описанию, но и созданию художественной образности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Айни С. Дохунда: Роман. /С. Айни. – Сталинобод: Наширётти Давлатии Тоҷикистон, 1960. – Т. 2. – 471 с.
2. Айни С. Дохунда. Роман / Пер. с тадж. О. Эрберга; [Предисл. Л. Климовича] / С. Айни. – Москва: Гослитиздат, 1956. – 404 с.
3. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. — Москва: Мысль, 1983. — 830 с.
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — 2-е изд., стер. — Москва: Советская энциклопедия, 1966. — 607 с.
5. Бархударов Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода): учеб. пособие / Л. С. Бархударов. — Москва: Международные отношения, 1975. — 240 с.
6. Берелехис О. А. Некоторые проблемы описания функционально-семантического поля сравнения / О.А. Берелехис // Актуальные проблемы современного языкознания: материалы науч.-практ. конф. — Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1998. — С. 13–16.
7. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский; вступ. ст. И. К. Горского; коммент. В. В. Мочаловой. — Москва: Высш. шк., 1989. — 404 с.
8. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. — Москва: Изд-во АН СССР, 1963. — 255 с.
9. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. — Москва: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. — 459 с.
10. Голуб И. Б. Стилистика русского языка: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Журналистика» / И. Б. Голуб. — 3-е изд., испр. — Москва: Айрис-Пресс: Рольф, 2001. — 441 с.
11. Довнор Д. И. Современная русская литература / Д. И. Довнор, А. И. Запольский. — Минск: Книжный дом, 2003. — 832 с.

12. Иброхими А. Переводческие стратегии при работе с повестью Л.Н. Толстого «Кавказский пленник» на таджикском языке / А. Иброхими // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: Издательский центр ТНУ. – 2025. - № 1. – С. 257-268.
13. Квятковский А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский; науч. ред. и сост. И. Б. Роднянская. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Изд. центр РГГУ, 2013. — 583 с.
14. Крылова М. Н. Сравнительная конструкция в пространстве современного художественного текста / М.Н. Крылова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2013. — № 222. — С. 34–42.
15. Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы / Д. С. Лихачев. — Санкт-Петербург: Алетейя, 1997. — 508 с.
16. Оганьян А. М. Метафора как основной троп поэтической речи: на материале англоязычной поэзии XX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Моск. пед. гос. ун-т. — Москва, 2006. — 20 с.
17. Палиевский П. В. Внутренняя структура образа // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении: образ, метод, хаактер / П. В. Палиевский. — Москва: Изд-во АН СССР, 1962. — С. 75–94.
18. Потемня А. А. Теоретическая поэтика / А. А. Потемня; сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. Б. Муратов. — Москва: Высш. шк., 1990. — 342 с.
19. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Просвещение, 1976. — 543 с.
20. Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ф.П. Филин. – М.: советская энциклопедия, 1979. – 432 с.
21. Тимофеев Л. И. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. — Москва: Просвещение, 1974. — 509 с.
22. Томашевский Б. В. Краткий курс поэтики / Б. В. Томашевский. — Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1929. — 132 с.
23. Уарова О. В. Дискурсивные стратегии интерпретации стилистического приема сравнения: На материале английской художественной литературы XIX-XX вв.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Моск. гос. лингвист. ун-т. — Москва, 2006. — 22 с.
24. Фриче В. М. Статьи по западноевропейской литературе / В. М. Фриче. — Москва: Изд-во Ком. акад., 1931. — 48 с.
25. Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук / М. Фуко; пер. с фр.; вступ. ст. Н. С. Автономовой. — Санкт-Петербург: А-скад: АОЗТ «Талисман», 1994. — 405 с.
26. Юдина Ю. И. Репрезентация сравнения как модели образной мысли в языке художественной литературы конца XX – начала XXI веков / Ю.И. Юдина // *Lingua mobilis*. — 2010. — № 1(20). — С. 55–61.

REFERENCES:

1. Aini S. *Dokhunda: A Novel*. Vol. 2. — Stalinobod: State Publishing House of Tajikistan, 1960. — 471 pp.
2. Aini, S. *Dokhunda: A Novel* / Translated from Tajik by O. Erberg; [Foreword by L. Klimovich] / Sadridin Aini. — Moscow: Goslitizdat, 1956. — 404 pp.
3. Aristotle. *Works: in 4 volumes*. V. 4 / transl. from ancient Greek; general editor A.I.Dovatura. — Moscow: Mysl, 1983. — 830 pp.
4. Akhmanova O.S. *Dictionary of Linguistical Terms* / O. S. Akhmanova. — the second edition— Moscow: Soviet encyclopedia, 1966. — 607 pp.
5. Barkhudarov, L. S. *Language and Translation: Issues in General and Specific Translation Theory* / L. S. Barkhudarov. — Moscow: International Relations, 1975. — 240 pp.

6. Berekhelis O.A. *Some problems of description of the functional-semantic field of comparison / O.A. Berekhelis Actual problems of the modern linguistics: materials of scientific practical conference.* — Ufa: Publishing house of Bashkir University, 1998. — PP. 13–16.
7. Veselovskiy A.N. *Historical poetics / A. N. Veselovskiy; edited by I. K. Gorskiy; commented by V. V. Mochalova.* — Moscow: Vyshaya school., 1989. — 404 pp.
8. Vinogradov V. V. *Stylistics. The Theory of Poetical Speech. Poetics / V. V. Vinogradov.* — Moscow: Publishing house of AS USSR, 1963. — 255 pp.
9. Galperin I.R. *Thesis on English Stylistic / I. R. Galperin.* — Moscow: Publishing house of literature on foreign languages, 1958. — 459 pp.
10. Golub I.B. *Russian Stylistics: textbook for students studying on specialty «Journalistic» / I. B. Golub.* — the 3rd edition, corrected. — Moscow: Ayris-Press: Rolf, 2001. — 441 pp.
11. Dovernor D. I. *Modern Russian Literature / D. I. Dovernor, A. I. Zapolskiy.* — Minsk: Book house, 2003. — 832 pp.
12. Ibrohimi A. *Translation Strategies for Working with Leo Tolstoy's Novella "The Prisoner of the Caucasus" in the Tajik Language / A. Ibrohimi // Bulletin of Tajik National University. Series of philological sciences.* — Dushanbe: Publishing centre of TNU. — 2025. - № 1. — PP. 257-268.
13. Kwyatkovskiy A. P. *Poetic Dictionary / A. P. Kwyatkovskiy; scientific editor I. B. Rodnyanskaya.* — the 3rd edition, amended and supplemented. — Moscow: Publishing house RSU, 2013. — 583 pp.
14. Krylova M.N. *Comparative Construction in the Space of Modern Literary Text /M.N. Krylova // Bulletin of Kemerov state University of culture and art.* — 2013. — № 222. — PP. 34–42.
15. Likhachev D.S. *Historical Poetics of Russian Literature / D. S. Likhachev.* — Saint-Petersburg: Aleteya, 1997. — 508 pp.
16. Oganyan A.M. *Metaphor as the Main Trope of Poetical Speech: on the materials of English-language poetry of the 20th century abstract. diss. ... candidate of philological sciences: 10.02.04 / MPSU.* — Moscow, 2006. — 20 pp.
17. Palievskiy P.V. *Inner Structure of the Image // Theory of the literature. The main problems in historical coverage: image, method, character / P. V. Palievskiy.* — Moscow: publishing house of AS of USSR, 1962. — PP. 75–94.
18. Potebnya A.A. *Theoretical Poetics / A. A. Potebnya; edited by A. B. Muratov.* — Moscow: Vyshaya school., 1990. — 342 pp.
19. Rosental D.E. *Dictionary and Reference Book of Linguistic Terms: A Handbook for Teachers / D. E. Rosental, M. A. Telenkova.* — the 2nd edition. Amended and supplemented. — Moscow: Prosvesheniye, 1976. — 543 pp.
20. *Russian Language. Encyclopedia / under the editorship of F.P. Philin.* — M.: soviet encyclopedia, 1979. — 432 pp.
21. Timofeev L.I. *Dictionary of Literary Terms / edited by L. I. Timofeev and S.V.Turaev.* — Moscow: Prosvesheniye, 1974. — 509 pp.
22. Tomashevskiy B.V. *Short Course of Poetics / B. V. Tomashevskiy.* — Moscow; Leningrad: State publishing house, 1929. — 132 pp.
23. Uarova O.V. *Discursive Strategies for Interpreting the Stylistic Device of Comparison: Based on English fiction of the 19th-20th centuries.: abstract diss. ... cand.philol.sci. : 10.02.04 / Moscow state linguistic University.* — Moscow, 2006. — 22 pp.
24. Friche V. M. *Articles on Western European Literature / V. M. Friche.* — Moscow: Publishing house of com. acad., 1931. — 48 pp.
25. Fuko M. *Words and subjects: archeology of humanitarian sciences / M. Fuko; transl. from French. Edited by N. S. Autonomova.* — Saint-Petersburg: A-cad: AOZT «Talisman», 1994. — 405 pp.
26. Udina U. I. *Representation of Comparison as a Model of Figurative Thought in the Language of Fiction of the late XXth - early XXI-st centuries / U.I. Udina // Lingua mobilis.* - 2010. - № 1(20). — PP. 55–61.

6.2.14 ЗАБОНҲОИ ТИПОЛОГӢ ВА МУҚОБИЛАВӢ
6.2.14 ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ И КОНТРАСТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА
6.2.14 TYPOLOGICAL AND CONTRASTIVE LINGUISTICS

5.9.8 ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-
СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

5.9.8 ЗАБОНШИНОСИИ НАЗАРИЯВӢ, АМАЛӢ ВА МУҚОИСАВӢ- ҚИЁСӢ
5.9.8 THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

УДК 81`25

DOI 10.24412/3005-849X-2026-2-121-128

**ОСОБЕННОСТИ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЕРЕВОДА
СРАВНЕНИЙ С ТАДЖИКСКОГО
ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ (НА
ОСНОВЕ «ВОСПОМИНАНИЙ»
САДРИДДИНА АЙНИ)**

*Азимова Мавзуна Муйдиновна, преподаватель
кафедры английского языка историко-
филологического факультета ГОУ
«Педагогический колледж ХГУ имени академика
Б. Гафурова» (Худжанд, Таджикистан)*

**ВИЖАГИҲОИ ТАФСИРИ
ТАРҶУМАИ ТАШБЕҲ АЗ ЗАБОНИ
ТОҶИКӢ БА ЗАБОНИ АНГЛИСӢ
(ДАР АСОСИ “ЁДДОШТҲО”-И
САДРИДДИНИ АЙНИ)**

*Азимова Мавзуна Муйдиновна,
муаллимаи кафедраи забони англисии
факултети таъриху филологияи МДТ «Коллеҷи
омӯзгории ДДХ ба номи академик Б. Гафуров»
(Хучанд, Тоҷикистон)*

**FEATURES OF INTERPRETATION
OF TRANSLATION OF SIMILE
FROM THE TAJIK LANGUAGE INTO
ENGLISH (BASED ON THE
"MEMORIES" OF SADRIDDIN AINI)**

*Azimova Mavzuna Muidinovna, lecturer of English
department of the faculty of History and Philology
under the SEI "Pedagogical College of KhSU
named after academician B. Gafurov" (Khujand,
Tajikistan) e-mail: takhmina.s90@mail.ru*

На материале перевода «Воспоминаний» Садрiddина Айни на английский язык анализируется интерпретация переводчиками стилистического приёма сравнения. Отмечается, что книга имеет важное значение для представления миру культуры и традиций таджикского народа. Сравнение как стилистический приём играет немаловажную роль в передаче национально-культурной информации. Рассмотрены и проанализированы способы перевода сравнений. Анализ переводов образных сравнений показал, что процесс происходит в основном за счёт переводческих трансформаций посредством замены и опущения одного из компонентов сравнительных выражений, а также изменений в синтаксисе. Подчёркивается, что переводческая адекватность сохраняется благодаря лексическим и грамматическим трансформациям. Делается вывод, что интерпретация играет важную роль в переводе художественного текста и требует особого внимания при передаче образных средств языка.

Ключевые слова: Садрiddин Айни; «Воспоминания»; интерпретация; стилистический приём сравнения; художественный перевод; переводческая трансформация; замена компонента

Дар асоси маводи тарҷумаи англисии “Ёддоштҳо”-и Садрiddин Айни тафсири санъати ташибеҳ таҳлил шудааст. Қайд карда мешавад, ки китоб барои муаррифии фарҳанг ва анъанаҳои мардуми тоҷик ба ҷаҳон муҳим аст. Ташибеҳ ҳамчун як василаи услубӣ дар интиқоли иттилооти миллӣ ва фарҳангӣ нақши муҳим мебозад. Тарзҳои тарҷумаи ташибеҳ баррасӣ ва таҳлил карда шуданд. Таҳлили тарҷумаҳои ташибеҳ нишон дод, ки тарҷума

асосан тавассути трансформатсияи тарҷумавӣ, ба монанди иваз ё ҳазфи яке аз ҷузъҳои ифодаҳои муқоисавӣ, инчунин тағйирот дар синтаксиси ҷумла ба амал меояд. Таъкид мешавад, ки мувофиқати тарҷума ба воситаи трансформатсияи лексикӣ ва грамматикӣ нигоҳ дошта мешавад. Хулоса карда мешавад, ки тафсир дар тарҷумаи матнҳои адабӣ нақши муҳим дорад ва ҳангоми баёни санъатҳои бадеӣ тавачҷуҳи махсусро талаб мекунад.

Калидвожаҳо: Садриддин Айнӣ; “Ёддоштҳо”; тафсир; ташибеҳ; тарҷумаи бадеӣ; трансформатсияи тарҷумавӣ; ивазкунии ҷузъҳо

Using the English translation of S. Aini's novel "Memories," this article analyzes the interpretation of the stylistic device of simile. It is noted that the novel is important for introducing the culture and traditions of the Tajik people to the world. As a stylistic device, similes play a significant role in conveying expressiveness and conveying national and cultural information. The article examines and analyzes translation methods for the stylistic device of simile. An analysis of translations of figurative simile revealed that translation occurs primarily through translational transformations, such as substitution or omission of one of the components of the comparative expression, as well as changes in sentence syntax. It is emphasized that translation adequacy is preserved thanks to lexical and grammatical transformations. It is concluded that interpretation plays an important role in the translation of literary texts and requires special attention when translating figurative language.

Key-words: Sadriddin Aini; "Memories"; interpretation; comparisons; stylistic device of simile; literary translation; translation transformation; replacement

Самым сложным видом перевода является перевод художественного текста, так как переводчику необходимо учитывать культурный контекст, понимать авторский замысел, стилистику и образность произведения. По этому поводу В.Н. Комиссаров пишет: «Иными словами, художественным переводом именуется вид переводческой деятельности, основная задача которого заключается в порождении на ПЯ речевого произведения, способного оказывать художественно-эстетическое воздействие на ПР» [5, с. 93].

В основе этого процесса лежит переводческая интерпретация, что означает сознательное прочтение текста переводчиком и его творческую перекодировку способами другого языка.

Г.В. Колшанский считает, что «интерпретация отдельных познавательных актов, выраженных в тех или иных языковых структурах, может быть адекватной только при учете всей цепи соответствующих познавательных актов», то есть «знания о действительных ситуациях, приобретенных человеком, как на основе своего индивидуального опыта, так и общественного опыта, закрепленного и переданного в языковых формах (текстах)» [4, с.3].

То есть, мы можем утверждать, что интерпретация – это инструмент, посредством которого происходит транспозиция наших представлений о многоликом и многовариантном мире. Поэтому можно сделать вывод, что процесс интерпретации построен на основе трех действий: получения информации, её переработки и донесения до читателя. То есть перевод является ключевым фактором в межъязыковой коммуникации и в какой-то мере интерпретационным процессом, или перекодировкой с одного языка на другой.

А. Е. Селиванова пишет: «Сознательно или неосознанно переводчик включает распремечивающее понимание оригинала и устанавливает баланс соположения двух языков, культур, онтологий. Переводчик становится не только интерпретатором, но и аналитическим критиком текста» [7, с. 80].

По словам учёного, процесс перевода не просто перекодировка, но это также посредник между переходом текста из одного языка в другой, который передает культурные составляющие и стилистические особенности текста оригинала. К примеру, Т. В. Марченко

исследует прагматический и экспрессивный потенциал словообразовательных моделей в современном английском медийном дискурсе [6].

А. А. Богатырев, касаясь интерпретации художественного текста, предполагает, что «интерпретация текста – это перевод художественного текста с одного языка на другой, который ведет к тому или иному пониманию схем текстообразования, перевыражающих в себе авторскую схему смыслопостроения» [1, с. 14].

Другими словами, перевод художественного текста – это не дословный или буквальный перевод, поскольку переводчику необходимо заново выразить идеи автора, воплощая их средствами другого языка и культуры. Перевод художественного текста представляет собой творческий процесс по интерпретации оригинала, в котором задача переводчика – передать не только форму, но и авторский замысел и смысл текста.

В художественном тексте используется большое количество выразительных средств и стилистических приёмов. Одним из частоиспользуемых в художественных произведениях является стилистический приём сравнения.

По мнению И. Р. Гальперина, вся информация, содержащаяся в ткани художественного текста, может быть содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой [2, с. 113]. Одним из средств создания языковой картины мира является её сравнение с содержательно-концептуальной значимостью, поскольку такая информация позволяет читателю понять отношения между явлениями через различные эмоциональные, экспрессивные и оценочные оттенки [3, с. 75].

Образное сравнение является одним из ключевых приёмов по передаче эмоциональной оценки, авторского замысла, культурных особенностей. Стилистический приём сравнения широко используется в художественной литературе, публицистике и разговорной речи.

Сложную задачу в теории и практике перевода представляет собой перевод образных сравнений, так как в данном процессе необходимо учитывать не только языковые соответствия, но и культурные ассоциации.

Образные сравнения, в свою очередь, делятся на авторские, языковые и индивидуальные, что затрудняет работу переводчиков.

Источником иллюстративного материала для данной статьи послужили примеры из произведения Садриддина Айни «Воспоминания» на таджикском языке и их перевод на английский язык. «Воспоминания» Айни являются одним из главных произведений таджикской литературы XX века, которое рассказывает об исторических, культурных и социальных событиях его эпохи. Поэтому перевод книги имеет большое значение для представления таджикской культуры всему миру. Но, несмотря на всемирную известность «Воспоминаний», на английский язык книга была переведена только один раз. В 1998 книга была переведена на английский язык под названием «The Sands of Oxus» американскими переводчиками Джоном Р. Перри и Рейчел Лейр. Следует отметить, что Джон Р. Перри и Рейчел Лейр перевели только первую часть произведения. Как показывает анализ английского перевода «Воспоминаний», в них упомянуто много реалий, чуждых для людей других национальностей. Поэтому переводчики во многих случаях дают описание таджикских реалий или используют приёмы перевода – калькирование и трансформацию.

Как было отмечено выше, в качестве предмета для анализа был выбран стилистический приём сравнения. Подбор образных сравнений показывает, что в романе они часто используются для представления культурных реалий, а также для характеристики эмоционального состояния человека, передачи чувства гнева, разочарования, для описания внешности и особенностей природы.

Приступим к анализу интерпретации образных сравнений, данных в переводе:

Ман хостам аз ҷой хезам, аммо бобоям бо лаъличае, ки дар дасташ буд, аз сари синаам зер карда маро ба ҷунбидан роҳ надод ва баногоҳ як озори ҷонгудоде дар баданам пайдо шуд, ки нафасам дар дарун афтод ва баъд аз нафасамро рост гирифтани бо панҷаҳои борики нотавонам, ки аз ғазаб **монанди панҷаи хурӯс нештар барин шуда буд...** [8, с. 9]. = Suddenly, strong hands grabbed my legs, forced them apart and pressed them hard against the floor. I tried to stand up, but my grandmother held me by placing my own “drum” against my chest so that I could not move. Then I felt such a **strong as a rooster’s spurs** ... [10, p. 41].

Как показывает анализ контекста, в приведенном фрагменте передаются чувства и состояние главного героя в детстве. Боль, которую ему нанесли во время традиционного мероприятия, была невыносимой. Автор сравнивает страдания героя с ударом петушиными шпорами. Образное выражение «**монанди панҷаи хурӯс нештар барин**» является авторским, поэтому при его переводе авторы воспользовались приёмом кальки: «**a strong as a rooster’s spurs**», так как в тексте перевода переданы все компоненты текста оригинала. Сравнение в данном случае демонстрирует признаки-ощущения: резкие, острые, жёсткие. Микроконтекст показывает, что использование образного сравнения усиливает эмоционально-телесное восприятие, повышает экспрессивность повествования, а приём калькирования передаёт образность микроконтекста.

Обратимся к примеру, где сравниваются два объекта: Ба ман **аз бачагон дида баррагон ва бузғолагони навзод хунармандтар** намуданд: инҳо рӯи рег **оромтар** ва **осонтар** медаванд. **Бузғолагон ҳам монанди бачагон** ба ҳам шох ба шох монда ҷангбозӣ мекарданд, яке мегурехт, дигаре пеш мекард [9, с. 33].

The boys were less adroit, it seemed to me, than their lambs and kids, which skipped across the sand with confidence and ease. **The young goats** butted and wrestled, chased and caught each other, just **like the boys**, while the lambs that had wandered off to graze far from their mothers would run bleating after the flock – and none of them ever stumbled [10, p. 51].

В рассматриваемом примере объектами сравнения являются дети и козлята. Такое сравнение подчёркивает положительную атмосферу игривости и энергии: козлята ассоциируются с беззаботным детством, подвижностью и весельем. Целью образного сравнения в данном примере является стремление наглядно и понятно передать радость и беззаботность. Животным приписываются черты человеческого поведения, что сближает мир природы и мир людей. Следует отметить, что в данном микроконтексте автор использует сравнение дважды. В первом случае оно выражается с помощью категории сравнения в таджикском языке: “**аз бачагон дида баррагон ва бузғолагони навзод хунармандтар намуданд**”. При переводе данного предложения на английский язык переводчики воспользовались приёмом трансформации. Трансформация происходит на уровне грамматики и структуры предложения. Переводчики делают акцент на неуверенности и неумении мальчиков, в то время как в тексте оригинала автор подчёркивает умения и способности животных: The boys were less adroit. Также не менее важно отметить, что опускаются показатели сравнения: прилагательные в сравнительной степени «**оромтар**» и «**осонтар**» - их переводчики интерпретируют на английский язык прилагательными «**confidence**» и «**ease**». Во втором предложении образное сравнение также передаётся, хотя компоненты выражения синтаксически дистанцированы.

Анализ материалов нашей картотеки показывает, что автор произведения в двух случаях использует сравнение для описания местности:

Ман аз ҷой хеста берун баромадам, ҳаво соф ва ором буд, боди сабуке мевазид, аммо рӯи ҳавлӣ ва замини рӯидарича ба регзоре монанд гашта буд, дар реги рӯи ҳавлӣ ва замин боғча кафш то пошнааш меғӯтид, шукуфаҳои дарахтони зардолу **монанди мурдаҳои занбӯрҳои**

асал ба назар менамуданд, сабза ва майсаҳо бошад, дар зери рег тамоман нопадид гардида буданд, боғчае ки дирӯз бо шукуфа ва сабзаҳои навхези худ шодӣ бар шодии кас меафзуд, имрӯз **монанди хонаи мотамзадагон андӯховар ва ғамангез** гардида буд [9, с. 36].

I got up and went outside. The weather was calm and clear, with a light breeze, but the walls of the house and the yard had come to resemble a sandbank. Sand lay ankle-deep in the forecourt, the apricot blossoms looked **like dead bees**, all trace of grass and leaves was lost to view beneath the sand. The garden which yesterday had gladdened the heart with its fresh shoots and blossoms was today **sad and listless, like that of a house in mourning**. I washed my hands and face and came back inside, and sat down next to my father. We drank tea with fresh cream together. My elder brother went to his corner to continue his homework [10, p.53].

В рассматриваемом примере автор сравнивает погибший цвет на деревьях с мёртвыми пчёлами. В структурном плане переводчики используют приём калькирования, так как образное сравнение является авторским, и в переводе передаются все компоненты образного сравнения, а также его экспрессивность. Сравнение погибших цветов на деревьях с мёртвыми пчёлами демонстрирует их неподвижность и безжизненность. Традиционно цветы символизируют жизнь, весну, но такое сравнение разрушает привычный образ.

Следующее сравнение также связано с темой сада. В данном примере сад уподобляется дому, в котором объявлен траур. Сад воспринимается как нечто «живое», которое способно переживать скорбь, а также через него формируется образ тишины.

Переводчикам удалось полностью передать образность рассматриваемой сравнительной конструкции, а также перевести все лексемы, которые эксплицируют качества «грустный» и «вялый».

Проанализировав образные сравнительные выражения, мы можем сделать вывод, что оба сравнения находятся в одном семантическом поле – передают боль, утрату. Сравнение неодоушевлённого явления с живым раскрывает глубинный смысл микроконтекста.

Аналогичную позицию автора можно наблюдать в следующем примере:

Ятим, ки ин ҳолро дида чашмонаш сиёҳ рафта сараш гаштан гирифтааст, **гӯё осмон ба сари ӯ фурӯ омада монанди санги осӣ гардида танаширо гандумвор орд мекарда бошад**, тамоми баданаш ба ларзиш даромадааст [9, с. 48]. =When the orphan saw this, all grew before his eyes, and his whole body trembled; he felt **as if the sky had fallen on him like a millstone, grinding him into flour** [10, p. 64].

Как и в других примерах, для описания состояния главного героя автор использовал здесь два образных сравнения. Первое сравнение: «**гӯё осмон ба сари ӯ фурӯ омад**» - полностью передаётся переводчиками: «**as if the sky had fallen on him**». При переводе второго образного сравнения: «**монанди санги осӣ гардида танаширо гандумвор орд мекарда бошад**» переводчики пропускают компонент «гандумвор»: «**like a millstone, grinding him into flour**». Однако опущение одного из компонентов сравнительного выражения не искажает его смысла и образности. Сравнение боли, испытываемой человеком, с небом демонстрирует её масштабность, а жернов указывает на неумолимую силу. Переводчики не только передают смысл контекста, но и эстетично воспроизводят беспомощность и внутреннюю боль героя.

При переводе следующего контекста переводчики выбрали иной подход к его интерпретации:

Падарам бо шунидани ин сухани тағоиям аз шодӣ **гӯё қад – қад мепарид** ва ба назарам чунон менамуд, ки дар ҷои нишастагиаш **гӯё қадаш ба тарафи осмон баланд шуда рафта истодааст** ва гарданаширо рост карда сари синаширо ба тарафи пеш мебаровард [9, с.79]. =

On hearing this news from my uncle, Father **seemed to shoot up** from where he sat until he was ten feet tall, his head led sky-high and his chest thrown forward [10, p. 92].

В оригинале автор использовал узуальное (языковое) сравнение «**гӯё қад – қад паридан**». При переводе на английский язык оно передаётся фразовым глаголом **to shoot up**, а союз «**гӯё**» переводится с помощью глагола **to seem**. При переводе второго образного выражение происходит лексическая трансформация. В оригинале книги используется слово «**қад**», а в переводе - слово «голова», также образное выражение переводится дословным приёмом: **his head led sky-high**. Как следствие, в переводе передаётся смысл, но теряется образность.

В тексте оригинала сравнивается не только эмоциональное состояние героев, но и их внешность:

Ман ба фикри он ки “ӯ фаҳмид ё не” бори якум ба рӯи вай бо диққат нигоҳ кардам. Рӯи ӯ аз рӯи Ҳабиба бисёр фарқ дошт: агар рӯи Ҳабиба ба гули гулобӣ **монанд** бошад, рӯи ӯ **монанди** гули сафед намуд. Ба ман бошад гули сафед он қадар мақбул набуд [9, с.93]. = Wondering whether she believed me or not, I looked closely at her face for the first time. It was entirely different from Habiba’s face: if Habiba’s complexion resembled a pink rose, that of **Qutbiya was like a white one**. I did not care for white roses as much as pink ones [10, p.103].

Автор произведения сравнивает красоту двух девушек с цветами. Красота одной из девушек уподобляется розовой розе, а второй девушки - белой розе. Также посредством сравнения с цветком автор подчёркивает, которая из девушек ему нравится. Анализируя перевод авторского сравнения, можно сказать, что в данном случае происходит трансформация на уровне синтаксиса предложения. Когда в тексте оригинала автор использует одно простое предложение и даёт информацию, что ему не нравится белая роза, то при переводе переводчики уточняют, что герою романа белая роза не нравится так, как розовая. По нашему мнению, такое уточнение придаёт тексту перевода образность и выразительность.

Если в переводе этого образного сравнения переводчики прибегли к приёму добавления, то при переводе следующего образного сравнения они решили опустить один из компонентов сравнительного выражения:

Дар ёбон **одамон монанди мӯру малах** дар ҳаракат буданд: дар тарафҳои шимоли шаркии боғҳои ангур ва заминҳои кишти худ шох мебастанд, тоқхоеро, ки баъд аз кушодан дубора дар зерӣ рег монда буданд, дубора мекушоданд... [9, с.37]. = All over the plain **people were working like ants**: in the fields and vineyards to the northeast they were tying up broken branches, digging out newly –sprung vines they had buried beneath the sand... [10, p. 54].

В приведённом примере люди сравниваются с саранчой и муравьями. Такое сопоставление указывает на сплочённость и организованность. Как показывает перевод данного примера, переводчики не сохранили в переводе слова «малах» (саранча). Компонент образного сравнения «саранча» ассоциируется с разрушением, в то время как муравьи характеризуются с положительным оттенком и ассоциируются с трудолюбием. Мы предполагаем, что переводчики хотели подчеркнуть созидательный труд, так как образное сравнение подчёркивает труд людей. Таким образом, трансформация в виде опущения одного из компонентов образного сравнения не повлияло на образность и выразительность перевода фрагмента на английский язык.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что образные сравнения выполняют не только описательную, но и оценочно-эмоциональную функцию, раскрывая традиции, мировоззрение, особенности трудовой жизни таджиков. Анализ переводческих решений показывает, что сохранение буквального образа не всегда обеспечивает адекватность передачи смысла. Переводчики прибегают к трансформациям, как лексическим, так и

грамматическим, к замене или частичному опущению компонентов образного сравнения, чтобы передать образность и сохранить воздействие книги на читателя. Приём опущения особенно заметен при переводе зооморфных сравнений. Следовательно, особенность интерпретации образных сравнений при переводе заключается в передаче художественной выразительности и культурной специфики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Богатырев А. А. *Герменевтическое понятие о плотности смыслообразования как риторический параметр текста* / А. А. Богатырев // *Богинские чтения. Материалы VIII Тверской герменевтической конференции.* – Тверь: ТвГУ, 2003. – С. 13–15.
2. Гальперин И. Р. *Текст как объект лингвистического исследования* / И. Р. Гальперин. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 144 с.
3. Ковалева Г. *Мировоззренческие доминанты украинцев в компаративных моделях: семантика и прагматика сравнения. Украинский мир в научных парадигмах: сборник научных трудов Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды* / Г. Ковалева. – Харьков: ХИФТ, 2014. – Вып. 1. – С. 74–80.
4. Колишанский Г. В. *Объективная картина мира в познании и языке* / Г. В. Колишанский. – Москва: КомКнига, 2006. – 128 с.
5. Комиссаров В.Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для ин-тов и фак. иностр. яз.* – Москва: Высш. шк., 1990. – 253 с.
6. Марченко Т. В. *Прагматический и экспрессивный потенциал словообразовательных моделей в современном английском медийном дискурсе (на английском языке)* / Т. В. Марченко // *Медиа и межкультурная коммуникация в европейском контексте: материалы Международной научно-практической конференции (15–18 октября 2014 г.).* – Ставрополь: СКФУ, 2014. – С. 242–244.
7. Селиванова Е. А. *Модель перевода в парадигмальном пространстве современной лингвистики* / Е. А. Селиванова // *Культура народов Причерноморья.* – 2003. - № 37. – С. 79–82.
8. Скребнев Ю. М. *Основы стилистики английского языка* / Ю. М. Скребнев. - Москва: АСТ: Астрель, 2002. – 221 с.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ:

9. Айни С. *Ёддоштхо. Наириёти Давлатии Тоҷикистон. Қисми I. Сталинобод.* – 1954 с. – 190 с.
10. Aini S. *The Sands of Oxus. Translated from Tajik Persian with an introduction and notes by John R. Perry and Rachel Lehr. Mazda Publishers.* – 1998. – 164 p.

REFERENCES:

1. Bogatyrev A. A. *The Hermeneutic Concept of the Density of Meaning-Formation as a Rhetorical parameter of the text* // *Boginsky readings. Proceedings of the VIII Tver Hermeneutic Conference.* Tver: Tver State University, 2003. PP. 13–15.
2. Galperin I. R. *Text as an Object of Linguistic Research.* Moscow: Editorial URSSR, 2004. 144 pp.
3. Kovaleva G. *Ideological Dominants of Ukrainians in Comparative Models: Semantics and Pragmatics of Comparison. The Ukrainian World in Scientific Paradigms: a Collection of Scientific Papers of the Kharkiv National Pedagogical University named after G. S. Skovoroda.* Kharkiv: KHIFT, 2014. Issue 1, PP. 74–80.
4. Kolshansky G. V. *An Objective Picture of the World in Cognition and Language.* Moscow: KomKniga, 2006. – 128 pp.
5. Komissarov V.N. *Translation Theory (linguistic aspects): Textbook. for Institutes and Faculties of Foreign Languages.* - Moscow: Higher. School, 1990. - 253 pp.

6. Marchenko T.V. *Pragmatic and Expressive Potential of Word-Formation Models in Modern English Media Discourse (in English) // Media and intercultural communication in the European context: Materials of the International scientific and practical conference (October 15-18, 2014). Stavropol: North Caucasus Federal University, 2014. PP. 242-244.*
7. Selivanova E.A. *Translation Model in the Paradigmatic Space of Modern Linguistics // The Culture of the Peoples of the Black Sea Region. 2003. No. 37. PP. 79–82.*
8. Skrebnev Y. M. *Fundamentals of Stylistics of the English Language. M.: AST: Astrel, 2002. - 221 pp.*

REFERENCE OF FICTION LITERATURE:

9. Aini S. *Memories. State Publishing House of Tajikistan. Part I. Stalinabad. – 1954c.- 190 pp.*
10. Aini S. *The Sands of Oxus. Translated from Tajik Persian with an Introduction and notes by John R. Perry and Rachel Lehr. Mazda Publishers. – 1998. – 164 pp.*

**РОҶЕЪ БА МУНОСИБАТҲОИ
КАТЕГОРИЯСОЗ ДАР ИСМҲОИ
ЗАБОНҲОИ АНГЛИСӢ ВА
ТОҶИКӢ**

**О КАТЕГОРИАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЯХ В
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
АНГЛИЙСКОГО И
ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ**

**ON CATEGORIAL
RELATIONS IN NOUNS OF
THE ENGLISH AND TAJIK
LANGUAGES**

Гиёсова Сурайё Гайбуллоевна, доктори фалсафа (PhD), дотсенти кафедраи тарҷума ва грамматикаи забони англисии МДТ “ДДХ ба номи академик Б. Фафуров” (Хучанд, Тоҷикистон)

Гиёсова Сурайё Гайбуллоевна, доктор философии (Phd) по специальности, доцент кафедры перевода и грамматики английского языка ГОУ “ХГУ имени академика Б. Гафурова” (Худжанд, Таджикистан)

Ghiyosova Suraiyo Ghaybulloevna, doctor of philosophy (Phd) in Philology, associate professor of the translation and English Grammar department under the SEI “KhSU named after academician B. Gafurov (Khujand, Tajikistan) e-mail: giesova 82@mail.ru

Муносибатҳои категориясози исмҳои забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ мавриди омӯзиши қарор дода шудааст. Қайд карда мешавад, ки исми забони англисӣ дорои се муносибати категориясоз мебошад: категорияи падеж, ки ба рои ифодаи муносибатҳои наҳви онҳо бо дигар калимаҳои таркиби гуфтор ё тамоми гуфтор ба кор меравад; категорияи муайянию номуайяни, ки муносибати субъективонаи мусоҳибонро нисбати предмет ё предметҳое, ки дар гуфтор зикр мегарданд, ифода мекунад; категорияи шумора, ки маҷмӯи шаклҳои ба ҳам зидро дар бар мегирад, ки як ё зиёда аз як предметро дар назар дорад. Исми забони тоҷикӣ бошад, соҳиби ду муносибати категориясоз аст: категорияҳои шумора ва муайяниву номуайяни. Категорияи муайяниву номуайяни маънои грамматикӣ ва шакли махсуси сарфӣ, дошта аз дигар категорияҳои исм фарқ мекунад. Категорияи шумора яклухтӣ ё ҷудопазирии предметҳои номбаршавандаро ифода намуда, шаклҳои танҳову ҷамъи исм ифодаи грамматикӣ ин категория мебошанд.

Калидвожаҳо: исм; муносибатҳои категориясоз; категорияи падеж; категорияи муайянию номуайяни; категорияи шумора; морфема; артикл; шумораи танҳо; шумораи ҷамъ

Проанализированы категориальные отношения имен существительных в английском и таджикском языках. Отмечается, что английские существительные имеют три категориальных отношения: категорию падежа, которая служит для выражения синтаксических отношений с другими словами в высказывании или со всей речью; категорию определенности и неопределенности, которая выражает субъективное отношение собеседников к предмету или предметам, упоминаемым в высказывании; категорию числа, которая представляет собой совокупность противоположных форм, подразумевающих один или более одного предмета. Таджикские существительные имеют два категориальных отношения: категории числа и определенности и неопределенности. Категория определенности и неопределенности имеет грамматическое значение и особую морфологическую форму, которая отличается от других существительных по значению и форме. Категория числа выражает единство или раздельность называемых предметов, а формы единственного и множественного числа существительных являются грамматическими выражениями этой категории.

Ключевые слова: существительное; категориальные отношения; категория надежда; категория определённости и неопределённости; категория числа; морфема; артикль; единственное число; множественное число

This article examines the category relations of nouns in the English and Tajik languages. It is noted that English nouns have three category relations: the category of case, which serves to express their syntactic relations with other words in an utterance or with the entire speech; the category of definiteness and indefiniteness, which expresses the subjective attitude of interlocutors to the object or objects mentioned in the utterance; the category of number, which is a set of opposite forms implying one or more than one object. Tajik nouns have two categorical relations: the categories of number and definiteness and indefiniteness. The category of definiteness and indefiniteness has a grammatical meaning and a special morphological form, which differs from other nouns in meaning and form. The category of number expresses the unity or separateness of the named objects, and the singular and plural forms of nouns are grammatical expressions of this category.

Key-words: noun; category relations; category of case; category of definiteness and indefiniteness; category of number; morpheme; article; singular form; plural form

Мафхуми “муносибатҳои категориясоз” дар грамматика мавқеи хосаро ишғол менамояд. Дар ҳолати аз назар дур мондани ин муносибат гуфтор ба маҷмуи бетартиби калимаҳо табдил меёбад. Бинобар ин, метавон ба хулосае омад, ки роҳу воситаҳои созмони ҷумла дар як вақт воситаи дарки мазмуни ифодашуда ба ҳисоб меравад. Аз ин хотир, дар грамматика мавқеи ифода ва мазмун баробаранд.

Як қатор ҳиссаҳои нутқ, аз ҷумла, исм, сифат, ҷонишин, феъл ва қисман зарф дар забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ дорои баъзе муносибатҳои категориясози грамматикӣ мебошанд. Дар исми забони англисӣ муносибати категориясози шумора, муайянию номуайяний ва падеж ба назар мерасад. Сифат дорои муносибати категориясози дараҷаи аломат мебошад. Ин муносибат ба баъзе намудҳои зарф ҳам мансуб аст. Дар забони англисӣ баъзе ҷонишинҳо муносибатҳои падеж, шумора ва шахсро доранд.

Мақсади таҳқиқот таҳлили ҳамачонибаи муносибатҳои гуногуни грамматикӣ дар категорияҳои падеж, шумора ва муайянию номуайянии исмҳои забонҳои мавриди қиёс мебошад.

Баҳри расидан ба мақсади гузошташуда дар мақола усулҳои тасвир, муқоиса ва муқоисавӣ-таърихӣ истифода шудаанд.

Категорияҳои грамматикӣ ҳиссаҳои нутқи забони тоҷикӣ дар ҳар даври марҳилаҳои инкишоф дорои хусусиятҳои хосе буда, пас аз давраи қадими инкишоф забони форсии тоҷикӣ аз категорияҳои ҳолат ва ҷинсиати грамматикӣ маҳрум гардидааст, ҳол он ки то ибтидои давраи миёнаи инкишоф забони тоҷикӣ дорои категорияҳои ҳолат, ҷинсиат ва шумораи ҷуфт буд [11, с.13].

Дар низоми ҳиссаҳои нутқи забони тоҷикӣ исм калонтарин ҳиссаи нутқ ба ҳисоб рафта, тафовути он аз дигар ҳиссаҳои номӣ дар он аст, ки он дорои категорияҳои хоси лексикӣ-грамматикӣ мебошад [4, с.10]. Аз рӯи хусусиятҳои морфологӣ ва вазифаи синтаксисӣ исм категорияҳои шумора ва номуайяний (ягонагӣ ва ишоратӣ) дорад. Категорияи муайяниву номуайяний дорои маънои грамматикӣ ва шакли махсуси морфологӣ аст, ки бо маънову шакл аз дигар исмҳо фарқ мекунад.

Категорияҳои падеж, шумора ва муайянию номуайянии исми забони англисӣ муносибатҳои гуногуни грамматикиро ифода мекунад. Оғоз мекунем аз категорияи падеж.

Падеж яке аз категорияҳои грамматикӣ исм буда, барои ифодаи муносибатҳои нахвӣ он бо дигар вожаҳои таркиби гуфтор ё тамоми гуфтор мавриди истифода қарор мегирад [8,

с.73]. Нишондиҳандаи падежи соҳибӣ апострофи «-'s» маҳсуб ёфта, ба падежи умумӣ, ки дорои морфемаи сифрӣ мебошад, муқобил гузошта мешавад.

Дар забони англисӣ мавҷудияти ду падеж эътироф карда мешавад: *common case* (падежи умумӣ) ва *possessive case* (падежи соҳибӣ).

Мувофиқи ақидаи забоншинос Усмонов К.У. падежи соҳибӣ бо исмҳои ҷондор ва як қатор исмҳои, ки фосилаи вақт (*an hour's walk*), масофа, вазн, нарх (*a mile's distance*, *5 shilling's worth*), муносибати кулл ба ҷузъ (*the church's roof*) ва маҷмуи гурӯҳи ҷамъиятии одамон (*the company's task*, *the government's resistance*) ва ғайраро шарҳ медиҳанд, мавриди амал қарор мегирад [8, с.76].

Падежҳои умумӣ ва соҳибӣ аз рӯи маънои грамматикӣ худ тафовути калон доранд, зеро падежи умумӣ маънои дақиқ надорад ва маънои онро ба таври умумӣ маънои ғайресоҳибӣ гуфтан қобили қайд аст. Падежи соҳибӣ бошад, дорои чанд маъно буда он дар натиҷаи таъсири тарафҳо ва маънои лексикӣ ҳам муайянкунанда ва ҳам муайяншаванда ба вучуд меояд. И.В. Тропинова байни қисматҳои чунин қолабҳо муносибати локативиро дарёфт менамояд [7, с.109].

Профессор Смирнитский А.И. дар асари худ қайд менамояд, ки ҳама гуна исм дар падежи соҳибӣ истифода шуда метавонад [6, с.135]. Бар хилофи ин, муҳаққиқ Сангинова Ш. апостроф “-'s”-и забони англисӣ нишондиҳандаи категорияи соҳибият наметиндорад, зеро ба андешаи ӯ, агар дар забони англисӣ категорияи морфологияи соҳибият мавҷуд мебуд, морфемаи “-'s” бо ҳамаи гурӯҳҳои исм ба қор мерафт. Гузашта аз ин, морфемаи зикршударо зарфҳои мисли *today* дар ибораҳои навъи *today's newspaper* ва *else* дар ибораҳои навъи *somebody else's duty* қасб намекарданд. Аз ин ҷиҳат, муҳаққиқ морфемаи «-'s»-ро чун аломат ё чун ҷузъи наҳвие, ки тааллуқ доштани як предметро ба предмети дигар ифода карда, барои муайян кардани алоқаи байни калимаҳо дар таркиби ҷумла хизмат мекунад, таҳлил менамояд [5, с.63].

Лозим ба зикр аст, ки дар чунин таркибҳои забони англисӣ ҷузъи аввал субъекти соҳибиятро ифода карда, апостроф “-'s” ба маънои соҳибият далолат мекунад. Ҷузъи баъдинаи ин таркибҳо ба объекти соҳибият ишора менамояд. Ҳодисаи зикршуда собит мекунад, ки соҳибият муносибати ду предмети олами моддиро акс месозад. Ин муносибат дорои хусусияти якҷониба ё дучониба буда метавонад. Масалан, дар иборати “*father's health*” – “саломатии падар” муносибати байни предмет ва сифате ифода карда шудааст, ки аз соҳибмулк (падар) ҷудонашаванда аст, зеро саломатӣ ҷузъи таркибии шахсият маҳсуб меёбад.

Қолабҳои ифодакунандаи падежи соҳибӣ метавонанд муносибати соҳибмулкро нисбат ба қудрати рӯҳии ӯ ифода кунанд. Мисол: тафаккури духтар – *the girl's mind*, саволи кӯдак – *child's question*.

Байни посессор (соҳибмулк) ва предмет метавонад муносибати қисмӣ ва яклухт ҷой дошта бошад. Мисол:

Дили шоир- *the poet's heart*, танаи дарахт – *the trunk of the tree*.

Дар иборати «*the child's punishment* – танбеҳи кӯдак» муносибати объективӣ мавҷуд мебошад, зеро *smb. punished the child* – қасе кӯдакро танбеҳ додааст. Баръакс, дар мисоли «баргашти хоҳар - *the sister's arrival*» муносибати субъективӣ ба назар мерасад, яъне хоҳар баргаштааст- *the sister arrived*.

Бояд қайд, ки дар забони англисӣ инунин ҳодисаҳои низ ба ҷашм мерасанд, ки дар он ҳар дуи исми пасиҳамомада апостроф “-'s” қабул мекунанд. Дар ин ҳолат субъекти соҳибият ҳамчун объекти он барои дигар субъект баромад мекунад, яъне занҷири паиҳамии соҳибият сурат мегирад. Мисол:

1. ...he could tell of that boy's father's death [15, p.46] - *Ў метавонист дар хусуси марги падари он бача маълумот диҳад*

2. We arrived at boy's mother's place [17, p.21]. - *Мо ба манзили модари писарак расидем.*

Дар сохти чунин ибораҳо исми якум соҳибияти предмети дуҷумро ифода мекунад ва дар навбати худ посессори предмети пас аз он омадаро зоҳир мегардад.

Агар дар забони англисӣ дар сохти ибораҳои ифодакунандаи соҳибият (посессивият) се исм иштирок кунад, дар забони тоҷикӣ шумораи чунин исмҳо метавонад панҷ-шаш ё зиёда аз он бошад [5, с.74]. Масалан: Меваҳои ширини шаҳри Хучанди бостонии мо ба дигар давлатҳо фиростода мешаванд.

Тарҷумаи созмонҳои посессивии бисёрҷузъаи забони англисиро ба забони тоҷикӣ бояд аз ҷузъи охири он оғоз кард:

Kate's aunt's house – хонаи холаи Кейт.

Дар ин таркибҳои англисӣ ва муодилҳои тоҷикии онҳо яқинан мафҳуми соҳибият ифода гаштааст.

Дар забони англисӣ ҳолати дар як вазифа чида омадани ду исм дар ҷумла ба назар мерасад. Дар ин ҳолат, ҳар ду аъзо метавонад апостроф “-’s” қабул кунад ё апостроф “-’s” ба исми дуҷум ҳамроҳ карда мешавад. Мисол:

1.....He went straight up to his mother's and father's bedroom [16, p.56]. - *Ў рост ба ҳуҷраи хоби модар ва падараш баромад.*

2. I sit here in my room in Rose's and Lawford's house [15, p.67]. - *Ман дар ин ҷо дар як ҳуҷраи хурд, дар ҳавли Роуз ва Лофорд сукунат дорам.*

Дар умум, падежи соҳибӣ маъноҳои зиёди грамматикиро касб намуда дар ибора ва ҷумла хувайдо мегардад. Вазифаи апостроф «-’s» дар шакли падежи зикршуда забоншиносонро ба ақидаҳои гуногун овардааст, зеро апостроф «-’s» на танҳо ду исмро ба ҳам мепайвандад, балки он танҳо бо як исм низ ба қор меравад. Масалан, *I went to the baker's*. Дар мисоли мазкур пас аз апостроф «-’s» исми муайяншаванда ҳузур надорад. Аз рӯи андешаи Б.А. Илйиш дар ин гуна ҳолат морфемаи «-’s» вазифаи пасванди калимасозро адо мекунад [12, с.46-47]. Дигар англисшиносон дар чунин ҳолат аз ҳазф шудани ҷузъи дуҷум, ки он дар назар дошта мешавад, ҳарф мезананд, яъне ба ақидаи онҳо дар ҷумлаи *I went to the baker's* калимаи shop ҳазф шудааст, яъне ҳодисаи эллипсис ба амал омадааст, ки ин масъала ҳанӯз мавриди баҳс қарор дорад.

Ҳамин тавр, доир ба апостроф «-’s»-и забони англисӣ забоншиносон фикру ақидаҳои гуногун баён кардаанд. Аксарияти онҳо апостроф «-’s»-ро нишондиҳандаи падежи соҳибӣ ё номӣ шуморида, баъзеи олимони унсури пайваस्तкунандаи синтаксисӣ будани онро эътироф менамоянд. Дар забони англисӣ асосан истифодаи ду шакли падежӣ пазируфта шуда дар натиҷаи муқобилгузори морфемаҳои сифрӣ Ø ва «-’s» ба вучуд меоянд. Аз лиҳози маъно шакли падежи соҳибӣ басо мухталиф аст ва, ҳатто, баъзан морфемаи «-’s» аз доираи грамматика баромада, хусусияти калимасозӣ пайдо мекунад.

Категорияи муайянию номуайянӣ ба қатори категорияҳои коммуникативию грамматикӣ дохил мешавад. Хосияти коммуникативӣ доштани ин категория аз он бармеояд, ки он берун аз гуфтор вучуд надорад. Моҳияти он маҳз дар муошират аён мегардад. Он муносибати субъективонаи мусоҳибонро нисбати предмет ё предметҳое, ки дар гуфтор зикр мегарданд, ифода мекунад [8, с.210]. Ин муносибат чор хел мешавад:

1) предмете (предметҳое), ки зикр мешавад, ба мусоҳибон шинос нест. Дар ин вақт исми номуайян мебошад;

2) предмети зикршаванда ба ғоянда шинос аст, вале ба шунаванда маълум нест. Дар ин ҳолат исме, ки чунин предметро номбар мекунад, номуайян маҳсуб мешавад;

3) предмети ба нутқ воридшаванда ба мусоҳиб шинос аст, вале гўянда аз он воқиф нест. Дар ин вазъият низ исм номуайян аст;

4) предмети гуфтор ҳам ба гўянда ва ҳам ба шунаванда шинос аст [8, с.166].

Вазифаҳои гуногуни артиклиҳо аз ҷониби намоёндагони грамматикаи илмии классикии англис мавриди баҳсҳои зиёд гаштаанд. Артикли номуайяни ҳамеша ягонагиро дар назар дошта, ду вазифаи ҷудокуниро ба иҷро мерасонад, ки инҳо- воридкунанда ва хулосавӣ мебошанд. В.В. Лопатина оид ба вазифаи асосиву муҳими ҳардуи артиклиҳо ибрази ақида намуда қайд мекунад, ки артикли муайянсоз вазифаи иловагии ишоратиро дошта, предмети тасавури мо дар ҷорҷубаи ҳудудҳои фикриву ҷисмонии муайян тасвир карда мешавад [3, с.122].

Муайян намудани моҳияти артикл хеле душвор аст. Сабаб дар он аст, ки артикл дар байни калима ва морфема қарор мегирад. Агар артикл дар забони олмонӣ аз рӯи ҷинс, шумора ва падеж тасриф шуда, аз ин сабаб бешубҳа калимаи мустақил бошад, пас артикли забони англисӣ бештар ба морфемаи намуди аглютинативӣ бадал шуда истодааст. Вазифаи артикл дар забони англисӣ асосан предмет будани ҷизро ифода кардан аст. Аслан, предмет будани бархе аз исмҳо бе ёрии артикл ҳам маълум аст, яъне бе артикл ҳам он фаҳмо, вале дар баъзе ҳолатҳо маҳз артикл воситаи асосии пурра ё қисман исмшавии дигар ҷиссаҳои нутқ аст, ба монанди, *the poor, the deceased, the when and how, the whereabouts* ва ғ.

Ғайр аз ин артикл воситаи алоқаи муайянкунандаҳои пеш аз исми муайяншаванда омада мебошад. Дигар вазифаҳои артиклро алоҳида дар ҷумла оид ба ҳар як намуди артикл баррасӣ кардан мувофиқтар аст.

Масъалаи намудҳои артикл то як дараҷае баҳснок аст. Дар забони англисӣ асосан мавриди ду артикл андешаронӣ шудааст – муайяни ва номуайяни. Ҳолати бе ягон артикл омадани исро бошад, «фурӯгузори артикл» (omission of the article) номидаанд [2, с.114]. Аммо ҷунин номгузори мантиқан нодуруст аст, зеро фурӯгузори танҳо дар он ҳолат қобили қабул мебошад, ки агар дар ҳамин мавқеъ қаблан артикл истифода шуда бошад ё ҳадди ақал имкони истифодаи он вучуд дошта бошад. Дар мисоли *time is money* ҳеч яке аз ин шартҳо иҷро мешавад. Аз ин рӯ, гуфтан мумкин нест, ки дар ин ҷумла артикл «фурӯгузор» шудааст. Ҳамзамон, иттиҳоди кардани он ҳам нодуруст аст, ки дар ин ҷо артикл «гузошта нашудааст», зеро ҷунин таъбир маънои онро дорад, ки дар ҳолатҳои монанд одатан артикл истифода мешавад, аммо маҳз дар ин маврид он ба қор наарафтааст. Дар асл, дар ҷунин сохторҳо истифодаи артикл аз ибтидо пешбини нашудааст.

Ҳамин тавр, то ҳол мафҳуми «артикли сифрӣ» ба таври қофӣ равшан карда нашудааст. Маълум аст, ки на ҳамаи ҳолатҳои беартикл омадани исро ба қатори «артикли сифрӣ» дохил кардан мумкин аст. Масалан, номҳои хос ва исмҳои номи маънои номуайяндошта дар шумораи ҷамъи воқеан ҳодисаҳои гуногунро мефаҳмонанд. Вобаста ба ин норавшани бештар аст, ки дар айни ҳол тамоман «мавҷуд набудани артикл»-ро чун ҳодисаи забонӣ дар баробари артикли муайяни ва номуайяни истифода намуд.

Дар низоми грамматикӣ забони тоҷикӣ низ исми категорияи муайяниву номуайяни дорад. Категорияи мазкури исми забони тоҷикӣ дорои маънои хело маҳдуд буда, тавассути роҳи воситаҳои гуногун, билхоса ба таври нахвӣ, сарфӣ ва луғавӣ-грамматикӣ ифода мешавад. Дар китоби «Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик» артикли “-е” воситаи асосии ифодаи номуайяни шарҳ дода шудааст. Зикр мегардад, ки ҳар як ҷиссаи нутқе, ки дар ҷумла вазифаи исро адо менамояд, мисли дигар категорияҳои исми артикли “-е”-ро касб карда метавонад [1, с.94]. Аз лиҳози маъно артикли “-е” калимаеро аз гурӯҳи калимаҳои ҳамҷинс ҷудо карда, ба он хусусияти предметӣ мебахшад ва ба ин васила мавқеи мантиқии онро мушаххас мегардонад. Илова бар ин, артикли “-е” дар баробари номуайяни маънои

ягонагии предметро зоҳир месозад. Дар мавриди исмҳои шуморидашаванда маъноӣ ягонагӣ боз ҳам равшантар эҳсос мегардад [1, с.96]

Агар касе дар ҳаққи як каси ношинос, ки ўро таъқиб мекунад, бадгумон шавад, айб ҳам нест, аҷаб ҳам нест [13, с.32].

Шаҳодатнома ба касса андохта, нонеро ба миёнбанд баста, берун омаду роҳи Чоркӯҳро пеш гирифт [14, с.105].

Исмҳое, ки бо вожаи “як” меоянд, на танҳо ягонагии предмет, балки номуайянии онро низ аниқ менамоянд [1, с. 96].

– «Дирӯз маро як машқоб ба тӯяи хабар карда буд» [13, с.26].

Сеюм категорияи грамматикӣ исм ин категорияи шумора аст. Муаммҳои категорияи шумора яке аз муаммоҳои актуалӣ ба шумор меравад, ки оид ба он бисёр забоншиносон баҳсу мунозира мекунанд. Дар забоншиносии умумӣ ва аз он ҷумла дар англисшиносӣ категорияи шумораи исм гуфта маҷмуи шаклҳои ба ҳам зидро меноманд, ки як ё зиёда аз якто будани предмети зикршавандаро мефаҳмонад, ки он маъноӣ грамматикӣ [8, с.53].

Дар забонҳои муқоисашаванда категорияи шумора яке аз категорияҳои марказии исм ба шумор омада, дорои ду шакл: танҳо ва ҷамъ мебошад. Пеш аз ҳама, ин категория ба предметҳои шумурдашаванда, аз қабилӣ, гул, хона, дафтар, донишҷӯ ва ғайраҳо мансуб буда, дар предметҳои шумурданашаванда (tea, water, bread, love, light, гандум, гармм, хунукӣ, далерӣ, муҳаббат, ҳаёт ва ғайра) аз рӯи зарурат ва монандӣ пайдо шудааст ва дар ин гурӯҳи исмҳо ҳосияти ба худ ҳосеро ҳам ҳосил кардааст. Аз ин лиҳоз, вучуди категорияи шумора дар забонҳои қиёсшаванда маҳз ба предметҳои бошумор иртибот дошта, барои ифодаи миқдори онҳо, як ва ё зиёда аз он будани онҳо хизмат мерасонад [10, с.52].

Таҳти мафҳуми “ягонагӣ” мавҷудияти як предмет ва таҳти мафҳуми “бисёр” аз як зиёд предмет дар назар дошта мешавад. Муқобилгузори тибқи “як бештар нисбат ба як” ба шумор меравад. Ин маҷмуъ дар забони англисӣ ба таври умумӣ қабул карда шудааст.

Аз ду шакли шумора, ба истиснои Pluralia Tantum, истифодаи шакли шумораи танҳо ҳатмӣ ба ҳисоб меравад. Ҳатмӣ будани ин шакли шумора бо он шарҳ дода мешавад, ки он на танҳо барои ифодаи маъноӣ шумораи “як”, балки ҳамчунин барои ҷен ва ифодаи миқдори исмҳои шумурданашаванда хизмат мекунад. Шакли шумораи ҷамъ ҳамеша муносибати миқдориро шарҳ медиҳад; маҳз бо ҳамин сабаб он баҳри додани маъноҳои мушаххас ва абстракт хос мебошад. Илова бар ин, исмҳое, ки аломати умумиро ифода мекунанд, метавонанд тавассути шакли ҷамъ зуҳури алоҳидаи онро нишон диҳанд (масалан, хурсандӣ – joys). Исм дар шакли шумораи танҳо инчунин метавонад предметҳоро ҳамчун намоёндогани як синф ё гурӯҳи умумӣ тавсиф диҳад.

Дар бисёр ҳолатҳое, ки морфемаи “-s” истифода мешавад, он ҳамчун шакли шумораи ҷамъ дар падежи умумӣ ё ҳамчун шумораи ҷамъи падежи соҳибӣ фаҳмида мешавад. Баъзе дигар исмҳо дар ҳар ду шумора шакли якхела доранд (deer-deer, sheep-sheep). Исмҳои дигар бошанд, қисман аз забони қадимаи англисӣ ва латинӣ шакли ҷамъашон бетағйир омаааст (foot-feet, goose-geese), дигар шаклҳое, ки қисман омадаанд, бо калимаи монанди шумораи ҷамъи кухна истифода мегарданд [8, с.50]. Баъзе исмҳо шакли ҷамъи забон (латинӣ, фаронсавӣ ё юнонӣ)-ро, ки аз он гузаштаанд, нигоҳ доштаанд (medium-media, bacterium-bacteria). Бештари хусусияти умумии миқдори калимаҳои хусусӣ асоси лексикӣ грамматикӣ тақсмоти луғати исмиро ба исмҳои шумурдашаванда ва шумурданашаванда ташкил медиҳад. Исмҳое, ки фақат шумораи ҷамъ доранду шумораи танҳо надоранд, одатан онҳоро бо истилоҳи «Pluralia Tantum» ва он исмҳоеро, ки фақат дорои шумораи танҳо мебошанд, бо истилоҳи «Singularia Tantum» ном мебаранд. Дар баъзе мавридҳо шакли ҷамъи исмҳо на шумораи ҷамъ, балки маъноҳои махсусро ифода мекунад. Масалан: news, works ва ғ [8, с.51].

Як миқдори исмҳо дар забони англисӣ, ки танҳо дар шумораи танҳо истифода мешаванд, метавонанд аз тағйирёбии маъно ҳар ду шакли шумораро, ҳам шумораи танҳо ва ҳам шумораи чамъ дошта бошанд. Масалан, исми моддии wine (шароб), ки шумориданашаванда аст, ҳангоми намудҳои гуногуни шаробро ифода кардан шуморидашаванда шуда, морфемаи “-s” қабул мекунад (wine-wines). Баъзе исмҳои чомеъ низ қодиранд, ки дар шакли чамъ омада бошанд. Мисол: *Between the rows of tents the families have started little gardens* [16, p.45]. Дар ин мисол исми “families” (оилаҳо) маҷмуи якчанд оилаҳои номуайяно мефаҳмонад.

Категорияи шумора дар забони тоҷикӣ яке аз аломатҳои барҷастаи грамматикӣ исм маҳсуб ёфта, исм бо он аз дигар ҳиссаҳои нутқ фарқ мекунад. Дар забони адабии муосири тоҷикӣ пасвандҳои -ҳо, -он (-ён, -гон, -вон), -ино нишондиҳандаи морфологӣ шакли чамъи исмҳо шуморида мешавад [4, с.15]. Дар забони адабии муосири тоҷикӣ пасванди -ҳо нисбат ба пасванди -он серъистеъмол буда, бо ин пасванд ҳамагуна исмҳои ҷондору бечон шакли чамъ месозанд. Масалан: “*Зиндагонии Раҳими Қанд хеле танг буд, албатта, бо ду танга даромад, ки вай ҳам ҳар рӯз ба даст намедаромад, бо якто нон ва як коса ош, ки онҳо ҳам ба тарзи тасодуфӣ аз тӯйҳо ва зиёфатҳои калон дар ҳафтаҳо ва моҳҳо ба тарзи «инҷом» меомаданд, як оиларо сер кардан мумкин набуд*” [13, с.22].

Гунаҳои пасванди -он “-гон, -ён, -вон” буда, ҳар яки онҳо дар мавридҳои зарурӣ ба кор мераванд. Ҳангоми муайян набудани миқдори исм шумораҳои миқдорӣ дар шакли чамъ омада бо ин роҳ зиёд будани миқдори предмет таъкид мегардад. Дар чунин ҳолатҳо исм дар шакли танҳо корбаст мешавад, зеро вазифаи номуайянии онро шумора бар ӯҳда мегирад [1, с.105]. Дар грамматикаи забони тоҷикӣ исмҳои чомеъ шакли чамъи худро бе нишондиҳандаи грамматикӣ сохта, аз рӯи маъно маҷмуи воҳидҳои ҳамчинс ва аз ҳам ҷудонашавандаи номуайяно баён мекунад [11, с.7]. Масалан: *Дар хонаҳои ҳоло ҳозир ҳамааш шуда ҳаши нафар пиронсолони саҳарҳез буданд* [14, с.106]

Ҳамин тавр, дар забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ категорияи шумора ба маънои луғавӣ исм алоқамандӣ дорад, ки он ҳангоми таҳлили маъноӣ категориявии шумора баръало аён мегардад. Дар забони муосири англисӣ исми аксари дигар забонҳо ду шакли шумора арзи вучуд дорад: танҳо ва чамъ. Маъноҳои танҳо ва чамъ худшарҳкунанда менамоянд, ки дар онҳо як муқобили шумораи зиёда аз як аст. Маъноӣ асосии ин категория миқдор набуда, балки мафҳуми алоҳидагӣ мебошад. Маъноҳои конкретӣ исмҳо метавонанд ба таври луғавӣ бо ёрии шумораҳо ва грамматикӣ бо ёрии маъноҳои грамматикӣ флексияҳо ифода мешавад. Флексияи сифрӣ як предметро ифода мекунад ва шакли грамматикӣ бо флексияи муқобил аз як предмет зиёдро ифода мекунад. Якчанд намуди шумора мавҷуд аст: танҳо муқобили чамъ, коллективӣ муқобили ягонагӣ, шумораи дугона, шумораи сегона ва чамъи дистрибутивӣ. Шакли чамъи исмҳо дар забони англисӣ бо морфемаи “-s (-es)” сохта мешаванд. Бинобар ин, якчанд роҳҳои талаффузи морфемаи “-s (-es)” ва ҳосиятҳои имлоӣ онҳо низ мавҷуданд. Дар забони тоҷикӣ бошад, ин категория тавассути пасвандҳои “-ҳо” ва “-он” (-гон, -ён, -вон) ва -ино шакл мегирад.

ПАЙНАВИШТ:

1. *Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик Ҷ.1. Фонетика ва морфология.* -Душанбе: Дониш, 1985. -356 с.
2. *Григорьев А.Ю. Отсутствие артикля в английском языке // А.Ю. Григорьев.* -Краснодар, РФ, 2018 -№11 -С.113-114.
3. *Лопатина, В.В. Правила русской орфографии и пунктуации / Полный академический справочник.* -Москва: Эксмо, 2006. - 480 с.
4. *Рустамов Ш. Таснифоти ҳиссаҳои нутқ ва мавқеи исм / Ш. Рустамов.* - Душанбе: Дониш, 1972. - 92 с.

5. Сангинова Ш.А. Функционально-семантическая категория посессивности в таджикском и английском языках: дис.... канд. филол.наук: 10.02.20 / Ш.А.Сангинова. – Душанбе, 2016. -174с.
6. Смирницкий, А.И. Грамматика английского языка / А.И. Смирницкий. - Москва: Гнозис, 2002. - 256 с.
7. Тропинова, И.В. Функционально-семантическое поле посессивности в современном английском языке: дис.... канд. филол.наук: 10.02.04 / Инна Васильевна Тропинова. - Киев, 1988. - 191с.
8. Усмонов, К. Грамматикаи назарии забони англисӣ / К. Усмонов. -Душанбе, 2009. – 235 с.
9. Усмонов, К. Гамматикаи амалии забони англисӣ / К. Усмонов. -Хучанд, 2011. -256 с.
10. Ҷамшедов П., Убайдуллоев Р., Мухторова С. ва дигарон. Очеркҳо оид ба типологияи муқоисавии забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ. -Душанбе, 1988. -128с.
11. Юсупов, Ш.Р. Хусусиятҳои морфологии “Ҷомеъ-ут-таворих”: рис. ном. илм. филол. / Ш.Р. Юсупов. -Душанбе, 2020. -145с.
12. В.А.Иlyish. The Structure of Modern English. -L. 1971. –147p.
13. Айнӣ, С. Марғи судхӯр / С.Айнӣ. -Душанбе: ТҶБ Истиқбол, 2011. -156 с.
14. Ҷалил, Р. Асарҳои мунтахаб / Р. Ҷалил. -Душанбе: Адиб, 1988. -464 с.
15. Dickens Ch. Great Expectations / Ch. Dickens. -Mineola, New York: Dover Publications, INC., 2001. -256p.
16. Galsworthy, J. The Silver Spoon / J. Galsworthy, -M., 1976. – 278p.
17. Voynich, E.L. The Gadfly / E.L. Voynich, -M., 1954. -343p.

REFERENCES:

1. Grammar of the Modern Tajik Literary Language. Vol. 1. Phonetics and Morphology. - Dushanbe: Donish, 1985. -356 pp.
2. Grigoriev, A. Yu. Absence of the Article in the English Language // A. Yu. Grigoriev. - Krasnodar, Russian Federation, No. 11, 2018. -PP. 113-114.
3. Lopatina, V. V. Rules of Russian Orthography and Punctuation. Complete Academic Reference Book. -Moscow: Eksmo, 2006. -480 pp.
4. Rustamov, Sh. Classification of Parts of Speech and the Position of the Noun / Sh. Rustamov. - Dushanbe: Donish, 1972. -92 pp.
5. Sanginova, Sh. A. Functional-Semantic Category of Possessiveness in the Tajik and English Languages: PhD Dissertation: 10.02.20 / Sh. A. Sanginova. -Dushanbe, 2016. -174 pp.
6. Smirnitsky, A. I. English Grammar / A. I. Smirnitsky. -Moscow: Gnozis, 2002. - 256 pp.
7. Tropinova, I. V. Functional-Semantic Field of Possessiveness in Modern English: PhD Dissertation: 10.02.04 / Inna Vasilievna Tropinova. -Kyiv, 1988. -191 pp.
8. Usmonov, K. Theoretical Grammar of the English Language / K. Usmonov. - Dushanbe, 2009. -235 pp.
9. Usmonov, K. Practical Grammar of the English Language / K. Usmonov. -Khujand, 2011. -256 pp.
10. Jamshedov, P., Ubaydullov, R., Mukhtorova, S., et al. Essays on the Comparative Typology of the English and Tajik Languages. -Dushanbe, 1988. -128 pp.
11. Yusupov, Sh. R. Morphological Features of “Jāmi‘ al-Tawārīkh”: Research Paper for the Degree in Philology / Sh. R. Yusupov. -Dushanbe, 2020. -145 pp.
12. Ilyish, B.A. The Structure of Modern English / B.A. Ilyish. -L. 1971. –147 pp.
13. Aini, S. The Death of the Usurer / S. Aini. -Dushanbe: Istiqbol Publishing House, 2011. -156 pp.
14. Jalil, R. Selected Works / R. Jalil. -Dushanbe: Adib, 1988. -464 pp.
15. Dickens Ch. Great Expectations / Ch. Dickens. -Mineola, New York: Dover Publications, INC., 2001. -256 pp.
16. Galsworthy, J. The Silver Spoon / J. Galsworthy, -M., 1976. – 278 pp.
17. Voynich, E.L. The Gadfly / E.L. Voynich, -M., 1954. -343 pp.

УДК 81.42

DOI 10.24412/3005-849X-2026-2-137-144

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ПАРЕМИЙ С ФИТОНИМИЧЕСКИМИ
КОМПОНЕНТАМИ В УЗБЕКСКОМ,
ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ
ЯЗЫКАХ**

**ХУСУСИЯТҲОИ СИНТАКСИСИИ
ЗАРБУЛМАСАЛҲО БО ЧУЗЪҲОИ
ФИТОНИМӢ ДАР ЗАБОНҲОИ
УЗБЕКӢ, ТОЧИКӢ ВА АНГЛИСӢ**

**SYNTACTIC FEATURES
OF PROVERBS WITH
PHYTONOMICAL COMPONENTS IN
THE UZBEK, TAJIK AND ENGLISH
LANGUAGES**

Дехканова Озода Комиловна, канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры методики преподавания иностранных языков ГОУ «ХГУ им. академика Б. Гафурова» (Худжанд, Таджикистан)

Дехканова Озода Комиловна, н.и.ф., муаллими калони кафедраи методикаи таълими забонҳои хориҷии МДТ “ДДХ ба номи академик Б.Гафуров” (Хуҷанд, Тоҷикистон)

*Dekhkanova Ozoda Komilovna, candidate in Philology, senior lecturer of the department of foreign languages Methodology under the SEI “KhSU named after academician B. Gafurov” (Khujand, Tajikistan)
e-mail: vahobova.ozoda@mail.ru*

Анализируются особенности синтаксической организации узбекских, таджикских и английских паремиологических единиц с фитонимическими компонентами со структурой подчинительного предложения для выявления их специфических и универсальных особенностей. На основе сопоставительного анализа выявляются универсальные и этноспецифические черты синтаксической организации пословиц, оформленных в виде сложноподчинённых предложений. Установлено, что в узбекском и таджикском языках преобладают конструкции с придаточными условия, времени и следствия, а также формы прошедшего времени, тогда как в английском языке данные конструкции встречаются реже. Показаны различия в средствах синтаксической связи, отражающие особенности лингвокультурных традиций носителей сопоставляемых языков. Полученные результаты расширяют представление о типологии синтаксических моделей паремий и подтверждают зависимость грамматической организации пословиц от экстралингвистических факторов. Материалы исследования могут быть использованы в сопоставительной лингвистике, лингвокультурологии и в практике преподавания иностранных языков.

Ключевые слова: *паремиологические единицы; лингвокультурология; сложноподчинённое предложение; фитонимические компоненты; сопоставительный синтаксис; сопоставительный анализ; экстралингвистические факторы*

Вижагиҳои ташикли синтаксисии воҳидҳои паремиологии забонҳои ўзбекӣ, тоҷикӣ ва англисӣ дорои чузъҳои фитонимӣ бо сохтори ҷумлаи тобӣ, ба мақсади ошкор сохтани хусусиятҳои хос ва универсалии онҳо мавриди таҳлил қарор гирифтааст. Дар асоси таҳлили муқоисавӣ хусусиятҳои универсалӣ ва вижагиҳои этникии ташикли синтаксисии зарбулмасалҳо, ки дар шакли ҷумлаҳои мураккаб сохта шудаанд, муайян карда мешаванд. Муқаррар шудааст, ки дар забонҳои ўзбекӣ ва тоҷикӣ ҷумлаҳои пайрави шарт, замон ва натиҷа, инчунин шаклҳои замони гузашта афзалият доранд, ки онҳо дар забони англисӣ камтар маъмуланд. Тафовут дар воситаҳои алоқаи синтаксисӣ нишон дода шудааст, ки хусусиятҳои анъанаҳои забониносии забонҳои муқоисашавандаро инъикос мекунанд.

Натиҷаҳои ба даст омада тасаввуротро дар бораи типологияи моделҳои синтаксисии зарбулмасалҳо васеъ намуда, вобастагии ташикли грамматикӣ зарбулмасалҳоро бо омилҳои экстралингвистикӣ тасдиқ мекунад. Маводди тадқиқотро дар забонишunosии муқоисавӣ, лингвомаданиятишunosӣ ва амалияи таълими забонҳои хориҷӣ истифода бурдан мумкин аст.

Калидвожаҳо: *воҳидҳои паремиялогӣ; лингвомаданиятишunosӣ; ҷумлаи мураккаби тобеъ; ҷузъҳои фитонимӣ; синтаксиси муқоисавӣ; таҳлили муқоисавӣ; омилҳои экстралингвистӣ*

The article analyzes the features of the syntactic organization of Uzbek, Tajik and English paremiological units with phytonymic components with subordinate clause structure of a sentence to identify their specific and universal features. Based on a comparative analysis, universal and ethnospecific features of the syntactic organization of proverbs, designed in the form of complex sentences, are identified. It has been established that in the Uzbek and Tajik languages constructions with clauses of condition, time and consequence, as well as past tense forms, predominate, whereas in English these constructions occur rather seldom. The differences in the means of syntactic communication are shown, reflecting the peculiarities of the linguacultural traditions of the compared languages. The obtained results expand the understanding of the typology of syntactic models of proverbs and confirm the dependence of the grammatical organization of proverbs on extralinguistic factors. The research materials can be used in comparative linguistics, linguacultural studies and the practice of teaching foreign languages.

Key-words: *paremiological units; linguoculturology; subordinate clause; phytonymic components; comparative syntax; comparative analysis; extralinguistic factors*

Во многих работах, которые описывают синтаксис паремий, пословицы рассматриваются как ценный дидактический материал [1; 2; 3; 5; 8, с. 13-34; 11, с. 45-60], привлеченный для демонстрации таких синтаксических явлений, как обобщенно-личные, инфинитивные или бессоюзные предложения. В современной лингвистике материал паремий широко используется при характеристике семантических различий между разными типами предложений. Пословицы привлекаются при анализе средств экспрессивного синтаксиса у исследователя Э.М. Береговской (1984, 1995), а также при выделении культурологически релевантных синтаксических конструкций в трудах И.И. Чумак (1994, 1997).

Анализ научной литературы показывает, что в трудах А. Дандиса, Г.Л. Пермякова, В.В. Виноградова, З.К. Тарланова и других исследователей паремии рассматриваются преимущественно с позиции семантики, структуры и типологии. Вместе с тем синтаксическая организация паремий узбекского, таджикского и английского языков с фитонимическими компонентами до настоящего времени не получила системного описания в сопоставительном аспекте, что и определяет актуальность настоящего исследования [12, с.7-50].

Как отмечает В. Гумбольдт: «Язык тесно переплетён с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры» [7, с. 48].

Особенности лингвокультуры представлены на всех уровнях языка. Однако особенно богато они отражены в паремиялогических единицах. Паремия не утрачивает актуальности, поскольку является когнитивной базой языка, в которой вербализуется познавательный опыт той или иной этнокультуры, передаваемый из поколения в поколение. Пословицы являются прекрасным материалом для лингвистических исследований и привлекают внимание многих языковедов, которые рассматривают их в различных аспектах.

"Пословицы — это очень хороший материал для изучения языков и культуры. Множество учёных изучают пословицы с разных точек зрения" [4, с. 45-49].

Выбор фитонимического компонента в качестве объекта анализа обусловлен его высокой частотностью в паремиологическом фонде сопоставляемых языков и значительной культурно-символической нагрузкой, отражающей традиционные представления народа о природе, труде и жизненных ценностях.

Целью данной статьи является сравнительно-сопоставительное исследование синтаксической организации узбекских, таджикских и английских паремиологических высказываний со структурой сложноподчиненного предложения (СПП) для выявления их универсальных и специфических признаков.

Выработка принципов описания сложных предложений в разноструктурных языках является одним из обсуждаемых вопросов в типологическом языкознании. Такого рода интерес позволяет проводить исследования, в которых выделяются признаки, различающие структурные модели сложных предложений в различных языках [8, с.18-22; 6, с.270-280].

В паремиологическом фонде узбекского, таджикского и английского языков широко представлены пословицы со структурой сложного предложения.

Исследовательские материалы по синтаксической организации паремий, основанных на подчинительных связях, были получены из лексикографических источников. Стоит отметить, что в ранних работах, описывающих синтаксис паремий, пословицы рассмотрены как ценный дидактический материал [10; 11].

Паремии с компонентом-фитонимом (550 единиц), отобранные из лексикографических источников на сопоставляемых языках, позволили установить, что сложные конструкции преобладают над простыми в пословичном корпусе узбекского (62 %) и таджикского (26 %) языков, но реже используются в английском языке (12 %) [9]. Сложные предложения дифференцируются на основе двух оппозиций: семантической, которая основывается на сочинительных и подчинительных отношениях, и формальной, в которой все сложные предложения распределяются на две структурно-семантические группы: сложноподчинённые и сложносочинённые [6, с. 254-294].

Анализ паремий с фитонимическими компонентами, бытующих в узбекском, таджикском и английском языках, демонстрирует широкое употребление союзов в их составе.

Собранный нами фактический материал показывает, что в узбекском языке сложноподчинённые предложения связываются между собой с помощью подчинительных союзов, к глаголу добавляется окончание «...са» (*если будет*). Данное явление обнаружено в составе следующих паремий узбекского языка с фитонимическими компонентами: *Дарахт соп бермаса, болта кесолмас* (досл. Если дерево не подставит свой ствол, с ним не справится топор). *Осмондан нам тушмаса, ерда гиёҳ унмас* (досл. Если не прольётся дождь, на земле не вырастет трава). *Туяга янтоқ керак бўлса, бўйинини чўзади* (досл. Если верблюд захочет колючку, он вытягивает шею). *Қаернинг дони бўлса, ўша ернинг чумчуғи бор* (досл. Где есть зерно, там есть и птицы). *Бугдой бўлса, ўлчов топилади* (досл. Если есть пшеница, то весы найдутся; Была бы шея, а хомут найдётся). *Мағиз аччиқ бўлса, пўстига ҳам уради* (досл. Если косточка горькая, то и кожуру заразит; Рыба гниёт с головы).

Стоит отметить, что в узбекском языкознании паремиологический фонд, его семантические и структурные особенности становились объектом изучения учёных Ш.У. Рахматуллаевой, Х.Абдуллаевой [13].

В таджикском языке для выражения условных отношений, помимо аналитического компонента “**бошад**”, используются личные флекции (окончания) глагола (бандакҳои шахсии феълӣ) настоящего-будущего времени (аориста): флекция 3-го лица единственного

числа “-ад” или флексия 2-го лица единственного числа “-й”. Данные форманты в составе сказуемого придаточной части оформляют гипотетическое или обобщенно-личное условие. Например: *Ақл набошад (если не будет ума), калла кадуи холист. Ба шутур янтоқ лозим бошад (если нужно), гарданаширо дароз мекунад. Аз кунчишк тарси (если боишься), арзан накор. Гандум корй (если посеешь), гандум медаравй. Дарахт ҳар чй бораи беиштар мешавад, сараш поинтар меояд* [9, с. 98, 120].

В английском языке данные синтаксические отношения выражаются аналитическим способом – при помощи подчинительных союзов **if (если), when (когда), while (пока, в то время как)**. В отличие от узбекского и таджикского языков, где подчинительная связь морфологически маркируется внутри самого глагола-сказуемого (путём присоединения аффиксов или флексий), английские союзы функционируют как самостоятельные служебные слова и не влияют на морфемный состав глагольной формы.

1) **If you have planted a tree you must water it too** (досл. Если посадил дерево, его нужно поливать).

2) **If a dead tree falls, it carries with it a live one** (досл. Падающее дерево навредит другому; Один катящийся ком увлекает за собой следующие).

3) **If you cut down the trees you will find the wolf** (досл. Кто ищет, тот находит).

4) **If a man plants melons he will reap melons** (досл. Что посеешь, то и пожнёшь).

5) **If he sows beans, he will reap beans** (эв. Что посеешь, то и пожнёшь).

6) **If the brain sows not corn, it plants thistles** (эв. Без труда не вынешь и рыбку из пруда).

7) **If life hands you lemons, make lemonade** (досл. Бери то, что даёт тебе жизнь).

8) **When the tree waves, wind is stirring** (досл. Не бывает дыма без огня).

9) **When April blows its horn, it's good for hay and horn** (досл. Всему своё время).

10) **When the horse is starved, you bring him oats** (эв. После ужина горчица не поможет; досл. Что толку нести коню овёс, если он издыхает. Как мёртвому припарка).

11) **While the grass grows the horse starves** (досл. Пока трава вырастет, лошадь сдохнет от голода).

12) **Make hay while the sun shines** (эв. Куй железо, пока горячо. Коси, коса, пока роса) [15].

В системе паремий из сопоставляемых языков они выражают значение грамматической равнозначности, которое проявляется в предложении в виде определённых семантико-грамматических отношений, опирающихся на семантику сочинительных союзов: «**ва**», «**аммо**» «**вале**» в узбекском и таджикском языках, **and, but** и др. – в английском. Стоит отметить, что из собранных нами 550 паремий с фитонимическими компонентами на трёх языках, только в составе четырёх паремий таджикского языка с фитонимической лексикой используются сочинительные союзы «**аммо**», «**вале**», «**ва**»:

Бодинҷон арзон, вале харҷако дорад (досл. Баклажан дешёв, но требует сопутствующих затрат).

На гӯсоларо шир медиҳанд ва на ба пода сар медиҳанд, кӣ алаф хӯрад (досл. И сам не ест, и другому не даёт; Собака на сене).

Аз дарахтони дигарон бар чин, ва аз паи дигарон дарахт нишон (эв. Получай добро и делай добро. Долг платежом красен).

Срубить дерево легко, а вырастить трудно. эв. Ломать – не строить) [9].

В 317 паремиях с фитонимическими компонентами, собранных в узбекском языке, вышеупомянутых союзов не было обнаружено. Но в составе паремии *Зигир ўз уругини курибди-ю, қовоқ уругини кўрмапти* (Лён увидел своё семя, а тыква не увидела. - Своя рубашка ближе к телу) усилительно-противительные частицы “у”, “ю” выполняют функции союза и оформляют связь в сложноподчинённом предложении. Данная частица

семантически заменяет союз “лекин” (но) и связывает части сложносочинённой конструкции. В паремиях узбекского языка не выявлено случаев использования сочинительных союзов «**ва**», «**лекин**», «**аммо**», «**чунки**» [9, с. 65].

В английском языке выявлена всего одна паремия с сочинительным союзом **but**: A thorn is small, **but** he who has felt it doesn't forget it (Мал да удал).

Касательно временной относительности, то форма настоящего времени в составе паремий рассматривается как наиболее распространённое грамматическое средство оформления сложноподчинённых предложений. Предложения данного рода выражают многократные, частые, периодически повторяющиеся регулярные связи ситуаций неопределённого временного плана, что ещё раз доказывает назидательный характер паремий, когда каждый адресант по ситуации использует ту или иную пословицу, пропуская её через призму собственного опыта или представлений, что не даёт пословице использоваться в грамматической структуре прошедшего времени.

В узбекском языке:

Қаернинг дони **бўлса**, ўша ернинг чумчузи (бор). (досл. С какого места зерно, с того места и воробей; экв. Где хлеб, там и мыши / Чьё поле, того и птицы).

Осмондан нам **тушмаса**, ерда гиёҳ **унмас**. (досл. Если с неба не прольётся дождь, на земле не вырастет трава). (в узб.)

Дарахтнинг илдизи сувда **бўлса**, ундан мева умид қилиш мумкин. (Если корень дерева в воде, то от него можно ожидать плода).

В таджикском языке:

Ақл **набошад**, калла кадуи **холист** (досл. Без ума голова как пустая тыква; Ума нет, считай калека).

Ҳар чӣ бемағзу миёнтиҳӣ **аст**, бонгаиш беиштар **аст**. (Пустая бочка громче всех гремит) (в тадж.).

В английском языке:

One **beats** the bush while another **catches** the bird (Пока один прохлаждается, другой вкалывает).

If a dead tree **falls**, it **carries** with it a live one. (досл. Падающее дерево навредит другому) (в англ.)

Однако редким явлением в структуре паремий из сопоставляемых языков является употребление формы будущего времени:

Ўлма, эшагим, арпа **пишади** (досл. Не умирай, мой ослик, ячмень поспеет. экв. Пока солнце взойдёт, роса очи выест).

Узумни егину, богини **сўрама** (в узб.) (досл. Ешь виноград и не спрашивай, из какого он сада. Дают – бери.)

Арпа пишар, ишингиз тушар. (Овёс созреет – работа прекратится. Будет и на нашей улице праздник).

Ангурро ҳуру, богаширо **напурс** (в тадж.) (досл. Ешь виноград и не спрашивай, из чьего он сада).

Намур харам, чав **хоҳад пухт** (досл. Не умирай, мой осёл, ячмень созреет).

Намур бузакам, баҳор мешавад, алаф **мехўри** (досл. Не умирай, мой ослик, ячмень поспеет. экв. Пока солнце взойдёт, роса очи выест).

В данных пословицах использование будущего времени в предикативных частях подчёркивает семантику ироничного или маловероятного ожидания, что определяет прагматическую направленность всей сложной конструкции.

Также формы глаголов настоящего времени употребляются в придаточной части предложения, а формы будущего – в главной. Например:

Токни кесмасанг, Қашқарга **етади** (досл. Если не обрежешь виноградник, то он достигнет Кашкара (название местности). экв.: Чем дальше в лес, тем больше дров).

Ариқ қазимасанг, дарахтга сув **келмайди**. (досл. Если не выкопаешь арык, вода до дерева не дойдёт. экв. Под лежащий камень вода не течёт).

Ба уштур янтоқ лозим бошад, гарданаширо **дароз мекунад** (досл. Если верблюду нужна колючка, он вытягивает шею. Экв. Припрёт - пойдёт на всё).

Сабр кунӣ, аз гӯра **ҳалво меназад**. (досл. Если иметь терпение, то абрикос превратится в халву; Терпенье и труд всё перетрут) (в тадж.)

As the tree falls, so shall it lie (досл. Как дерево упадет, так и будет лежать).

If you cut down the trees you will find the wolf. (Не вороши осиное гнездо; Не буди лихо, пока оно тихо) (в англ.) (*Don't trouble trouble until trouble troubles you*). *The one who plants the tree is not the one who will enjoy its shade.* (Один посадил дерево – все наслаждаются тенью).

Кроме того, в сопоставляемых языках встречаются пословицы, в структуре которых используются формы прошедшего времени. По мнению З.К. Тарланова, формы прошедшего времени не выражают постоянную или вечную закономерность. Это объясняется тем, что именно прошедшее время в наибольшей степени связано с конкретной действительностью, имеет дело с определённой ситуацией и передаёт индивидуальное высказывание, а не обобщающее, как другие формы паремий [14, с.210-215]:

1. Нодийданинг тушига бир чуфт шафтоли данак **кирипти**. (Экв. У скупого зимой снега не выпросишь).

2. Бир маизни қирқ киши **ебди**. (досл. Одну изюминку съели сорок человек; экв. В тесноте, да не в обиде).

3. Кенойимнинг ошини ширин **қилган** акамнинг зира пиёзи (досл. Плов снохи сделал вкусным лук-зира моего брата; экв. Красна изба не углами, а пирогами).

4. Эгилмаган теракка келмаган лайлак уя **солибди**. (досл. На несклонившемся тополе неприлетавший аист гнездо свил. экв. Мели, Емеля, твоя неделя).

5. Арпа емаган отларим ажиріққа зор **бўлди**. (досл. Лошади мои, не евшие ячменя, стали нуждаться в сорной траве (свиное). экв. Пришла беда – покупай рака, а рыбы не видать).

В таджикском языке:

1. На бел **задам**, на поя, ангур мехӯрам дар соя (досл. Не трудился, но ест виноград и отдыхает в тени; Белые ручки чужие труды любят).

2. Дар вақти себҳоям Маҳмадбақо **будам**, себҳоям, ки тамом шуданд, кӯри Бақо **шудам**. (досл. Во время урожая меня звали Махмадбако, а как урожаем закончился, стал слепым Бако).

3. Баҳор **кучо будӣ**? – Таги тути бедона (Как стрекоза, гулял весной и отдыхал).

4. Довуча нашуда гулунг **шуд**. (в тадж.) (Не успел даже бутеном стать, как тут же высох; Отцвести, не успев расцвести).

5. Гул буд ба сабза низ ораста **шуд**. (Был красивым, а стал ещё красивее – в полож. смысле) (в тадж.).

Выясняется, что паремии с фитонимическими компонентами, содержащие в своём составе глаголы в форме прошедшего времени, характерны только для узбекского и таджикского языков, тогда как в английском языке не выявлено паремий с глаголами в форме прошедшего времени. Кроме того, в сопоставляемых языках частым является употребление глаголов в форме настоящего времени. В узбекском языке паремии с фитонимическим компонентом составили самую большую долю по сравнению с паремиями таджикского и английского языков, и из собранных 317 паремий в 308 употребляются глаголы в форме настоящего времени. А в коллекции собранных нами паремий таджикского языка с фитонимическим

компонентом, которые составили 141 единицу, в 132 используется форма глагола настоящего времени. В английском языке из 94 собранных паремий с фитонимическими компонентами в 81 использована формы глагола настоящего времени. Это ещё более усиливает интерес к экстралингвистическим факторам, которые связаны с жизнью, культурой, мировоззрением, историей и традициями данных народов [9, с. 152-154].

Таким образом, проведённый сопоставительный анализ паремий с фитонимическими компонентами в узбекском, таджикском и английском языках позволил выявить как универсальные, так и специфические черты синтаксической организации этих единиц. Было установлено, что в пословицном фонде всех трёх языков, особенно в узбекском и таджикском, преобладают сложноподчинённые конструкции с придаточными условия, времени и следствия.

Употребление глаголов в настоящем времени является основной грамматической формой выражения общего значения, что подтверждает гносеологическую и поучительную природу паремий. В то же время использование прошедшего времени глагола наблюдается только в узбекском и таджикском языках, что свидетельствует о специфике этнокультурной прагматики данных народов. В английских паремиях формы прошедшего времени отсутствуют, что подчёркивает универсальность поучения, не связанного с конкретной ситуацией в прошлом.

Также выявлены различия в употреблении сочинительных союзов. Если в английском языке они встречаются ограниченно, то в таджикском — немного чаще, а в узбекском почти отсутствуют. Это свидетельствует о преобладании подчинительной связи в синтаксической структуре паремий узбекского языка.

Таким образом, сопоставительный подход позволил выявить типологические сходства и различия в выражении причинно-следственных, временных и условных отношений в паремиях с фитонимической лексикой, а также показал тесную связь языка с менталитетом, бытом и традициями соответствующего этноса.

Полученные результаты вносят вклад в развитие сопоставительной паремиологии и типологического синтаксиса, расширяя представления о структурно-грамматических моделях пословиц в разноструктурных языках. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в учебном процессе и при разработке учебно-методических материалов. Перспективным направлением дальнейших исследований является анализ семантико-прагматических и когнитивных особенностей паремий с фитонимическими компонентами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алиев, А.К. *Народные традиции, обычаи и их роль в формировании нового человека*/ А.К. Алиев. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1968. – 280 с.
2. Аминов, М. *Тахлили лексии калима* /М. Аминов // *Мактаби совети*. – 1990. – №7. – С. 12-15.
3. Антонова, О.Н. *Паремии как средство функциональной модификации англоязычного публицистического дискурса: автореф. дис. ...канд. филол. наук*/ О.Н. Антонова. – Москва, 2012. – 24 с.
4. Бафоев, Ф. *Ҳалқ мақолларида образлилик* / Ф. Бафоев // *Ўзбек тили ва адабиёти*. – Тошкент, 2020. – №6. – С.45-49.
5. Бердиалиев, А., Хидиров, Р. *Ўзбек ва тожик лисоний алоқалари*/ А. Бердиалиев, Р. Хидиров. – Душанбе: Ирфон, 2011. – 164 с.
6. Виноградов, В.В. *Основные вопросы синтаксиса предложения*/ В.В. Виноградов. – Москва: Наука, 1975. – 294 с.
7. Гумбольдт, В., фон. *Избранные труды по языкознанию* /В.фон. Гумбольдт. – Москва: Прогресс, 1984. – 400 с.

8. Дандис, А. О структуре пословицы / А. Дандис // Паремнологический сборник. – Москва: Наука, 1978. – С.13-34.
9. Дехканова О.К. Синтаксические особенности паремий с фитонимическими компонентами в разноструктурных языках (на материале узбекского, таджикского и английского языков): дис. ...канд. филол. наук: 10.02.20 / О.К. Дехканова. – Душанбе, 2022. – 185 с.
10. Калонтаров, Я.И. Мудрость трёх народов / Я.И. Калонтаров. Панду насиҳати се ҳалқ // Уч ҳалқнинг ҳикмати. – Душанбе: Адиб, 1989. – 446 с.
11. Кожин, А.Н. О разграничении пословиц и поговорок / А.Н. Кожин. // Уч. зап. МОПИ им. Н.К. Крупской. – Москва: Высшая школа, 1967. – 112 с.
12. Пермяков, Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока / Г.Л. Пермяков. – Москва: Наука, 1979. – 671 с.
13. Рахматуллаев, Ш. У. Основные грамматические особенности образных глагольных фразеологических единиц / Ш.У. Рахматуллаев. – Ташкент: Фан, 1952. – 256 с.
14. Тарланов, З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика / З.К. Тарланов. – Петрозаводск: ПГУ, 1999. – 448 с.
15. Dundes, A. On the Structure of the Proverb / A.Dundes // Proverbium. – 1975. – №25. – 973 p.

REFERENCES:

1. Aliev, A.K. Folk Traditions, Customs, and Their Role in Shaping the New Man / A.K. Aliev. – Makhachkala: Dagknigoizdat, 1968. – 280 pp.
2. Aminov, M. The Vocabulary of Words / M.Aminov. Soviet school. – 1990. – №7. – PP. 12-15.
3. Antonova, O.N. Paremiology as a Means of Functional Modification of English-Language Journalistic Discourse / O.N. Antonova. Abstract of Cand. Philological Sciences Dissertation. – Moscow, – 2012. – 24 pp.
4. Bafoev, F. *Ҳалқ маколларида образlilik (Imagery in folk proverbs)* / F. Bafoev. Uzbek language and literature. - Tashkent. – 2020. – No. 6. – PP. 45-49.
5. Berdialiev, A., Khidirov, R. Uzbek va Tojik lisoniy aloqalari (Uzbek and Tajik lexical relation). A.Berdialiev, R. Khidirov. – Dushanbe: Irfon, 2011. – 164 pp.
6. Vinogradov, V.V. Basic Questions of Sentence Syntax / V.V. Vinogradov. – M.: Nauka, 1975. – 294 pp.
7. Humboldt, V. von. Selected Works on Linguistics / V.von. Humboldt. – M.: Progress, 1984. – 400 pp.
8. Dandis, A. On the Structure of Proverbs / A. Dandis. Paremiological collection. – Moscow: Nauka, 1978. – PP. 13-34.
9. Dekhkanova O.K. Syntactic Features of Proverbs with Phytonymic Components in Multi-Structural Languages (based on Uzbek, Tajik and English languages). O.K. Dekhkanova. Cand.philol.sci.diss. Dushanbe, 2022. – 185 pp.
10. Kalontarov, Y.I. Wisdom of Three Nations / Y.I.Kalontarov. – Dushanbe: Publishing House “Adib”. 1989. – 446 pp.
11. Kozhin, A.N. On the Distinction between Proverbs and Sayings / A.N.Kozhin. Research note of the N.K. Krupskaya Moscow Polytechnic Institute. – Moscow: “Higher School”. 1967. – 112 pp.
12. Permyakov, G.L. Proverbs and Sayings of the Peoples of the East / G.L. Permyakov. – M.: “Science”, 1979. – 671 pp.
13. Rakhmatullaev, Sh. U. Basic Grammatical Features of Figurative Verbal Phraseological Units / Sh. U. Rakhmatullaev. – Tashkent: Fan, 1952. – 256 pp.
14. Tarlanov, Z.K. Russian Proverbs: Syntax and Poetics / Tarlanov, Z.K. – Petrozavodsk: PSU, 1999. – 448 pp.
15. Dundes, A. On the Structure of the Proverb / A. Dundes // Proverbium. – 1975. – No. 25. – 973 pp.

УДК 811.411.21'374:811.222.1'374:81'01
DOI 10.24412/3005-849X-2026-2-145-155

**СРЕДНЕПЕРСИДСКАЯ ПРАВОВАЯ
ЛЕКСИКА «ŠĀYAST NĒ ŠĀYAST» И ЕЁ
РЕЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОМ
ТАДЖИКСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ
ЯЗЫКЕ: К ПРОБЛЕМЕ
ДИАХРОНИЧЕСКОЙ
СТРАТИФИКАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ**

**ЛЕКСИКАИ ҲУҚУҚИИ «ŠĀYAST NĒ
ŠĀYAST»-И ЗАБОНИ ФОРСИИ МИЁНА
ВА БОЗТОБИ ОН ДАР ЗАБОНИ
АДАБИИ МУОСИРИ ТОҶИКӢ: ОИД БА
МАСЪАЛАИ ТАБАҚАБАНДИИ
ДИАХРОНИИ ИСТИЛОҲОТИ ҲУҚУҚӢ**

**MIDDLE PERSIAN LEGAL
VOCABULARY "ŠĀYAST NĒ ŠĀYAST"
AND ITS RELICS IN THE MODERN
TAJIK LITERARY LANGUAGE: TO
THE PROBLEM OF DIACHRONIC
STRATIFICATION OF LEGAL
TERMINOLOGY**

Маллаева Манижа Абдугаффоровна,
заведующий кафедрой таджикского языка
и литературы ГУ «Международный
институт Худжанда» ГУ
«Международный университет туризма и
предпринимательства Таджикистана»
(Худжанд, Таджикистан)

Маллаева Манижа Абдугаффоровна,
мудири кафедраи забон ва адабиёти
точик МД «Донишқадаи байналмилалӣ
Хучанд» МД «Донишгоҳи байналмилалӣ
сайёҳӣ ва соҳибқориш Тоҷикистон»
(Хучанд, Тоҷикистон)

Mallaeva Manizha Abdugaffarovna, head of
the department of Tajik language and
literature of the SI « International Institute of
Khujand » under the SI «International
University of tourism and entrepreneurship of
Tajikistan» (Khujand, Tajikistan)
e-mail: 777manizha@mail.ru

Произведено диахроническое исследование правовой лексики из среднеперсидского трактата «Šāyast nē Šāyast» («Приличествует и неприличествует») (VII–IX вв. н. э.) и её рефлексов в современном таджикском литературном языке и действующем уголовном законодательстве Республики Таджикистан. На материале глоссария М. Тавуси (Ширазский университет, 1365/1986) методом сплошной выборки выделены четыре семантических поля правовой лексики: запрет и нарушение нормы; наказание и принуждение; возмещение ущерба; ритуальное осквернение. Для каждого термина восстанавливается цепочка: среднеперсидская лемма — этимология — функция в тексте памятника — таджикский рефлекс — функционирование в современном законодательстве. Установлены три типа диахронической судьбы терминов: прямое лексическое наследование, семантическая реструктуризация и вытеснение арабизмами при сохранении структурных калек. Показано, что переход к исламскому, а затем советскому праву представлял собой терминологический, но не концептуальный разрыв: базовые правовые категории зороастрийской системы унаследованы современным таджикским законодательством в преобразованном виде.

Ключевые слова: среднеперсидский язык; «Šāyast nē Šāyast» («Приличествует и неприличествует»); правовая лексика; таджикский литературный язык; историческая лексикология; зороастрийское право; арабские заимствования; уголовное право; диахроническая терминология

Таҳқиқи диахронии лексикаи ҳуқуқи рисолаи “Šāyast nē Šāyast”-и форсии миёна (асрҳои VII–IX милодӣ) ва бозтоби он дар забони адабии муосири тоҷикӣ ва низоми амалқунандаи қонунгузориш ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон сураи гирифтааст. Дар асоси глоссарияи М.

Товусӣ (Донишгоҳи Шероз, 1365/1986) ва бо истифода аз усули интихоби фарогир чор майдони маъноии лексикаи ҳуқуқӣ муайян карда шудааст: манъ ва нақзи меъёр; ҷазо ва маҷбуркунӣ; ҷуброни зарар; олудашавии маросимӣ. Барои ҳар як воҳиди лугавӣ занҷираи диахронии «леммаи форсии миёна - этимология - вазифаи семантикӣ дар матни ёдгор - бозтоби тоҷикӣ - корбурд дар қонунгузорию муосир» барқарор карда мешавад. Се навъи асосии сарнавишти диахронии истилоҳоти ҳуқуқӣ мушаххас гардидааст: меросбардорӣ мустақими лугавӣ; бозсозии маъноӣ; ҷойгузинии иқтибосҳои арабӣ бо ҳифзи каллаҳои сохторӣ. Собит гардидааст, ки гузариши аз низоми ҳуқуқии зардуштӣ ба ҳуқуқи исломӣ ва баъдан ба низоми ҳуқуқии шуравӣ асосан на хусусияти концептуалӣ, балки хусусияти истилоҳӣ дошт: категорияҳои бунёдии ҳуқуқии низоми зардуштӣ дар шакли тағйирёфта дар қонунгузорию муосирӣ тоҷик ба мерос гирифта шудаанд.

Калидвожаҳо: забони форсии миёна; *Šāyast nē Šāyast*; лексикаи ҳуқуқӣ; забони адабии тоҷикӣ; лексикологияи таърихӣ; ҳуқуқи зардуштӣ; иқтибосҳои арабӣ; ҳуқуқи ҷиноятӣ; истилоҳоти диахронӣ

The article presents a diachronic study of the legal vocabulary from the Middle Persian treatise "Šāyast nē Šāyast" ("What is proper and what is improper") (7th–9th centuries CE) and its reflections in the modern Tajik literary language and the current criminal legislation of the Republic of Tajikistan. Based on the glossary of M. Tavusi (Shiraz University, 1365/1986), four semantic fields of legal vocabulary are identified using a continuous sampling method: prohibition and violation of the norm; punishment and coercion; compensation for damages; ritual desecration. For each term, the following chain is reconstructed: Middle Persian lemma—etymology—function in the text of the monument—Tajik reflex—function in modern legislation. Three types of diachronic destinies of terms are identified: direct lexical inheritance, semantic restructuring, and displacement by Arabicisms while preserving structural defects. It is shown that the transition to Islamic and then Soviet law represented a terminological, but not conceptual, rupture: the basic legal categories of the Zoroastrian system have been inherited by modern Tajik legislation in a transformed form.

Key-words: Middle Persian language; «*Šāyast nē Šāyast*» (what is appropriate and what is inappropriate); legal vocabulary; Tajik literary language; historical lexicology; Zoroastrian law; Arabic borrowings; criminal law; diachronic terminology

Введение. Изучение истории правовой терминологии таджикского языка — задача, которую исследовательская традиция, при всей своей богатой истории, решала, как правило, фрагментарно. Лингвисты занимались преимущественно лексикологией художественного и религиозного текста, правове́ды — нормативным содержанием источников, оставляя собственно юридическую лингвистику на пересечении двух дисциплин, лишь в последние десятилетия начавших оформляться в самостоятельную область исследования. Работы Т. С. Шокирова, обоснованно признаваемого основателем таджикской юрлингвистики [15; 16], открыли новые горизонты: стало возможно рассматривать правовую терминологию не как прагматический придаток языка, но как полноправную и исторически обусловленную систему, несущую в себе закодированную память о последовательных цивилизационных трансформациях — зороастрийской, исламской, советской и постсоветской [1; 2].

Трактат «Шайаст не Шайаст» («*Šāyast nē Šāyast*» («Приличествует и неприличествует»), далее — «*ŠnŠ*») в этой перспективе представляет собой исключительно ценный документ: это не богословский, а именно правовой текст, регламентирующий конкретные юридически значимые ситуации — деяния, влекущие наказание, процедуру признания вины, механизмы ритуального очищения, имущественного возмещения, санкции изгнания. Как справедливо

отмечает М. Тавуси в предисловии к своему глоссарию, «ŠnŠ» написан «бишта р дарбāре-йе гонāхāн ва кайфархāйе хамāрзе ān-xā, nāсуримен (мардāро нāпākū)» — преимущественно о грехах, соразмерных им наказаниях и о состоянии нечистоты [11, с. 4]. Само это определение уже задаёт правовые, а отнюдь не только сугубо религиозные горизонты текста.

Настоящая статья имеет двуединую цель: с одной стороны, она продолжает системный анализ правовой лексики «ŠnŠ» с опорой на точные данные глоссария Тавуси, рассматривая её как замкнутую терминологическую систему среднеперсидской эпохи, а с другой стороны, вписывает эту систему в более широкую диахроническую перспективу, сопоставляя среднеперсидские правовые реликты с терминологией таджикского законодательства — и советского периода (Уголовный кодекс Таджикской ССР 1961 года [4]), и постсоветского (Уголовный кодекс Республики Таджикистан 1998 года в редакции 2018 года [3]). Такой подход, соединяющий историческую лексикологию с юрислингвистикой, позволяет увидеть, каким образом тысячелетняя традиция правовой номинации преломляется в современном таджикском законодательстве: сохраняясь, трансформируясь или уступая место заимствованным структурам.

Актуальность исследования определяется, таким образом, не только историко-лингвистическими, но и сугубо практическими соображениями: разработчики кодексов, переводчики юридических текстов и терминологи, работающие с таджикским языком, нуждаются в глубоком осмыслении этимологических корней и исторических трансформаций терминологического материала, с которым имеют дело. Отсутствие такого осмысления ведёт к нередко наблюдаемым явлениям — к немотивированному дублированию терминов, к неосознанному введению в официальный текст историзмов, к терминологической неустойчивости, на которую обращал внимание Т. С. Шокиров применительно к современному таджикскому законодательству [16, с. 234].

Методы. Глоссарий М. Тавуси — «Vāže-nāme-ye Šāyast nē Šāyast: A Pahlavi-Persian Glossary and Six Indexes» (Ширазский университет, 1365/1986, 375 с.) — является на сегодняшний день наиболее полным лексикографическим описанием текста «ŠnŠ», опирающимся на семь рукописей [11, с. 6–9]. Особую научную ценность этому источнику придаёт принцип его построения: каждая словарная статья содержит среднеперсидскую лемму в транскрипции, хзварши (арамейские идеограммы) в транслитерации, грамматические формы и исторические параллели — авестийские, древнеперсидские, санскритские, армянские, манихейско-среднеперсидские, — а также точные указания на главу (k) и стих (s) текста «ŠnŠ» [11, с. 6]. Это делает глоссарий Тавуси не переводным словарём в обычном смысле, а полноценным историко-лингвистическим инструментом, позволяющим проследить каждый термин в его диахроническом развитии: начиная с авестийского праязыка и до современных таджикских и персидских рефлексов.

Немаловажно, что Тавуси специально оговаривает принципы отбора лемм (предисловие, с. 6–9), указывая на разграничение правовых терминов в строгом смысле и слов общего языка, встречающихся в правовом контексте. Этот методологический фундамент глоссария позволяет с достаточной степенью уверенности устанавливать, какие лексические единицы выступали в тексте как технические термины права, а не как нейтральные слова.

Настоящее исследование реализует трёхуровневый подход, сочетающий методы сравнительно-исторического языкознания, семантического анализа и юрислингвистики. На первом уровне осуществляется сплошная выборка правовых терминов из глоссария Тавуси с их классификацией по четырём выделенным семантическим полям. На втором уровне для каждого термина устанавливается таджикский рефлекс по «Фарҳанги забони тоҷикӣ»

(Москва, 1969) [12], «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» (Душанбе, 2008–2010) [13] и «Фарҳанги истилоҳоти ҳуқуқ» (Душанбе, 2009) [14]. На третьем уровне производится его сопоставление с функционированием соответствующего понятия в Уголовном кодексе РТ (редакция 2018 года), а там, где это аналитически значимо, — в Уголовном кодексе Таджикской ССР (1961). Последнее разграничение концептуально важно, поскольку советская кодификация ввела в таджикский правовой язык значительный пласт русско-интернациональной лексики, тогда как постсоветская в значительной мере осуществила ренационализацию терминологического состава, опираясь, в том числе, на историческую правовую лексику — исконно таджикскую и арабизированную персидско-таджикскую.

Особо следует оговорить позицию, которую занимает настоящее исследование относительно так называемой «концептуальной преемственности» в правовой терминологии. Возможность проследить терминологические параллели между «ŠnŠ» и современным УК РТ не следует воспринимать как тезис о непрерывной правовой традиции в институциональном смысле: разумеется, исламское, затем советское, а затем — и постсоветское право суть принципиально разные системы. Речь идёт о другом: о лингвистической и концептуальной матрице — о том, что определённые правовые понятия (вина/грех, наказание, признание вины, возмещение ущерба) сохраняют их центральную роль в правовой системе вне зависимости от того, в какой лексической оболочке они реализуются.

Результаты. Центральным концептом правового поля нарушения нормы является термин *vināh* (гlossарий Тавуси, с. 74: «*bī gonāh*» — через негативную форму *abē-vināh*), означающий грех, вину, преступление в нераздельной правово-религиозной семантике, характерной для зороастрийского права. Тавуси указывает на авестийскую параллель *aēnah-* со значением «преступление, правонарушение» [17, с. 263; 10], которая, в свою очередь, восходит к индоиранскому корню со значением действия, имеющего негативные последствия для сакрального порядка. Принципиально важно, что в тексте «ŠnŠ» *vināh* функционирует не как слово общего языка в правовом контексте, а как строго технический правовой термин, обозначающий конкретное деяние, квалифицированное как запрещённое и влекущее установленное наказание. Это свидетельствует о том, что ко времени создания «ŠnŠ» зороастрийское право достигло высокой степени терминологической формализации [9].

Таджикский рефлекс *гуноҳ* (< новоперс. *gunāh* < ср.перс. *gunāh*) — прямой потомок *vināh* через посредство классического персидско-таджикского языка — полностью сохранился в современном таджикском литературном языке. Более того, он сохранил тот же концептуальный синкретизм: «*гуноҳ кардан*» значит одновременно «согрешить» в религиозном смысле и «совершить проступок» в юридическом, что точно воспроизводит нераздельность сакрального и правового в зороастрийской системе нормирования. В уголовном законодательстве Таджикистана термин *гуноҳ* присутствует в обоих кодексах: в КоАП и в УК РТ он выступает как общий термин, обозначающий вину как субъективную сторону деяния [16, с. 89]. Примечательно, что в УК ТаджССР (1961) слово *гуноҳ* встречается лишь однажды — в статье 23-й, тогда как в УК РТ (1998/2018) оно фигурирует 14 раз, а производная форма *гунаҳгор* — 35 раз. Это соотношение отражает общую тенденцию в постсоветской кодификации к ренационализации юридической терминологии, к замене советских русизмов исконными или персидско-таджикскими терминами [5].

Термин *asrōšdār* (гlossарий, с. 32: «*nāfarmān, kase ki dar omur-e dinī nāfarmon miкунад*» — неподчиняющийся, нарушающий религиозный закон) образован от *srōš* (послушание, подчинение закону) с отрицательным префиксом *a-* и агентивным суффиксом *-dār*, что делает его строгим обозначением субъекта правонарушения — нарушителя нормы, а не просто грешника в общем смысле (Ср. «ŠnŠ», гл. 2/12) [11, с. 32]. В тексте этот термин

выступает как один из видов обозначения правовых субъектов наряду с покаявшимся (*patēt*) и с тем, кто отказывается признавать вину (*nē viṅraṅēd*). Подобная классификация субъектов по отношению к норме и к акту признания обнаруживает черты разработанного процессуального мышления.

В таджикском языке этот термин не сохранился: его семантику покрывает арабское заимствование *тархунанда* / *гунаҳкор* («виновный», «правонарушитель»). Однако любопытна топонимическая и антропонимическая судьба корня *sgōš* в таджикской ономастике. Важнейший запретительный оператор *nē abāyēd* (глоссарий, с. 14–15: «не следует, нельзя»; ср. *nē abāyēd uzišn* — «нельзя совершать богослужение») представляет собой стандартную запретительную формулу «ŠnŠ», структурно аналогичную нормативным запретам современного законодательства: «запрещается», «не допускается». Его исконный рефлекс в таджикском — *набойд* (< *nē abāyēd*) — полностью сохранился и функционирует как стилистически нейтральный запретительный оператор в текстах самых различных регистров, в том числе законодательных. Это один из наиболее показательных примеров непрерывного функционального наследования.

Семантическое поле запрета включает также термин *a-rādyāb* (глоссарий, с. 13: «нечистый, неосвящённый» — *nāpāk, nātāxir*) — ритуальную нечистоту как правовое состояние, при котором субъект лишён дееспособности в сакральных контекстах. В таджикском слово *нопок* (исконное) сохранилось как прилагательное общего языка, однако в правовом дискурсе его семантическое место заняло арабское *начис* / *начосат* (< ар. *najas*), что отражает трансформацию самого понятия нечистоты в новой религиозно-правовой системе — от зороастрийского понятия осквернения к исламскому понятию ритуальной нечистоты.

Термин *a-patētīh* (глоссарий, с. 13: «нераскаяние, отказ от покаяния» — *тобе накардан, нашимāн нашодан*) обозначает тяжкое правовое состояние, при котором наказание не может быть смягчено, поскольку отсутствует акт признания вины и выражения готовности к искуплению. Таджикский рефлекс *тавба накардан* — арабское ядро (*tawba*) при сохранении иранской глагольной рамки — демонстрирует феномен, который можно было бы назвать «гибридной преемственностью»: концептуальный каркас заимствован из исламского права, однако грамматическая структура, выражающая правовую значимость отказа от покаяния, восходит к иранской модели.

Другим центральным термином системы наказания в «ŠnŠ» является *pādafrāh* (глоссарий, с. 116: «пāдафрāх, пāдафрā, кайфар, عقوبت» — наказание, кара). Тавуси приводит авестийскую параллель **raitifrasa-* и хзоварш *r²dyp²h*, а также обширный корпус ссылок на текст: «ŠnŠ» 9/7, 9/8, 5/8, 11/12, 12 [11, с. 116]. Это один из наиболее частотных правовых терминов памятника, что свидетельствует о центральном положении концепта наказания в правовой системе «ŠnŠ». Сопоставление с современной таджикской правовой терминологией здесь особенно поучительно: термин *подафраҳ* зафиксирован в классической поэзии (Рудаки, Фирдоуси) и в «Фарҳанги забони тоҷикӣ» со значением «наказание, кара» [12] — это прямое непрерывное наследование через посредство классического таджикско-персидского литературного языка.

В уголовном законодательстве Таджикистана доминируют арабские конкуренты *чазо* и *мучозот*. В УК РТ термин *чазо* используется более 1 200 раз, занимая место, семантически аналогичное тому, которое занимает *pādafrāh* в системе «ŠnŠ». Сравнение этих двух систем наказания обнаруживает структурную аналогию: оба источника разграничивают наказание как социально-правовую меру и наказание как внутреннее нравственное воздаяние, оба предполагают таксацию наказания по степени тяжести деяния, оба знают категорию смягчения или отягощения наказания в зависимости от обстоятельств, включая признание

или непризнание вины. Замена *rādafrāh* на *чазо* означала терминологический, но отнюдь не концептуальный разрыв.

Показательна судьба термина *āstar* (гlossарий, с. 34: «*āštār*, *tāziāne*, *шалāk*» — плеть, кнут, розга; авестийская параллель *āstrā-*, *AiWb.* 263 [18, с. 263]). Сложные глаголы *āstar burdan* — «принять телесное наказание» и *āstar xōrdan* — «получить удар плетью» (гlossарий, с. 34: «*шалāk хордан*») свидетельствуют о том, что телесное наказание было достаточно систематизированным элементом правовой системы «*ŠnŠ*». В современном таджикском языке *аштар* как апеллатив не сохранился, превратившись в историзм. Его семантическое место заняли арабизмы *тозиёна* и *шаллоқ*. Однако принципиально важно следующее наблюдение: глагол *шаллоқ хӯрдан* воспроизводит структуру *āstar xōrdan* — иранскую глагольную рамку с новым арабским именным ядром. Это явление структурного калькирования свидетельствует о том, что концептуально-синтаксическая модель правового языка оказывается устойчивее лексического наполнения.

Исключительного научного внимания заслуживает система числового таксирования наказания, зафиксированная в гlossарии: термин *agrift* (гlossарий, с. 88: «*агрифт*, *nām-e табакейе аз гонāхān*», «*андāзе-йе ān 16 дерам санг*» — название разряда грехов, размер санкции за которые составляет 16 дирхемов серебра) свидетельствует о разработанной системе количественно эквивалентного возмездия. Ср. также: *ardūš* — 4-й разряд грехов (30 ударов), *x⁻arī* — 5-й разряд (гlossарий, с. 44). Подобная таксация ставит зороастрийское право в один ряд с высокоразвитыми правовыми системами — вавилонской, греческой, римской — и опровергает нередко встречающееся в учебной литературе представление о нём как о сугубо религиозном наборе запретов. В современном таджикском уголовном праве числовая таксация наказания реализована в совершенно иной системе — в санкциях статей УК РТ, определяющих минимальный и максимальный срок лишения свободы, размер штрафа и иных мер воздействия. Прямой преемственности нет, однако сам принцип нормированного, измеримого наказания как основы правовой предсказуемости — общий.

Важнейший процессуальный термин *virravēd* (гlossарий, с. 88–90: «*зекрод*, *этерāф конад*, *бāвар конад*» — признаёт вину, исповедуется) в праве «*ŠnŠ*» выполняет функцию, соответствующую признанию обвиняемого в современном уголовном процессе. Его антоним *nē virravēd* — «не признаёт, отказывается признавать» (с. 90: «*нагрод*, *этерāф наконад*») — является усугубляющим обстоятельством [11, с. 88–90]. В современном таджикском праве эту функцию выполняют термины *эштироф кардан* (арабизм с иранской глагольной рамкой) и *икрор кардан* (более официальная арабская форма). В УК РТ категория признания вины концептуально соответствует «*ŠnŠ*»-овскому разграничению *virravēd* / *nē virravēd*, с той разницей, что в современном уголовном праве признание является основанием для смягчения приговора, а не для отдельного исчисления вины.

Полисемантический концепт *dād* (гlossарий, с. 84 в составе *a-dād*: «*бидād*, *сетам*» — беззаконие, произвол; *abē-dād* — то же; позитивная форма *dād* — «*закон*, *право*, *дар*, *справедливость*») представляет собой, по всей видимости, наиболее значимый правовой концепт иранской правовой традиции. Его семантический диапазон охватывает одновременно правотворчество (*dād* как закон), правоприменение (*dād* как справедливое судебное решение) и нравственный порядок (*dād* – справедливость как таковая). Именно эта концептуальная насыщенность обусловила исключительную продуктивность и устойчивость данного корня в таджикском языке.

Таджикский рефлекс *дод* породил целое гнездо юридических терминов современного таджикского языка, не имеющих эквивалентов равной укоренённости в арабской системе: *додгоҳ* («суд», букв. «место справедливости»), *додхоҳ* («истец», букв. «ищущий

справедливости»), *додситон* («прокурор», букв. «берущий справедливость»), *бедод* («беззаконие», букв. «без-дод»), *додмурсон* («следователь»). Примечательно, что в советский период термин *додгоҳ* был частично вытеснен транслитерированным русским суд / судхона, однако в постсоветской кодификации вернул себе место в официальном правовом языке. Это наблюдение подтверждает общую закономерность, установленную в диссертационном исследовании автора: советский период в таджикской юридической терминологии характеризовался широкой интервенцией русской и интернациональной лексики, тогда как постсоветская кодификация в значительной мере осуществила реабилитацию исконной персидско-таджикской терминологии.

Термин *ušōfītd* (глоссарий, с. 68: «хадие, пишкаш надри, фдие ва қорбани кардан» — жертвенный дар, выкуп, компенсационная жертва) описывает искупительный платёж как форму возмещения ущерба перед сакральным порядком. В этом смысле он структурно соответствует понятию *дийа* (выкуп за кровь) в исламском праве, хотя содержательно значительно отличается: зороастрийский *ušōfītd* — это сакральная компенсация, тогда как исламская *дийа* — прежде всего компенсация имущественная. Принципиально важно, что в таджикском имущественно-правовом дискурсе иранский по происхождению термин *товон* («возмещение ущерба, компенсация») устоял против арабского *гарамона* (< ар. *gharāma*). Это пример того, как имущественно-правовая лексика оказывается значительно более устойчивой, чем сакрально-правовая, при смене религиозно-правовой парадигмы.

Система исчисления долга и оценки размера ущерба в «ŠnŠ» фиксируется через термины *āmār* (с. 48: «счёт, исчисление»; ср. авест. $\sqrt{\text{mag-}}$, помнить, учитывать [11, с. 48]), *ušmār* (с. 68: «счёт, подсчёт»), *handāxt* (с. 76: «исчислил, оценил, рассчитал»). В таджикском *омор* сохранился в значении «статистика, численность», т.е. произошёл семантический сдвиг от правового исчисления к нейтральному количественному учёту, тогда как в финансово-правовом контексте это место заняло арабское *хисоб* (< ар. *ḥisāb*). В действующем УК РТ финансово-правовые расчёты выражены через систему понятий в основном арабского и русско-интернационального происхождения: штраф, чарима, зарар, зиён, — что отражает многослойность лексического состава современного таджикского правового языка.

Ритуальное осквернение как правовое состояние обозначается в «ŠnŠ» термином *hamrēt* (глоссарий, с. 50: «хамрит, āлодаги дар асаре тамās-е мостаким» — загрязнение в результате прямого контакта). В правовой системе «ŠnŠ» это не метафора нечистоты, но строго операционализированное правовое состояние, влекущее определённые последствия для правовой дееспособности субъекта. Сочетание *ham karzag* (с. 50: «хамкарзе, дар тамās, пайвасте, часбиде» — в непосредственном соприкосновении) служит описанием причинно-следственной цепи, порождающей это состояние [11, с. 50]. Здесь зороастрийское право обнаруживает концептуальное сходство с системами многих других древних правопорядков, в частности с левитским Термин *rādyābīh* (глоссарий, с. 116: «пāдиāб, пāдиāбī, тахāрат, возу, шостошу, ḡosl» — очищение, ритуальное омовение; авестийская параллель *raity-āram: Modī*, pp. 83–90; SnŠ 10/2, 18/8, 22/12 [11, с. 116]) описывает юридически значимый акт снятия осквернения. Показательна персидская глосса в самом глоссарии Тавуси: арабские *тахāрат* и *возу* поставлены как функциональные эквиваленты к *rādyābīh*. Это отражает осознанную переводческую работу позднесредневековых учёных, искавших соответствия между зороастрийскими и исламскими правовыми понятиями. В таджикском рефлекс *нок* (< ср.-перс. *rāk*) полностью сохранился в значении «чистый», а таджикское *покй* — в значении «чистота, чистоплотность» — противопоставит арабскому *тоҳорат* в религиозном дискурсе и сохраняет своё место в общелитературном плане.

Особого аналитического внимания заслуживает термин *patēt* (гlossарий, с. 122: «патит, тебе аз гонāх, э́терāф бе гонāх» — покаяние, исповедание греха; авестийская форма *paītiti*, AiWb. 829; SnŠ 14/4, 12/8 [11, с. 122]). В правовой системе «ŠnŠ» *patēt* — это не просто религиозный акт, но юридически значимое действие, влекущее изменение правового статуса субъекта: от состояния виновности (*vināh*) к состоянию искупившего вину. Структурно это соответствует различению в современном уголовном праве между лицом, не признавшим вину, и лицом, признавшим её, с соответствующими процессуальными и материальными последствиями. В таджикском языке слово *тавба* (< ар. *tawba*) полностью вытеснило исконный термин, однако культурная матрица «признание вины как акт правового очищения» сохраняется в полном объёме и в народном правосознании, и в официальной юридической системе.

Обсуждение. Проведённый многоуровневый анализ позволяет выстроить типологию судебных среднеперсидских правовых терминов в таджикском языке, учитывающую не только лексическое, но и концептуальное, и функциональное измерение.

Группа I — **прямые рефлексы** (форма и значение сохранены): *nē abāyēd* → набояд; *dād* → дод; *pādafrāh* → подафрах; *pāk* → пок; *vināh* → гуноҳ (через ново-перс.); *arz* → арз / арзиш; *avām* → вом (долг). Эта группа демонстрирует подлинную непрерывность иранской правовой традиции в таджикском языке. Особенно показателен пример **дод** — это корень, который напрямую восходит к концептуальному ядру правовой системы «ŠnŠ» и продолжает быть продуктивным в самой официальной части правового лексикона современного Таджикистана.

Группа II — **семантические сдвиги** (форма сохранена, значение реструктурировано): *āmāg* → омор (из «исчисления долга» в «статистику»); *arzān* → арзон (из «достойного, ценного» в «дешёвый» — показательный отрицательный семантический сдвиг, не имеющий аналогов в правовом дискурсе); *dodgoh*, *dodxoh* — новые дериваты от исконного корня, созданные в эпоху постсоветской правовой терминологии, при этом сам корень восходит к *dād* из «ŠnŠ». Эта группа свидетельствует о процессах терминологического переосмысления, при котором традиционная лексическая форма получает новое, исторически обусловленное содержание.

Группа III — **вытеснение арабизмами и русизмами** (форма и значение заменены): *pādyābīh* → тохорат; *ahrmoḡīh* → куфр / иртидод; *virravēd* → э́тироф / иқроп; *āstar* → тозиёна / шаллоқ; *uzdēhīgīh* → бадарға. Вытеснение произошло преимущественно в VIII–X вв. н. э. в ходе исламизации и арабизации официального правового дискурса. Однако даже здесь структурная преемственность нередко прослеживается в синтаксических моделях — глагольных рамках, сохраняющих иранскую архитектуру при арабском лексическом наполнении (шаллоқ хўрдан ← *āstar xōrdan*; тавба накардан ← *a-patētīh*).

Необходимо также специально рассмотреть четвёртую группу, которую можно было бы назвать «советской интервенцией» и последующей «постсоветской реабилитацией». Советская кодификация 1935 и 1961 годов в значительной мере переориентировала таджикский правовой язык на русско-интернациональную лексику: гражданин, прокурор, адвокат, президиум, рецидив, бандитизм, диверсия, контрабанда — все эти термины вошли в УК ТаджССР как прямые заимствования или кальки [6]. Постсоветская кодификация УК РТ частично обратила этот процесс: контрабанда → қочоқ, диверсия → тахрибқорӣ, хулиганство → авбошӣ. Примечательно, что при этом был частично задействован слой исторической иранской лексики — например, термин **кирдор** («деяние», в современном смысле *actus reus*) восходит к той же лексической традиции, что и *kāra* в «ŠnŠ»-системе описания действия.

Генеральный вывод из данной типологии состоит в следующем: вытеснение среднеперсидских правовых терминов затронуло прежде всего специфически зороастрийскую сакрально-правовую лексику — термины ритуального осквернения, религиозного преступления, жреческого судопроизводства. Лексика имущественно-правовая (долг, стоимость, оценка, возмещение ущерба), общеюридическая (запрет, вина, справедливость, наказание в широком смысле) и процессуальная (признание, непризнание, санкция) оказалась значительно устойчивее — здесь иранские термины либо сохранились напрямую, либо образовали новые дериваты, либо сохранили свою концептуальную структуру при смене лексического наполнения.

Заключение. Ряд конкретных наблюдений, полученных при сопоставлении правовой лексики из «ŠnŠ» с терминологией действующего УК РТ, заслуживает отдельного рассмотрения.

Прежде всего обращает на себя внимание проблема полисемии в правовом языке, которая в одинаковой мере была актуальна и в системе «ŠnŠ», и в современном таджикском законодательстве [7]. Как показывает анализ глоссария Тавуси, среднеперсидские правовые термины, при всей их формальной устойчивости, могли обнаруживать значительный семантический диапазон: *pādafrāh* обозначает и наказание как таковое, и разряд наказания, и конкретный акт наказания. Аналогичная проблема характерна для современного таджикского права: в УК РТ термин *қирдор* употребляется для обозначения и действия, и бездействия, что, как справедливо указывает Т. С. Шокиров, не вполне согласуется с лингвистическим смыслом слова [16, с. 234].

Далее следует обратить внимание на структуру антонимических пар в обоих источниках. Право как нормативная по своей природе система опирается на бинарные оппозиции: дозволенное / запрещённое, виновный / невиновный, наказание / освобождение от наказания. Название «ŠnŠ» — «šāyast / nē šāyast» («Приличествует и неприличествует») — само по себе является воплощением этого принципа. В современном УК РТ аналогичная система антонимических пар — *ҷиноят / ҷазо* (преступление / наказание), *ғуноҳ / савоб* (вина / благодеяние), *ҳаракат / беҳаракатӣ* (действие / бездействие) — структурно воспроизводит ту же нормативную бинарность, хотя на иной терминологической основе. Особого внимания заслуживает и вопрос об иноязычных заимствованиях в правовом языке — вопрос, актуальный как для «ŠnŠ», так и для современного таджикского законодательства. В тексте «ŠnŠ» арамейские хзварши — слова-идеограммы, используемые для записи иранских понятий семитскими знаками, — отражают влияние арамейского административного языка Ахеменидской эпохи. В современном УК РТ европеизмы — ретсидив, бандитизм, терроризм, геноцид, экотсид — выполняют аналогичную функцию интернационального правового языка, позволяющего встраивать таджикскую правовую систему в более широкое пространство международного права. Таким образом, взаимодействие с иноязычными элементами является не нарушением, а органической чертой таджикской правовой терминологии на всём её историческом протяжении.

Наконец, особо значимым представляется вопрос о роли признания вины в обеих системах. В «ŠnŠ» оппозиция *vīrravēd / nē vīrravēd* структурирует процессуальный исход дела: признание смягчает меру наказания, непризнание — отягощает. В действующем УК РТ аналогичная логика реализована в системе смягчающих обстоятельств (статья 63 УК РТ), где явка с повинной и признание вины учитываются при назначении наказания. Концептуально — при всём различии правовых систем и правовых культур — перед нами одна и та же идея: признание вины как морально-правовой акт, влекущий юридически

значимые последствия. Эта идея прослеживается в таджикской правовой традиции «ŠnŠ» через исламское право и вплоть до современного законодательства.

Итак, проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов, значимых как в историко-лингвистическом, так и в юрислингвистическом отношении.

Во-первых, правовая лексика из «Šāyast nē Šāyast» представляет собой не архаический пережиток, но живое звено в диахронической цепи таджикской юридической терминологии. Концептуальный аппарат, созданный зороастрийской правовой мыслью и зафиксированный в «ŠnŠ» с точными числовыми санкциями, классификацией субъектов и процессуальными актами, был унаследован таджикским языком в трёх формах: прямого лексического наследования (дод, пок, набояд, подафрах, гунох), семантической реструктуризации исконных основ (омор, додгох, арзиш, товон) и структурного калькирования при арабском или тюркском лексическом наполнении (эйтироф кардан, тавба кардан, шаллок хурдан).

Во-вторых, вытеснение среднеперсидских правовых терминов, произошедшее в VIII–X вв. н. э. в ходе арабизации официального правового дискурса, носило дифференцированный характер: оно затронуло прежде всего специфически зороастрийскую сакрально-правовую лексику, тогда как имущественно-правовая и общеправовая лексика оказалась значительно более устойчивой. Переход к исламскому праву был, таким образом, терминологическим, а не концептуальным разрывом: были унаследованы структуры правового мышления — бинарность нормы, таксация наказания, покаяние как правовой акт, признание вины как основание для смягчения наказания.

В-третьих, советский период в истории таджикской правовой терминологии стал временем масштабной интервенции русской и интернациональной лексики, во многом вытеснившей не только арабизированную персидско-таджикскую, но и более раннюю иранскую правовую лексику. Постсоветская кодификация (УК РТ 1998/2018) осуществила частичную ренационализацию терминологии, задействовав исторический пласт иранской и персидско-таджикской лексики [8]. В этом контексте исследование «ŠnŠ» приобретает не только историко-лингвистическое, но и практическое значение: оно позволяет выявить исторические корни терминов, которые разработчики современного таджикского законодательства интуитивно или осознанно извлекают из глубин языка.

В-четвёртых, настоящее исследование подтверждает правомерность и перспективность юрислингвистического подхода к истории таджикского языка: история правовой терминологии — это одновременно история правовых систем, политических режимов, культурных трансформаций и языкового контакта. Понять современный таджикский правовой язык — значит понять тысячелетнюю историю, отложившуюся в его терминах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Авесто / Гузориш ва пажӯҳиши Чалили Дӯстхоҳ*. — Душанбе: Қонуният, 2001. — 792 с.
2. Бердыева Т. *Лингвистические и экстралингвистические причины арабских заимствований в таджикском языке / Т. Бердыева*. — Душанбе: Ирфон, 1971. — 145 с.
3. *Кодекси ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон (дар асоси нашри 1998. Бо тағйироту иловаҳо)*. — Душанбе: Қонуният, 2018. — 428 с.
4. *Кодекси ҷиноятӣ РСС Тоҷикистон*. — Сталинобод: Наирдавлтоҷ, 1961. — 116 с.
5. Маллаева М. А. *Истилоҳоти ҳуқуқи ҷиноятӣ ва вержағҳои онҳо дар забони тоҷикӣ / М. А. Маллаева // Ахбори ДДҲБСТ. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ*. — Хучанд: Нури маърифат, 2015. — № 4 (65). — С. 138–145.
6. Маллаева М. А. *Аврупоизмҳо дар Кодекси ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон / М. А. Маллаева // Ахбори ДДҲБСТ*. — Хучанд: Дабир, 2018. — № 1 (74). — С. 127–134.
7. Маллаева М. А. *Вержағҳои сермаъно дар ҳуқуқ / М. А. Маллаева // Ахбори Академияи илмҳои ҶТ. Шӯъбаи илмҳои ҷамъиятишиносӣ*. — Душанбе: Дониш, 2020. — № 2 (259). — С. 196–201.

8. Маллаева М. А. Пайдоиши истилоҳоти ҳуқуқи ҷиноятӣ дар забони тоҷикӣ ва даврабанди он / М. А. Маллаева // *Забон ва рукни он*. — Хучанд: Дабир, 2020. — С. 81–87.
9. Периханян А. Г. Сасанидский судебник. Книга тысячи судебных решений. — Ереван: АН АрмССР, 1973. — 540 с.
10. Саймиддинов Д. Вожаииносии забони форсии миёна / Д. Саймиддинов. — Душанбе: Пайванд, 2001. — 204 с.
11. Тавуси М. *Vāže-nāme-ye Šāyast nē Šāyast: A Pahlavi-Persian Glossary and Six Indexes*. — Шираз: Ширазский университет, 1365/1986. — 375 с.
12. Фарҳанги забони тоҷикӣ. — Москва: СЭ, 1969. — Ҷ. 1–2.
13. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. — Душанбе: Пажӯҳишигоҳи забон ва адабиёти ба номи Рӯдакӣ, 2008–2010. — Ҷ. 1–2.
14. Фарҳанги истилоҳоти ҳуқуқ (нашири дуюм). — Душанбе: Эр-граф, 2009. — 574 с.
15. Шокиров Т. С. Истилоҳоти ҳуқуқшиносии тоисломӣ дар забони тоҷикӣ/ Т. С. Шокиров. — Хучанд: Хуросон, 2008. — 118 с.
16. Шокиров Т. С. *Формирование и развитие юридических терминов таджикского языка: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.22 / Т. С. Шокиров*. — Душанбе: ТНУ, 2011. — 357 с.
17. Bartholomae Ch. *Altiranisches Wörterbuch*. — Strassburg: Trübner, 1904. — 2000 Sp.
18. Bartholomae Ch. *Указ. соч.* — Sp. 263.

REFERENCES:

1. *Avesta / Translation and Research by Jalil Dustkhah*. — Dushanbe: Qonuniyat, 2001. — 792 pp.
2. Berdyeva T. *Linguistic and Extralinguistic Causes of Arabic Borrowings in the Tajik Language*. — Dushanbe: Irfon, 1971. — 145 pp.
3. *Criminal Code of the Republic of Tajikistan (based on the 1998 edition, with amendments and additions)*. — Dushanbe: Qonuniyat, 2018. — 428 pp.
4. *Criminal Code of the Tajik SSR*. — Stalinabad: Nashrdavltaj, 1961. — 116 pp.
5. Mallayeva M. A. *Criminal Law Terminology and Its Features in the Tajik Language // Bulletin of TSULBP. Series of Humanities*. — Khujand: Nuri ma'rifat, 2015. — No. 4 (65). — PP. 138–145.
6. Mallayeva M. A. *Europeanisms in the Criminal Code of the Republic of Tajikistan // Bulletin of TSULBP*. — Khujand: Dabir, 2018. — No. 1 (74). — PP. 127–134.
7. Mallayeva M. A. *Polysemous Words in Law // Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. Department of Social Sciences*. — Dushanbe: Donish, 2020. — No. 2 (259). — PP. 196–201.
8. Mallayeva M. A. *The Origin of Criminal Law Terminology in the Tajik Language and Its Periodization // Language and Its Component*. — Khujand: Dabir, 2020. — PP. 81–87.
9. Perikhanian A. G. *The Sasanian Law Book: The Book of a Thousand Judgments*. — Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1973. — 540 pp.
10. Saymiddinov D. *Lexicology of the Middle Persian Language*. — Dushanbe: Payvand, 2001. — 204 pp.
11. Tavusi M. *Vāže-nāme-ye Šāyast nē Šāyast: A Pahlavi-Persian Glossary and Six Indexes*. — Shiraz: Shiraz University, 1365/1986. — 375 pp.
12. *Dictionary of the Tajik Language*. — Moscow: Soviet Encyclopedia, 1969. — Vols. 1–2.
13. *Explanatory Dictionary of the Tajik Language*. — Dushanbe: Rudaki Institute of Language and Literature, 2008–2010. — Vols. 1–2.
14. *Dictionary of Legal Terms (2nd edition)*. — Dushanbe: R-graph 2009. — 574 pp.
15. Shokirov T. S. *Pre-Islamic Legal Terminology in the Tajik Language*. — Khujand: Khuroson, 2008. — 118 pp.
16. Shokirov T. S. *Formation and Development of Legal Terms of the Tajik Language: Doctoral Dissertation in Philology: 10.02.22*. — Dushanbe: TNU, 2011. — 357 pp.
17. Bartholomae Ch. *Altiranisches Wörterbuch*. — Strassburg: Trübner, 1904. — 2000 col.
18. Bartholomae Ch. *Op. cit.* — Col. 263.

УДК-801.5 (Англ)

DOI 10.24412/3005-849X-2026-2-156-166

**КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА И
КАУЗАТИВНОСТИ В
АНГЛИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ
ЯЗЫКАХ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ
РАЗЛИЧИЯ И СХОДСТВА**

**КАТЕГОРИЯҲОИ ТАРЗ ВА
САБАБИЯТ ДАР ЗАБОНҲОИ
АНГЛИСӢ ВА ТОЧИКӢ:
ТАФОВУТ ВА ШАБОҲАТҲОИ
ФУНКЦИОНАЛӢ**

**THE CATEGORY OF VOICE AND
CAUSATIVITY IN ENGLISH AND
TAJIK LANGUAGES:
FUNCTIONAL DIFFERENCES
AND SIMILARITIES**

Хамидова Мунира Нумоновна, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой перевода и грамматики английского языка ГОУ «ХГУ имени академика Б. Гафурова» (Худжанд, Таджикистан)

Ҳомидова Мунира Нӯмоновна, н.и.ф., дотсент, мудири кафедраи тарҷума ва грамматикаи забони англисии МДТ “ДДХ ба номи академик Б. Гафуров” (Хучанд, Тоҷикистон)

*Homidova Munira Numonovna, candidate in Philology, associate professor, head of the department of translation and Grammar of the English language under the SEI “KhSU named after academician B. Gafurov” (Khujand, Tajikistan)
e-mail: munira.homidova@bk.ru*

*На материале английского и таджикского языков рассматриваются категории залога и каузативности, их взаимосвязь и основные свойства. Особое внимание уделяется типологическим различиям в способах выражения каузативности и залога: в английском языке каузативность чаще реализуется аналитическими конструкциями с глаголами *take, have, let, get*, тогда как в таджикском языке она выражается морфологически, с помощью суффиксов *-он/-ён* (хобондан). Анализ показал, что каузативность трансформирует распределение ролей участников действия, вводя нового субъекта – каузатора, и тем самым пересекается с функциями залога. Выявляются закономерности взаимодействия категорий, демонстрируя их влияние на синтаксическую структуру предложения и расширяя понимание причинно-следственных отношений в английском и таджикском языках.*

Ключевые слова: *категория залога; категория каузативности; синтаксические структуры; типологические различия; морфологические средства; синтаксические средства; субъект-каузатор; причинно-следственные отношения*

*Категорияҳои тарз ва сабабият, муносибатҳои байниҳамдигарӣ ва хусусиятҳои асосии онҳо дар асоси маводи забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ баррасӣ мешаванд. Таваҷҷуҳи махсус ба фарқҳои типологӣ дар ифодаи сабабият ва тарз равона карда мешавад: дар забони англисӣ сабабият беиштар тавассути сохторҳои аналитикӣ, ки феълҳои *take, have, let, and get*-ро дар бар мегиранд, ифода мегардад, дар забони тоҷикӣ бошад он бо роҳи морфологӣ тавассути пасванди *-он/-ён* (хобондан) баён мешавад. Таҳлил нишон дод, ки сабабият тақсимои нақшҳоро байни иштирокдорони амал тағйир медиҳад ва субъекти нав - мусаббиро - муаррифӣ мекунад ва бо ин васила бо вазифаҳои тарз пайваст мешавад. Қонуниятҳои таъсири мутақобилаи байни ин категорияҳо ошкор ва таъсири онҳо ба сохтори синтаксисии ҷумлаҳо нишон дода шудааст, ки фаҳмиши моро дар бораи муносибатҳои сабабу натиҷа дар забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ васеъ мекунад.*

Калидвожаҳо: *категорияи тарз; категорияи сабабият; сохторҳои аналитикӣ; фарқҳои типологӣ; воситаҳои морфологӣ; воситаҳои синтаксисӣ; субъект-мусаббӣ; муносибатҳои сабабу натиҷа*

The article examines the categories of voice and causativity, their interrelation, and core properties based on English and Tajik. Special attention is paid to typological differences in the ways causativity and voice are expressed: in English, causativity is predominantly realized through analytical constructions with the verbs make, have, let, and get, whereas in Tajik it is expressed morphologically through suffixes –on/yon (e.g., хобондан). The analysis demonstrates that causativity transforms the distribution of participant roles by introducing a new subject - the causer - thereby intersecting with the functions of voice. The study identifies regularities in the interaction of these categories, illustrating their impact on the syntactic structure of the sentence and expanding the understanding of cause-and-effect relationships in both English and Tajik.

Key-words: *category of voice; category of causativity; analytical constructions; typological differences; morphological means; syntactic means; causer-subject; cause-and-effect relations*

Введение. Категория залога представляет собой один из сложных аспектов языкового строения, как в аспекте единого определения самой категории, так и её вариативности. Залог является грамматической категорией глагола и играет важную роль не только в морфологии, но и в синтаксисе, логике высказывания и актуальном членении предложения.

Базовой формой глагольного залога является форма актива, которая является основой залоговых конструкций в каждом языке. В статье будет рассмотрено, как категория залога соотносится с каузативностью в английском и таджикском языках, а также проанализированы различия в выражении этих категорий в обоих языках.

Цель статьи – охарактеризовать категорию залога и выявить общие и отличительные свойства соотношений каузативности и залога в английском и таджикском языках.

Залог – это грамматическая категория глагола, которая отражает отношение действия к его субъекту и объекту. Он влияет на структуру предложения и используется для выражения роли участников действия (субъекта и объекта) в зависимости от того, кто выполняет действие, а кто его испытывает.

В обоих языках (английском и таджикском) залог делится на активный и пассивный. Активный залог показывает, что субъект (подлежащее) выполняет действие, а пассивный – что субъект подвергается действию, выполняемому другим участником.

Пример:

• **Активный залог:** *The boy had taught the dog to sit.* - Писарак ба саг нишастанро ёд дода буд.

• **Пассивный залог:** *The dog was taught to sit by the boy.* - Ба саг нишастан аз ҷониби писарак ёд дода шуд.

В данном контексте активный залог в английском языке выражается через форму глагола с действительным субъектом, а пассивный – через конструкцию [с *to be* + причастие прошедшего времени]. В таджикском языке для пассивной формы используется конструкция с причастием и глаголом *шудан*.

Активный залог представляет собой форму, где подлежащее является исполнителем действия, а пассивный – где подлежащее является объектом действия. Важно отметить, что в английском языке структура пассивного залога строится через глагол *to be* в соответствующей форме, а в таджикском используется комбинация причастия и глагола *шудан*.

Залог как грамматическая категория глагола не ограничивается лишь морфологией. Он связан также с синтаксическими категориями подлежащего и сказуемого, логикой высказывания, направленностью действия по отношению к носителю и с актуальным членением предложения. Рассмотрим каждую из этих связей с данной категорией по отдельности.

Связь категории залога с морфологией. В обоих языках каждый залог имеет собственную категориальную структуру:

1. The old man had taught the boy to fish. (E. Hemingway, p.8) ~ Пирамард ба писарак моҳигириро ёд дода буд (Э.Хемингвей, с.9).

2. The shack was made of the tough bud-shields of the royal palm. (E. Hemingway, p.14) ~ Кулба аз барғҳои сахти нахли шоҳӣ сохта шуда буд (Э.Хемингвей, с.15).

В первом случае (1) английский глагол had taught и его таджикский вариант «ёд дода буд» выступают в форме активного залога. В примере (2) формы was made и «сохта шуда буд» употребляются в пассивном залоге. Контраст между активным и пассивным залогом проявляется в противопоставлении конструкции [to be + past participle] (в английском языке) и конструкции [причастие предшествования + шудан] (в таджикском языке) формам без данной конструкции.

Здесь видно, что конструкции в активном и пассивном залогах различаются не только по смыслу, но и по форме, что подтверждает различие морфологии залога в разных языках.

Связь категории залога с логикой. В данном случае для раскрытия содержания залоговых противопоставлений необходимо использовать такие логические понятия, как субъект и объект, а также рассмотреть их соотношение с грамматическими понятиями подлежащего и дополнения.

В обоих языках в активном залоге субъект (подлежащее) выступает как исполнитель (агенса) действия, выраженного глаголом-сказуемым, тогда как в пассивном залоге, напротив, субъект (подлежащее) указывает на объект (дополнение), испытывавший внешнее воздействие. Эта логическая структура играет ключевую роль в формировании смысловых оттенков в предложении. Например:

3. *The boy had brought them in a two-decker metal container from the Terrace.* (E.Hemingway, p.20) ~ Писарак гизоро дар ду зарфи дуқабата аз "Террас" оварда буд (Э.Хемингвей, с.21).

4. Ба рӯи лаълӣ ду дона нони аз тобишаи равғанӣ буданаи намоеън, андаке ҳалвои бодомӣ, пиёла, чойҷӯши мисина, дафтар, қаламу давои низ гузошта шуда буд (Р.Чалил, с.384).

5. *These tickets were given for learning the Bible verses* (M. Twain, p.12).

В указанном примере (3) глаголы **had brought** и его таджикский вариант «оварда буд» служат для выражения действительного залога. Оба глагола выражают действия, исполнителями (агенсами) которого являются **the boy** и «писарак».

Далее, в предложениях (4, 5) словоформы «гузошта шуда буд» и **were given** выступают в форме страдательного залога. Исполнителями (агенсами) этих действий нельзя считать подлежащие «ду дона нон...» и **these tickets**, поскольку они обозначают объекты действия. Поскольку в данном случае реальные исполнители (агенсы) не являются значимыми, в приведённых английских и таджикских примерах они не указаны и даже не упоминаются.

Вместе с тем следует отметить, что существуют случаи, когда в обоих языках действие выражается явно: *Here one of the guinea-pigs cheered, and was immediately suppressed by the officers of the court.* (L.Carroll, p.73) ~ Яке аз хукҷаҳои баҳрӣ чак-чак зад ва аз ҷониби афсарони дарбор пахишу пачақ карда шуд. (Л.Каррол, с.64).

В данном предложении субъектами (агенсами) являются словосочетания **the officers of the court** и «афсарони дарбор», которые выполняют функцию дополнения. Для указания на то, кем или чем выполняется действие, в английском языке используется предлог **by**, а в таджикском языке - «аз тарафи, аз ҷониби», «бо дасти».

Связь категории залога с актуальным членением предложения. Актуальное членение предложения – это процесс распределения элементов предложения по категориям "тема"

(что известно) и "рема" (что сообщается). В разных языках пассивный залог используется для различных целей, в том числе для выделения элемента, который становится фокусом высказывания (ремой). Это часто происходит, когда агент действия не имеет значения или его не нужно указывать.

В разноструктурных языках пассивный залог в определённых ситуациях используется для переноса субъекта (агенса) действия в ремю высказывания. В других случаях он указывает на незначимость субъекта действия, вследствие чего этот субъект может отсутствовать в предложении, что подтверждается следующими примерами из исследуемых языков:

Our cabs were dismissed, and, following the guidance of Mr. Merryweather, we passed down a narrow passage and through a side door, which he opened for us. (A. Conan Doyle, p.22).

Мактаб шабона буду дар пеши мактаби русии маҳалли шаҳр бо эҳтимоми Андреев гуфтани олим кушода шуда буд (Р.Чалил, с.132).

As far as I can make out, the League was founded by an American millionaire, Ezekiah Hopkins (A. Conan Doyle, p.16).

Аҳолии он деҳа тамоман аз дини ислом баргаишта омили худро, ки аз тарафи арабҳо гузошта шуда буд, куштанд ва Абдулло бинни Умарро ба худ ҳоким бардоштанд (С.Айнӣ, с.126). ~ The population of this village totally abandoned Islam and killed their ruler, who had been appointed by Arabs, and chose Abdulla ibn Umar as their governor (S.Аyni, p.126).

В приведённых выше примерах (6, 7) агенса не указаны, поскольку они являются неактуальными. В примерах (8, 9), напротив, обнаруживаются агенса арабҳо - Arabs, которые составляют ремю высказывания.

Категория залога изучалась в лингвистике многими известными учеными, поэтому существует множество разных подходов к её анализу. Вопрос о залоге является многогранным и многозначным, что порождает различные теории и подходы к определению его функций.

На морфологическом уровне категория залога рассматривалась в трудах выдающихся исследователей А.А. Шахматова, В.В. Виноградова, которые отмечали важность морфологических признаков для определения активного и пассивного залога. На синтаксическом уровне исследование этой категории было продолжено учеными А.М. Пешковским и А.В. Бондарко, которые исследовали, как залог влияет на синтаксическую структуру предложений.

В таджикском языке эта категория также была предметом внимания в работах исследователей Масуми и В.С. Расторгуевой, которые рассматривали залог как важный элемент морфологии глагола.

Особое внимание стоит уделить мнению профессора Б.А. Ильиша, который писал, что залог выражает отношение сказуемого к подлежащему и дополнению, что подтверждается грамматическим значением, которое формируется через морфологические и синтаксические средства.

Ряд исследователей предполагает, что данная категория выражает отношение действия к его субъекту и объекту [4; 9]. Под понятием «субъект» эти исследователи имеют в виду логическое понятие «исполнитель действия», а не грамматическое понятие подлежащего. При рассмотрении значения термина «объект» под ним понимается предмет, который подвергается воздействию субъекта.

Как отмечает М.А. Беляева, категория залога обозначает тот факт, что подлежащее либо осуществляет действие, т. е. является производителем действия (активом), либо подвергается воздействию извне (пассивом) [1, с. 82]. В описании учитывается только грамматический аспект категории. Ведущий исследователь Р. Якобсон понимает под залогом «отношение

между сообщаемым фактом и его участниками, безотносительно к факту сообщения или говорящему лицу» [14, с.101]. В этом абстрактном определении он акцентирует внимание на том, что кто-то сообщает о какой-либо ситуации материального мира, в которой участвуют определённые предметы, выполняющие действия, и в результате данных действий возникают определённые отношения между участниками. Вследствие этих отношений происходит воздействие одного участника на другого, что становится причиной изменений статуса последнего.

Таким образом, в своём определении Р. Якобсон учитывает онтологический фактор категории залога. На основании обзора можно заключить, что залог включает не только форму глагола и синтаксические категории подлежащего и дополнения, но и логические понятия субъекта и объекта и показывает взаимоотношения между предметами материального мира.

М.М. Гухман в докторской работе рассматривала направленность действия. По данному характеристическому признаку она классифицирует действия на центробежные и центростремительные [5, с.189].

Центробежное действие – действие, исходящее из подлежащего и направленное на дополнение.

Центростремительное действие – действие, исходящее из косвенного дополнения и направленное на подлежащее. Приводим примеры:

6. *Every day he took a mysterious book out of his desk (M. Twain, p.120).*

7. *Китобфурӯи ... аз рафи баланде як китоберо гурифт (Р. Чалил, с.271).*

В приведённых примерах центробежным является действие *took – гурифт*, поскольку подлежащее выступает центральным элементом синтаксической конструкции и действие направляется от него слева направо.

В предложениях *Every day a mysterious book was taken out of his desk by him* и *Як китобе аз рафи баланде аз тарафи китобфурӯи гурифта шуд* центростремительным является действие *was taken* и *гурифта шуд*, так как оно исходит из дополнения (*by him* и *аз тарафи китобфурӯи*) и направлено справа налево к подлежащему (*a mysterious book* и *як китобе*).

Данный взгляд разделяется большинством лингвистов, среди которых: профессора М.Я. Блох [2, с.176], А.И. Смирницкий [12, с.265], А.В. Бондарко [3, с. 45] и К.У. Усманов [13, с.131].

По результатам проведённого обзора можно сказать, что, бесспорно, существует широкий круг учёных, поддерживающих взгляд о связанности категории залога с направленностью действия. Мы также разделяем позицию лингвистов, которые при определении категории залога выделяют различия между залоговыми значениями в специфике проявления направленности действия, учитывая, что эта концепция рассматривает залог как явление грамматического порядка.

В английском языкознании категория залога достаточно хорошо изучена и проведено множество исследований. Среди наиболее значимых трудов можно назвать работы учёных-англистов: Н.Ф. Иртеньева, О.М. Барсова, А.П. Шапкина, Б. Комри, Дж. Виллияма, О. Ахмановой, В. Беленькой, Н.А. Кобриной, Е.А. Корнеевой, Л.С. Бархударова, М.Я. Блоха, В.Д. Аракина, И.П. Крыловой, Е.М. Гордона, У.Ч. Филлмора, А.И. Смирницкого, Б. Ильиша, Г. Суита.

Указанные труды имеют особое значение для нашего анализа, так как позволяют рассмотреть смысловые особенности пассивного залога и синтаксическую организацию глагола в форме страдательного залога.

Сущность противоречивых мнений о категории активного или пассивного залога базируется на проблеме соотношения с синтаксисом и морфологией.

По мнению А.И. Смирницкого, трудности, связанные с выделением и рассмотрением категории залога, определяются прежде всего тем, что грамматическое значение этой категории близко по содержанию к лексическому значению глагола [12, с. 231].

В то время М.Я. Блох справедливо утверждал, что категория залога отражена во всех глаголах; в пассивизируемых глаголах это проявляется если не прямо, то косвенно [2].

Согласно Е.А. Кобриной, в ограничительном понимании действительный залог – это залог переходности, указывающий на то, что действие глагола не только производится субъектом, но и переходит на объект. В общем понимании Е.А. Кобрина определяет действительный залог как категорию глагола, сущность которой заключается в том, что субъект, представленный подлежащим, является источником действия [8].

В исследованиях также отмечается отсутствие единства в классификации видов залога, которых различные авторы насчитывают от двух до пяти. Британский лингвист Г. Суит выявляет два категориальных типа залога [16, с.112-113]. Другие учёные отмечают три вида залога: действительный, страдательный и возвратный [15, с.86; 6, с.137]. По их мнению, использование с глаголом возвратных местоимений *myself, yourself* может образовывать форму возвратного залога.

Выдающийся советский англист Б.А. Ильиш, помимо действительного и страдательного, стремится обосновать функционирование в английском языке *взаимного* и *среднего* залогов. В качестве примеров взаимного залога он приводит сочетания глагола с местоимениями *each other* и *one another*, действие которых направляется с одного лица на другое, и наоборот. В качестве примеров среднего залога Б.А. Ильиш приводит конструкции *the door opened, the paper burnt*; а глаголы *open, burn* он рассматривает как формы среднего залога, так как подлежащие (*the door* и *the paper*) не выполняют действие самостоятельно, и не определено, кто его осуществил. [7, с.118].

На наш взгляд, местоимения *each other* не является формой взаимного залога. В предложениях это местоимение выступает как дополнение, а не как вспомогательное слово, способное образовать аналитическую форму взаимного залога. Кроме того, нет оснований выделять в английском языке отдельный залог под названием «взаимный залог». Из этого следует, что взаимный залог не обнаруживается ни в английском, ни в таджикском языках.

В таджикском языкознании категория залога привлекает небольшое внимание. Практически все сведения о залоге в источниках идентичны. Например, Н. Масуми в избранных трудах даёт короткую характеристику категории залога и выделяет два вида залога: действительный и страдательный [10, с.214-220]. Проявление этих двух форм залога интегрировано с лексико-синтаксической характеристикой глагола.

Профессор А.З. Розенфельд даёт следующие определения таджикского залога:

- действительный залог – когда подлежащее и грамматический субъект действия совпадают, а действие мыслится как исходящее от субъекта;
- страдательный залог – когда подлежащее не совпадает с логическим субъектом действия: действующее лицо выступает не в роли подлежащего, а в роли косвенного дополнения [11, с.79].

Мы полагаем, что выделение действительного и страдательного залогов в рассматриваемых языках является общепризнанным, поскольку каждому из них присущи собственная специфическая форма и грамматическое значение.

Теперь остановимся на примере:

8. *He took his lancet and opened a vein (R.L. Stevenson, p.12).* ~ *Ў корди ҷарроҳиро гирифта раги хунро ҷерт кард (Р.Л. Стивенсон, с.19).*

В представленных примерах глаголы *took* – *гурифт* и *opened* – *черт кард* выступают в качестве форм действительного залога, поскольку эти действия исходят от подлежащих *he* – *ӯ* и направлены на дополнения *lancet* – *корди ҷарроҳиро*, *a vein* – *раги хунро*. Таким образом, указанные подлежащие выступают активными исполнителями действий. По этой причине в данном контексте синтетические формы глаголов *took* – *гурифт*, *opened* и аналитические формы *черт кард* рассматриваются как грамемы действительного залога.

В приведенных ниже примерах глаголы представлены в иной форме и несут другую смысловую нагрузку:

9. *The sail was patched with flour sacks.* (*E. Hemingway, p.6*) ~ *Бодбонро бо пораҳои халтаи орд дарбех карда шуда буданд* (*Э. Хемингвей, с.7*).

В данном случае в позиции подлежащих выступают *The sail* – *Бодбонро*. Рассматриваемые предметы не совершают действия, выражаемого глаголами-сказуемыми, – *was patched* – *дарбех карда шуда буданд*. Эти действия направлены на подлежащее, что характеризует пассивный залог.

Несложно заметить, что два указанных предложения существенно различаются как по направленности действия, так и по форме. В переводном примере (12) действие направляется слева направо, тогда как в примере (13) – в противоположном направлении.

По форме, в случае (12) слова *took* – *гурифт* представлены в синтетической форме, тогда как в случае (13) словоформы *was patched* – *дарбех карда шуда буданд* являются аналитическими образованиями. Из этого следует, что форма актива (12) отличается от формы пассива (13) и по значению, и по внешнему виду. В связи с этим их принято включать в парадигму категории залога.

При обсуждении категории залога следует также учитывать категорию каузативности.

Категория каузативности в языкознании представляет собой предмет особого внимания, поскольку отражает взаимосвязь между субъектно-объектными участниками, где один субъект инициирует активность другого. С точки зрения синтаксической структуры предложения, категория каузативности непосредственно связана с категорией залога.

Каузативные конструкции меняют распределение субъектно-объектных ролей, вводя дополнительного участника – каузатора, который становится причиной совершения действия другим субъектом. Таким образом, каузативность влияет на синтаксическую структуру предложения и в определённой степени пересекается с функциями категории залога.

В английском языке каузативность выражается преимущественно с помощью аналитических конструкций с использованием глаголов *make, have, let, get*, которые влияют на выполнение действия другим субъектом. В подобных конструкциях один субъект побуждает другого к совершению действия. Так, в предложении *She made him cry* субъект *she* вызывает действие, которое выполняет объект – *him*. Кроме того, каузативные конструкции в английском языке могут сочетаться с пассивными формами, как, например, в предложении *He was made to leave*. Это свидетельствует о тесной связи между каузативными структурами и категорией залога.

В таджикском языке каузативность выражается преимущественно морфологически: через специальные аффиксы, которые присоединяются к основе глагола для образования каузативных форм. Например, от глагола *нишастан* (садиться) образуется каузативная форма *шиндан* (заставить сесть), а от глагола *хобидан* – форма *хобондан*, переводимая как «усыпить». Это отличие в способах выражения каузативности в английском и таджикском языках демонстрирует, как два языка могут по-разному решать задачу по введению в действие дополнительного участника.

Н. Масуми в разделе о глаголе сначала даёт сведения о прямых и косвенных глаголах, а затем рассматривает активные и пассивные формы глаголов таджикского языка. Под понятиями о прямых и косвенных глаголах он подразумевает каузативные и некаузативные глаголы. Например, глагол *хӯрдан* относится к некаузативным, а глагол *хӯронидан* – к каузативным.

Профессор К. Усмонов рассматривает глаголы *хӯрдан* и *хӯронидан* как глаголы с различными смысловыми структурами и называет их некаузативным и каузативным соответственно. Кроме того, у каузативных и некаузативных глаголов существуют собственные формы залога – актив и пассив [13, с.135].

Как утверждает профессор К. Усмонов, каузативные глаголы не являются формами залога, а представляют собой независимые лексические единицы с собственным значением, которое отличает их от некаузативных глаголов.

В нашем исследовании мы основываемся на позиции профессора К. Усмонова и не относим каузативные глаголы таджикского языка к категории залога. Таджикские каузативные глаголы формируют отдельную группу глагольных значений, характеризующихся уникальной значимостью и применением.

Кроме того, каузативные глаголы классифицируются как лексические элементы, которые формируют основу для аргументации, что применимо при модификации актива в пассив. Например, в предложении “*Муслима хонд*” глагол *хондан* является непереходным и не имеет формы страдательного залога. Однако в предложении: *Андреев ба дӯкони мо ҳам омада мерафт. Ба мактабаи моро ҳам даъват карда, ҳатто ваъда дод, ки бепул хононад.* (Р.Чалил, с.131) наблюдается каузативный глагол *хонондан*, который имеет собственные дополнения и может стать подлежащим в форме страдательного залога: *Мо аз ҷониби Андреев хандонда мешавем.*

Этот пример демонстрирует, что каузативные глаголы могут использоваться в качестве основы для пассивных конструкций, что напрямую связано с категорией залога. Однако следует подчеркнуть, что каузативные глаголы не являются частью традиционной парадигмы залога, а скорее представляют собой отдельные лексические элементы, которые влияют на синтаксическую структуру предложения.

Каузативность реализует семантическую модель вида:

- *агенс* (инициатор действия);
- *каузатор* (тот, кто вызывает действие);
- *паиенс* (объект, над которым совершается действие);
- *состояние или действие* (переход объекта в новое состояние).

В этой модели объект наделяется силой, побуждающей его совершить действие или перейти в новое состояние или качество. Иными словами, объект действия приобретает способность совершать действие или переходить в новое состояние под воздействием другого субъекта, который инициирует это действие.

Основное различие между английским и таджикским языками заключается в способах выражения каузативности. В английском языке его носители предпочитают использовать аналитические средства для выражения каузативных конструкций. Например, с помощью глаголов *make, have, let* и *get* можно изменить валентность глагола, введя дополнительного участника (каузатора), тогда как в таджикском языке, напротив, каузативность реализуется преимущественно морфологически, с использованием специальных аффиксов, которые добавляются к глаголу и меняют его смысл.

Но, несмотря на то, что категории каузативности и залога тесно связаны, они имеют важные функциональные и формальные различия.

Главное различие между категориями каузативности и залога в обоих языках заключается в их функциональной и формальной природе. Залог в первую очередь определяет отношения между субъектом и объектом действия. Это отношение не меняет денотативного значения глагола, но влияет на его коммуникативную перспективу, показывая, кто выполняет действие, а кто его испытывает. Каузативность, в свою очередь, вводит дополнительного участника (каузатора), который меняет валентность глагола. Каузативные конструкции создают причинно-следственные связи, где один субъект побуждает другой действовать или изменяет его состояние.

Каузативность, как и залог, влияет на синтаксические отношения между участниками действия. Однако, в отличие от залога, который в основном регулирует грамматические отношения между субъектом и объектом, каузативность фокусируется на дополнительном участнике — каузаторе, который влияет на изменение состояния или действия другого субъекта.

В итоге, несмотря на функциональную взаимосвязь между категориями каузативности и залога, способы их реализации и влияние на структуру предложения в разных языках существенно различаются.

Категории каузативности и залога имеют общую функциональную основу, поскольку обе отражают распределение ролей между участниками действия. Однако способы их выражения различаются: в английском языке чаще используются аналитические средства, в то время как в таджикском языке — морфологические.

Таким образом, каузативность и залог играют важную роль в синтаксической и семантической организации предложения, но отличаются как по функциональной, так и по формальной природе. Результаты исследования показывают, что каузативность в таджикском языке тесно связана с побудительным залогом, так как морфологические каузативы часто входят в его состав, но не представляют собой его категориальные формы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Беляева, М.А. Грамматика английского языка [Текст] / М.А. Беляева. — Москва: Изд. литературы на иностранных языках, 1959. — 340 с.
2. Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка. — Москва: Высшая школа, 2000. — 381 с.
3. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. — Ленинград: Наука, 1971. — 113 с.
4. Винокурова, А.А. Пассивные конструкции в современном английском языке [Текст]: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04. / А.А. Винокурова. — Москва, 1973. — 31 с.
5. Гухман, М.М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках [Текст] / М.М. Гухман. — Москва, 1964. — 242 с.
6. Жигадло, В.Н., Иванова И.П., Иофик Л.Л. Современный английский язык [Текст]. — Москва: Изд. литературы на иностранных языках, 1956. — 350 с.
7. Ильиш, Б.А. Современный английский язык [Текст] / Б.А. Ильиш. Изд. 2. — Москва: Изд. литературы на иностранных языках, 1948. — 348 с.
8. Кобрин Н.А., Корнеева Е.А. Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис. — Санкт-Петербург: Союз, 1999. — 496 с.
9. Лихачёва, И.К. Проблема отграниченной формы страдательного залога от составного сказуемого, выраженного сочетанием глагола *to be*+ причастие II в современном английском языке [Текст]: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04. / И.К. Лихачёва. — Ленинград, 1955. — 16 с.
10. Масумӣ, Н. Асарҳои мунтахаб [Матн] / Н. Масумӣ, ҷ. II. — Душанбе: Ирфон, 1980. — 350 с.

11. Розенфельд А.З. Глагол // Очерки по грамматике современного таджикского языка. – Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР. – 1954. – 79 с.
12. Смирницкий А.И. Очерки по сопоставительной грамматике русского и английского языков. – Москва: Высшая школа, 1975. – 380 с.
13. Усмонов, К. Морфологияи муқоисавии забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ [Матн] / К. Усмонов. – Хучанд: Нури маърифат, 2016. – 214 с.
14. Якобсон, Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. – Москва, 1972. – С. 98–112.
15. Poustma, H.A. Grammar of Late Modern English [Text] / H.A. Poustma. Part II. -Groningen, 1926. – 384p.
16. Sweet, H. A New English Grammar Logical and Historical. P.I [Text] / H. Sweet. -Oxford: Cearendon Press, 1892 –418p.

Художественная литература:

17. Айнӣ, С. Қаҳрамони халқи тоҷик Темурмалик. Исёни Муқаннаъ. Тарҷума ба забони англисӣ ва сарсухани профессор Абдусалом Мамадназаров. – Душанбе: ЭР-граф, 2022. – 156 с.
18. Каррол Л. Алиса дар олами аҷоибот. Алиса дар Оиназамин (Барои бачаҳои синни хурди мактабӣ). – Душанбе: Маориф, 1985. – 146 с.
19. Стивенсон Р.С. Чазираи ҷавохирот. – Душанбе: Адабиёти бачагона, 2022. – 240 саҳ.
20. Хемингвей Э. Пирамард ва баҳр/Hemingway E. The Old Man and the Sea. / The Book translated by US Government. American Embassy, Dushanbe, National Library of Tajikistan./ t.me/kitobju
21. Чалил Р. Маъвои дил (Повести воқеӣ). Қисми I.– Хучанд, 2003. – 431 с.
22. Carroll L. Alice's Adventures in Wonderland. Wikisorce, 1897, www.fedbooks.com Twain M. The adventure of Tom Sawyer/. Hartford 1876. - 106
23. Doyle A.C. The Adventures of Sherlock Holmes. EBooks visit Web site at [Electronic resource]. – Access mode: <http://sherlock-holm.es>
24. Stevenson R.L. Treasure Ireland. Ebook was downloaded from Web site at [Electronic resource]. – Access mode: Schatzinsel_E.pdf
25. Twain, M. The Adventures of Tom Sawyer / M. Twain. – Hartford: American Publishing Company, 1876. – 275 p.

REFERENCES:

1. Belyaeva, M.A. (1959). English Grammar. Moscow: Foreign Languages Publishing House. – 340 pp.
2. Blokh, M.Y. (2000). A Course in Theoretical English Grammar. Moscow: Vysshaya Shkola. – 381 pp.
3. Bondarko, A.V. (1971). Grammatical Category and Context. Leningrad: Nauka. – 113 pp.
4. Vinokurova, A.A. (1973). Passive Constructions in Modern English. (Doctoral dissertation abstract, Philological Sciences). Moscow. – 31 pp.
5. Gukhman, M.M. (1964). Development of Voice Oppositions in Germanic Languages. Moscow. – 242 pp.
6. Zhigadlo, V.N., Ivanova, I.P., & Iofik, L.L. (1956). Modern English. Moscow: Foreign Languages Publishing House. – 350 pp.
7. Ilyish, B.A. (1948). Modern English. 2nd ed. Moscow: Foreign Languages Publishing House. – 348 pp.
8. Kobrina, N.A., & Korneeva, E.A. (1999). English Grammar. Morphology. Syntax. Saint Petersburg: Soyuz. – 496 pp.

9. Likhacheva, I.K. (1955). *The Problem of Distinguishing the Passive Voice Form from the Compound Predicate Expressed by the Combination "to be + Past Participle" in Modern English. (Doctoral dissertation abstract). Leningrad. – 16 pp.*
10. Masumi, N. (1980). *Selected Works. Vol. II. Dushanbe: Irfon. – 350 pp.*
11. Rozenfeld, A.Z. (1954). *The Verb // Essays on the Grammar of Modern Tajik. Stalinabad: Publishing House of the Academy of Sciences of the Tajik SSR. – 79 pp.*
12. Smirnitky, A.I. (1975). *Essays on the Comparative Grammar of Russian and English. Moscow: Vysshaya Shkola. – 380 pp.*
13. Usmonov, K. (2016). *Comparative Morphology of English and Tajik Languages. Khujand: Nuri Ma'rifat. – 214 pp.*
14. Jakobson, R. (1972). *Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb // Principles of Typological Analysis of Languages of Different Structures. Moscow. – PP. 98–112.*
15. Poutsma, H.A. (1926). *A Grammar of Late Modern English. Part II. Groningen. – 384 pp.*
16. Sweet, H. (1892). *A New English Grammar: Logical and Historical. Part I. Oxford: Clarendon Press. – 418 pp.*

Fiction:

17. Aini, S. (2022). *The Hero of the Tajik People Temurmaliq. Mukanna's Rebellion. (Trans. into English and Intro. by Prof. Abdusalom Mamadnazarov). Dushanbe: R-graph. – 156 pp.*
18. Carroll, L. (1985). *Alice's Adventures in Wonderland. Through the Looking-Glass. (For primary school children). Dushanbe: Maorif. – 146 pp.*
19. Stevenson, R.L. (2022). *Treasure Island. Dushanbe: Adabioti Bachagona. – 240 pp.*
20. Hemingway, E. *The Old Man and the Sea. (Translated by the US Government). American Embassy, Dushanbe, National Library of Tajikistan.*
21. Jalil, R. (2003). *The Refuge of the Heart (A True Story). Part 1. Khujand. – 431 pp.*
22. Carroll, L. (1897). *Alice's Adventures in Wonderland. Wikisource. / Twain, M. (1876). The Adventures of Tom Sawyer. Hartford.*
23. Doyle, A.C. *The Adventures of Sherlock Holmes. [Electronic resource]. Access mode: <http://sherlock-holm.es>*
24. Stevenson, R.L. *Treasure Island. [Electronic resource]. Access mode: Schatzinsel_E.pdf*
25. Twain, M. (1876). *The Adventures of Tom Sawyer. Hartford: American Publishing Company. – 275 pp.*

6.2.16 ТАЪРИХИ АДАБИЁТ
6.2.16 ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
6.2.16 HISTORY OF LITERATURE

5.9.2 ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ МИРА (ТАДЖИКСКО-ПЕРСИДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА)
5.9.2 LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD (TAJIK-PERSIAN LITERATURE)
5.9.2 АДАБИЁТИ ХАЛҚҲОИ ҶАҲОН (АДАБИЁТИ ФОРСУ ТОҶИК)

УДК 82-1

DOI 10.24412/3005-849X-2026-2-167-178

ДИДГОҲҲОИ	<i>Абдуллоев Ромезҷон Холмуминович, н.и.ф.,</i>
СИРОҶИДДИН АЛИХОНИ	<i>доцент, мудири кафедраи умумидонишгоҳии</i>
ОРЗУ ДОИР БА ҶОЙГОҲИ	<i>забони тоҷикии МДТ “ДДХ ба номи академик</i>
МАЪНӢ ДАР ШЕЪР	<i>Б. Гафуров” (Хучанд, Тоҷикистон)</i>
СИРОҶИДДИН	<i>Абдуллоев Ромезҷон Холмуминович, канд. филол.</i>
АЛИХОН ОРЗУ О МЕСТЕ	<i>наук, доцент, заведующий общеуниверситетской</i>
МОТИВА В ПОЭЗИИ	<i>кафедрой таджикского языка ГОУ “ХГУ имени</i>
	<i>академика Б. Гафурова” (Худжанд, Таджикистан)</i>
SIROJIDDIN ALIKHON	<i>Abdulloev Romezjon Kholmuminovich, candidate in</i>
ORZU ON THE PLACE OF	<i>Philology, associate professor, head of the all -</i>
MOTIF IN POETRY	<i>University department of the Tajik language under the</i>
	<i>SEI “KhSU named after academician B. Gafurov”</i>
	<i>(Khujand, Tajikistan) e-mail: romizjona@gmail.com</i>

Дидгоҳи Сирочиддин Алихон Орзу — яке аз намоёндагони барҷастаи ҳавзаи адабии шибҳи қораи Ҳинд — доир ба ҷойгоҳи маъно дар шеър бар пояи девони ашъори ӯ мавриди таҳлилу баррасӣ қарор мегиранд. Таъкид шудааст, ки дар сабки ҳиндӣ талоши шоирон барои ироаи маъноҳои тоза ва эҷоди «маъноӣ бегона» — яъне маъноҳои ғайриодӣ ва ғайриинтизор, мақоми меҳвариро шиғол мекунад. Ҷустуҷӯи тозагӣ ва тасвирҳои шиғифтангез қариб дар осори тамоми пайравони ин сабк ба мушоҳида мерасад. Ба ақидаи муҳаққиқи шинохтаи ин сабк Н. И. Пригарина, ин падида «натичаи дарки рукуди анъанаи чандасраи такрори санъатҳои бадеии яқранг аз ҷониби шоирони забардаст» мебошад. Шоирони номдор, аз ҷумла Соиби Табретӣ, Шавкати Бухорӣ ва Бедилӣ Деҳлавӣ, борҳо бар тозагии маъно дар ашъори худ таъкид варзида, зимнан фаҳмишу тафсири хешро аз «маъноӣ бегона» баён доштаанд, ки ин барои дарки вижагиҳои адабию эстетикӣ сабки ҳиндӣ мусоидат менамояд. Дар ин рост, маҳорати маънофаринии Шавкати Бухорӣ, Бедилӣ Деҳлавӣ ва Возеҳ аз нигоҳи тавлиди мазмунҳои асил ва « маъноӣ бегона» мавриди арзёбии муқоисавӣ қарор гирифтааст.

Калидвожаҳо: сабки ҳиндӣ; маъно; маъноӣ бегона (маъноӣ ғайриодӣ); осори Сирочиддин Алихони Орзу; ҳавзаи адабии Ҳинд; Шавкат Бухорӣ; Бедил Деҳлавӣ

Подвергается анализу точка зрения одного из известнейших представителей литературного круга Индийского субконтинента, Сироджиддина Алихона Орзу, о месте мано (мотива) в поэзии, которая изложена в его диване. Отмечено, что в индийском стиле персидско-таджикской литературы особое место занимает стремление поэтов к новым трактовкам старых поэтических мотивов (мано), к обновлению старых смыслов и созданию мании бегона – необычных, неожиданных смыслов. В произведениях почти всех представителей индийского стиля наблюдается поиск нового и необычного в поэзии. По

мнению известного исследователя этого стиля Н.И. Пригариной, это “следствие осознания выдающимися поэтами застойного характера многовековой традиции повторения одних и тех же стилистических приёмов”. Известные поэты, в том числе Соиб Табрези, Шавкат Бухорои, Бедиль Дехлави, неоднократно подчеркивают новизну ману своих стихов и попутно дают свое понимание и толкование “мании бегона”, что способствует пониманию литературно-эстетической программы индийского стиля. Осуществляется оценка стихов известных поэтов Шавката Бухорои, Бедили Дехлави, Возеха в плане создания мотива.

Ключевые слова: индийский стиль; ма`но (мотив); ма`нои бегона (необычный смысл); творчество Сироджиддина Алихона Орзу; литературный круг Индии; Шавкат Бухорои; Бедиль Дехлави

The article analyzes the views of one of the most renowned literary figures of the Indian subcontinent, Sirojiddin Alikhon Orzu, on the place of ma`no (motif) in poetry, as expressed in his divan. It is noted that in the Indian style of Persian-Tajik literature, a special place is occupied by poets' desire for new interpretations of old poetic motifs (ma`no), for renewing old meanings, and for creating mania begona—unusual, unexpected meanings. The works of almost all representatives of the Indian style demonstrate a search for the new and unusual in poetry. According to the renowned researcher of this style, N.I. Prigarina, this is "a consequence of outstanding poets' recognition of the stagnant nature of the centuries-old tradition of repeating the same stylistic devices." Renowned poets, including Soib Tabrezi, Shavkat Bukhoroi, and Bedil Dehlavi, repeatedly emphasize the novelty of their poems' ma`no and, in doing so, offer their understanding and interpretation of the "mania of begona," which contributes to an understanding of the literary and aesthetic program of the Indian style. The poems of renowned poets Shavkat Bukhoroi, Bedil Dehlavi, and Vozekh are assessed in terms of their motif creation.

Key-words: Indian style; ma`no (motif); ma`no begona (unusual meaning); works of Sirojiddin Alikhon Orzu; Indian literary circles; Shavkat Bukhoroi; Bedil Dehlavi

Мукаддима. Сирочиддин Алихони Орзу ҳамчун як суханвари барҷастаи ҳавзаи адабии Шибҳи қораи Ҳинд дидгоҳҳои хосе доир ба ҷойгоҳи маънӣ дар шеър дорад. Ин дидгоҳҳо дар ду навъи осор, аз ҷумла рисолаҳои ба нақди ашъори шоирони сабки ҳиндӣ ихтисосёфта ва инчунин дар девони ашъораш ба мушоҳида мерасанд. Нисбат ба ин, ки Сирочиддин Алихони Орзу дар рисолаҳои нақди адабӣ як андоза ба маънӣ ва тарзу равиши офаридани мазмунҳои тоза баҳсу баррасиҳои арзишмандеро анҷом додааст, дар девони ашъораш аз ҷанд ҷиҳат ин масъала афзалият пайдо кардааст ва ӯ ҳамчун шоири мумтоз ин масоилро ба тариқи манзум матраҳ сохтааст. Бо назардошти ин ки шеър дар дили шоирон меҳезад ва рӯи сафҳа меояд, онҳо дар арсаи эҷод низ заҳматҳои фаровонеро ба харҷ дода, ба сурудани маъниҳои тоза даст ёфтаанд. Тадқиқоти адабиётшинос Озод Саидҷаъфаров “Соиби Табрези ва вусъати мазмун дар ғазал” (4) нишон медиҳад, ки маънӣ як ҷузви асосии мувоҳисаҳои ин суханвари мумтози ҳавзаи адабии Ҳинд дар баҳси лафзу маънӣ мебошад. Аз ин ҷиҳат, имрӯз зарурати он пеш омадааст, ки баҳси лафзу маънӣ ҳамчун як мавзӯи алоҳидаи илмӣ дар доираи пажӯҳишҳои илмӣ ба риштаи таҳқиқи кашаида шавад.

Дар китоби арзишманди ҳоваршиносии рус Н.И.Пригарина “Индийский стиль и его место в персидской литературе”(5) вобаста ба мавзӯи мазкур ишораҳо ва ҷустурҳои муҳаққиқона сурат гирифтаанд ва ин тадқиқот нишон медиҳад, ки баҳси мазкур доманаи густардае дар байни суханварони шибҳи қораи Ҳинд пайдо кардааст. Аз ин нуктаи назар ниёзи омӯзиш ва таҳқиқи ин масъала дар айни ҳол эҳсос мешавад.

Мақсади таҳқиқот. Баҳси лафзу маънӣ яке аз масъалаҳои муҳим ба шумор меравад, ки аҳли илму адаби ҳавзаи адабии Шибҳи қораи Ҳинд дар ин бора фикру мулоҳизаҳои ҷолиб баён кардаанд. Ҳам дар тазкираҳо, ҳам дар рисолаҳои алоҳида илмӣ доир ба нақду суҳансанҷӣ масъалаи лафзу маънӣ мавриди баррасӣ қарор гирифтанд. Мутолеаи девони ашъори суҳанварони маъруф низ нишон медиҳад, ки мувоҳишаҳо перомунӣ лафзу маънӣ ҳамчун як мавзӯи муҳимтарини эҷодиёти шоирон ба тариқи манзум хеле ва хеле афзоиш ёфтаанд ва ин матлаб дар меҳвари эҷодиёти шоирон қарор гирифтааст. Дар мақолаи мазкур бо назардошти ин ки доманаи баёни Сирочиддин Алихони Орзу доир ба лафзу маънӣ бисёр васеъ таҷассум пайдо кардааст, ин ҷо танҳо мулоҳизоте оварда шудаанд, ки хос ба маънӣ ва дигар масоили мутааллиқ ба он алоқамандӣ доранд.

Методҳои таҳқиқот. Баҳси маънӣ танҳо он нест, ки шоир барои ифодаи маънӣ дар шеър аз таркибу ифодаҳои хос истифода бурда, лафзро дигар қунад, балки ба назари суҳанварон дар ин масир қавоиде вучуд дорад, ки нигоҳ доштани он дар шеър ба салоҳи кори эҷодии шоир аст. Маънӣ як мафҳуми кулӣ аст, ки ба шоир ва шеърро дар маҷмӯъ ҳамчун обу ҳаво зарур аст, аммо барои ном баровардани суҳанвар ҳамчун шоири тозаназар ва маънисаро чандин дастурҳои эҷодӣ дар лобалои сурудаҳои суҳанварони ин ҳавза, аз ҷумла Сирочиддин Алихон Орзу дида мешаванд, ки ба инбат гирифтани онҳо дар кори ҳунарии шоир зарур мебошад.

Аз ин нуктаи назар дар мақола омилҳои, ки ба маънӣ алоқамандӣ дошта, суҳанвар дар маънисароӣ онро дар шеър муҳим арзёбӣ мекунад, аввалан ба зермавзӯъ ҷудо гардида, баъдан, нуктаву назари шоир шарҳу тафсир ёфтаанд.

Қисми асосӣ. Ба назар мерасад, ки ҳамеша шоирон дар фикри сохтани маънии дилпазир ва нав ҳастанд ва дар шеър аз он истиқбол мекунад ва ба тозапардозии маъноии шеърарошон ишора месозанд. Моҳияти маъниро дар шеър шарҳу тафсир кардани шоирон боис ба он шудааст, ки дар ин миён фикру мулоҳизаҳои гуногун пайдо шаванд. Шояд дар баҳсҳои вобаста ба ҳунари суҳанварӣ ва шеърӯи шоирӣ ягона масъалае, ки дар атрофи он иттифоқи назар байни шоирон вучуд дорад, баҳси маънӣ ва ҷойгоҳи он дар шеър аст. Шоирон маъниро дар шеър муҳим ва асли каломӣ мавзун мешуморанд. Дидгоҳҳои Сирочиддин Алихони Орзу доир ба ҷойгоҳи маънӣ дар афкори бадеӣ хеле васеъ мебошанд. Аз ин ҷиҳат, метавон онҳоро чунин дастабандӣ кард:

1. Ба фикри маънӣ будани шоир
2. Дар офаридани маънӣ худро ситоиш кардан
3. Офаридани таъбиру ибораҳои сифатӣ дар васфи маънӣ
4. Баҳси лафзу маънӣ дар ашъори Орзу
5. Маънии ашъори шоиронро ситоиш кардан
6. Истиқбол аз пурмазмун будани матлаи шеър
7. Ҷойгоҳи маънии мушкул дар байт
8. Мағзи суҳан будани маънӣ
9. Худнамоӣ будани ихлоси маънӣ.

1. Ба фикри маънӣ будани шоир. Дар ашъори Сирочиддин Алихони Орзу ин масоил ба таври васеъ матраҳ нагардидааст. Яъне, байтҳои ҳастанд, ки шоир дар шеър “дар фикри маънӣ будан”-ро омилӣ муҳимтарин меҳисобад. “Дар фикри маънӣ будан” дар ашъори суҳанвар бо шаклҳои дигар низ, аз қабилӣ “аз пайи маънӣ гаштан”, “дар фикри сайди маънӣ будан” ба қор рафтааст ва ин ифодаҳо танҳо як таъбир нестанд. Метавон онҳоро ҳамчун як таркиб ва таъбироти калидии шеъри суҳанвар ба шумор овард, зеро қорбасти чунин таркибот барои шинохти дидгоҳҳои назарии ӯ дар бораи шеър қўмак менамояд. Мақсад аз истифодаи ифодаи “дар фикри маънӣ будан” дар шеъри Орзу он аст, ки, ба андешаи шоир, муваффақияти эҷодиёти ҳар суҳанвар ба ҳамин ҷанбаи ҳунари алоқамандӣ дорад. Ин

ибораҳо маънии марҳилаи нахустини кори эҷодии шоирро ифода менамоянд. Яъне, пеш аз он ки шоир ба сурудани шеър машғул шавад, бояд дар фикри сурудани маънии тоза бошад. Аз ин ҷиҳат, афкори Орзу доир ба маънӣ ва ҷойгоҳи он дар шеър дар либоси бадеӣ таҷассум пайдо кардаанд ва он як ҷузви муҳимтарини масъалаҳои назарии адабиёт ба ҳисоб меояд:

Фикри маънӣ бувад аз баски диламро дору,

Мум аз мағзи суҳан оинаи зонуҳо (3, 31).

Орзу дар “фикри маънӣ будан”-и шоирро ба доруи таскинбахше шабоҳат медиҳад, ки барои бемори гирифтори дарди дил ҳамчун обу ҳаво зарур аст. Яъне, Сирочиддин Алихони Орзу бо рӯи қор овардани ҷунин шабоҳатҳо ҷойгоҳи маъниро дар шеър таъйин кардааст ва таъкид медорад, ки “дар фикри маънӣ будан” барои шоир як василаи таъмини оромии ботинӣ ё қалбӣ аст. Ҷунуни эҷодӣ ва ҳисси аз ҳад зиёди маъниофарӣ шоирро ҳамеша мачбур месозад, ки аз назараш “фикри маънӣ” дур набошад. Зону, ки як василаи пайвандкунанда дар по аст, дар тахайюлотӣ шоир мавҷуд будани “фикри маънӣ” як зинаи пайванддиханда ва таҳкимбахшандаи кори ҳунарии шоир аст, ки ӯ ба он ниёз дорад. Ба ифодаи дигар “дар фикри маънӣ будан” -и шоир як омили асосӣ барои пайвастан ба ҷаҳони ҳаллоқият ва тахайюлотӣ шоирона ҳисобида мешавад. Истифодаи калимаи “мум” – моддаи нарми равшанмонанд дар қанори вожаи “зону” бемавқеъ намебошад ва он барои ҳифз ва бартараф кардани дардҳо дар зону хеле зарур аст. Шоир дар мисоли офаридани ҷунин образҳо таъкид медиҳад, ки бояд дар фикри шоир ба ҷуз шеър ва маъниофарӣ дигар андешае вучуд набошад, зеро андешаҳои ғайр мисли бемориҳои таъсиррасон бунёди шеърро шоирӣ суҳанварро ҳалалдор месозанд. Агар шоир ба ин беморӣ гирифтӣ шавад, ба истиснои ӯ низ таъсир мерасонад. Фикрҳои ғайр дар тасвири шоир ба ҳамин гуна бемориҳо шабоҳат дода шудааст. Ҷун маънии дувуми калимаи “оина” дар фарҳангҳо ба шакли пораи оҳане, ки ҷанговарон бо мақсади дифоъ аз душман истифода мекунанд, омадааст, дар он метавон ҳадафи шоирро пайдо кард. Агар вазиғаи зону дар ҷисми инсон ба сифати нуқтаи пайванд хидмат кунад, ҳамин вазиға дар шеър маънӣ бар дӯш мегирад. Пас қорбасти вожаи мум ҳамчун омили ҳифзкунандаи зону аз ҳар гуна омилҳои таъсиррасони беруна дар назар дошта шудааст. Ба таъбири дигар агар зону (маънӣ) дар ҷисми инсон (дар пайкараи шеър) хеле муҳим аст, пас мум (дар фикри маънӣ будан) барои солим нигоҳ доштани ҷисми инсон (мучассамаи шеър) нақши бориз мебозад ва шоир бо қорбасти ҷунин образҳо ду ҷанбаи муҳимро меҷӯяд бозгӯ кунад. Яқум, “дар фикри маънӣ будан”-и суҳанварро ҳамчун арзиш ва василаи лозимаи суҳанварӣ ба қалам оварда ва дувум нишон медиҳад, ки шоир бо ҳамин васила дар олами эҷодӣ қадамҳои устувор гузошта метавонад. Қадамҳои устувор дар олами моддӣ ва қадамҳои устувор дар олами эҷодӣ. Сирочиддин Алихони Орзу бо истифодаи ин калимаҳо як ҷизи маъनावиро, ки бо ҷашми сар дида намешавад, бо мисолҳои айни шарҳу тафсир мекунад ва онро аз олами тахайюл ба олами моддӣ ва даркшаванда интиқол медиҳад, ки хеле ҷолиб мебошад:

Бошад ниҳон зи дидаи мо бози ниҳон,

Дар кӯҷаи ҳаёл ҷу маънӣ давиданд (3, 338)

Ифодаи “дар кӯҷаи ҳаёл давидан” маънии “пайваста дар банди ҳаёл будан”-ро дорад ва агар ба ин таркиб калимаи маънӣ илова шавад, он шакли “дар кӯҷаи ҳаёл ҷу маънӣ давидан”-ро мегирад. Шоир дар мисоли ин калимаҳо ду ҷизи бо ҷашми сар дида нашавандаро шарҳу тафсир мекунад, ки яқумӣ ҳаёл ва дувумӣ маънист. Ин ду калима нақши рӯшан дар афкори шоир доранд ва бозии онҳо дар тафаккури ӯ ба тариқи ниҳонӣ сурат мегирад. Маънӣ, ки ҳосили ҳаёлотӣ шоир аст, дар кӯҷаҳои тафаккури тахайюлотӣ шоирона бар қамол мерасад. Барои ӯро ба даст овардан ҳамеша “дар фикри маънӣ будан” ва ба дунболи ӯ гаштан хеле зарур аст:

Пайи маънӣ метавон бурд аз ҳамӯи Орзу,

Ғайри лаб бастан тилиме нест ин ганҷинаро (3, 97)

Яъне, шоир дар байти мазкур таркиби “аз пайи маънӣ метавон бурд ганчинаро”-ро сохтааст ва онро ба “хомӯшӣ ва лаб бастан” алоқаманд гардонидаст ва бо ин роҳ тилисми муваффақиятҳои шоиронаро боз кардааст. Дар мачмуъ, “дар фикри маънӣ будан”-ро Сирочиддин Алихони Орзу ба сифати як омили муҳимтарини ҳунари шоирӣ дар шеър, аз ҷумла ҳунари маъниофарӣ шарҳу тафсир кардааст ва маъниро дар шеър маҳаки асосӣ ба қалам овардааст. Дар дидгоҳҳои назарии шоир маънӣ ҳамчун як чизи мураккаб ва мушкил таҷассум ёфтааст ва барои ба даст овардани он ҳамеша “дар фикри маънӣ” будан зарур аст. Ҳангоми риояи ин гуна қонунмандҳои назарӣ он метавонад ба сифати як дастури раҳнамо истеъдоди маъниофарии шоирро ташаккул диҳад ва дари ганчинаи дурри дариро ба рӯи суханвар боз кунад.

2. Дар офаридани маънӣ худро ситоиш кардан. Ситоиш ва баҳогузориҳои суханварон дар шеър ду ҷанбаи муҳим дорад. Якум, агар он ситоиш ва ифтихорияҳо дар ҳадди инсоф бошанд, пас дидгоҳҳои шоир заминаҳои воқеӣ доранд. Дувум шоире, ки як умр дар роҳи офаридани ҷодаҳои тоза дар шеър истеъдоду ҳунари хешро сарф мекунад, ҳатто ҳангоми баҳогузори ба сурудаҳои хеш аз меъёру санҷаи низомномавӣ берун намеравад. Ин гуна шоир ҷойгоҳи маънӣ ва шеърро дар адабиёт бо торҳои ҳастиаш эҳсос мекунад ва нисбати ин дурдонаҳои маънавий ҳассосияти бештар дорад. Сирочиддин Алихони Орзу низ дар радифи ҳамин гуна суханвароне қарор гирифтааст, ки ба ҳунару истеъдоди ӯ ҷои шакку шубҳае нест ва ӯ, ки ҳамчун як суханвари боэътибор ва пурнуфуз дар ҳавзаи адабии Шибҳи қораи Ҳинд маъруфият пайдо кардааст, дар ин маврид дидгоҳҳои аз арзиши бештар бархурдоранд. Вай пеш аз он, ки ба васфи ҳунари маъниофарӣ пардозад, аввал маъниро дар шеър васф мекунад ва баъдан бо назардошти он ки ашъораш аз лиҳози маънӣ пурбор мебошад, ба тавсифи он мепардозад. Масалан, ӯ маъниро дар шеър ба унвони “мағзи сухан” ёд мекунад ва сипас, ишора месозад, ки ин гавҳари якдона танҳо дар дасти ман аст:

Пур аз маънӣ чу шеър аст устухонбанде, ки ман дорам,

Ба ҷои шеър ман дар сар ҳамин мағзи сухан дорам (3, 517).

Таркиби “пур аз маънӣ чу шеър аст” ба маънии “ба монанди шеър пур аз маънӣ шудан” омадааст ва калимаи “устухонбанд” ба маънои “шакастабанд” ва инчунин ифодаи “дар сар мағзи сухан доштан” ба маънии “дар ҳаёл ба фикри маънӣ будан” қорбаст гардидааст. Суханвар аз нигоҳи аввал гуфтанист, ки ягона омиле, ки пайванди таркибҳо, ифодаҳои гуногуни байни мисраъҳо ва ҷузвҳои дигари шеърро бо тартиби муайян ҷобачо ё устухонбандӣ мекунад маънӣ аст. Аз ин лиҳоз, таъкид медорад, ки ман ҳамчун шоир дар сар на ҳаёли шеърро мепарварам, балки ҳамеша “дар фикри офаридани маънӣ ҳастам”. Ва бо ин роҳ ҳам ин корро мекунам, яъне мазмун месозам ва ҳам он корро ба анҷом мерасонам, яъне шеър месароям. Ҷойи дигар маъниофариро ба табиат ва хулку атвори суханвар вобаста мекунад ва менависад:

Маънӣ ҳамеша гирд кунад дар сиришти мо,

Ҳаст аз замини шеър магар хору хишти мо (3, 103).

“Ҳамеша гирд кардани маънӣ дар сиришт” таъбире аст, ки шоир онро ба мақсаде ёд мекунад, ки бигӯяд сиришти мо сиришти маънизоост ва офаридани маъниҳои тоза ба хулку атвори мо вобаста аст ва даст ёфтани мо ба ин қуллаи шеърӯ шоирӣ беҳуда нест, зеро дар рӯзҳои нахустини эҷодӣ маълум буд, ки дар шеърӯ шоирӣ роҳи интихобнамудаи мо, ки аслаш маъниофарист, дуруст аст. Чун имрӯз як марҳилаи муайяни суханварӣ тай шудааст, метавон ба қорҳои анҷомёфта дар ҷодаи шеърӯ шоирӣ баҳогузори қард. Акнун дар ҳайрат ҳастам, ки магар хору хишти моро дар шеърӯ шоирӣ танҳо барои шоир будан сириштаанд? Агар ба ҳамаи давраҳои эҷодӣ, хусусан, давраҳои нахустини ба сахнаи шеър қадам ниҳодан назар кунам, маълум мешавад, ки ҷавҳари асосии эҷодиёти ман ҷунон, ки имрӯз ҳаст дар

хамон давраҳо низ чунин будааст ва такомул ёфтааст. Ман аз он ифтихор дорам. Дар байтҳои дигар таркибу ибораҳои “ба номи Орзу хутба хондани маънӣ” (Орзу хутба ба номи ту бихонад маънӣ, Баҳри ӯ ин ғазали шӯҳи ту минбар шудааст (3, 189)), “бо ҳучуми маънӣ дар шеър шоҳӣ кардани фикр” (Фикри ман дар сарзамини шеър шоҳӣ мекунад, Дар ҳучуми маъниям фавҷаш сиёҳӣ мекунад (305)), “қабо зи маънӣ рангин кардан” (Ба идғоҳи хаёл Орзу ба сони шафак, Қабо зи маънии рангини хеш дар бар кун (3, 574)), “лабрезии маънӣ будан” (Лабрезии маъниям ҳама чун нест обрӯт, Пайдост аз чабини ту соҳибкамолиям (3, 538)), “харф-харфам решаи маънӣ будан” (Ҳарф-харфам решаи маънист бингар Орзу, Хонаи абётро бошад зи килкам новдон (3, 568)) ба мушоҳида мерасанд. Суханвар бо ҳамин роҳ решаҳои амиқ доштани маъниро дар шеъраш бозгӯ кардааст. Ба таъбири дигар, Сирочиддин Алихони Орзу як чанбаи бисёр муҳимми ашъорашро, ки маъниофарист зикр сохтааст. Бо назардошти таъкидоти худӣ муаллиф дар таҳқиқоти оянда ин масъалаҳо ба таври васеъ пайгирӣ хоҳанд шуд. Муқоиса кардани Сирочиддин Алихони Орзу худро бо Амир Хусрави Деҳлавӣ ҳам яке аз нодиракорҳои суханвар мебошад. Хусусан, аз Амир Хусрави Деҳлавӣ, ки дар ин маврид навиштааст:

*Кунун к-иқлими маънӣ Орзу зери нигин дорам,
Чу Хусрав дар замини шеър мебояд задан кӯсе (3, 619)*

Аз ин байт ду чанбаи муҳим ба мушоҳида мерасад. Яқум, ин ки шоир дар мисоли тачриба ва андӯхтаҳое, ки дар чараёни офаридани ин ё он шеър ҳосил шудааст, маъниро меҳвари асосии шеър меҳисобад ва дувум, дар натиҷаи омӯхтани мероси суханварони барҷастаи форсу тоҷик, аз қабилӣ Амир Хусрави Деҳлавӣ ин дидгоҳҳоро баён месозад. Шоир гуфтанист, ки ҳамин мақома, ки дар офаридани маънӣ ман ба даст овардаам, тамоми дунёро тасхир кардаам. Имрӯз мебояд дар сарзамини шеър табли шоириро чун Амир Хусрави Деҳлавӣ навохт, зеро имрӯз низ овози онро метавон шумид. Ҳамчунин дар баробари ин дар ашъори шоир як навъ оҳанги тааассуф ҳам ба мушоҳида мерасад. Аз ин чихат, шоир афсӯс хӯрдааст, ки айни ҳол ҳастанд нафароне, ки ҷойгоҳи ӯро дар офаридани маънӣ намениносанд ва чуноне ки мебояд қадр намекунанд:

*Чавобе менависам Орзу абёти олиро,
Ки оташ мезананд аз гармии маънӣ ба девонҳо (3, 93)*

*Муддаии майпарасте ёфтан мушкил бувад,
Нест кас аз маъниям огоҳ хатти соғарам (3, 543)*

Дар маҷмӯъ, тавре ба мушоҳида расид, Сирочиддин Алихони Орзу дар шеъру шоирӣ ба маънӣ бештар таваҷҷуҳ зоҳир менамояд ва ӯ байни таъбиру ибораҳо, мисраъҳо ва байтҳо маъниро ҳамчун омили пайвандбахшандаи таркиби шеър истифода мебарад. Аз нигоҳи шоир бунёди асосии шеър маънӣ аст ва аз рӯи ин меъёр ҳам ба ашъори худ баҳо медиҳад ва ҳам ба ашъори суханварони гузашта. Бисёр баҳсҳое, ки дар бораи ҳамасронаш дар рисолаҳои алоҳидаи муаллиф ба мушоҳида мерасанд, доир ба маънӣ сурат гирифтаанд ва эродҳои ӯ дар ин маврид вазъ гардидаанд, ки ҷои баҳси дигар аст. Ашъори суханвар нишон медиҳанд, ки шоир чун худро дар мавриди офаридани маънӣ ситоиш мекунад, огоҳона аст. Аз ин нигоҳ, хангоми таҳқиқи ашъори суханвар ҳамин чихати масъала бояд ба инобат гирифта шавад.

3. Офаридани таъбиру ибораҳои сифатӣ дар васфи маънӣ. Сирочиддин Алихони Орзу таркибу ибораҳои “маънии рангин”, “маънии нозук”, “гулдастаҳои маънӣ”, “маънии бегона”, “маънии пешипоуфтада”-ро дар ашъораш ба қор гирифтааст ва онҳо оҳанги тавсифӣ дошта, бо ҳамин роҳ ҷойгоҳи маънӣ дар шеър васф шудааст. Тавре қаблан ҳам ишора гардид, суханвар ба маънӣ аз нигоҳи як чанбаи муҳимтарини шеър, асл ва пайкараи хунарии шеър алоқамандӣ гузидааст ва як андоза дар таркиби ибораҳои тавсифиаш шарҳу

тафсири маънӣ низ ҳамчун афкори меҳварӣ рӯи кор омадаанд. Ифодаҳои мазкур ба ҷуз хусусияти тавсифӣ доштан дидгоҳҳои муаллифро дар мавриди шакл ва дигаргуниҳои маънӣ дар шеър таҷассум менамоянд ва ҳамчунин дар худ як ҷанбаи истилоҳӣ низ пайдо кардаанд. Зери истилоҳи “маънии рангин” мазмунҳои рангоранг, нав ва тозаӣ шоир, ки ба воситаи шеър баён шудаанд, фаҳмида мешавад. Дар байти зер “маънии рангин” ба “авроқи хазонӣ”, яъне барғҳое, ки дар фасли тирамоҳ зард шуда, боғро рангин месозанд, монанд шудааст. Мақсади суханвар аз тасвири мазкур нишон додани пажмурдагиву хазон, ба поён расидани умр ва нотавониву афсурдагӣ нест, балки ба ҷилва овардани рангорангии табиат, фараҳафзоӣ аст. Бахусус ҳангоми сайри табиат чунин омехтагӣҳои ранг ба мушоҳида мерасад ва рангорангии маъноӣ низ дар шеър ҳамин хусусиятро дорад:

*Зи сайри маънии рангин шаванд он орифон огоҳ,
Ки ҷузви бӯстон донанд авроқи хазониро (3, 51).*

Ҳамчунин дар байти зер:

*Ба идгоҳи ҳаёл Орзу ба сони шафақ,
Қабо зи маънии рангини хеш дар бар кун (3, 574)*

Калимаи “идгоҳ” ишорае ба ҷойи барпо шудани ид ва ё макони гузаронидани ид аст. “Идгоҳи ҳаёл” маъноӣ зоҳир шудани ҳаёл ва тафаккур ба шумор меравад ва он барои шоир маҳалли шодиву хурсандист. Шоир гуфтанист, ки ҳангоме, ки як маънии тоза дар тафаккур зухур пайдо мекунад ва дар қолаби шеър медарояд ҳамон лаҳза лаҳзаӣ фараҳу шодист. “Қабо зи маънии рангин дар бар кардан” ба маъноӣ ҷомаи рангорангии маъниро бар тан кардан, яъне ҳамчун шоир дар вучуди хеш маъниҳои барҷастаро парваридан ва ба шеър мубаддал кардан омадааст. “Ба сони шафақ” ба монанди сурхии нури офтоб будан аст. Шоир ба худ муроҷиат карда мегӯяд: ту ҳам дар ҷаҳони тафаккур ва андешаҳои шоирона маъниҳоеро тоза ба тоза биофар, ки лаҳзаӣ сар задани ин ҳодиса ба лаҳза ва ё рӯзи иди ту мубаддал гардад ва руҳу равони тӯро тозаву фараҳафзо гардонад. Ҳамчунин дар баробари ин ки суханвар аз ҳамин гуна ҷанбаҳои маъноӣ ифтихор мекунад, дар ин маврид як андоза шикоят ҳам дорад ва таъкид медорад, ки то ҳол хусусиятҳои барҷастаи суханварии ӯ дар ҷодаи маъниофарӣ ҷуноне ки мебояд, шинохта нашудааст:

*Кас маънии рангини маро оҳ нафаҳмид,
Аз лавҳи дилам буд ҷу гул ҷузви китобам (526)*

Дигар ифодаи тавсифии ашъори шоир “маънии нозук” мебошад ва ҳарчанд ин ифода бо теъдоди зиёд дар ашъори шоир истифода намешавад, метавон як намуна аз чунин байтҳо ба тариқи зер зикр кард:

*Камари танги ту бар маънии нозук баста аст,
Орзу кай хабар аз рози ниҳони ту диҳад (3, 377)*

Дар ин ҷо суханвар назокати маъниро дар шеър шабоҳат ба камари борики маъшук медиҳад, ки ҳар ду бисёр ҷаззоб ва пурназокатанд.

Ҳамчунин дар байти зер:

*Саховат гар суханфаҳм аст намояд фош шират дон,
Мадон аз маънии бегона кам ноҳонда меҳмонро (3, 45)*

“Маънии бегона” ифодае аст, ки дар шеъри Сирочиддин Алихони Орзу нисбат ба ашъори Соиби Табездӣ кам истифода шудааст. Вале, дар сабки ҳиндӣ ҳамчун як мафҳуми ҷаззоб васеъ ба кор меравад. Истилоҳи “ноҳонда меҳмон” ҳам, ки дар ашъори Сирочиддин Алихони Орзу дида мешавад, аз ҷумлаи чунин таркибҳои калидии сабки ҳиндӣ ба шумор меравад. Муҳаққиқон дар бораи “маънии бегона” ва ҷойгоҳи маъноӣ он дар ашъори шоирони сабки ҳиндӣ мулоҳизаронӣ кардаанд. Масалан, адабиётшинос Саидҷаъфари Озод дар китоби “Соиби Табездӣ ва вусъати мазмун дар ғазал” дар ин маврид навиштааст:

“Маонии нав ва мазомини тару ногуфта дар ашъори Соиб, ҳамчунин, бо номҳои маънии бегона, рангин, нозук, борик, барҷаста, белафз, мисраи мавзун, маънии равшан ва монанди инҳо коргар шудаанд” (4, 103). Ҳамчунин донишманди эронӣ Муҳаммадхусейни Муҳаммадӣ дар китоби “Бегона масали маънӣ” ифодаи мазкурро чунин тафсир кардааст: ““Маънии бегона” муодили “маънии тозаву бикр ва бадеъ” аст” (2, 235). Сирочиддин Алихони Орзу дар ифодаи чунин таркибҳои нодир фикру мулоҳизаҳои ҷолиб ва шоирона баён доштааст. Дидгоҳҳои он дар ин маврид нисбат ба шоирони дигар мутафовит нест. Он ҳам тарафдори он ҳаст, ки дар шеър таркибу ифодаҳо ва мисраҳои маънӣ мутаххид мекунад ва пайкараи каломи мавзунро дар қолаби як андешаи воҳид ба вучуд меоварад. Ҷоё ҳам ҳаст, ки дар шеър офаридани маъниҳои тоза ба таври ҳамешагӣ ба шоир муяссар намешавад. Аз ин ҷои гурез нест. Ба суҳанвар чунин маъниҳо хушоянд нестанд. Шоир ин гуна маъниҳоро ба истилоҳи “маънии дар пеши по афтода” ёд мекунад.

Дар ашъори аксари суҳанварони сабки ҳиндӣ ифодаи “маънии дар пеши по афтода” дида мешавад ва таъбири мазкур дар шеър ба маънии суҳани кухнашуда, бисёр истифодагардида, беаҳмад сохташуда истифода мешавад. Дар байти зерин Сирочиддин Алихони Орзу ин ифодаро чунин шарҳ додааст:

*Пеши ӯ беқадртар аз кухнапоиш аст ғайр,
Рутба набвад маънии дар пеши по афтодаро (3, 76).*

*Маънии дар пеши по афтода набвад ҷуз сарам,
Карда машқи худкушӣ таъби равонам ҳамчу шамъ (3, 483)*

Яъне, суҳани беқадру бемартаба муодили таъбири “дар пеши по афтода” аст ва чунин шарҳи суҳанвар, ки дар дохили байт сураат гирифтааст, нишон медиҳад, ки баъзе истилоҳоти абъти шоир аз ҷониби ӯ шарҳу тафсир ёфтааст. Дар байти дувум бошад, чунин таъкид ёфтааст: агар шоир дар давоми фаъолияти дурударози эҷодӣ худро аз банди баъни маъниҳои кухна ва “дар пеши по афтода” озод карда натавонад, машқи шеър кардани ӯ машқи худкушӣ кардан аст. Ин матлабро бо мисолҳо ва шабоҳатҳои ҷолиб, аз ҷумла монанд сохтани шоир бо шамъ иброз доштааст. Яъне, шамъ, ки дар сараш оташ афрӯхта мешавад ва он оташ шамъро оҳиста - оҳиста ба нобудӣ мебарад, маъниҳои “дар пеши по афтода” низ суҳанварро беқадр сохта, оқибат ба ҳалокат мерасонад. Ҳамин тарик, санадҳои овардашуда нишон медиҳанд, ки Сирочиддин Алихони Орзу маъниро маҳаки асосии шеър ба ҳисоб меоварад ва бо тасвирҳои айнӣ онро шарҳу тафсир мекунад. Таъбирҳои истифодашуда дар бораи васфи маънӣ танҳо ифодаҳои сифатӣ набуда, онҳо вожаҳои калидии шеъри шоирони сабки ҳиндӣ низ ҳастанд. Ва ин ибораҳо ҳамчун истилоҳ хусусияти шеъри ин ё он шоирро баён месозанд. Аз ҷумла, мулоҳизоти дар ин маврид ба миёнгузоштаи Сирочиддин Алихони Орзу ба унвони таҳлил ва баъни хусусиятҳои ашъори ҳуди суҳанвар низ метавон эътироф кард. Ба ибораи дигар, чунин дидгоҳҳои ӯ дар шинохти ҷанбаҳои ҳунарии шеъри шоир заминаи мусоид фароҳам меоварад.

4. Баҳси лафзу маънӣ дар ашъори Орзу. Сирочиддин Алихони Орзу аз суҳанвароне ба шумор меравад, ки дар бораи лафзу маънӣ фикру мулоҳизаи зиёд дорад. Хусусан, рисолаҳои суҳанвар, ки ба нақди ин ё он шоир нигаронида шудаанд, дидгоҳҳои шоирро доир ба масъалаи мавриди назар таҷассум сохтаанд ва ҳамчунин бояд қайд кард, ки ҳамин баҳс ҳарчанд дар ашъори Орзу домани васеъ надорад, вале дар тафаккури бадеии ӯ ба таври фишурда ва маҳдуд идома пайдо кардааст. Масалан, дар байти зер:

*Лафз к-ӯ шӯх бувад маънии рангин бояд,
Шуд зи Юсуф чу ҷудо тираҳан аз ёдам рафт (3, 193)*

Дар ин байт сухавар тарафдори он аст, ки шеър бояд дорои лафзу маънӣ бошад. Суханвар таъкид медорад, ки вожаҳои мазкур шигифтиҳои каломи мавзунро таъмин менамоянд ва аз якдигар чудо нестанд. Онҳо чун ба ҳамдигар пайванд мегиранд, он вақт сухани шоир ба шеър мубаддал мегардад. Лафз агар дар зебой ба Юсуф шабоҳат дода шуда бошад, маънӣ пирахани Юсуф аст. Зебоии зоҳирии шеър лафз ва зебоии дохилии ӯ маънист. Юсуф дар зебоии зоҳирӣ ҳайрати занони Миср аст ва пирахан равшанкунандаи чашмҳои нобиной Яъқуб. Шоир гуфтанист, ки агар дар шеър “лафзи шӯх” вучуд дошта бошад, дар канори он бояд маъниҳои рангин ҳам бошанд. Дар сурати вучуд надоштани яке аз ин мафҳумҳои калидӣ шеър нотаом ва нокомил боқӣ хоҳад монд.

Ҳамчунин дар байти зер:

Надорад баҳрае аз лаззати маънӣ ба банди лафз,

Чу барги най кучо дар таъм барги найшакар бошад (3, 282).

Ифодаи “лаззати маънӣ” “банди лафз” ва монанди инҳо идомаи баҳси лафзу маънист. “Банди лафз” – калимаву ибораҳои дохили шеър, ки ба воситаи он суханвар маънӣ месозад ва ё маънии дар зехнаш пайдошударо дар қолаби таркибу ибораҳои дилписанд баён менамояд, дар назар дошта шудааст. Яъне, ба воситаи калимаҳо маъниро пойбанд мекунад. Чунин омилҳо дар шеър чун ба ҳам омаданд, аз “лаззати маънӣ” баҳра гирифтани мумкин аст. Агар яке аз ин чанбаҳо дар шеър вучуд надошта бошад, маънии пайдошуда бетаъм мемонад, чунон ки аз “барги най” лаззате нест. Агар дар моварои ин ду василаҳои аслии шеър пайванди қавӣ вучуд дошта бошад, аз он “лаззати маънӣ” пайдо мегардад ва он кайфияти дучанд эҳдо месозад. Мисли “барги найшакар”, ки аз он шакар ҳосил мешавад. Шоир зимнан маънӣ ва лафзро ба калимаи “найшакар” монанд кардааст, ки дар сурати чудо будани яке аз чувҳои ин калима, аз чумла “най” чизе ҳосил нахоҳад шуд.

Дар маҷмуъ, Сирочиддин Алихони Орзу аз суханварони тавоноӣ ҳавзаи адабии Ҳинд маҳсуб мешавад ва ӯ дар нишон додани ҷойгоҳи лафзу маънӣ дар шеър дасти тавоно дорад. Дидгоҳҳои ӯ дар ҷомаи бадеӣ бо санад ва мисолҳои қотей баён гардидаанд. Суханвар аз сухансанҷони варзидае мебошад, ки дар баёни тафаккури илмӣ доир ба нақши лафзу маънӣ дар шеър мақоми шоиста дорад. Ҳамчунин аз аҳли илму маорифи Шибҳи қораи Ҳинд чунин намояндаи барҷастаи нақду сухансанҷиро наметавон пайдо кард, ки ҳамсанги ӯ бошад. Тавре аз мисолҳои овардашуда бар меояд, ӯ шоири тавоност ва дар масири шеъру шоирӣ ҷойгоҳи арзандаеро ба даст овардааст. Аз ин ҷиҳат, андешаҳои ӯ доир ба лафзу маънӣ як ҳарфи хушқу холи набуда, сухани шоири баркамоле мебошад, ки дар канори барҷастатарин шоирони ин ҳавза дар камолоти шеъру шоирӣ, аз чумла вусъати сабки ҳиндӣ дасти тавоно доштаанд.

5. Маънии ашъори шоиронро ситоиш кардан. Дар девони Сирочиддин Алихони Орзу номи чандин суханвари ҳавзаи адабии Ҳинд ба мушоҳида мерасад, ки шоир баъзан аз як мисраи ашъори онҳо истиқбол намуданро, аз абёт ва тасвирҳои шоиронаи онҳо манфиат бурданро ва дар маҷмуъ татабуъ карданро зикр месозад. Ҳамчунин, Орзу дар байни суханварони номбаршуда баъзе шоиронро низ ёд мекунад, ки ӯ танҳо ба маънии ашъори онҳо таваҷҷуҳ кардааст. Маълум мегардад, ки ин тоифаи шоирон аз лиҳози офаридани маъниҳои ҷаззоб аз ҷониби Орзу истиқбол ёфтаанд. Масалан, дар байти зер доир ба Возех намояндаи сабки ҳиндӣ менависад:

Орзу дар ин замин бурдаст аз Возех самин,

Эй, ки дар майдони маънӣ гарм менозӣ биё (3, 27).

Вожаи “самин” маънои гаронбаҳоро дорад ва аз сурудаҳои Возех Орзу чизе арзишманде, ки ба даст овардааст, ба “майдони маънӣ гарм нозидан” аст. Ифодаи “дар майдони маънӣ гарм нозидан” ба маънои дар офаридани маънӣ лаёқату қобилияти фавқулода доштан ва дар арсаи хунар қареҳаи суханвариро ба ҷавлон овардан омадааст. Ба таъбири дигар, чунонки мушоҳида

мешавад, Возехро Орзу бо чунин хусусиятҳои эҷодӣ истиқбол менамояд ва ба ин суҳанвари мумтоз дар шеърӯ шоирӣ ҷойгоҳи муносиборо қоиладар аст. Ҳамин тариқ, тавре мушоҳида мешавад, суҳанвар номи Возехро дар ашъор се дафъа, аз ҷумла як дафъа дар мавриди татабуи як ғазали ӯ ва ду дафъаи дигар дар мавриди маънии ашъори ӯ ба кор бурдааст:

*Сайди маънӣ Орзу аз ман чу Возех мушкил аст,
Ман на барги дом дорам не саранҷоми қафас (3, 458).*

Дар ин байт ҳам Орзу мақоми Возехро “дар сайди маънӣ” волотар аз мақоми худ медонад. Ба назар мерасад, ки чунин огоҳӣ аз суҳанварони сабки ҳиндӣ доираи нигоҳи Орзуро тавсеа бахшидаанд. Ҳамчунин, Орзу ҷое ба қувват бахшидани пояҳои маъноии ашъораш ишора месозад ва сарех зикр мекунад, ки барои аз лиҳози офаридани маънӣ ҷойгоҳи хос пайдо кардан бояд аз “қуввати фикр” истифода шавад. Агар ба чунин шеваи эҷодӣ таҳкурсии амиқ гузошта шавад, ӯ метавонад мақоми Бедилро соҳиб гардад:

*Орзу к-аз қуввати фикри равон дорад сафар,
Умр агар бояд ба Бедил мерасонад хешро (3, 34).*

Шавкат ҳам яке аз суҳанвароне ҳаст, ки Сирочиддин Алихони Орзу ба он иродати зиёд дорад. Дар байти зер, дар муқобили ифодаи “абёти пурбор” ибораи “каломи фақромез”-ро ба кор бурдааст ва исрор доштааст, ки “каломи фақромези ман” ашъори Шавкатро “абёти ғанӣ” ҳисоб намекунад:

*Каломии фақромезам расида Орзу ҳар ҷо,
Намехонанд абёти ғанӣ ашъори Шавкатро (3, 81).*

Зери мафҳуми “абёти ғанӣ” шоир байтҳоеро дар назар дорад, ки дар онҳо маъниҳои зиёд нуҳфтаанд. Ҳарчанд дар маъниофарӣ ӯ Возехро эътироф менамояд, аммо дар ин маврид аз ҷониби ӯ ашъори Шавкат зери тозиёни танқид қарор гирифтааст.

Ҳамин тариқ, Сирочиддин Алихони Орзу дар ашъори хеш аз Возех, Шавкат ва Бедил ёдоварӣ кардааст ва тавре мушоҳида шуд, нигоҳи ӯ ба ашъори суҳанварони сабки ҳиндӣ, бахусус ба Бедил дигар аст ва Шавкати Бухороӣ дигар аст ва ин дидгоҳҳо нишон медиҳанд, ки суҳанвар як шахсияти барҷаста аст ва суҳани ӯ дар адабиёти тоҷик хеле арзишманд аст.

6. Истиқбол аз пурмазмун будани матлаи шеър. Орзу бо ифтихор аз маъниҳое, ки дунёи ботиниро бо як ҳаяҷони бесобиқа дар меоварад, ҳарф мезанад. Мувофиқи таъкиди ӯ авҷу хурӯше, ки хангоми офаридани маънӣ дар ботини инсон ба вучуд меояд, аз матлаи оғоз ёфта, баъдан идома пайдо мекунад:

*Баски аз саҳбои маънӣ ҷӯши мастӣ мезанад,
Матлаи мо бар адад теги дудасти мезанад (3, 301).*

Яъне, ҷуноне ки маълум гардид, Орзу ба матлаи ва ҷойгоҳи он дар шеър эътибор медиҳад. Аз ин ҷиҳат, таъкид медорад, ки матлаи бояд пурмазмун бошад. Зеро ин хусусият дар матлаи метавонад мучиби мутолеаи пурраи матни ғазал гардад. Ӯ ҷунон меҳисобад, ки яке аз роҳҳои ҷалби тавачҷуҳи алоқамандон дар шеър офаридани маъниҳои ҷаззоб аст ва агар ин вижагӣ дар матлаи вучуд дошта бошад, суҳани гӯянда пуртаъсир мегардад.

7. Ҷойгоҳи маънии мушкил дар байт. Суҳанвар дар баробари ин ки дар матлаи мазмунро яке аз масъалаҳои муҳим меҳисобад, дар мавриди байт низ чунин мулоҳизаро иброз медорад. Ӯ ҳамчун намоёндаи барҷастаи мактаби ҳунарии сарзамини Ҳинд ба маънии мушкил алоқамандӣ дорад ва таъкид менамояд, ки агар дар байт ҳам маънӣ мушкил бошад, он байти интиҳобӣ ва баргузида мешавад:

*Маънии мушкил дар ин маҳфил нафаҳмад, баски кас
Байти мо аз нуктаи шак интиҳобӣ мешавад (3, 304).*

Ифодаи “нуктаи шак” ба маънии “каломи рамзнок” ё “печидар” корбаст шудааст. Суҳане, ки ба ҳақиқати он кас шубҳа мекунад. Ҳосили байт чунин аст: Азбаски маънии мушкил ва

печида мураккабиҳои зиёдеро чиҳати ба вучуд овардани як шарҳи чомеъ ва мукамал пеш меоварад, шеъри ман бо касби чунин вижагӣ писандидаву мақбул мегардад. Дар мисоли зер бошад, байтҳои дорои чунин хусусиятҳои ҳунариро “байти худодод” унвон кардааст:

*Ҳамчу абруи бутон баста аҷаб мазмуне,
Орзу ноз ба ҳар байти худодод қунад (3, 390).*

Агарчи дар байтҳои қаблӣ шоир маъниро ҳосили фикр ва андеша медонад, дар байти зер ифодаи “байти хайлӣ ва ё маънии хаёлӣ” - ро меофарад. Ин андеша боз ба баҳси “маънии печида ва мушқил” бармегардад, ки аз сабаби мураккабии ифода ва таъбирот маъниҳои ғайривоқеъ ва фантастикӣ ба вучуд меояд ва аз сабаби гунҷоиш надоштани баррасии чунин мулоҳизаҳо таҳлили он ба фурсатҳои дигар во гузошта хоҳад шуд:

*Як сари муӣ нафаҳмида касе маънии ӯ,
Байти абруи бутон сахт хаёлӣ бошад (3, 421).*

Бар хилофи андешаҳои мазкур Орзу ба байтҳои пурмазмунӣ ашъори хеш ишора карда, бо як қаноатмандӣ чунин зикр месозад:

*Гар ба маънӣ бингарӣ аз байт мазмунӣ тарам,
Гарчи дар оғӯши ман холӣ бувад ҷои сухан.*

Санадҳои овардашуда нишон медиҳанд, ки бо рамзу роз ё ба ибораи дигар бо ифодаҳои печидаву мушқил сухан пеш овардан яке аз вижагиҳои ҳунари ба ҳисоб меояд ва дар баробари ин ки ин падида ҷузви тозақориҳои шоирона аст, дар истифодаи санъатҳои бадеӣ низ ҳамин хусусият ба таври барҷаста ба мушоҳида мерасад.

8. Мағзи сухан будани маънӣ. Суханвар меҳвари асосии шеърро маънӣ медонад ва ӯ бо роҳи устухонбандӣ ва яъне ҷобачогузории таркибу ибораҳо ва воситаҳои, ки нақши онҳо дар шеър бисёр рӯшан аст, маъниро ифода мекунад. Яъне, ҷавҳари асосии каломро суханвар маънӣ меномад, ки дар байти зер онро бо ибораи “мағзи сухан” ёдоварӣ мекунад:

*Пур аз маънӣ чу шеър аст устухонбанде, ки ман дорам,
Ба ҷои шеър ман дар сар ҳамин мағзи сухан дорам (3, 517).*

Ҳамин тариқ, истеъдоду маҳорати ҳунарии шоир нишон медиҳанд, ки суханвар ҳамаи зарфиятҳои шеъриву шоириашро танҳо барои офаридани маънӣ сафарбар месозад ва ҳамин ҷанбаи фаъолияти эҷодиро бо чунин ишораҳо дар шехраш таҷассум менамояд.

9. Худнамоӣ будани изҳори маънӣ. Дар байти зер ифодаи “изҳори маънӣ” маъноӣ ба худнамоӣ мубаддал кардани маъниофариро дорад. “Синачок” шахсе, ки ҳастии хешро бо мушқилҳои зиёд паси сар кардааст ва манзур ҳуди суханвар аст. Зеро ӯ дар ҷустуҷӯ ва усулҳои офаридани маънӣ заҳматҳои фаровонро ба анҷом мерасонад. Яъне, суханвари ҳақиқӣ.

Дар мисраи дуюм шоир аз гул масал гирифтааст ва гулро мисол меоварад, ки баргҳои сурхи монанди хун оғӯштаи ӯ ҳамин ҳолати шахси “синачок” - ро пеши назар ба ҷилва меорад. Яъне, баргҳои хунмонанди гул барои шоир мисли мусҳаф муқаддаст аст ва агар ин муқаддасот дар маъниофарӣ ба худнамоӣ табдил ёбад, пас ҳочат ба шарҳу тафсири зиёд намоинад. Ба ибораи дигар, изҳори маънӣ агар аз ҳад зиёд сурат гирад он ба худнамоӣ табдил меёбад ва шоир бояд, ки аз ин омилҳо парҳез кунад:

*Бувад изҳори маънӣ худнамоӣ синачоконро,
Ба ранги мусҳафи гул ҳочате набвад тафсирам (3, 524).*

Хулоса. Дар маҷмӯъ, дар ашъори шоирон муҳокима гардидани маънӣ ва маъниофарӣ як тамоюл ва падидаи бисёр муҳим ба шумор меравад. Чун шоир маънии тоза меофарад ҷойгоҳи маъниро дар шеър дармеёбад ва ҳамин дарёфтҳо дар қолаби манзум баён месозад. Баррасии масъалаи мазкур нишон медиҳад, ки Сирочиддин Алихони Орзу дидгоҳҳои хос дар бораи маънӣ дорад. Ӯ шоире аст, ки маъниофар ва бештар аз шеър ба сифати як коргоҳи офаридани маънӣ истифода мекунад.

ПАЙНАВИШТ:

1. Алимардонов, А. Орзу. Сирочиддин Алихон / Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик: Иборат аз 3 ҷилд. – Ҷ. 2. – Душанбе: Сарредаксияи илмӣи “Энциклопедии советии тоҷик”, 1989. – 560 с.
2. Муҳаммадӣ, Муҳаммадхусейн. Бегона масали маънӣ. Нақд ва таҳлили шеърӣ Соиб ва сабки ҳиндӣ. – Техрон: Митро, 1374. – 288 с.
3. Орзу, Сирочиддин Алихон. Девон. Нухсаи хаттии Китобхонаи Хубобахши Ҷумҳурии исломии Покистон, ки таҳти №4263 ниғаҳдорӣ мешавад. – 718 с.
4. Саидҷафаров, Озод. Соибӣ Табрэзӣ ва вусъати мазмун дар ғазал. (Таърихи адабиёти форсу тоҷик, асрҳои XVII). Монографияи илмӣ. – Душанбе: ДДМИТ, 2020. – 250 с.
5. Пригарина Н.И. Индийский стиль и его место в персидской литературе. – Москва: Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 1999. – 328 с.

REFERENCES:

1. Alimardonov, A. Orzu. Sirojiddin Alikhon / Encyclopedia of Tajik Literature and Art: In 3 volumes. – Vol. 2. – Dushanbe: Scientific Editorial Board of the "Soviet-Tajik Encyclopedia", 1989. – 560 pp.
2. Muhammadi, Muhammadhuseyn. Stranger, Metaphor of Meaning. Critique and Analysis of Saeb's Poetry and Indian Style. – Tehran: Mitro, 1374. – 288 pp.
3. Orzu, Sirojiddin Alikhon. Divan. Manuscript of the Khubabakhshi Library of the Islamic Republic of Pakistan, stored under No. 4263. – 718 pp.
4. Saidjafarov, Ozod. Soib Tabrezi and the Expansion of the Contents of Ghazals. (History of Persian-Tajik Literature, 17th Century). Scientific monograph. - Dushanbe: DDMIT, 2020. - 250 pp.
5. Prigarina, N.I. Indian Style and Its Place in Persian Literature. - Moscow: Publishing Firm "Vostochnaya Literature" of the Russian Academy of Sciences, 1999. - 328 pp.

УДК 821-95 (573.3)

DOI 10.24412/3005-849X-2026-2-179-189

**МУЛОҲИЗАҲО
РОҶЕЪ БА АВЗОНИ
ҒАЗАЛИЁТИ КАЛИМИ
КОШОНӢ**

Нурзод Нуралӣ, профессори кафедраи адабиёти классикии тоҷики МДТ “ДДХ ба номи академик Б. Гафуров”; Шукурзода Зайнура, муаллими калони кафедраи адабиёти муосири тоҷики МДТ “ДДХ ба номи академик Б. Гафуров” (Хучанд, Тоҷикистон)

**О РАЗМЕРЕ
ГАЗЕЛЕЙ КАЛИМА
КОШОНИ**

Нурзод Нуралӣ, профессор кафедры таджикской классической литературы ГОУ “ХГУ имени академика Б. Гафурова”; Шукурзода Зайнура, старший преподаватель кафедры современной таджикской литературы ГОУ “ХГУ имени академика Б. Гафурова” (Худжанд, Таджикистан)

**ON THE METERS
OF KALIM KOSHONI'S
GAZELLES**

Nurzod Nurali, professor of the department of classical Tajik literature under the SEI “Khujand State University named after academician B. Gafurov”; Shukurzoda Zainura, senior lecturer of the department of modern Tajik literature under the SEI “Khujand State University named after acad. B. Gafurov” (Khujand, Tajikistan) e-mail: bohir-1988@mail.ru

Авзони газалиёти Калими Кошонӣ баррасӣ шудааст. Дар ҷараёни таҳқиқ маълум гардидааст, ки дар сурудани газал Калими Кошонӣ асосан аз авзони маъмулии арӯз, чун ҳазач, раҷаз, рамал, мутақориб, мучтас, музореъ ва амсоли ин ба қор гирифтааст. Бар асоси басомади қорбурди авзони шеърӣ дар газалиёти Калим муаллифон онҳоро ба се баҳши зерин ҷудо кардаанд: бисёрқорбурд, мутавассит ва камқорбурд. Мушаххас карда шудааст, ки аз ҳама беиштар дар миёни сурудаҳои шоир вазни рамал мавриди истифода қарор гирифтааст. Шумораи умумии газалиёти бо ин вазн суруда 144 адад мебошад. Баҳрҳои камқорбурд бошад, сареъ ва муқтазаб буда, ба ҳардуи онҳо 1 газалӣ суруда шудааст. Басомади умумии авзони мавриди истифодаи Калими Кошонӣ бо шеваи таҳқиқи омӯрӣ дар ҷадвали махсус муқаррар карда шудааст, ки манзараи кулли қорбурди тамоми вазнҳои мавҷуд дар баҳши газалиёти девони шоирро нишон медиҳанд. Мутабиқи ин ҷадвал маълум мешавад, ки дар таркиби девони шоир 562 газал мавҷуд аст ва Калими Кошонӣ дар иншои чунин миқдори газал асосан аз 9 баҳру 24 вазни мустағмал дар адабиёти классикии тоҷик ба қор гирифтааст.

Калидвожаҳо: Калим Кошонӣ; газал; вазн; баҳр; ҳазач; рамал; мучтас; музореъ

Анализируются стихотворные размеры газелей Калима Кошони. Установлено, что при сочинении газелей Калим Кошони в основном использовал распространённые размеры аруза, в том числе хазадж, раджаз, рамаль, мутақориб, муджтас, музоре` и т.д. На основе частоты использования поэтических размеров в газелях Калима выделены три группы размеров: частоиспользуемые, среднеиспользуемые и редкоиспользуемые размеры. Установлено, что самым частоиспользуемым размером является рамаль, которым сложены в общей сложности 144 газели. Редкоиспользуемыми размерами являются сариъ и муқтазаб, которыми сложены по одной газели соответственно. Общая частота размеров газелей Калима Кошони отражена в специальной таблице с использованием статистического метода исследования, в которой показана общая картина использования

размеров в газелях из дивана поэта. Согласно этой таблице, диван поэта содержит 562 газели, и Калим Кошони при их сочинении в основном использовал 9 бахров и 24 размера, которые наиболее распространены в классической таджикской литературе.

Ключевые слова: Калим Кошони; газель; размер; бахр; хазадж; рамаль; муджтас; музоре

The article analyzes the poetic meters of Kalimi Koshan's gazelles. It is established that when composing gazelles, Kalimi Koshan primarily used common aruz meters, including khazaj, rajaz, ramal, mutaqorib, mujtas, muzore, etc. Based on the frequency of poetic meters used in Kalimi's gazelles, three groups of meters are distinguished: frequently used, moderately used, and rarely used meters. It has been established that the most frequently used metre is the ramal metre, which is used in a total of 144 gazelles. Less frequently used metres are the sari' and muqtazab, which are used in one gazelle each. The overall frequency of metre usage in Kalim Koshani's gazelles is reflected in a special table using statistical research methods, which shows the overall pattern of metre usage in the gazelles from the poet's divan. According to this table, the poet's divan contains 562 gazelles and Kalim Koshani, when composing them, mainly used 9 bakhrs and 24 meters, which are most common in classical Tajik literature.

Key-words: Kalim Koshani; gazelles; meter; bakhr; hazaj; ramal; mujtas; muzore

Муқаддима. Вазн яке аз рукнҳои аслии шеър ба шумор меравад, ки бисёре аз меъёрҳои шинохти шеър ба он марбут аст [14, 15]. Муҳимтарин унсури созидаи мусиқӣ дар шеър низ вазн ба шумор меравад. Парвиз Нотили Хонларӣ дар мавриди муҳимияти ҷойгоҳи вазн дар шеъри суннатии ғазал чунин навиштааст: «Ихтиёри вазн дар ғазалсароӣ танҳо манут ба завқи шоир нест, балки суннати шоирӣ ва шеваи маъмули замон шоирро бе он ки худ бидонад ба ихтиёри баъзе аз авзон ва тарки баъзе дигар вомедорад. Пас вазн низ яке аз нукоте аст, ки дар баҳс аз сайру таҳаввули ғазали форсӣ бояд мавриди тавачҷух қарор гирад» [16, с.202]. Таҳқиқи ҷанбаҳои поэтикӣ ашъори шоирон аз рукнҳои муҳимми шинохти вежагиҳои ҳунарии шеър ба шумор меравад. Зеро яке аз хусусиятҳои муҳимми таъсирбахш сохтани каломӣ манзум маҳз тавассути вазну оҳанг ва дигар унсурҳои сохтории шеър ба вучуд меояд. Аз ин рӯ, барои шинохти вижагиҳои ҳунарию сабкии ғазалиёти як шоир ва муайян сохтани мақому мартабаи ӯ дар ғазал баррасии авзони девони шоирон низ аз рукнҳои муҳим ба шумор меравад. Зеро «Вазн ва қофияву радиф дар шеър аз омилҳои муҳимме барои боз ҳам хушоҳангу гушнавоз гардидани мусиқии шеър аст» [16, с.115]. Бо тавачҷух ба масъалаи мазкур пажӯҳишоти илмӣ ба сомон расидааст. Ҷунонки, Масъуди Фарзод таҳқиқе дар боби авзони ашъори Ҳофиз, Мавлоно ва Рӯдакӣ анҷом додааст. Таҳқиқоти бунёдӣ дар заминаи авзони ғазал марбут ба Парвиз Нотили Хонларӣ мебошад. Дар адабиётшиносии тоҷик роҷеъ ба шинохти авзони ашъори шуароӣ гуногун таҳқиқоте ба сомон расидааст, ки онҳоро дар ду бахш баррасӣ намудан мумкин аст. Бахши аввали таҳқиқот фарогири масоили назарии авзон ва баҳрҳои шеърӣ буда, дар онҳо масоили куллии марбут ба аруз ва баҳрҳои асливу фаръӣ таҳқиқ шудаанд. Ба ин гурӯҳ қорҳои донишмандони соҳибноми тоҷик Тӯракул Зехнӣ, Баҳром Сирӯс, Худой Шарифов, Урватулло Тоҳиров, Субҳон Давронов ва дигарон шомил аст. Гурӯҳи дуюми таҳқиқотро пажӯҳишҳои марбут ба авзони ашъори шоирони алоҳида ба вучуд овардаанд, ки ин аз китобу мақолаҳои Мисбоҳиддини Нарзиқул, Рӯстам Ваҳҳобзода, Бобобек Раҳимӣ, Нуралӣ Нуров, Сорбон Азизов, Маҳмудзода Обидҷон ва дигарон метавон ном бурд, ки таҳқиқи вазни ашъори устод Рӯдакӣ, Низомӣ, Камоли Хучандӣ, Бедили Дехлавӣ, Назирии Нишопурӣ, Садриддин Айнӣ, Муъмин Қаноат ва дигаронро фаро гирифтаанд.

Мавод ва методҳо. Ҳарчанд роҷеъ ба вижагиҳои ҳунариву мавзуӣ ғазалиёти Калими Кошонӣ аз тарафи донишмандони ватаниву хоричӣ то кунун пажӯҳишҳои муайяне ба

анҷом расидааст, вале зимни мутолеаи онҳо маълум мешавад, ки муҳаққиқони осори шоир ба масъалаи авзони ғазалиёти вай камтар таваҷҷуҳ зоҳир намудаанд. Вале масъалаи таҳқиқи вазни ғазалиёти яке аз дигар шоирони сабки ҳиндӣ дар мақолаи яке аз муаллифон зери унвони “Вежагиҳои корбурди авзони ғазал дар “Девон”-и Бедил” ба риштаи таҳқиқи кашаида шудааст [10]. Бо таваҷҷуҳ ба дараҷаи таҳқиқи мавзӯ метавон муқаррар сохт, ки дар ин мақола бори аввал вежагиҳои корбурди авзони ғазалиёти шоир баррасӣ гардидааст. Дар ҷараёни таҳқиқи аз методҳои таҳқиқи қиёсӣ, омӯри мавриди истифода қарор гирифтааст.

Зимни таҳқиқи авзони ғазалиёти Калими Кошонӣ маълум гардид, ки шоир дар сурудани ин навъи мустаъмали шеъри классикӣ бештар аз вазнҳои маъмул ба қор бурдааст. Аз баҳрҳои аслии дар девони шоир, аз ҳама бештар, баҳрҳои рамал, ҳазач, раҷаз ва аз баҳрҳои фаръӣ музорей, мучтас ва мунсарей истифода шудааст. Боиси қайд аст, ки бархе аз вазнҳои баҳрҳои мазкур серистеъмол буда, қисми дигар бисёр кам ба қор рафтааст. Бахши дигар бошад, начандон зиёд ҳам нестанид ва кам ҳам намебошанд. Аз ин нигоҳ метавон авзони ғазалиёти шоирро ба се гурӯҳ ҷудо намуд:

1. Авзони бисёрқорбурд;
2. Авзони мутавассит;
3. Авзони камқорбурд.

Дар ҷадвали зерин дараҷаи истифодаи вазнҳо бо нишон додани теъдоди ғазалҳо ва табақабандӣ ба гурӯҳҳо оварда мешавад:

№	Номи вазн	Аломат	Афои	Миқдори ғазал
Авзони серистеъмол				
1.	Рамали мусаммани маҳзуф ё мақсур	-v--\v--\v--\v- ё -v~	Фоилотун, фоилотун, фоилотун фоилун ё фоилон	144
2.	Мучтаси мусаммани маҳбуни аслам ё аслами мусаббағ	v-v-\vv--\v-v-\-- ё - ~	Мафоилун, файлотун, мафоилун, фаълун ё фаълон	110
3.	Музорейи мусаммани аҳраби макфуфи маҳзуф	-- V \ - V - V \ V - -V \ - V - ё - V ~	Мафъӯлу, фоилоту. Мафоилу, фоилун ё фоилон	82
4.	Рамали мусаммани маҳбуни аслам ё аслами мусаббағ	-v--\vv--\vv--\-- ё ~	Фоилотун, файлотун, файлотун фаълун ё фаълон	77
5.	Ҳазачи мусаммани солим	v---\v---\v---\v---	Мафойлун, мафойлун, мафойлун, мафойлун	51
Авзони мутавассит				
6.	Ҳазачи мусаммани аҳраби макфуфи маҳзуф ё мақсур	--v\v--v\v--v\v--ё v~	Мафъӯлу, мафоилу, мафоилу, фаълун ё мафойил	34

7.	Мунсарехи мусаммани махбуни макшуф ва мавкуф	--v-\v--\--v-\v-- (~)	Мустафъилун, фаўлун, мустафъилун, фаўлун, (фаўлон)	28
8.	Ҳазачи мусаддаси маҳзуф ё мақсур	v---\v---\v-- ё v~	Мафойлун, мафойлун, фаўлун ё мафойил	13
9.	Рамали мусаддаси маҳзуф ё мақсур	-v--\-v--\-v- ё -v~	Фоилотун, фоилотун, фоилун ё фоилон	8
Авзони камистеъмол				
10.	Раҷазии мусаммани солим	--v-\--v-\--v-\--v-	Мустафъилун, мустафъилун, мустафъилун, мустафъилун,	4
11.	Раҷазии мусаммани матвии махбун	-vv-\v-v-\-vv-\v-v-	Муфтаилун, мафойлун, муфтаилун, мафойлун	3
12.	Ҳазачи мусаддаси ахраби мақбузи маҳзуф ё мақсур	--v\v-v-\v-- ё v~	Мафўлу, мафойлун, фаўлун ё мафойил	3
13.	Мутақориби мусаммани солим	v--\ v--\ v--\ v- -	Фаўлун, фаўлун, фаўлун, фаўлун	2
14.	Мунсарехи мусаммани матвии макшуф	- vv-\ - v -\ - vv-\ - v -	Муфтаилун, фоилун, муфтаилун, фоилун	1
15.	Сареи мусаддаси матвии макшуф ё мавкуф	-vv-\-vv-\-v- (-v~)	Муфтаилун, муфтаилун, фоилун, фоилон	1
16.	Муктазаби мусаммани матвии мақтӯи мусаббағ	-v-v \ - - ~\ -v-v \ - - ~	Фоилоту, мафўлон, фоилоту, мафўлон	1

Вазнҳои дар ҷадвал бударо бо овардани мисолҳо аз ғазалиёти Калим мавриди таҳлил қарор медиҳем. Чунонки маълум гардид аз ҳама бештар шоир дар вазни рамали мусаммани маҳзуф ва мақсур (фоилотун, фоилотун, фоилотун, фоилун\фоилон -v--\-v--\-v-\-v~) 144 ғазал сурудааст, ки аз ҳамаи дигар авзон бештар ба назар мерасад. Роҷеъ ба мавқеи вазни мазкур муҳаққиқ Азизов С. чунин гуфтааст: «Бояд гуфт, ки вазни рамали мусаммани маҳзуф ва мақсур аз вазнҳои маъмули шеърӣ форсӣ, хосса дар ғазалсароӣ будааст. Ин вазн, ки аз 15 ҳичо (11 ҳичои дароз ва 4 кӯтоҳ) иборат аст, аз вазнҳои маъмул дар ғазалсароӣ ба шумор меравад ва Хонларӣ низ дар қатори 20 вазни пурқорбурди ғазал дар радифи авзони мутавассити сақил овардааст. Ғазалсароёни маъруфи адабиёти форсӣ Саъдӣ дар маҳзуф ва мақсури ин вазн 46 ғазал, Ҳофиз 33 ғазал ва Аттор 42 ғазал сурудаанд. Аз тадқиқоти Хонларӣ низ бармеояд, ки вазни рамали мусаммани маҳзуф дар ибтидои ташаккули ғазали форсӣ мавриди истифодаи шуаро будааст. Чунонки Саноиӣ Ғазнавий 26 дар сад ғазали худро дар ин вазн сурудааст. Ин вазн табиатан ҳам равону хушоҳанг ва бардорандаи эҳсосоти мавзуи жанри ғазал мебошад» [1, с.70]. Аз ин маълумотҳо чунин ба назар мерасад, ки Калим дар пайравӣ аз шуарои маъруфи ғазалсаро аз ин вазн бештар ба қор бурдааст. Ҳарчанд бахше аз ин гуруҳи ғазалиёт дар истиқбол аз шуарои қаблӣ суруда шудаанд, вале ба назар мерасад, ки дар ин навъи сурудаҳои ҳарчанд вазни мазкур интиҳоб шуда, вале дар эҷоди қофияву радиф истиқлоли суҳанвар мушоҳида мегардад. Аз ин нигоҳ, баробари истиқбол аз вазну қофия ва радиофи маъруф, ки бештар ба сурати таттабуъ зухур мекунад, Калими Кошонӣ аз навъи муҳтареъ низ истифода карда, ки ҳамоно истиқлоли ӯ аз қофияву радиф ошкор аст.

Ин шева бештар дар сурудаҳои шоирони сабки ҳиндӣ ба назар мерасад, ки Калими Кошонӣ аз ҷумлаи онҳост:

Ба чанд намуна аз баҳри Рамал ва шеваҳои корбурди авзони таркибии он ручуъ мекунем:

Рамали мусаммани маҳзуф

*Бандагиро\дар раҳи хид\мат зи бас шо\истаам,
Мешавад до\ғи гуломӣ\ хатти нешо\нӣ маро [3, с.87].*

-v-- -v-- -v-- -v-
фоилотун, фоилотун, фоилотун, фоилун

Рамали мусаммани мақсур

*Дар тариқи\ худнамоӣ\ шеваи дил\хоҳ нест,
Ғайри даъви\и баланду\ ҳиммати ку\тоҳ нест [3, с.139].*

-v-- -v---v---v~
фоилотун, фоилотун, фоилотун, фоилон

Тавре аз ин ду намуна пайдост ва муҳаққиқони болозикр ҳам таъкид доштаанд, бо сабаби хушоҳангӣ ва мустаъмал будани он дар суроиши ғазал Калими Кошонӣ низ аз он бештар мавриди истифода қарор додааст. Ба ибораи дигар, нуфузи ин вазро дар эҷодиёти Калими Кошонӣ метавон ҳамчун як навъи идомаи суннатҳои шеъри гузашта аз ҷониби ин шоир номзад намуд. Ҷолиб он аст, ки зимни муқоисаи басомади истифодаи баҳри мазкур дар эҷодиёти Калим бо шоири дигари сабки ҳиндӣ Назирии Нишопурӣ маълум гардид, ки дар ғазалиёти ин суҳан низ баҳри рамал нуфуз дорад ва дар ин бора муҳаққиқи ашъори ӯ Маҳмудзода Обидҷон чунин навиштааст: “Ҳангоми омӯзиши ғазалиёти шоир чунин маълум гардид, ки бештар дар девони ӯ аз вазни рамали мусаммани маҳзуф ва мақсур (фоилотун, фоилотун, фоилотун, фоилун -v--\-v--\-v--\-v) ба кор бурда шудааст” [8, с.78]. Ба таҳқиқи яке аз муаллифони мақола дар девони Мирзо Абдулқодири Бедил низ баҳри пуркорбурд рамал ба шумор меравад [10, с.42]. Танҳо бо сабаби он ки девони Бедил аз ҷумлаи бузуртарин девони ғазалиёт дар адабиёти форсӣ ба шумор меравад, басомади умумии истифода ба тақя ба шумори ғазалҳо да девони Абулмаонӣ назар ба Калим ва Назирӣ бештар аст. Ба сурати кулӣ, дар девони Калим аз 562 ва Назирӣ 564 адад ғазал таркиб ёфтаанд, ки теъдоди умумии ин навъ сурудаҳои онҳо ба ҳам баробар аст. Аммо девони ғазалиёти Бедил, ки наздик ба 3000 ғазалро фаро мегирад, ҳам аз диди микдори умумии ғазал ва ҳам басомади истифодаи авзон афзалият доранд.

Аз дигар вазҳои серистеъмол дар ғазалиёти Калими Кошонӣ баҳри мучтас мебошад. Аммо дар Девони Бедил тавре дар мақолаи мазкур муқаррар шудааст, баҳри ҳазаҷ мебошад [10, с.42]. Нуфузи ин баҳр дар девони Назирии Нишопурӣ дар мақоми дувум ба мушоҳида мерасад [8, с.79]. «Баҳри мучтас, ки дар натиҷаи омехта шуда омадани рукҳои асли ва зихофии баҳрҳои рамалу раҷаз ба вучуд омадааст, яке аз баҳрҳои серистеъмол дар ғазалсарой мебошад» [8, с.76]. Аз баҳри мучтас бештар Калим мучтаси мусаммани маҳбуни аслам (v-v-\vv--\v-v-\--) ё аслами мусаббағ (v-v-\vv--\v-v-\--)-ро истифода кардааст, ки маҷмуан 110 ғазал мебошад. Ин ду вазн яке аз зеботарин ва пуркорбурдтарин авзони шеъри форсӣ-тоҷикӣ ба шумор мераванд. «Шоирон аз ин авзони мучтас зиёд истифода кардаанд. Ҷунонки дар ин ду вазн Саъдӣ 88 ғазал, Ҳофиз 67 ғазал, Аттот 6 ғазал ва 1 қасида ва Анварӣ 8 қасида дорад» [8, с.76].

Мучтаси мусаммани маҳбуни аслам

*Дар отаи ар\ фиканам тух\ми меҳрубо\ниро,
Диҳам ба тар\биятаи о\би зиндаго\ниро [3, с.94].*

v-v-\vv--\v-v-\--
мафоилун, фаилотун, мафоилун, фаълун

Мучтаси мусаммани махбуни аслами мусаббағ

*Қасе, ки мон\да ба банди\ либос, зин\донист,
Паридан аз\ қафаси но\му нанг ур\ёнист [3, с.106].*

v-v|\vv--|v-v|~

мафойлун, файлотун, мафойлун, фаълун

Дар канори бухури мазкур, баҳри музореъ дар ғазалиёти шоир бештар ба кор рафтааст. Дар вазни музореи мусаммани аҳраби макфуфи маҳзуф (--v|v-v|v--v|v-) ва мақсур Калим 82 ғазал сурудааст. «Вазнҳои мазкур дар радифи вазнҳои серистеъмол дар ғазалсарой аст, ки Хонларӣ ҳам дар миёни авзони пуркорбурди ғазал зикр кардааст. Дар ғазалиёти бузургтарин шуарои ғазалсаро Аттор ва Саъдио Ҳофиз низ ин вазн зиёд ба кор рафтааст. Чунонки Саъдӣ ва Ҳофиз дар маҳзуф ва мақсури ин вазн маҷмуан ҳар қадом 74 ғазал, Аттор 48 ғазал ва Анварӣ 26 қасида сурудаанд [8, с.78].

Музореи мусаммани аҳраби макфуфи маҳзуф

*Ҷуз ҳарфи\ ишқ нест\ саросар ба\ёни мо,
Чун шамъ\ як сухан гӯ\зарад бар за\бони мо [3, с.84].*

--v|v-v|v--v|v-

мафъӯлу, фойлоту, мафойлу, фойлун

Музореи мусаммани аҳраби макфуфи мақсур

*Аз печу\ тоби фикр\ танам сад ши\кан гирифт,
Осон на\метавон са\ри зулфи су\хан гирифт [3, с.107].*

--v|v-v|v--v|v~

мафъӯлу, фойлоту, мафойлу, фойлон

Дигар аз анвои серистеъмол дар ғазалиёти Калим рамали мусаммани махбуни аслам (фойлотун, файлотун, файлотун, фаълун -v--|\vv--|\vv--|--) ва рамали мусаммани махбуни аслами мусаббағ (фойлотун, файлотун, файлотун, фаълон -v--|\vv--|\vv--|~) мебошад, ки дар маҷмуъ, дар ин ду вазн 77 ғазал дар девони шоир мавҷуд аст. Вазни мазкур ҳам дар ғазалсарой аз зумраи авзони серистеъмол ба шумор меравад.

Рамали мусаммани махбуни аслам

*Сар ба бӯстон\ чу диҳад чил\ваи яғмо\иро,
Аввал аз сар\в канад чо\маи раъно\иро [3, с.95].*

-v--|\vv--|\vv--|--

фойлотун, файлотун, файлотун, фаълун

Рамали мусаммани махбуни аслами мусаббағ

*Чилваи пе\чу ҳам аз му\и камар хо\ҳад рафт,
Тоби ин риш\таи бори\к бадар хо\ҳад рафт [3, с.157].*

-v--|\vv--|\vv--|~

фойлотун, файлотун, файлотун, фаълон

Вазни ҳазачи мусаммани солим (v---|v---|v---|v---) ҳам яке аз вазнҳои хушоҳангу зебо аст, ки дар ғазалсарой шоирон бештар ба кор бурдаанд ва Парвиз Нотили Хонларӣ низ онро дар қатори 20 вазни пуркорбурди ғазали форсӣ овардааст [8, с.74]. Дар девони Калими Кошонӣ дар вазни ҳазачи мусаммани солим (v---|v---|v---|v---) 51 ғазал суруда шудааст.

Ҳазачи мусаммани солим

*Аз он чашме,\ ки медонад\ забони бе\забониरो,
Накӯён ё\д мегирани\д тарзи нук\тадониро [3, с.83].*

v---|v---|v---|v---

мафойлун, мафойлун, мафойлун, мафойлун,

«Маснавий маънавий»-и Мавлоно Балхӣ, «Салмон ва Абсол»-и Ҷомӣ ва ғайр дар ин вазн суруда шудаанд» [8, с.73].

Рамали мусаддаси маҳзуф

*Пеш аз ин дав\рон ситампар\вар набуд,
Осмон з-ин\ гуна бадах\тар набуд [3, с.273].*

-v--\v--\v- фоилотун, фоилотун, фоилун

Рамали мусаддаси мақсур

*Равшанӣ дар\ хонаи маъ\мур нест,
Нест як вай\рона, к-он нур\нур нест [3, с.158].*

-v--\v--\v~ фоилотун, фоилотун, фоилон

Дар зер мисолҳо аз девони шоир ба вазнҳое, ки мо дар чадвал онҳоро ба гурӯҳи авзони камистеъмомл шомил намудем, оварда мешавад. Дар воқеъ, дар вазнҳои мақсур шоир ҳамагӣ 3 ё 4 ғазал ва дар баъзеи онҳо ҳамагӣ 1 ғазал сурудааст.

Дар баҳри раҷазӣ мусаммани солим ҳамагӣ 4 ғазал дар девони шоир мавҷуд аст. Ҳарчанд баҳри раҷаз дар ғазалсароӣ бештар ба қор меравад, вале дар девони шоир аз ин баҳр камтар истифода шудааст.

Раҷазӣ мусаммани солим

*Дунболи аш\к афтодаам,\ чӯям дили\ озурдаро,
Аз хун тавон\ бардошт пай,\ нахҷири пай\конхӯрдари [3, с.98].*

--v--\v--\v--\v-

мустафъилун, мустафъилун, мустафъилун, мустафъилун

Вазни раҷазӣ мусаммани матвии маҳбун (-vv-\v-\v-\v-\v-) низ аз вазнҳои хушоҳангу дилнишин дар ғазалсароӣ ба ҳисоб меравад, вале дар девони шоир ҳамагӣ 3 ғазал ба ҷашм расид:

Раҷазӣ мусаммани матвии маҳбун

*Баски зи ди\да рехтам\ хуни дили\ харобро,
Гиря гирифт\т дар ҳино\ панҷаи о\фтобро [3, с.84].*

-vv-\v-\v-\v-\v-

муфтаилун, мафоилун, муфтаилун, мафоилун,

Ҳазачӣ мусаддаси аҳраби мақбузи маҳзуф

*Чаври ту\ зи пай фиғон\ надорад,
Заҳми си\тамат даҳон\ надорад [3, с.190].*

--v\v-\v-\v-- мафъӯлу, мафоилун, фаӯлун

Ҳазачӣ мусаддаси аҳраби мақбузи мақсур

*Он дард\, ки устухон\шикан нест,
Меъмори\ қуҳан бино\и тан нест [3, с.169].*

--v\v-\v-\v~ мафъӯлу, мафоилун, мафойил

Мунсарехӣ мусаммани матвии мақшуф

*З-оташи тин\ҳони ишқ\ ҳар ки шуд аф\рӯхта,
Дӯд нахе\зад аз ӯ,\ чун нафаси \сӯхта [3, с.394].*

- vv-\v - v -\v -\v - муфтаилун, фоилун, муфтаилун, фоилун

Сареи мусаддаси матвии мақшуф

*Хокниши\нист сулай\мониам,
Даст бувад\ афсари сул\тониам [3, с.362].*

-vv-\v-\v-\v- муфтаилун, муфтаилун, фоилун

Дар баҳри мутақориби мусаммани маҳзуф (v--\v--\v--\v-) Калим 2 ғазал сурудааст. Вазни мақсур бештар ҳоси маснавиҳои ҳамосавӣ мебошад.

Мутақориби мусаммани солим

*Зи теги\ ту бар дил\ дари о\шноӣ,
Кушодам,\ ки шояд\ аз ин дар\ дарой! [3, с.401].*

v--\v--\v--\v- -

фаўлун, фаўлун, фаўлун, фаўлун

Муқтазаби мусаммани матвии мактӯи мусаббағ

*Пеши чаим\ мижғоне,\ к-аз сиришк\ шодоб аст,
Сели об\ шамшер аст,\ мавҷ теги\ беоб аст [3, с.111].*

-v-v \ - - ~\v-v \ - - ~ \

фоилоту, мафўлон, фоилоту, мафўлон

Натиҷа. Аз таҳлилу баррасиҳои анҷомшуда, метавон ба ин натиҷа расид, ки Калими Кошонӣ дар сурудани ғазал аз 9 баҳру 24 вазн истифода кардааст. Ҳамчунин маълум мегардад, ки Калим бештари ғазалҳои худро дар шакли мусаммани баҳрҳои мавриди истифода сурудааст. Аз ин миён ҳамагӣ 24 ғазал дар шакли мусаддас омадааст. Аз шакли мусаддас бештар ҳазачи мусаддаси маҳзуф ва максур, рамали мусаддаси маҳзуф ва максур бештар ба қор рафтааст. Нуфузи баҳрҳои истифодакардаи шоирон ба миқдори ғазалиёти онҳо низ вобаста аст. Таҳқиқи қиёсии басомади қорбурди авзони шеърӣ дар ғазалиёти Калими Кошонӣ, Назирии Нишопурӣ ва Бедили Деҳлавӣ муқаррар намуд, ки дар ғазалиёти ҳар се суҳанвар дар мақоми аввал баҳри Рамал қарор дорад, вале бо сабаби фарқияти ками шумораи умумии ғазалҳои Девони Назирӣ ва Калим теъдоди умумии ғазалиёти бо ин баҳр сурудаи онҳо низ ба ҳам наздик аст. Аммо миқдори қуллии ғазалиёти дар баҳр сурудаи Бедил бо сабаби шумораи зиёди ин навъ ашъор дар таркиби девонаш бештар аст. Басомади дигар навъҳои бухур ва авзон мутафовит аст, агарчӣ Калим бештар баъд аз Рамал дар баҳри Мучтас ғазал сурудааст, вале Бедил ва Назирӣ ғазалҳои зиёдатаре дар баҳри Ҳазач эҷод кардаанд.

Хулоса. Дар ғазалиёти Калим бештар авзони салису равон ва хушоҳанг, ки бардорандаи эҳсосоти ишқу отиға ҳастанд истифода шудааст. Дар ин миён аз ҳама бештар баҳрҳои Рамал ва Мучтас нуфуз доранд ва дар таҳқиқи қиёсӣ бо дигар суҳанварони сабки ҳиндӣ, чун Назирӣ ва Бедил муқаррар месозад, ки дар девони ҳар се суҳанвар навъи баҳри рамал авлавият дорад ва сабаби аслии инро таъсиргузориҳои оҳангу вазнҳои он барои хушоҳангу дилҷасп суруда шудани ғазал ба шумор меравад. Дар умум, агарчӣ Калими Кошонӣ суҳанвари сабки ҳиндӣ ба шумор рафта, доираи мавзуии ғазал дар ин сабки адабӣ вусъат ёфтааст, вале нуфузи ин баҳр дар миёни сурудаҳои шоир муқаррар мекунад, ки дар бештари ғазалиёти бо ин баҳр ва авзони он иншогардида суҳан аз ишқу муҳаббат ва завқу шӯру беқарорӣ меравад. Ин шеваи қорбурд омил гардида, ки бештар ғазалиёти ошиқонаву орифонаи Калим дар қолаби авзони дилнишин ва хушоҳанг садо додаанд.

Калим ба монанди дигар шоирони сабки ҳиндӣ бештар ба вазнҳои теъдоди ҳичоҳояш бештар ба шакли мусамман тавачҷуҳ намудааст. Дар баробари ин, таҳқиқ муқаррар сохт, ки дар ғазалиёти шоирони сабки ҳиндӣ махсусан дар ғазалиёти Калим вазнҳои раҷазӣ мусаммани солим, раҷазӣ мусаммани матвии маҳбун ва мунсарехӣ мусаммани матвии маҳшуф, ки бештар дар ғазалиёти шоирони сабки ироқӣ нуфуз доранд, камтар истифода шудаанд. Ин нуқта паём аз он мерасонанд, ки дар баробари истикболи авзони маъруфи шеърӣ гузашта шоирони сабки ҳиндӣ, аз ҷумла Калими Кошонӣ ба нуфузи бештар баҳшида ба авзони қорбурд дар гузашта низ иқдом намудаанд, ки танаввуи мавзуии ғазал, вуруди мазомини фалсафӣ, иҷтимоӣ, ахлоқӣ, ирфони ба ғазал низ ба он таъсиргузор будааст.

ПАЙНАВИШТ:

1. Азизов, С. Баъзе мулоҳизаҳо роҷеъ ба поэтикаи газалиёти Низомӣ / С. Азизов // Номаи Донишгоҳи давлатии Хуҷанд ба номи академик Бобоҷон Ғафуров: илмҳои ҷомеашиносӣ. – Хуҷанд. – 2018. – № 4 (57). – С. 114-123 EDN YXICOT.
2. Кошонӣ, Калим. Девон / Калими Кошонӣ; бо тасҳеҳи Ҳасан Партави Байзови Кошонӣ. – Теҳрон: Китобфурӯшии Хайём, 1336. – 419 с.
3. Кошонӣ, Калим. Куллиёт: бар асоси нусхаи Маликии Калим / Калими Кошонӣ; бо тасҳеҳ, муқаддима ва таълиқоти Маҳдии Садрӣ. – Теҳрон: Ҳамроҳ, 1374. – Ҷ. 1. – 590 с.
4. Кошонӣ, Калим. Куллиёт. Бар асоси нусхаи Маликии Калим / Калими Кошонӣ; ба тасҳеҳ, муқаддима ва таълиқоти Маҳдии Садрӣ. – Теҳрон: Ҳамроҳ, 1374. – Ҷ. 2. – 1158 с.
5. Кошонӣ, Калим. Девон / Калими Кошонӣ; бо муқаддима, тасҳеҳ ва луғоту тавзеҳоти Шамсиддин Нуриддинов. – Душанбе: Дониш, 2020. – 434 с.
6. Кадканӣ, Муҳаммадризо Шафей. Мусиқии шеър / Муҳаммадризо Шафеи Кадканӣ. – Теҳрон: Огоҳ, 1389. – 732 с.
7. Кадканӣ, Шафей. Забони шеър дар насри суфиёна: Даромаде ба сабқиносии нигоҳи ирфонӣ / Шафеи Кадканӣ. – Теҳрон: Сухан, 1392. – 660 с.
8. Маҳмудзода О. Баррасии авзони газалиёти Назирии Нишопурӣ. / Паёми донишқадаи забонҳо. №3 (39). 2020, с. 78-83.
9. Нарзиқул, М. Вазни шеъри тоҷикӣ: Китоби дарсӣ барои донишҷӯёни муассисаҳои таҳсилоти олии касбӣ / М. Нарзиқул. – Душанбе: МТБТ ДМТ, 2021. – 144 с.
10. Нуров, Н. Особенности использования разновидностей размеров газели в "Диване" Бедия / Н. Нуров // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. – 2015. – № 2(63). – С. 40-49. – EDN UIBYIX.
11. Нуров, Н. Н. Дар шинохти нақди адабӣ ва адабиёти миллӣ / Н. Н. Нуров // "Номаи донишгоҳ" -и Донишгоҳи давлатии Хуҷанд ба номи академик Б.Ғафуров, силсилаи илмҳои гуманитарӣ ва ҷомеашиносӣ. – 2023. – No. 3(76). – P. 272-278. – DOI 10.51844/2077-4990-2023-3-272-278. – EDN KDCPMO.
12. Нуров, Н. Парадоксальные описания в газелях Бедия / Н. Нуров // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. – 2019. – № 2(79). – С. 21-31. – EDN QEKPOB.
13. Самарқандӣ, Малеҳо. Музаккир-ул-аҳбоб: Матни интиқодӣ бар асоси чаҳор нусхаи муҳим ба эҳтимоми Камолиддин Айнӣ. Чопи аввал.–Душанбе: Пайванд, 1385.–621 с.
14. Субхон, А. Нақди шеър дар баҳси ду шоир / А. Субхон, Б. Рачабов // Ахбори Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ. – 2020. – No. 2(83). – P. 44-55. – EDN ZDPFEJ.
15. Раджабов, Б. М. К вопросу о некоторых особенностях литературной критики Лоика Шерали / Б. М. Раджабов // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2020. – № 4(109). – С. 114-118. – DOI 10.37972/chgru.2020.109.4.013. – EDN OEHHDD.
16. Хонларӣ, Парвиз Нотил. Вазни шеъри форсӣ / Парвиз Нотили Хонларӣ. – Теҳрон: Интишороти Тӯс, 1367. – 295с.
17. Шарифов, Х. Назминосӣ / Х. Шарифов, У. Тоиров. – Душанбе: Ҳумо, 2005. – 384 с.

REFERENCES:

1. Azizov, S. Some Considerations on the Poetics of Nizami's gazelles / S. Azizov // Bulletin of Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov: Social Sciences. – Khujand. – 2018. – No. 4 (57). – PP. 114–123. EDN YXICOT.

2. *Kashani, Kalim. Divan / Kalim Kashani; edited by Hasan Partavi Bayzavi Kashani. – Tehran: Khayyam Bookstore, 1336. – 419 pp.*
3. *Kashani, Kalim. Collected Works (Kulliyat): based on the Maliki manuscript of Kalim / Kalim Kashani; edited, with introduction and annotations by Mahdi Sadri. – Tehran: Hamrah, 1374. – Vol. 1. – 590 pp.*
4. *Kashani, Kalim. Collected Works (Kulliyat): based on the Maliki manuscript of Kalim / Kalim Kashani; edited, with introduction and annotations by Mahdi Sadri. – Tehran: Hamrah, 1374. – Vol. 2. – 1158 pp.*
5. *Kashani, Kalim. Divan / Kalim Kashani; with introduction, edited text, glossary, and notes by Shamsiddin Nuriddinov. – Dushanbe: Donish, 2020. – 434 pp.*
6. *Kadkani, Mohammad Reza Shafiei. The Music of Poetry / Mohammad Reza Shafiei Kadkani. – Tehran: Agah, 1389. – 732 pp.*
7. *Kadkani, Shafiei. The Language of Poetry in Sufi Prose: An Introduction to the Stylistics of Mystical Expression / Shafiei Kadkani. – Tehran: Sokhan, 1392. – 660 pp.*
8. *Mahmudzoda, O. Analysis of the Meters of Naziri Nishapuri's Gazelles // Bulletin of the Faculty of Languages. – 2020. – No. 3 (39). – PP. 78–83.*
9. *Narzikul, M. The Meter of Tajik Poetry: A Textbook for Higher Education Institutions / M. Narzikul. – Dushanbe: MTBT DMT, 2021. – 144 pp.*
10. *Nurov, N. Features of the Use of Gazelles Meter Varieties in Bedil's "Divan" / N. Nurov // Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Humanitarian sciences. – 2015. – No. 2 (63). – PP. 40–49. – EDN UIBYIX.*
11. *Nurov, N. N. On the Study of Literary Criticism and National Literature / N. N. Nurov // "University Bulletin" of Khujand State University named after academician B. Gafurov, series of humanities and social sciences. – 2023. – No. 3 (76). – PP. 272–278. – DOI 10.51844/2077-4990-2023-3-272-278. – EDN KDCPMO.*
12. *Nurov, N. Paradoxical Descriptions in Bedil's Ghazals / N. Nurov // Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Humanitarian sciences. – 2019. – No. 2 (79). – PP. 21–31. – EDN QEKPOB.*
13. *Samarkandi, Maleho. Muzakkir al-Ahbab: A Critical Text Based on Four Important Manuscripts / edited by Kamoliddin Aini. – 1st ed. – Dushanbe: Payvand, 1385. – 621 pp.*
14. *Subkhon, A.; Rajabov, B. Poetic Criticism in the Debate of Two Poets // Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Humanitarian sciences. – 2020. – No. 2 (83). – PP. 44–55. – EDN ZDPFEJ.*
15. *Rajabov, B. M. On Some Features of the Literary Criticism of Loiq Sherali // Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev. – 2020. – No. 4 (109). – PP. 114–118. – DOI 10.37972/chgpu.2020.109.4.013. – EDN OEHHDD.*
16. *Khonlari, Parviz Natel. The Meter of Persian Poetry / Parviz Natel Khonlari. – Tehran: Tus Publications, 1367. – 295 pp.*
17. *Sharifov, Kh.; Toirov, U. Poetics (Theory of Verse). – Dushanbe: Humo, 2005. – 384 pp.*

6.2.22. РЎЗНОМАНИГОРӢ
6.2.22. ЖУРНАЛИСТИКА
6.2.22. JOURNALISM

5.9.9. МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА
5.9.9. МЕДИАКОММУНИКАТСИЯҶО ВА РЎЗНОМАНИГОРӢ
5.9.9. MEDIACOMMUNICATIONS AND JOURNALISM

УДК: 070.4:004(575.3)

DOI 10.24412/3005-849X-2026-2-190-196

**ЖУРНАЛИСТИКАИ РАҚАМӢ ДАР
ТОҶИКИСТОН: ТАҒӢИРОТ ДАР
ШАКЛҶОИ ПЕШНИҶОДИ
ОНЛАЙН-ИТТИЛООТ**

*Зарипова Шаҳноза Тоҳировна, н.и.ф.,
дотсенти кафедраи иттилоот ва робитаи
МДТ «ДДХ ба номи академик Б.Ғафуров»
(Хучанд, Тоҷикистон)*

**ЦИФРОВАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В
ТАДЖИКИСТАНЕ: ИЗМЕНЕНИЯ В
ФОРМАХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ОНЛАЙН-ИНФОРМАЦИИ**

*Зарипова Шаҳноза Тоҳировна, канд. филол.
наук, доцент кафедры информации и
коммуникации ГОУ «ХГУ имени академика
Б. Гафурова» (Худжанд, Таджикистан)*

**DIGITAL JOURNALISM IN
TADJIKISTAN: TRANSFORMATIONS IN
THE FORMS OF ONLINE
INFORMATION PRESENTATION**

*Zaripova Shakhnoza Tokhirovna, candidate in
Philology, associate professor of the department
of information and communication under the
SEI "KhSU named after academician
B. Gafurov" (Khujand, Tajikistan)
e-mail: sahnoz175@gmail.com*

Дигаргунишави журналистикаи рақамӣ дар Тоҷикистон ва таҳаввули шаклҳои пешниҳоди иттилоот дар муҳити онлайн ба риштаи таҳлил кашида шудааст. Раванди гузариш аз журналистикаи анъанавӣ ба рақамӣ, хусусиятҳои платформаҳои онлайнӣ, таъсири шабакаҳои иҷтимоӣ ба истеҳсоли ахбор ва муаммоҳои пеирафти ВАО-и тоҷик дар фазои интернетӣ мавриди омӯзиш қарор гирифтааст. Бо истифода аз методҳои контент-таҳлил ва мушоҳида таҳаввулоти асосии соҳаро дар давраи солҳои 2010–2025 баррасӣ шудааст. Натиҷаҳо нишон медиҳанд, ки журналистикаи рақамии тоҷик дар марҳалаи ташаққули қарор дошта, бо муаммоҳои техникӣ, иқтисодӣ ва касбӣ рӯ ба рӯст.

Калидвожаҳо: журналистикаи анъанавӣ; журналистикаи рақамӣ; ВАО-и онлайнӣ; шабакаҳои иҷтимоӣ; платформаҳои онлайнӣ; мултимедиа; контент-таҳлил; таҳаввули расонаӣ

Анализируются процессы трансформации цифровой журналистики в Таджикистане и эволюция форм представления информации в онлайн-среде. Рассматриваются: переход от традиционной журналистики к цифровой, особенности онлайн-платформ, влияние социальных сетей на производство новостей, а также проблема развития таджикских средств массовой информации в интернет-пространстве. На основе методов контент-анализа и наблюдения исследованы основные тенденции развития отрасли в период 2010–2025 годов. Результаты показывают, что цифровая журналистика Таджикистана находится на этапе становления и сталкивается с рядом технических, экономических и профессиональных проблем.

Ключевые слова: традиционная журналистика; цифровая журналистика; онлайн-СМИ; социальные сети; онлайн-платформы; мультимедиа; контент-анализ; медиатрансформация

This article analyzes the transformation of digital journalism in Tajikistan and the evolution of online information delivery. It examines the transition from traditional to digital journalism, the specifics of online platforms, the impact of social media on news production, and the challenges of developing Tajik media online. Using content analysis and observation methods, the main trends in the industry's development from 2010 to 2025 were examined. The results show that digital journalism in Tajikistan is in its infancy and faces a number of technical, economic, and professional challenges.

Key-words: traditional journalism; digital journalism; online media; social media; online platforms; multimedia; content analysis; media transformation

Дар шароити инқилоби рақамӣ ва густариши технологияҳои иттилоотӣ иртиботӣ, журналистикаи муосир дучори дигаргуниҳои бунёдӣ гардидааст. Раванди рақамикунони ВАО дар сатҳи ҷаҳонӣ боиси таҳаввули шаклҳои пешниҳоди иттилоот, тағйири усулҳои истеҳсоли хабарӣ ва ташаккули муносибатҳои нави байни журналистон ва мухотабон шудааст. Тоҷикистон низ аз ин раванд канор намондааст ва аз ибтидои солҳои 2010-ум шояди густариши босуръати журналистикаи рақамӣ мебошад. Мақсади тадқиқоти мазкур таҳлили таҳаввули журналистикаи рақамӣ дар Тоҷикистон ва муайян намудани хусусиятҳои шаклҳои пешниҳоди иттилоот дар муҳити онлайн мебошад. Барои омӯзиши контенти ВАО-и тоҷикӣ дар муҳити онлайн сомонаҳоеро (*asia-plus.tj, ozodi.tj, tj.sputniknews.ru, khovar.tj* ва ғайра). интихоб намудем, ки қорбарони бештарро фаро гирифтаанд.

Мувофиқи маълумоти Агентии оморӣ назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, то соли 2025 шумораи истифодабарандагони интернет дар кишвар ба 4,9 миллион нафар расидааст [1]. Ин омор замина барои рушди ВАО-ҳои онлайнӣ буда, ташаккули муҳити иттилооти рақамиро фароҳам овардааст.

Муҳаққиқон Файзализода Ш.Н. ва Раҳимов Р.Р. қайд мекунанд, ки «гузариш ба журналистикаи рақамӣ на танҳо тағйири восита, балки трансформатсияи тамоми парадигмаи журналистии миллӣ мебошад» [10, с. 89]. Ҷамчунин, Юсупов А.М. дар таҳқиқоти худ таъкид менамояд, ки «муҳити рақамӣ имконоти нав барои рушди журналистикаи тоҷик фароҳам меоварад, вале дар айни замон чорабинии ҳалли масъалаҳои нави касбӣ ва ахлоқиро талаб мекунад» [13, с. 89]. Ҷамин тариқ мо таҳаввули журналистикаи рақамиро дар Тоҷикистон ба се марҳалаи асосӣ ҷудо карда метавонем:

1. Марҳалаи ибтидоӣ (солҳои 2000–2012) – пайдоиши нусхаҳои электронии ВАО;
2. Марҳалаи густариш (солҳои 2013–2018) – ташкили платформаҳои мустақили рақамӣ ва шабакаҳои иҷтимоӣ;
3. Марҳалаи чандрасонаӣ (солҳои 2019–2025) – мобилӣ шудани ВАО ва истифодаи васеи мультимедиа.

Тавре таъкид кардем ибтидои рушди журналистикаи рақамӣ дар Тоҷикистон ба солҳои 2000-ум рост меояд. Муҳаққиқ Назаров С.А. қайд мекунанд, «дар ин давра асосан версияҳои электронии нашрияҳои ҷопӣ ва телерадиошабакаҳо дар интернет пайдо шуданд» [4, с. 78]. Масалан, нашрияи «Азия-Плюс» дар соли 2006 сомонаи худро оғоз кард, ки яке аз аввалин сомонаҳои хабарии тоҷикӣ ба ҳисоб меравад. Дар ин марҳала контенти рақамӣ асосан аз нусха намудани мавзӯҳои ҷопӣ иборат буда, имкониятҳои визуалӣ ва интерактивии муҳити рақамӣ истифода намешуданд. Бо вучуди ин, ҳатто чунин шакли содаи пешниҳоди иттилоот

имкон дод, ки мухлисони нав ба иттилооти дохилу хорич чалб карда шаванд ва дастрасӣ ба ахбор осонтар гардад.

Солҳои 2013–2018 дар фазои интернетӣ шумораи зиёди сомонаҳои иттилоотӣ таъсис ёфтааст, ки бештарашон намунаи дигар надошанд. «Солҳои 2013–2015 давраи “бум”-и сомонаҳои хабарӣ дар Тоҷикистон буд» [7, с.68]. Дар ин марҳала платформаҳои мустақили рақамӣ, аз қабилӣ Asiaplustj.info, Tj.sputniknews.ru, Caravanserai.tj ва ғайра ташкил гардиданд. Ин ҳолат омили муҳими густариши шабакаҳои иҷтимоӣ дар Тоҷикистон гардид. Facebook, Однокласники ва баъдтар Instagram ва Telegram ба воситаҳои муҳими паҳнкунии иттилоот табдил ёфтанд. Дар ин давра воитаҳои ахбори оммаи кишвар саҳифаҳои расмӣ худро дар шабакаҳои иҷтимоӣ кушода, аудиторияро дар ин платформаҳо чамъ намуданд.

Аз солҳои тақрибан 2019–2025 давраи чандрасонаӣ ва мобилӣ кардани ВАО-и электронӣ ба назар расид. Мувофиқи таҳқиқоти Сафаров Т.Қ., «аз соли 2019 густариши истифодаи смартфонҳо ва интернетӣ мобилӣ боиси тағйироти бунёдӣ дар истеҳсол ва истеъмоли контентӣ хабарӣ гардид» [9, с. 89]. Воитаҳои ахбори тоҷик стратегияи «mobile-first» (аввал мобилӣ)-ро татбиқ намуданд, яъне мувофиқи ин стратегия контентро пеш аз ҳама барои истифодабарандагони мобилӣ омода мекарданд. Дар ин давра истифодаи шаклҳои мултимедиавии контент ба мисли видеорепортажҳо, подкастҳо, инфографика, репортажҳои интерактивӣ афзуд. «Раванди конвергенсия дар ВАО-ҳои тоҷик боиси ташаккули журналистони универсал гардид, ки ҳам матн навиштан, ҳам аксбардорӣ кардан ва ҳам видеомонтаж карданро медонанд» [5, с. 28].

Дар асоси таҳлили контентӣ сомонаҳои хабарии мавриди назар (asia-plus.tj, ozodi.tj, tj.sputniknews.ru, khover.tj) шаклҳои зерини пешниҳоди иттилоот дар муҳити онлайн чудо карда шуданд:

1. Матни хабарӣ бо иловаи аксҳо. Ин шакл то ҳол асосӣ боқӣ мемонад. Он аз матни хабарии кӯтоҳ бо як ё якчанд акс иборат буда, барои паҳн кардани иттилооти фаврӣ мувофиқтарин аст.

2. Видеоконтент ва стриминг. Ин шакл солҳои охир ба таври назаррас рушд ёфтааст. Сомонаҳои хабарӣ каналҳои YouTube ташкил карда, видеорепортажҳо, мусоҳибаҳо ва паҳши мустақимро ҷаҳлона истифода мекунанд.

3. Шабакаҳои иҷтимоӣ ҳамчун канали хабарӣ. Facebook, Instagram ва Telegram платформаҳои асосии паҳнкунии иттилоот дар Тоҷикистон гардидаанд. Ҳар як платформа хусусиятҳои хоси истифода дорад:

- Facebook – барои муҳоҳисаҳо ва мавзӯҳои тафсилӣ
- Instagram – барои контентӣ визуалӣ ва аудиторияи ҷавон
- Telegram – барои иттилооти фаврӣ ва каналҳои хабарӣ

4. Инфографика ва визуализатсияи маълумот. Ин шакл имкон медиҳад маълумоти мураккаб ба тарзи фаҳмо ва ҷолиб пешниҳод карда шавад. Дар Тоҷикистон ҳоло дар марҳалаи ибтидоии рушд қарор дорад.

5. Подкаст ва аудиоконтент. Аввалин подкастҳои тоҷикӣ соли 2020 пайдо шуданд. Подкастҳои «Гуфтугӯҳои Осиё» (Asia-Plus) ва «Радиои Озодӣ подкаст» намунаҳои маъмули ин шакл ба ҳисоб мераванд.

6. Гипермедиа ва репортажҳои интерактивӣ. Шакли пешрафтатарин, ки харитаҳои интерактивӣ, лонгридҳо бо видеонаворҳо ва инфографика ва технологияҳои VR (ҳанӯз дар марҳалаи озмоишӣ)-ро дар бар мегирад.

Шаклҳои асосии пешниҳоди иттилоот дар муҳити онлайн ҳамоно сомонаҳои хабарӣ ва сомонаҳои ташкилоту мақомот боқӣ мемонад. Муҳаққиқ Ҳарифова П.Ш. дар таҳқиқоти худ таснифи сомонаҳои хабарии тоҷикро пешниҳод кардааст:

- сомонаҳои универсалӣ (asia-plus, avesta, khovar)
- сомонаҳои ихтисосӣ (молиявӣ, варзишӣ, фарҳангӣ)
- сомонаҳои минтақавӣ (вилоятӣ ва ноҳиявӣ)
- версияҳои онлайнӣ нашрияҳои анъанавӣ [11, с. 136].

Шакли асосии пешниҳоди иттилоот дар сомонаҳои хабарӣ мавзӯҳои матнӣ бо иловаи аксҳо мебошад. Аммо «дар солҳои охир тамоюли афзоиши истифодаи чӯзҳои мултимедиавӣ – видео, аудио, инфографика – мушоҳида мешавад» [11, с. 137]. Видеоконтент яке аз самтҳои динамикии инкишофи журналистикаи рақамӣ дар Тоҷикистон гардидааст. Муҳаққиқ Юсуфӣ Б.Н. таъкид менамояд, ки «истифодабарандагони тоҷик тамоюли баланди истифодаи контенти видеоиро нишон медиҳанд» [14, с. 112]. Сомонаҳои хабарии мавриди назари мо шабакаҳои худро дар YouTube таъсис додаанд. Масалан, шабакаи Asia-Plus TV зиёда аз 200 ҳазор абонент дорад.

Солҳои охир дар кишвари мо низ амалияи паҳни мустақими рӯйдодҳо дар Facebook ва Instagram густариш ёфтааст. Аммо сифати навор ва сабтҳои мустақим мавзӯи баҳси алоҳида аст, «дар видеожурналистикаи тоҷик ҳанӯз мушкilotи сифат ва профессионализм вучуд доранд: аксар видеомавод бо телефонҳои ҳамроҳ гирифта мешаванд ва монтажи ибтидоӣ доранд» [2, с. 99]. Бо вучуди ин аксари аудитория имрӯз майли иттилооти видеоиро бештар нишон медиҳанд.

Шабакаҳои иҷтимоӣ ба як қисми ҷудонашавандаи низоми медиавии Тоҷикистон табдил ёфтаанд. Муҳаққиқ Муродов Ш.Қ. дар таҳқиқоти худ нишон медиҳад, ки «то 80% истифодабарандагони интернетӣ тоҷик ба ахбор аввал дар шабакаҳои иҷтимоӣ шинос мешаванд» [3, с. 79]. Имрӯз платформаҳои Facebook, Instagram ва Telegram барои журналистикаи тоҷик ҳам воситаи паҳни иттилоот ва ҷалби аудитория гардидаанд. Масалан, Facebook барои мувоҳидаҳо ва паҳни мавзӯҳои тафсилӣ муҳити мусоидро фароҳам меорад. Дар ин маврид муҳаққиқ Холова М.А. қайд мекунад, ки «Facebook дар Тоҷикистон на танҳо шабакаи иҷтимоӣ, балки майдони асосии баҳсҳои сиёсӣ ва иҷтимоӣ мебошад» [12, с. 79].

Платформаи Instagram барои контенти визуалӣ ва саргузаштҳо истифода шуда, аудиторияи ҷавон ба ин платформа тамоюли баланд нишон медиҳанд. Платформаи Telegram низ солҳои охир ба яке аз муҳитҳои хабарии онлайнӣ асосӣ табдил ёфтааст. Масалан, шабакаи Telegram-и «Азия-Плюс» зиёда аз 150 ҳазор абонент дорад. «Telegram барои журналистони тоҷик имкон дод, ки феврал ва бидуни цензура бо мухлисони худ муошират кунанд» [3, с. 80].

Ба ғайр аз маводи видеоӣ подкастинг ҳамчун шакли нисбатан нави пешниҳоди иттилоот дар журналистикаи тоҷик маъмул гардид, «аввалин подкастҳои тоҷикӣ дар соли 2020 пайдо шуданд ва ҳоло дар марҳалаи ташаккулёбӣ қарор доранд» [8, с. 66]. Дар ин радиӣ подкастҳои «Гуфтугӯҳои Осиё» (Asia-Plus), «Радиои Озодӣ подкаст» (Радиои Озодӣ), подкастҳои мустақили шахсӣ оид ба мавзӯҳои фарҳангӣ ва иҷтимоӣ [8, с. 67], ҳамчунин подкастҳои радиоҳои маҳаллиро метавон номбар кард, ки аз имконоти нави олами медиа истифода намуда, дар ташаккули журналистикаи мултимедиавӣ саҳм гузоштаанд.

Таҳлил нишон медиҳад, ки 78% истифодабарандагони тоҷик ба контенти онлайнӣ тавассути дастгоҳҳои мобилӣ дастрасӣ доранд [6, с. 106]. Ин ВАО-хоро маҷбур кардааст, ки стратегияи худро тағйир диҳанд. Минбаъд «ВАО-ҳои пешқадами тоҷик татбиқҳои мобилии махсус таҳия карданд, ки имкон медиҳад контентро бо назардошти хусусиятҳои экранҳои хурд пешкаш кард» [10, с. 68]. Дар ин асно боиси қайд аст, ки аз ҷумла, Asia-Plus, Avesta ва

Khovar барномаҳои мобилии худро доранд. Яке аз хусусиятҳои асосии журналистикаи рақамӣ имкони муоширати фаврии байни журналистон ва мухлисон мебошад. Дар муҳити рақамӣ мухлисон на танҳо истеъмолкунандагони одӣ, балки иштирокдорони фаъоли раванди эҷоди контент мебошанд. Тавре таҳқиқ нишон дод, сомонаҳои хабарии мавриди назари мо шаклҳои зерини ҷалби мухлисонро истифода намудаанд: шарҳгузорӣ дар зери мавзӯҳо, нигоштҳои меҳмонон, пурсишҳо ва овоздиҳӣ дар шабакаҳои иҷтимоӣ, сабтҳои мустақим бо иштироки мухлисон.

Дар самти мавзӯҳои гипермедиаӣ дар журналистикаи тоҷик шаклҳои зерин рушд ёфтаанд: репортажҳои мултимедиаӣ бо хариҳои интерактивӣ, лонгридҳо бо видеонаворҳо ва инфографика, истифодаи технологияҳои VR (ҳанӯз дар марҳалаи озмоишӣ). Чунин имкониятҳои технологияҳои рақамӣ барои журналистон имкон медиҳанд, ки контентро мувофиқи манфиатҳои аудиториаи мушаххас пешниҳод кунанд. «Бо истифода аз таҳлили маълумот оид ба рафтори истифодабарандагон, ВАО-ҳо метавонанд контенти максималӣ релевантӣ пешкаш кунанд» [10, с. 89]. Ҳангоми таҳқиқи сомонаҳо маълум шуд, ки дар амалия чунин усулҳо истифода мешаванд: тақсимбандии контент бо тегҳо ва категорияҳо, таҳия намудани ғушаҳои ихтисосӣ барои гурӯҳҳои гуногуни иҷтимоӣ ва синну соли гуногун, истифодаи алгоритмҳо барои пешниҳоди мавзӯҳои шабех.

Таҳлили раванди рушди журналистикаи рақамӣ дар Тоҷикистон нишон медиҳад, ки солҳои охир дар ин самт пешрафти назаррас ба даст омадааст. Таҳаввули шаклҳои пешниҳоди иттилоот дар муҳити онлайн ба густариши имкониятҳои журналистон барои иттилоърасонӣ ва афзоиши дастрасӣ ба ахбор барои аҳолии кишвар оварда расонидааст.

Дар натиҷаи тадқиқот маълум гардид, ки шаклҳои пешниҳоди иттилоот дар муҳити онлайн Тоҷикистон тибқи таснифоти зайл таҳаввул ёфтааст:

1. Матн хабарии соф (солҳои 2000–2010) – нусхаи электронии нашрияҳои ҷопӣ, бе ҷузъҳои мултимедиаӣ

2. Матн + акс (солҳои 2010–2015) – шакли пешниҳоди иттилоот бо ҳамроҳ намудани аксҳо ва ҳуҷҷатҳои иловагӣ

3. Мундариҷаи мултимедиаӣ (солҳои 2015–2019) – видеорепортажҳо, инфографика ва маводи аудиоӣ дар баробари матн

4. Платформаҳои иҷтимоӣ ва мобилӣ (солҳои 2019–2022) – Facebook, Instagram, Telegram ҳамчун шабакаҳои асосии паҳни ахбор, стратегияи «mobile-first»

5. Гузоришҳои интерактивӣ ва гипермедиа (аз соли 2022 то имрӯз) – лонгридҳо, хариҳои интерактивӣ, подкастҳо ва технологияҳои VR

Айни замон журналистикаи тоҷик дар фазои интернет як шакли муайяно гирифта, дар самти рушд қарор дошта бошад ҳам, муаммоҳое ба назар мерасанд, таъкиди онҳоро ба маврид шуморидем. Яке аз монеаҳои асосии рушди журналистикаи рақамӣ дар Тоҷикистон норасоии инфраструктураи техникӣ мебошад. Дар ин самт суръати паст ва нархи баланди хизматрасониҳои интернетӣ дар муқоиса бо даромади аҳоли, маҳдудияти мавсимии барқ дар минтақаҳо ба андешаи мо аз монеаҳои асосӣ ба шумор мераванд. Бо вучуди ин аксари муҳаққиқон ояндаи журналистикаи рақамиро дар Тоҷикистон нек арзёбӣ кардаанд. «Дар солҳои оянда платформаҳои мобилӣ ба фазои асосии иттилоотӣ табдил хоҳанд ёфт» [10, с. 89]. Аз ҷониби дигар ба андешаи мо густариши технологияи зеҳни сунӣ ва истифодаи он ба ташаккули минбаъдаи журналистикаи рақамӣ тақдир чиддӣ хоҳад дод.

Айни замон журналистикаи рақамии тоҷик дар марҳалаи ташаккулёбӣ қарор дорад ва бо як қатор мушкилот рӯ ба рӯст. Бо вучуди мушкилоти мавҷуда, журналистикаи рақамии Тоҷикистон метавонад ба воситаи муҳимми рушди ҷомеаи иттилоотӣ ва густариши фазои расонаӣ табдил ёбад.

Таҳаввули шаклҳои пешниҳоди иттилоот дар муҳити онлайн аз журналистони тоҷик аз худ намудани салоҳиятҳои нав ва мутобиқшавӣ ба шароитҳои тағйирёбандаи истеъмоли расонаиро талаб мекунад.

ПАЙНАВИШТ:

1. Агентии омили назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. Ҳисоботи солони 2025 [Захираи электронӣ]. – Режими дастрасӣ: <https://stat.tj> (санаи мувоҷиат: 02.02.2026).
2. Давлатов, А. С. Масъалаҳои инкишофи видеожурналистика дар Тоҷикистон / А. С. Давлатов // Паёми Донишгоҳи давлатии Хуҷанд ба номи академик Б. Гафуров. – 2019. – № 1. – С. 98–105.
3. Муродов, Ш. Қ. Шабакаҳои иҷтимоӣ ҳамчун манбаи иттилоот дар Тоҷикистон: таҳлили сотсиологӣ / Ш. Қ. Муродов // Сотсиология ва сиёсатишносӣ. – 2019. – № 2. – С. 78–86.
4. Назаров, С. А. Эволюция медиапространства Таджикистана в условиях глобализации / С. А. Назаров // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Серия философии и права. – 2019. – № 2. – С. 78–85.
5. Насбӣ, Н. Б. Конвергенсияи ВАО ва омӯзиши журналистон дар Тоҷикистон / Н. Б. Насбӣ // Маърифат. – 2019. – № 3. – С. 45–51.
6. Натиҷаҳои тадқиқоти сотсиологӣ «Истифодабарандагони рақамии Тоҷикистон-2019». – Душанбе: Маркази таҳқиқӣ, 2019. – 156 с.
7. Раҳмонов, З. А. Подкастинг дар Тоҷикистон: оғоз ва дурнамо / З. А. Раҳмонов // Илм ва ҷомеа. – 2019. – № 1. – С. 67–73.
8. Раҳмонова, З. Б. Тамоюлҳои истифодаи Instagram дар миёни ҷавонони тоҷик / З. Б. Раҳмонова // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Силсилаи илмҳои филологӣ. – 2019. – № 1. – С. 89–95.
9. Сафаров, Т. Қ. Журналистикаи мобилӣ: имкониятҳо ва ҷолишҳо / Т. Қ. Сафаров // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Силсилаи илмҳои филологӣ. – 2019. – № 2. – С. 89–96.
10. Файзализода, Ш. Н. Журналистикаи рақамӣ: назария ва амалия / Ш. Н. Файзализода, Р. Р. Раҳимов. – Душанбе: Дониш, 2019. – 287 с.
11. Ҳарифова, П. Ш. Типологияи ВАО-ҳои рақамии Тоҷикистон / П. Ш. Ҳарифова // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Силсилаи илмҳои филологӣ. – 2019. – № 2. – С. 134–140.
12. Холова, М. А. Facebook дар фазои медиаии Тоҷикистон / М. А. Холова // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Силсилаи илмҳои филологӣ. – 2019. – № 3. – С. 145–151.
13. Юсунов, А. М. Трансформатсияи ВАО-ҳои миллии Тоҷикистон дар давраи рақамикунӣ / А. М. Юсунов // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Силсилаи илмҳои филологӣ. – 2019. – № 3. – С. 145–152.
14. Юсуфӣ, Б. Н. Видеоконтент дар журналистикаи онлайнӣ: таҷрибаи Тоҷикистон / Б. Н. Юсуфӣ // Илм ва инноватсия. – 2019. – № 4. – С. 112–119.

REFERENCES:

1. Agency on Statistics under the President of the Republic of Tajikistan. Annual Report 2025 [Electronic resource]. Available at: <https://stat.tj> (date of appeal: 02.02.2026).
2. Davlatov, A. S. Issues of the Development of Video Journalism in Tajikistan / A. S. Davlatov // Bulletin of B. Gafurov Khujand State University. – 2019. – No. 1. – PP. 98–105.
3. Murodov, Sh. Q. Social Networks as a Source of Information in Tajikistan: A Sociological Analysis / Sh. Q. Murodov // Sociology and Political Science. – 2019. – No. 2. – PP. 78–86.
4. Nazarov, S. A. Evolution of the Media Space of Tajikistan in the Context of Globalization / S. A. Nazarov // Proceedings of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. Series of Philosophy and Law. – 2019. – No. 2. – PP. 78–85.

5. Nasbi, N. B. *Media Convergence and Journalism Education in Tajikistan* / N. B. Nasbi // *Ma'rifat*. – 2019. – No. 3. – PP. 45–51.
6. *Results of the Sociological Study “Digital Users of Tajikistan–2019”*. – Dushanbe: Diagnostic Center, 2019. – 156 pp.
7. Rahmonov, Z. A. *Podcasting in Tajikistan: Origins and Prospects* / Z. A. Rahmonov // *Science and Society*. – 2019. – No. 1. – PP. 67–73.
8. Rahmonova, Z. B. *Trends in Instagram Use among Tajik Youth* / Z. B. Rahmonova // *Bulletin of the Tajik National University. Series of Philological Sciences*. – 2019. – No. 1. – PP. 89–95.
9. Safarov, T. Q. *Mobile Journalism: Opportunities and Challenges* / T. Q. Safarov // *Bulletin of the Tajik National University. Series of Philological Sciences*. – 2019. – No. 2. – PP. 89–96.
10. Fayzalizoda, Sh. N., Rahimov, R. R. *Digital Journalism: Theory and Practice*. – Dushanbe: Donish, 2019. – 287 pp.
11. Harifova, P. Sh. *Typology of Digital Media in Tajikistan* / P. Sh. Harifova // *Bulletin of the Tajik National University. Series of Philological Sciences*. – 2019. – No. 2. – PP. 134–140.
12. Kholova, M. A. *Facebook in the Media Space of Tajikistan* / M. A. Kholova // *Bulletin of the Tajik National University. Series of Philological Sciences*. – 2019. – No. 3. – PP. 145–151.
13. Yusupov, A. M. *Transformation of National Media in Tajikistan during the Digitalization Period* / A. M. Yusupov // *Bulletin of the Tajik National University. Series of Philological Sciences*. – 2019. – No. 3. – PP. 145–152.
14. Yusufi, B. N. *Video Content in Online Journalism: The Experience of Tajikistan* / B. N. Yusufi // *Science and Innovation*. – 2019. – No. 4. – PP. 112–119.

МУНДАРИЧА СОДЕРЖАНИЕ

6.1 / 5.6 ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

6.1.1 Таърихи ватанӣ / 5.6.1 Отечественная история

<i>Бобоев Ю.А. От султана до простолюдина: круг информаторов «Минералогии» Абурайхона Бируни.....</i>	5
<i>Гафуров А.М. Деятельность Орловского пехотного училища в Сталинабаде в годы Великой Отечественной войны.....</i>	15
<i>Гаффори Н. У., Расулзода Р.Р. Из истории библиотечного дела в Средней Азии во второй половине XIX – начале XX вв.....</i>	21
<i>Салимов Ф.Н. Колониальная политика Российской империи и формирование границ в Центральной Азии (1865–1917).....</i>	29
<i>Солиходжаева С.А. От побед к кризису: российская армия от триумфа над Наполеоном до краха в Крымской войне.....</i>	43

6.2 / 5.9 ФИЛОЛОГИЯ

6.2.1. Забони тоҷикӣ / 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (иранские языки)

<i>Ахмадзода И.И. Ассоциативное поле «хизмат» (служба) в языковом сознании таджиков (результаты анкетирования в студенческой среде).....</i>	55
<i>Исмоилова Н.М. Благопожелания и злопожелания в таджикских сказках.....</i>	66
<i>Ўзбеков С.В. Вижагиҳои корбасти калимаҳои гӯйишии ифодакунандаи асбобҳои рӯзгор дар насри Сорбон.....</i>	74
<i>Шукуров Г.Х. Корбурди санъатҳои бадеӣ дар одоби муҳоварати тоҷикӣ.....</i>	83

6.2.3 Таърихи забон

<i>Бобокалонова Р.Н. Имконоти калимасозии пасванди -ин / -гин дар осори насри охири садаи XIX ва ибтидои асри XX.....</i>	92
<i>Бобочонова Д.А. Калимаҳои иқтибосии туркӣ дар «Хамса»-и Низомии Ганҷавӣ.....</i>	100

6.2.6 Назария ва амалияи тарҷума: шакл, намуд ва методҳои тарҷума

<i>Бобоева М.С. Сравнение как средство художественной выразительности и особенности его перевода с таджикского на русский язык (на материале романа Садриддина Айни «Дохунда»).....</i>	109
---	-----

6.2.14 Забонҳои типологӣ ва муқобилавӣ / 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

<i>Азимова М.М. Особенности интерпретации перевода сравнений с таджикского языка на английский (на основе «Воспоминаний» Садриддина Айни).....</i>	121
<i>Ғиёсова С.Ф. Роҷеъ ба муносибатҳои категориясоз дар исмҳои забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ.....</i>	129
<i>Дехканова О.К. Синтаксические особенности паремий с фитонимическими компонентами в узбекском, таджикском и английском языках.....</i>	137
<i>Маллаева М.А. Среднеперсидская правовая лексика «šāyast nē šāyast» и её реликты в современном таджикском литературном языке: к проблеме диахронической стратификации юридической терминологии.....</i>	145
<i>Хамидова М.Н. Категория залога и каузативности в английском и таджикском языках: функциональные различия и сходства.....</i>	156

6.2.16 Таърихи адабиёт / 5.9.2 Литературы народов мира (таджикско-персидская литература)

<i>Абдуллоев Р.Х. Дидгоҳҳои Сирочиддин Алихони Орзу доир ба ҷойгоҳи маънӣ дар шеър.....</i>	167
<i>Нурзод Н., Шукурзода З. Мулоҳизаҳо роҷеъ ба авзони газалиёти Калими Кошонӣ.....</i>	179

6.2.22. Рӯзноманигорӣ / 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

<i>Зарипова Ш.Т. Журналистикаи рақамӣ дар Тоҷикистон: тағйирот дар шаклҳои пешниҳоди онлайн-иттилоот.....</i>	190
---	-----

CONTENTS

6.1 / 5.6. HISTORICAL SCIENCES

6.1.1 / 5.6.1 Domestic history

<i>Boboev Y.A. From the Sultan to the Commoner: the Circle of Informants Aburaykhon Beruni's "Mineralogy".....</i>	5
<i>Gafurov A.M. Activities of the Oryol Infantry School in Stalinabad During the Great Patriotic War.....</i>	14
<i>Gaffori N.U., Rasulzoda R.R. From the History of Librarianship in Central Asia in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries.....</i>	24
<i>Salimov F.N. The Colonial Policy of the Russian Empire and Border Formation in Central Asia (1865–1917).....</i>	29
<i>Solikhodzhaeva S.A. From Victories to Crisis: the Russian Army from Triumph Over Napoleon to Collapse in the Crimean War.....</i>	43

5.9 (10 01 00) PHILOLOGY

6.2.1. Tajik Languages /5.9.6 Languages of the peoples of foreign countries (Iranian languages)

<i>Akhmadzoda I.I. The Associative Field of "Khizmat" (Service) in the Linguistic Consciousness of the Tajiks (Results of a Survey Among Students).....</i>	55
<i>Ismoilova N.M. Blessings and Ill-Wishes in Tajik Fairy Tales.....</i>	66
<i>Uzbekov S.V. Peculiarities of the Use of Dialectal Vocabulary Denoting Household Utensils in the Prose of Sorbon.....</i>	74
<i>Shukurov G.Kh. Use of Artistic Means of Image in Tajik Speech Etiquette.....</i>	83

6.2.3 History of Language

<i>Bobokalonova R.N. Word-Formation Potential of the Suffix -In / -Gin in Prose Works of the Late 19th and Early 20th Centuries.....</i>	92
<i>Bobojonova D.A. Features of the Use of Turkic Borrowings in the "Khamsa" of Nizami Ganjavi... </i>	100

6.2.6 Translation Theory and Practice: Form, Type, and Methods of Translation

<i>Boboeva M.S. Comparison as a Means of Artistic Expression and the Peculiarities of its Translation From Tajik into Russian (Based on Sadriddin Aini's Novel "Dokhunda").....</i>	109
---	-----

6.2.14 Typological and Contrastive Linguistics / 5.9.8 Theoretical, applied and comparative linguistics

<i>Azimova M.M. The Peculiarities of Interpretation of a Simile Translated from Tajik into English (Based on the Translation of S. Aini's Novel "The Sands of Oxus").....</i>	121
<i>Ghiyosova S.Gh. On Categorical Relations in Nouns of the English and Tajik Languages.....</i>	129
<i>Dekhkanova O. K. Syntactic Features of Proverbs with Phytonomical Components in the Uzbek, Tajik and English Languages.....</i>	137
<i>Mallaeva M.A. Middle Persian Legal Vocabulary "Šāyast Nē Šāyast" and its Relics in the Modern Tajik Literary Language: to the Problem of Diachronic Stratification of Legal Terminology.....</i>	145
<i>Homidova M.N. The Category of Voice and Causativity in English and Tajik Languages: Functional Differences and Similarities.....</i>	156

6.2.16 History of Literature / 5.9.2 Literature of the peoples of the world (Tajik-Persian literature)

<i>Abdulloev R.Kh. Sirojiddin Alikhon Orzu on the Place of Motif in Poetry.....</i>	167
<i>Nurzod N., Shukurzoda Z. On the Meters of Kalim Koshoni's Gazelles.....</i>	179

6.2.22. Journalism / 5.9.9. Mediacommunications and Journalism

<i>Zaripova Sh.T. Digital Journalism in Tajikistan: Transformations in the Forms of Online Information Presentation.....</i>	190
--	-----

БАРОИ ИТТИЛОЪ:

Маҷаллаи «Ахбори ДДХБСТ» нашрияи илмӣ-назариявии Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон буда, аз силсилаи илмҳои ҷомеашиносӣ ва гуманитарӣ иборат мебошад ва тибқи «Қонун дар бораи матбуот ва воситаҳои ахбори умум» ба нашр омода мешавад. Маҷалла дар шакли электронӣ аз нашр бароварда, дар сомонаи расмӣ худ, ки дар суроғай (домени) www.vestnik.tj номнавис шудааст, ҷойгир карда мешавад.

Аҳдофи маҷаллаи илмӣ тақризишавандаи «Ахбори ДДХБСТ. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ»

- инъикоси саривақтии натиҷаҳои фаъолияти тадқиқотии олимони Ҷумҳурии Тоҷикистон, ҳамчунин олимони мамолики хориҷаи наздику дур тибқи соҳаҳои зерини илм: улуми таърихшиносӣ ва филология.

- инкишофи ҳамкориҳои байналхалқӣ дар соҳаи таърихшиносӣ ва филология;

- ба муҳаққиқон фароҳам сохтани имкони нашри натиҷаҳои ҷустуҷӯҳои илмӣ;

- инъикоси масоили мубрам ва самтҳои ояндадори улуми таърихшиносӣ ва филология;

- ҷустуҷӯи донишҳои нав барои рушди иҷтимоию иқтисодии Ҷумҳурии Тоҷикистон умуман ва минтақаҳои он;

- тарғиби дастовардҳои фаъолияти илмӣ тадқиқотии олимони Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон, ҳамчунин олимони донишгоҳҳои дигар ва муассисаҳои маорифу илми Ҷумҳурии Тоҷикистон.

Шартҳои нашри мақола дар маҷаллаи «Ахбори ДДХБСТ. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ»

- ҳайъати таҳрири маҷалла мақолаҳои илмӣ, тақризҳо, обзорҳои илмӣ қаблан дар нашрияҳои ҷопию электронӣ нашрнашударо барои баррасию нашр қабул мекунад, ки ғояҳои илмӣ, натиҷаҳои дастовардҳои тадқиқоти бунёдии назарӣ амалиро оид ба соҳаҳои дониш дар улуми таърихшиносӣ ва филология дарбар гиранд;

- қарор дар бораи нашр ё радди нашр дар асоси муҳимият, навоарӣ ва аҳамияти илмӣ маводи пешниҳодгардида қабул карда мешавад;

- муаллифон (ҳаммуаллифон) масъулияти саҳеҳии иттилооти илмӣ пешниҳодгардида ва ҳамаи додаҳоеро, ки мақола, обзорҳо ва тақризҳо дар бар мегиранд, ба зиммадоранд;

- ҳамаи маводди ба идораи маҷалла омада ҳатман дар сомонаи antiplagiat.ru мавриди тафтиш қарор мегирад, сипас ҳайъати таҳрир муаллифон (ҳаммуаллифон)-ро дар бораи натиҷаи арзёбии дастнавис ва ба тақризи минбаъда қабул шудани мавод ё радди пешниҳоди он ба тақриз огоҳ мекунад;

- мақола, обзор ва тақризҳои ба идора омада дар сурати ҷавоби мусбат баъди тафтиш дар сомонаи antiplagiat.ru ба мақсади арзёбии онҳо аз ҷониби мутахассисони пешбари соҳаҳои дахлдори илм ба тақризи дохилӣ ирсол мегарданд;

- мақолаҳои ба тақризи дохилӣ пешкашшуда бояд пурра тибқи талаботе, ки дар сомонаи маҷалла: www.vestnik.tj зикр гардидаанд, таҳия карда шаванд;

- агар дар тақриз оид ба ислоҳу такмили мақола тавсияҳо пешниҳод шуда бошанд, ба муаллиф эроду мулоҳизаҳои муқарриз (бе сабти ному насаби ӯ) барои такмилу ислоҳи мавод ирсол мешавад;

- муаллиф маводи такмилдодаро ба идораи маҷалла мефиристад ва идора онро яқоя бо ҷавоби муаллиф тибқи ҳар моддаи эродҳо ба тақризи тақрорӣ мефиристад.

- ҳайъати таҳрир ба таҳрири мақола бидуни тағйир додани муҳтавои илмӣ он ҳақдоранд. Хатоҳои имлоию услубиро мусаҳҳеҳ бидуни мувофиқа бо муаллиф (ҳаммуаллифон) ислоҳ мекунад. Дар мавридҳои зарурӣ ислоҳҳо бо муаллиф (ҳаммуаллифон) мувофиқа карда мешаванд;

- варианти барои такмил ба муаллиф (хаммуаллифон) фиристода бояд дар муҳлати муқарраргардида, баъди ворид сохтани ислоҳу тағйирот дар намудҳои электронӣ ва чопӣ ба идора баргардонда шавад;

- мақолаҳое, ки ба чоп қабул нашудаанд, ба муаллиф (хаммуаллифон) баргардонда намешаванд. Дар мавриди радди чопи мавод идораи маҷалла ба муаллиф (хаммуаллифон) раддияи мудаллал ирсол мекунад;

- тибқи дархости шуроҳои коршиносии ҚОА назди Президенти ҚТ ва ҚОА Вазорати илм ва таҳсилоти олии ФР идораи маҷалла ба онҳо тақризхоро пешниҳод мекунад.

Талабот ба таҳияи мақолаҳо (обзорҳо, тақризҳо), ки ба маҷаллаи илмию назариявӣ «Ахбори Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон.

Силсилаи илмҳои гуманитарӣ» барои чоп ирсол мегарданд

1. Барои ҷойгир кардан дар маҷалла мақола, тақриз ва обзорҳои илмӣ тибқи ихтисосҳои илмӣ зерин, ки қаблан дар ҳеч ҷой чоп нашудаанд, қабул мегарданд: рамзи ихтисосҳои мувофиқи таснифгари ҚОА-и назди Президенти ҚТ ва дар қавс рамзи ихтисосҳои тибқи таснифгари ҚОА-и ВМИ ФР оварда мешаванд:

6.1. – Илмҳои таърих ва археология (5.6);

6.2.– Илмҳои филологӣ (5.9).

2. Муаллифон ба идораи маҷалла ҳатман бояд ҳуҷҷатҳои зеринро пешниҳод кунанд:

- матни мақола ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва ё англисӣ, ки дар гунаи ҷопии он муаллиф (хаммуаллифон) имзо гузоштаанд;

- тақризи доктор ё номзади илм, ки ба он шӯъбаи кадрҳои ҷои қори муқаррариз муҳр гузоштааст;

- маълумотномаи расман тасдиқшуда дар бораи тафтиши аслияти мавод дар сомонаи antiplagiat.ru. аслияти мақола камаш 75% бошад.

Гунаи ҷопии ҳуҷҷатҳо ба идора ба суроғаи зерин ирсол мешавад: 735700, Ҷумҳурии Тоҷикистон, вилояти Суғд, ш. Хучанд, микроноҳияи 17, бинои 1, ДДҲБСТ, бинои асосӣ, утӯқи 309.

Гунаи электронии мақола ба почтаи электронии vestnik-tsulbp@mail.ru ирсол мешавад. Суроғаи сомона www.vestnik.tj

Агар мақола ба қалами якҷанд муаллиф, вале на бештар аз се муаллиф мансуб бошад, баъди аннотатсия ва калидвожаҳои охири зикри саҳми мушаххаси ҳамаи муаллифон ҳатмист.

Тибқи талаботи ҚОА назди Президенти ҚТ ва ҚОА Вазорати илм ва таҳсилоти олии ФР мақола бояд унсурҳои зеринро дарбар гирад:

- индекси УДК (дар аввали мақола дар шакли сатри алоҳида, дар тарафи чап гузошта мешавад);

- ному насаби пурраи муаллиф (хаммуаллифон) ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ;

- унвони илмӣ, дараҷаи илмӣ муаллиф (хаммуаллифон), ном ва рамзи ихтисоси илмӣ (тибқи номгӯй), ки тадқиқот тибқи он сурат мегирад, ба забонҳои тоҷикӣ ва русию англисӣ;

- аспирантон, унвонҷӯён, муаллифон, докторантҳо номи кафедра ва муассисаи илмиро ба забонҳои тоҷикӣ ва русию англисӣ зикр мекунанд;

- зикри мансаб, ҷои қор, шаҳру мамлакат ба забонҳои тоҷикӣ ва русию англисӣ;

- e-mail;

- номи мақола ба забонҳои тоҷикӣ ва русию англисӣ;

- чакида ба забонҳои тоҷикӣ ва русию англисӣ аз 100 то 150 вожа бо сабти мақсаду вазифаи таҳқиқ, баёни мухтасари қор ва хулосаҳои асосие, ки навоари илмии қорро дар бар мегирад;

- вожаҳои калидӣ ба забонҳои тоҷикӣ ва русию англисӣ оварда мешаванд (7-8 калима ё ибора, ки ду ё се вожаро дарбар мегирад);

- ба мақола ҳатман номгӯи маохизи мавриди истифода бо зикри танҳо сарчашмаҳои иқтибосгардида дар забонҳои асл ва англисӣ замиа мешавад. Рӯйхати адабиёт дар охири мақола бо зикри саҳифаи умумии сарчашмаи ҷопӣ оварда мешавад. Рӯйхати мазкур мувофиқи талаботи ГОСТ-и амалқунанда таҳия қарда мешавад.

Иқтибосҳо дар қавсайни мураббаъ бо қайди рақами адабиёт аз рӯи рӯйхати сарчашмаҳо оварда мешаванд, сипас саҳифаи иқтибос зикр мешавад.

Матни мақолаи пешниҳодшаванда нусхаи ниҳой маҳсуб шуда, бояд қурра аз назари таҳрир қузаронида шавад ва аз ғалат тоза бошад.

Мақолаҳое, ки ба идораи маҷалла бо нақзи талаботи мазкур ирсол меқарданд, мавриди баррасӣ қарор намегиранд.

Масъулияти боэътимодии аснод ва муҳтавои мақолот бар дӯши муаллифон ва муқарризон мебошад.

Идораи маҷалла

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

«Вестник ТГУПБП» - научно-теоретический журнал Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики, публикующий материалы серий общественных и гуманитарных наук, издаётся согласно закону Республики Таджикистан «О печати и средствах массовой информации». Журнал издается в электронной версии и размещается на официальном сайте, зарегистрированном по адресу (домену) www.vestnik.tj.

Целями научного рецензируемого журнала «Вестник ТГУПБП. Серия гуманитарных наук» являются:

- оперативное освещение результатов исследовательской деятельности учёных Республики Таджикистан, а также учёных стран ближнего и дальнего зарубежья по следующим отраслям науки: филологические науки, исторические науки и археология;
- развитие международного сотрудничества в сфере истории и филологии;
- предоставление возможности исследователям публиковать результаты научных изысканий;
- освещение актуальных проблем и перспективных направлений филологических и исторических наук;
- поиск новых знаний для духовного и социального развития населения Республики Таджикистан в целом и её регионов;
- пропаганда достижений научно-исследовательской деятельности учёных Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики, а также исследователей других вузов и учреждений образования и науки Республики Таджикистан, а также учёных стран ближнего и дальнего зарубежья.

Условия публикации статей в журнале «Вестник ТГУПБП. Серия гуманитарных наук»:

- редакционная коллегия журнала принимает для рассмотрения и публикации ранее не опубликованные в печатных и электронных изданиях научные статьи, рецензии, научные обзоры, отзывы, содержащие научные идеи, результаты и достижения фундаментальных теоретических и прикладных исследований по следующим отраслям знания: филологические науки, исторические науки и археология;
- решение о публикации или об отказе в публикации принимается на основе актуальности, новизны и научной значимости представленных материалов;
- авторы (соавторы) несут всю полноту ответственности за достоверность представляемой научной информации и всех данных, содержащихся в статьях, отзывах, обзорах и рецензиях;
- все представленные в редакцию журнала материалы в обязательном порядке проходят проверку на сайте antiplagiat.ru, после чего редколлегия извещает авторов (соавторов) о результатах оценки рукописи и сообщает о приёме материала к дальнейшему рецензированию или об отказе от рецензирования;
- поступившие в редакцию статьи, отзывы, обзоры и рецензии в случае положительного ответа после проверки на сайте antiplagiat.ru направляются на внутреннее рецензирование с целью их экспертной оценки ведущими специалистами в соответствующей отрасли науки;
- статьи, допущенные к внутреннему рецензированию, должны быть оформлены в полном соответствии с требованиями, предъявляемыми к публикациям, которые размещены на сайте журнала: www.vestnik.tj;
- если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению или доработке статьи, автору направляются замечания и предложения рецензента (без указания сведений о нём) для доработки и исправления материала;

- доработанный материал представляется автором в редакцию журнала и направляется на повторное рецензирование вместе с ответом автора по каждому пункту замечаний;

- редколлегия имеет право на редактирование статей без изменения их научного содержания. Орфографические и стилистические ошибки исправляются литературными релакторами без согласования с автором (авторами). При необходимости правка согласуется с автором (авторами);

- вариант статьи, направленный автору (авторам) на доработку, должен быть возвращён в редакцию в оговоренный срок с внесёнными исправлениями и изменениями в электронном и распечатанном виде;

- статьи, не принятые к опубликованию, автору (авторам) не возвращаются. В случае отказа от публикации материала редакция направляет автору (авторам) мотивированный отказ;

- редакция предоставляет рецензии по запросу экспертным советам ВАК при Президенте РТ и ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

Требования к оформлению статей (обзоров, отзывов, рецензий), присылаемых для публикации в научно-теоретический журнал «Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук»

1. Для размещения в журнале принимаются ранее нигде не опубликованные научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям, утверждённым ВАК при Президенте РТ и ВАК МОН России. Шифр каждой конкретной специальности, которому соответствует публикуемый материал, приводится согласно классификатору ВАК при Президенте РТ, а в скобках дополнительно указывается шифр специальности согласно классификатору ВАК МОН РФ:

6.1 – Исторические науки и археология (5.6);

6.2 – Филологические науки (5.9).

2. Авторы в обязательном порядке предоставляют в редакцию следующие документы:

- текст статьи на таджикском, русском или английском языках объемом 15-20 страниц с обязательной подписью автора (авторов) на печатном варианте статьи;

- рецензию доктора наук, заверенную в отделе кадров по месту его работы;

- официально заверенную справку о проверке материала на оригинальность на сайте antiplagiat.ru. Оригинальность статьи должна составлять не менее 75%.

Печатные варианты документов направляются в редакцию по адресу: 735700, Республика Таджикистан, Согдийская обл., г. Худжанд, 17 мкр-н, д.1, ТГУШБП, главный корпус, каб. 309.

Электронные версии – по адресу электронной почты: vestnik-tsulbp@mail.ru.

Адрес сайта: www.vestnik.tj

В случае, если статья имеет двух или трёх соавторов (статьи с большим количеством соавторов не принимаются), является обязательным размещение в статье кратких сведений, касающихся вклада каждого соавтора в работу, которые указываются после последнего варианта аннотации и ключевых слов.

В соответствии с требованиями ВАК при Президенте РТ и ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, статья должна содержать:

- индекс УДК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);

- фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью на таджикском, русском и английском языках;

- учёную степень, учёное звание автора (соавторов), наименование и шифр научной специальности (согласно номенклатуре), по которой ведётся исследование, на таджикском, русском и английском языках;

- аспиранты, соискатели, преподаватели, докторанты указывают кафедру и учебное заведение на таджикском, русском и английском языках;

- указание на должность, место работы, город, страну на таджикском, русском и английском языках;

- e-mail;

- название статьи на таджикском, русском и английском языках;

- аннотацию на таджикском, русском и английском языках объёмом от 100 до 150 слов с указанием цели и задач исследования, описанием краткого хода работы и изложением основных выводов, содержащих научную новизну;

- ключевые слова на русском, таджикском и английском языках (7-8 слов или словосочетаний из двух или трёх слов);

- статья в обязательном порядке должна содержать список использованной литературы с указанием только цитируемых работ. Список литературы приводится в конце статьи с указанием общего объема страниц печатного источника. Список использованной литературы оформляется в соответствии с действующим ГОСТом;

- ссылки даются в квадратных скобках, в которых указывается номер использованного источника согласно списку использованной литературы, а затем цитируемая страница.

Текст присылаемой рукописи является окончательным и должен быть тщательно выверен и исправлен. Статьи, направляемые в редакцию с нарушением перечисленных требований, к рассмотрению не принимаются.

За содержание публикуемых материалов несут полную ответственность авторы и рецензенты.

Редакция журнала

TO THE NOTICE OF THE AUTHORS

“**Bulletin of TSULBP**” is a scientifico-theoretical journal of the Tajik State University of Law, Business and Politics which publishes the materials referring to the series of the humanities is it edited in pursuance with the law of Tajikistan Republic “On Press and Mass-Media”. The journal is published in electronic version and posted on the official website registered at the address (domain) www.vestnik.tj.

The Objective of the Scientific Reviewed Journal « Bulletin of TSULBP, Series of Humanitarians Sciences» are:

- operative elucidation of the results related to the research activities of the scholars living both in Tajikistan Republic and in the countries of far and near abroad on the following branches of sciences: philological sciences, historical sciences and archeology;
- providing opportunities for researchers to publish the results of their scientific research;
- covering current issues and promising areas of philological and historical sciences;
- seeking new knowledge for the spiritual and social development of the population of the Republic of Tajikistan as a whole and its regions;
- promoting the achievements of scientific research activities of scientists from the Tajik State University of Law, Business and Politics, as well as researchers from other universities and educational and scientific institutions of the Republic of Tajikistan, as well as scientists from neighboring and far-abroad countries.

Terms of publication of articles in the journal

“Bulletin of TSULBP, Series of Humanitarians Sciences”:

- the editorial board of the journal accepts for consideration and publication previously unpublished in print and electronic publications scientific articles, reviews, scientific surveys, and reviews containing scientific ideas, results, and achievements of fundamental theoretical and applied research in the following fields of knowledge: philological sciences, historical sciences, and archeology;
- the decision to publish or refuse publication is made based on the relevance, novelty, and scientific significance of the submitted materials;
- the authors (co-authors) bear full responsibility for the accuracy of the scientific information provided and all data contained in articles, reviews, overviews, and critiques;
- all materials submitted to the journal's editorial board are subject to mandatory verification on the website antiplagiat.ru, after which the editorial board notifies the authors (co-authors) of the results of the manuscript evaluation and informs them of the acceptance of the material for further review or of its refusal to review;
- articles, reviews, overviews, and critiques submitted to the editorial board, if approved after verification on the antiplagiat.ru website, are sent for internal review for the purpose of expert evaluation by leading specialists in the relevant field of science;
- articles accepted for internal review must be formatted in full compliance with the requirements for publications posted on the journal's website: www.vestnik.tj;
- if the review contains recommendations for correcting or revising the article, the author is sent the reviewer's comments and suggestions (without indicating information about him) for revising and correcting the material;
- the revised material is submitted by the author to the journal's editorial board and sent for re-review along with the author's response to each point of criticism;
- the editorial board has the right to edit articles without changing their scientific content. Spelling and stylistic errors are corrected by copyeditors without the consent of the author(s). If necessary, revisions are agreed upon with the author(s).

- a version of an article submitted to the author(s) for revision must be returned to the editorial board within the specified timeframe, with corrections and amendments made, in both electronic and printed form.

- articles rejected for publication will not be returned to the author(s). In the event of a refusal to publish the material, the editorial board will send the author(s) a reasoned refusal;

- the editorial board provides reviews upon request to the expert councils of the Higher Attestation Commission under the President of the Republic of Tatarstan and the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Requirement for Framing Articles (Surveys, Commentaries, Reviews) Sent for Publication into the Scientific-Theoretical Journal (Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics, series of Humanitarian Sciences)

1. The journal accepts previously unpublished scientific articles, reviews, and reviews corresponding to the scientific specialties approved by the Higher Attestation Commission under the President of the Republic of Tatarstan and the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. The code for each specific specialty to which the published material corresponds is provided according to the classifier of the Higher Attestation Commission under the President of the Republic of Tatarstan, with the specialty code according to the classifier of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation also indicated in parentheses:

6.1. – historical sciences and archeology (5.6);

6.2. – Philological sciences (5.9.)

2. Authors are required to submit the following documents to the editorial board:

- the text of the article in Tajik, Russian or English, 15-20 pages in length, with the mandatory signature of the author(s) on the printed version of the article;

- a review by a doctor of science, certified by the HR department at his place of work

- an officially certified certificate confirming the originality of the article has been verified on the website antiplagiat.ru. The article must be at least 75% original.

Printed versions of documents should be sent to the editorial office at the following address: 735700, Republic of Tajikistan, Sughd region, Khujand city, 17th microdistrict, building 1, TSUPBP, main building, office 309.

Electronic versions can be obtained by email at vestnik-tsulbp@mail.ru.

Website address: www.vestnik.tj

If an article has two or three co-authors (articles with more co-authors are not accepted), it is mandatory to include in the article brief information regarding the contribution of each co-author to the work, which is indicated after the last version of the abstract and keywords.

In accordance with the requirements of the Higher Attestation Commission under the President of the Republic of Tajikistan and the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the article must contain:

- UDC index (to be located at the beginning of the article by a separate line from the left);

- the full surname, first name, and patronymic of the author(s) in Tajik, Russian, and English;

- the academic degree, academic title of the author (co-authors), name and code of the scientific specialty (according to the nomenclature) in which the research is being conducted, in Tajik, Russian and English;

- postgraduate students, applicants, faculty, and doctoral candidates must indicate their department and educational institution in Tajik, Russian, and English;

- indicate their job title, place of work, city, and country in Tajik, Russian, and English;

- e-mail.;

- title of the article in Tajik, Russian and English;
- an abstract in Tajik, Russian and English of 100 to 150 words indicating the purpose and objectives of the study, a brief description of the work and a statement of the main conclusions containing scientific novelty;
- keywords in Russian, Tajik and English (7-8 words or phrases of two or three words);
- the article must include a bibliography listing only the works cited. The bibliography is provided at the end of the article, along with the total page count of the printed source. The bibliography is formatted in accordance with the current GOST standard;
- references are provided in square brackets, indicating the source number in the bibliography, followed by the cited page.

The submitted manuscript is final and must be carefully proofread and edited. Articles submitted to the editors in violation of these requirements will not be considered.

The authors and reviewers bear full responsibility for the content of their published materials.

Editorial-board of the journal

ЗИ-02.1.099ТҶ

ИНДЕКС: 77746

Ахбори ДДХБСТ.
Силсилаи илмҳои гуманитарӣ
2026, №2 (107) 208 с.

Мухаррирон:
Шамурадова О.Б.
(муҳаррири русӣ),
Шарипова Ш.
(муҳаррири англисӣ)
Мухаррири техникӣ:
Дадобоева М.М.

Вестник ТГУПБП.
Серия гуманитарных наук
2026, №2 (107) 208 с.

Редакторы:
Шамурадова О.Б.
(редактор материалов на
русском языке),
Шарипова Ш.
(редактор-переводчик)
Технический редактор:
Дадобоева М.М.

Bulletin of TSULBP.
Series of Humanitarian Sciences
2026, №2 (107) 208 pp.

Editors:
Shamuradova O.B.
(Russian texts),
Sharipova Sh.
(English texts)
Technical editor:
Dadoboeva M.M.

Суроғаи маҷалла: 735700, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Хучанд, микроноҳияи 17, бинои 1, ДДХБСТ.
Тел. сармуҳаррир: 8(3422)2-38-11, тел. идора: 8(3422) 2-05-63;
e-mail: vestnik-tsulbp@mail.ru

Гунаи электронии маҷалла дар сомонии www.vestnik.tj; www.tsulbp.tj ҷойгир аст.

Адрес редакции: 735700, Республика Таджикистан, г. Худжанд, 17 мкр, дом 1, ТГУПБП.
Тел. гл.редактора: 8(3422)2-38-11, тел. редакции: 8(3422) 2-05-63;
e-mail: vestnik-tsulbp@mail.ru

Электронная версия журнала размещена на сайте www.vestnik.tj; www.tsulbp.tj

Address of the editorial-board: 735700, Tajikistan Republic, Khujand, microdistrict 17, building 1, TSULBP. Editor-in-chief's telephone: 8(3422) 2-38-11, editorial board's telephone: 8 (3422) 2-05-63
e-mail: vestnik-tsulbp@mail.ru

Full textual version of the journal is placed on site www.vestnik.tj; www.tsulbp.tj

Ба ҷопаш 17.06.2026 имзо шуд.

Наشريёти «Дабир»-и ДДХБСТ, 735700, ш. Хучанд, микроноҳияи 17, бинои 1

Подписано в печать 17.06.2026.

Издательство «Дабир» ТГУПБП, 735700, г. Худжанд, 17 мкр, дом 1

Signed for printing 17.06.2026.

The publishing house "Dabir" under TSULBP, 735700, Khujand, mico-district 17, building 1